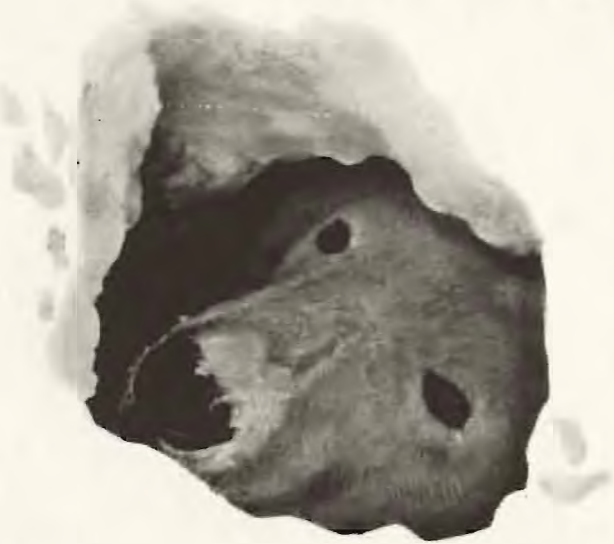
ПОВАДКИ ДИКИХ ЗВЕРЕЙ

С.А.КОРЫТИН





АКТИВНЫЕ СПОСОБЫ

УЛОВКИ ЗВЕРЕЙ, СПАСАЮЩИХСЯ

ОБОРОНА И АГРЕССИЯ

УГРОЗА

ОТПОР

НАПАДЕНИЕ НА СОБАКУ

СПОСОБЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕГСТВА

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАЗЛИЧИЙ МАССЫ, ДЛИНЫ НОГ

МАСКИРОВК СВОЕГО СЛЕ

УХОД В ВОДУ, ГДЕ НОГИ СОБАКИ НЕ ДОСТАЮТ ДНА

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОЙ СРЕДЫ

ПРОБЕЖКА ПО МЕЛКОВОДЬЮ

УХОД НА ТОНКИЙ ЛЕД

ПРОБЕЖКА ПО БЕССНЕЖНЫ УЧАСТКАМ

УПЛЫВАНИЕ (ПО ВОДЕ)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТРОПОГЕННЫХ УСЛОВИЙ

УХОД ТОЛЩЕЙ ИЛИ ПУСТОТАМИ СНЕГА

ПРОБЕГАНИЕ ЧЕР СТАДО ДОМАШНЕГО СКО ЗАПРЫГИВАНИЕ В ТРАНСПОРТНЫ СРЕДСТВА И Т.Д

ЗАБЕГАНИЕ В СТРОЕНИЯ И СЕЛЕНИЯ

ВЫХОД НА АВТОДОРОГИ И Ж.Д. ПОЛОТНО

УХОД ВЕРХОМ ДЕРЕВЬЕВ



ОТ СОБАКИ

ПАССИВНЫЕ СПОСОБЫ

ЗАТАИВАНИЕ, КАТАЛЕПСИЯ

ПРИ НАСТИЖЕНИИ СОБАКОЙ

УХОД В УБЕЖИЩЕ

В НОРЫ, РОССЫПИ

ПРИ ОТСТАВАНИИ СОБАКИ

ИЗМЕНЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ

НА ДЕРЕВО, НА ОТСТОЙ

В ЧАЩОБЫ

БЕГ С МАКСИМАЛЬНОЙ СКОРОСТЬЮ

ЗАПУТЫВАНИЕ СЛЕДА

РЕЗКИЙ ПОВОРОТ

РАССРЕДОТОЧЕНИЕ

СМЕТКИ, СКИДКИ

БЕГ ЗИГЗАГАМИ

СКАТЫВАНИЕ С КОСОГОРА

ПРЫЖОК ВВЕРХ

УХОД ПО ЗАЯЧЬИМ, ИНЫМ ТРОПАМ

УБЕГАНИЕ ВРАССЫПНУЮ

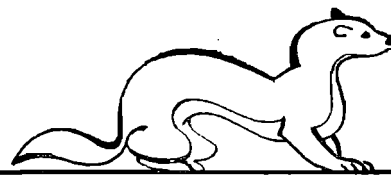
ДЕЗИНФОРМАЦИЯ ВЫБРЫЗГИВАНИЕМ СЕКРЕТА ПРИАНАЛЬНЫХ ЖЕЛЕЗ

БЕГ НАЗАД СВОИМ СЛЕДОМ С ПОСЛЕДУЮЩЕЙ СКИДКОЙ

ОТДЕЛЕНИЕ ОСОБИ ОТ ГРУППЫ СОРОДИЧЕЙ

МОСКВА АГРОПРОМИЗДАТ 1986

С.А.КОРЫТИН



ПОВАДКИ ДИКИХ ЗВЕРЕЙ

ББК 28.685
К 70
УДК 639.1

Рецензент: чл.-корр. ВАСХНИЛ, д-р биол. наук *Е. Е. Сыроечковский* (ИЭМЭЖ АН СССР)

Корытин С. А.

К 70 Повадки диких зверей.— М.: Агропромиздат, 1986.— 319 с., [16] л. ил.: ил.

Рассмотрены внутри- и межвидовые отношения зверей, поведение животных в различных ситуациях, в том числе связанных с деятельностью человека. Знакомство с книгой поможет многое понять в жизни животных, разобраться в сложных вопросах управления их поведением.

Для специалистов охраны природы, охотоведов, зоологов.

К $\frac{4001020000-334}{035\ (01)-86}$ 441—86 ББК 28.685

© ВО «Агропромиздат», 1986

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интерес к книгам о дикой живой природе постоянно и быстро растет. Я бы сказал, что он прямо пропорционален процессу исчезновения нетронутой природы. Характерно, что люди, живущие в больших городах, испытывают особенно острую тоску по природе, иногда похожую на болезнь. Ученые стали называть это явление натуральгией, сравнивая его с известной ностальгией — тоской по родным местам.

В какой-то мере эту жажду по контактам с природой, желанию сблизиться с ней восполняют книги...

К сожалению, в массовой отечественной литературе последних лет не так уж много хороших книг о дикой природе, диких животных. Здесь нам чаще приходится пользоваться переводами Даррелла, Гржимека и других хорошо известных советскому читателю талантливых зарубежных писателей-натуралистов, ученых экологов и этологов.

В научной биологической отечественной литературе сейчас также немного книг, написанных учеными-натуралистами. К сожалению, в большом потоке публикаций, например по зоологии, становится все больше математизированных сочинений, где самоцелью бывает сама формализация. Делается это и там, где можно обойтись без этого. Выводы и обобщения после сложных математических расчетов, длинных рядов формул и использования дорогостоящих вычислительных машин зачастую не приносят ничего нового по сравнению с тем, что уже было сделано или можно сделать с помощью достаточно надежных и простых методов экологов-натуралистов. Более того, эколог-натуралист в природе зачастую подмечает то, что легко проходит мимо при сухой формализации массы фактических материалов, нередко собранных одними, а обработанных другими исследователями. Здесь не нужно далеко ходить за примерами. Достаточно вспомнить ювелирную аналитическую работу нашего современника — крупнейшего эколога-натуралиста профессора А. Н. Формозова. Мне могут возразить, сказав, что это был особый дар таланта, который нельзя повторить. Конечно, повторить А. Н. Формозова нельзя (как и никого другого), но большая плеяда его учеников и последователей составила школу экологов, биогеографов и охотоведов, пожалуй, крупнейшую в мире.

Этот экскурс в ход течения науки я сделал для того, чтобы создать фон для оценки лежащей перед нами книги С. А. Корытина о повадках диких зверей.

Доктор биологических наук С. А. Корытин много лет работает в нашем крупнейшем охотоведческом научно-исследовательском институте. Со студенческих лет он посвятил себя изучению поведения охотничьих жи-

вотных. Свою работу тесно связывал с практикой, так как наладить охотничий промысел, разработать систему рационального использования и охраны животных невозможно без глубокого знания образа жизни зверей и птиц. Им были разработаны продуктивные и оригинальные приемы охотничьего промысла. Одновременно шла разработка теоретических вопросов поведения животных. С. А. Корытина можно считать основоположником прикладных этологических исследований в нашей стране. Характерно, что он шел своим путем, не копируя зарубежных ученых-этологов. Дело в том, что зарубежные этологи развивали школу, имеющую преимущественно этолого-физиологическое направление. С. А. Корытин же прежде всего выступал как эколог-натуралист и эколог-экспериментатор в природе, развивая отечественное направление, заложенное А. Н. Формозовым и П. А. Мантейфелем. Интересно отметить, что такой аспект исследований был в свое время выдвинут еще Э. Сетоном-Томпсоном, знаменитым американским натуралистом-писателем и ученым. К сожалению, мировая общественность значительно меньше осведомлена о Э. Сетоне-Томпсоне как об ученом, хотя его научные труды (например, многотомная «Жизнь диких зверей») считаются выдающимися.

За много лет С. А. Корытин накопил огромный фактический материал о повадках и поведении диких животных, преимущественно охотничьих. Материалы тщательно обработаны, проанализированы и изложены в предлагаемой книге, которая, безусловно, привлечет внимание широкого контингента читателей — всех, кто интересуется дикой живой природой, дикими животными, вопросами их охраны и рационального использования. Конечно, книга имеет значение и как капитальный научный труд, основанный на многочисленных фактах. Много полезного извлекут из нее для себя практические работники охотничьего хозяйства и службы фауны.

Хотелось бы предупредить читателя об одном. В книге имеется много материалов, где описано поведение диких животных, столкнувшихся с человеком и его деятельностью. Здесь есть картины довольно суровые, рисующие, например, поведение животного, попавшего в ловушку. Можно было бы опустить такие факты, не помещать их в книге. Однако я думаю, что это было бы позицией ложного гуманизма, а читатель лишился бы возможности получить объективное представление о реальной действительности.

Член-корреспондент ВАСХНИЛ,
доктор биологических наук, профессор

Е. Е. Сыроечковский

ВВЕДЕНИЕ

Изучение поведения диких животных в связи с воздействием на них антропогенного фактора становится необходимым перед лицом неотвратимого, все возрастающего наступления цивилизации на природу. Предполагается, что в мезозое примерно каждую тысячу лет вымирал один вид. С 1600 до 1950 г. темп возрос: до 1 вида каждые 10 лет. Более 100 видов зверей и птиц уничтожено за последние 400 лет, из них 76 после первой мировой войны. Сейчас находятся под угрозой исчезновения 687 видов животных.

Повышается необходимость мероприятий, направленных на спасение дикой фауны, создание необходимых условий для ее существования. Организуются заповедники, национальные парки, заказники; человек переселяет диких животных, подкармливает их в трудные периоды жизни, содержит представителей вымирающих видов в загонах, зоопарках, регулирует количество зверей и птиц в соответствии с кормовой базой и т. д.

Успешность проведения различных биотехнических мероприятий в большой степени зависит от нашего умения обращаться с животными, от знания их поведения, в первую очередь особенностей их повадок в конкретных ситуациях, от нашей способности предвидеть реакции зверей разных видов на те или иные конкретные раздражители, в том числе антропогенного происхождения.

Чтобы организовать эффективную подкормку, мало иметь требуемые корма, нужно знать видовую специфику повадок животных на привадах. Чтобы переселять животных или вести селекцию, необходимо их отлавливать живыми, а для этого надо знать, как они реагируют на ту или иную ловушку, как ведут себя в ней, каково их поведение во время транспортировки, при выпуске на волю и т. д. Чтобы действовать, надо знать, поэтому в книге рассмотрены факты, касающиеся поведения не только промысловых, но и ныне охраняемых зверей.

Поведение животных, связанное с человеком и его деятельностью, мы называем «антропогенным поведением». К сожалению, антропогенное поведение животных в научном плане изучено еще недостаточно, в большинстве случаев целенаправленно исследуются лишь отдельные элементы поведения зверя какого-либо одного вида. Гораздо больше отдельных наблюдений, результаты которых приводятся в разных статьях и книгах о диких животных. Почти не было попыток собрать и обобщить материалы об антропогенном поведении зверей, в частности о повадках промысловых млекопитающих, в связи с их добыванием, проведением биотехнических мероприятий. Поскольку охота является важной отраслью народного хозяйства, необходимость в такой книге не вызывает

сомнения. Мне известна лишь одна небольшая популярная книга Н. А. Зворыкина «Повадки животных» (М.— Л., КОИЗ, 1934, 103 с.), в значительной степени посвященная данной проблеме. Эта интересная работа давно стала библиографической редкостью. В то же время есть немало ценных книг, в которых авторы касаются отдельных аспектов поведения млекопитающих, связанных с антропогенным фактором, или вопросов, позволяющих понять его закономерности. Имею в виду работы П. А. Мантейфеля, А. Н. Формозова, Л. В. Крушинского, Э. Сетона, К. Лоренца, Н. Тинбергена, Б. Гржимека и ряда других авторов.

К сожалению, объем данной книги не позволяет привести целиком список использованной литературы. Ссылки даны всегда, если собранный материал — результат конкретного исследования или уникальное наблюдение. В случае, если та или иная черта в поведении зверя описана многократно разными авторами, работы их в списке литературы не указываются. Широко используются собственные материалы, собиравшиеся в течение 30 лет.

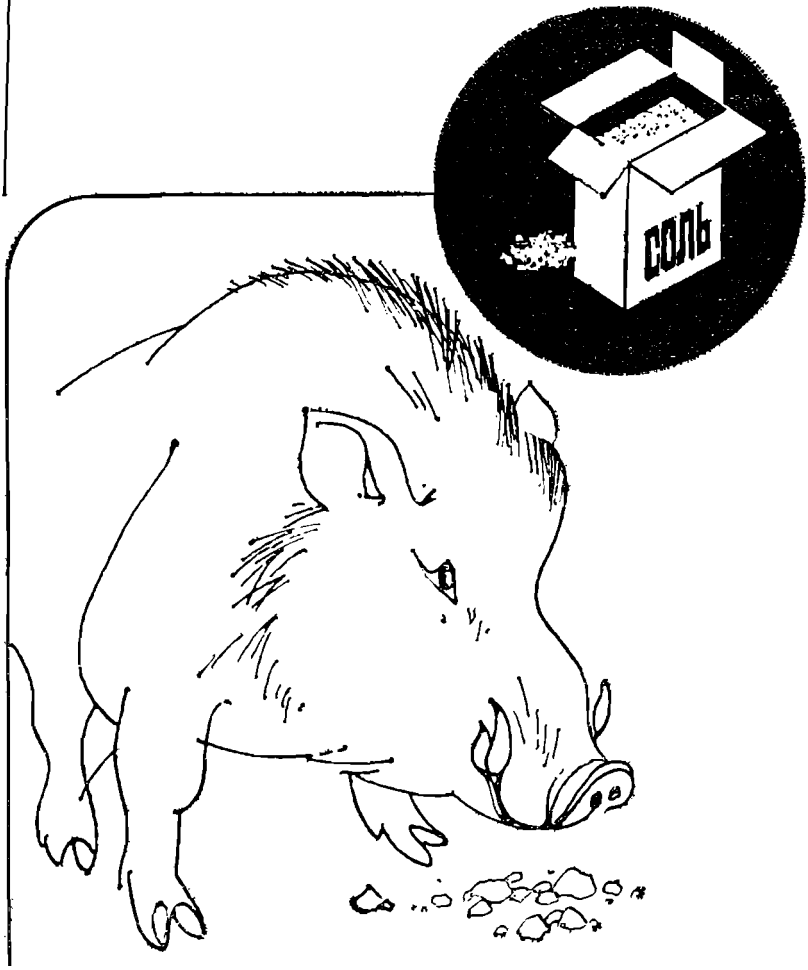
Сведения об антропогенном поведении животных важны не только для практической деятельности людей, непосредственно связанных с хозяйствованием в дикой природе, но и для познания поведения животных в научном, теоретическом плане. Исследования показывают, что антропогенное поведение животных является сложным сплавом «смещенных» поведенческих актов врожденного, инстинктивного характера, реакций, приобретенных в процессе онтогенеза, и действий рассудочного плана. За счет последних двух элементов антропогенное поведение зверей приобретает чрезвычайную пластичность. Именно при изучении приобретенных и рассудочных форм поведения представляется возможность познания его роли на пути движения животных по эволюционной лестнице.

Существует большое количество различных способов охоты на диких зверей, отлова их живыми. Однако при изучении повадок все это многообразие приемов и методов может быть обобщено, сведено всего лишь к нескольким вариантам поведенческих ситуаций, что и сделано в книге. Систематика животных взята в основном по В. Е. Соколову. Латинское название зверя приводится, как правило, при первом его упоминании. В «Словаре синонимов» (Л., Наука, 1975) слово *повадка* толкуется как навык к какому-либо способу действия. Мы использовали этот термин в более широком смысле, имея в виду не только приобретенные, но и врожденные элементы поведения, в качестве синонима таких понятий, как «поведенческий акт», «форма поведения», а во множественном числе как синоним «поведения».

В сборе материалов для книги и их систематизации неоценимую помощь оказали Н. Н. Соломин и М. Д. Азбукина, а также Е. В. Бородина, Н. М. Ефимовых, В. П. Пономарев, А. И. Буторина. Часть фотоиллюстраций любезно предоставлена О. К. Гусевым из коллекций журнала «Охота и охотничье хозяйство».

1

ПОВЕДЕНИЕ ЗВЕРЕЙ У ПРИВАДЫ



Согласно словарю В. Даля, «привада» — это «приманка, прикормка для ловли или боя дичи». Мы используем это слово в более широком смысле, имея в виду также подкормку с целью концентрации животных, предотвращения голодной смерти, истощения, удержания от миграций, для отвлечения копытных зверей от лесопосадок, для изучения и фотографирования животных и т. д. Нет существенной разницы в поведении зверей на привадах, выложенных человеком с определенным умыслом, или у стихийно используемых животными скоплений пищи, например у выбросившегося на сушу кита, на нерестилище, а также у собственной крупной добычи — умерщвленной жертвы. Поэтому мы относим к разряду привад концентрации корма, посещаемые животными: копны сена, овощехранилища, продуктовые склады, огороды, сады, а также кормовые поля, посевы сельскохозяйственных культур на ограниченных площадях, туши погибших животных и добытых самим зверем или другим хищником.

Под привадой мы понимаем всякое скопление на ограниченной территории кормов в количестве, достаточном для неоднократного посещения одним или несколькими животными; к привадам также относим искусственные и естественные солонцы.

МЕДВЕДИ. Запах привады, крики птиц, кормящихся на ней, острое обоняние дают возможность бурому медведю (Ursus arctos) в летнее время обнаружить поживу с большого расстояния — с нескольких километров. Поэтому редки случаи, когда к правильно выложенной хорошей приваде бурый медведь не подошел бы в продолжение недели или, в крайнем случае, 10—12 дней.

Подходя к приваде или овсам, медведь [1] охотно пользуется знакомыми дорогами и тропами. Осторожность присуща этим зверям в разной степени. Некоторые особи поразительно доверчивы. Еще солнце не закатилось, не стих шум в соседней деревне, а медведь уже идет на приваду, идет, не останавливаясь, не прислушиваясь. Но таких мало. Большинство медведей ведут себя иначе. Сначала идут к приваде смело, но метров за сто начинают прислушиваться, нюхать. Часто медведь становится на дыбы, чтобы осмотреться, поводит носом, даже фыркает. Иногда опять уходит в лес, заходит с другой стороны, из-под ветра. Нередко такой зверь, обойдя поляну кругом и наткнувшись на след охотника, не идет на овсы. Лишь убедившись в полной безопасности, он выходит кормиться. Осторожный медведь появляется на овсах каждую ночь в различных местах. Приход его нерегулярен: то он пришел, то его нет несколько ночей, то совсем бросил ходить. Чем осторожнее зверь, тем позже он приходит на приваду. В глухом месте медведь приходит на овсы раньше, а близ деревни — позже. Особенно осторожны медведицы с медвежатами:

[1] Речь идет о буром медведе. Когда приводятся факты, касающиеся повадок медведей других видов, делаются соответствующие упоминания: белый медведь, гималайский медведь и т. д.

они приходят лишь с наступлением поздних сумерек и уходят до рассвета.

Даже появившаяся луна заставляет осторожного зверя уйти из освещенной полосы. Бывают случаи, когда медведь, придя с вечера к приваде, не подходит к ней вплотную, а пасется невдалеке и подходит лишь через несколько часов, ночью.

Неосторожный зверь идет довольно «шоркатно», и опытный человек улавливает звуки его шагов на расстоянии 150 м. Если же медведь насторожился, он идет бесшумно и может подойти необнаруженным под самое дерево с лабазом, на котором сидит охотник. Способность медведя бесшумно подкрадываться характеризует следующий факт. В якутском пос. Витим медведь ночью утащил собаку из крайнего двора, а на следующую ночь — вторую. Делал он это так тихо, что ни одна из собак не залаяла. Тогда хозяин дома посадил на цепь третью собаку и стал караулить вместе с соседом. Глубокой ночью медведь прокрался и задавил и этого пса. Только тогда его обнаружили. С приходом медведицы с медвежатами последние, как менее осторожные, выходят на овес первыми.

Относ и маркировка привады. Медведь обычно перетаскивает добытое или найденное животное на другое место, иногда на десятки и даже сотни метров в сторону.

По следам пришлось однажды наблюдать, как медведь перетащил задранного лося в окрестностях с. Илгань в Кировской обл. за 200 м к болоту; на третий день после посещения привады человеком зверь перенес свою добычу еще раз. Зафиксирован случай, когда медведь волоком перетащил лошадь массой около 300 кг с поля в болото на расстояние 300 м. В Башкирии наблюдали, когда медведь, задрав трех коров и быка, стащил их всех вместе, а потом закидал хворостом.

Медведь способен в зубах унести взрослого кабана, держа его так, что тот не касается конечностями снега. Имеются сведения, что некоторые медведи относят задранную корову, держа ее передними лапами и передвигаясь на задних конечностях. Таким же способом медведь утаскивал с пасеки ульи. Наблюдали, как белый медведь (Ursus maritimus) тащил добытую нерпу, забросив ее на шею. В ряде случаев медведь, не наевшись, уносит оторванный от привады кусок туши, чтобы съесть его, отдалившись от места, близ которого им обнаружены следы человека.

Тушу жертвы медведь обычно стремится закопать, нагребая на нее сверху снег, листья или землю, при этом сгребает вокруг и дерн; потоптавшись на образовавшейся куче, заваливает ее ветвями елей и пихт, которые скусывает и притаскивает в зубах (в Приморье). Иногда он выкапывает углубление. Наблюдали по следам, как, перетащив задранного лося, медведь выкопал яму под корнями дерева и засунул туда тушу, завалив ее сверху мхом. Для маскировки зверь использует также хворост, коряги и другой лесной хлам. Даже крупный лось оказывается закопанным полностью. От самца северного оленя оставалась открытой только голова с торчащим вверх рогом.

На местах пиршеств медведей остаются характерные следы: кучи мха или травы, из которых торчат обглоданные кости. Это дает возможность не спутать поедь медведя ни с какой другой. В северо-западных районах нашей страны эти звери закапывают лишь туши добытых животных, оставляя открытой найденную падаль. В Приморье же медведь, независимо от того, сам он добудет мясо или стащит у охотника, никогда не оставляет его открытым. Обглоданные останки оленя медведи-гризли (Ursus arctos) не прячут.

Закапывает медведь не только мясо, но и рыбу. Найдя возле протоки, впадающей в Амур, 150-килограммовую протухшую калугу, медведь зарыл ее в песок и приходил кормиться. Умертвив человека, медведь закапывает его так же, как и другую добычу.

Бывают случаи, когда медведь, найдя труп собрата, не трогает его. Но в большинстве случаев он закапывает своих павших собратьев, как и другую падаль, в землю или нагребает ее вместе с камнями и хворостом. Подобным образом медведица поступила с детенышем, попавшим в ловушку и умершим в ней. Живой, но попавший в капкан медведь подвергается нападению своих сородичей.

Каннибализм среди бурых медведей встречается даже в нормальные по кормовым условиям годы. Белые медведи не поедают трупы себе подобных. Попытка скормить медведице мясо самца кончилась неудачей (она была очень возбуждена, фыркала, прыгала, но к мясу не притронулась). Считается, что медведь закапывает только крупную приваду, но при изобилии корма может маскировать и более мелкую. Например, на нерестилищах кеты медведь иногда растаскивает рыбу по лесу, стаскивает нескольких лососей в кучу и зарывает их валежником и лесной подстилкой.

Имеются сведения, что медведь, добыв изюбра или другую жертву в морозную погоду, часто лежит на ней несколько суток — «парит» мясо (разлагаясь, оно меньше смерзается и, возможно, поэтому более привлекательно и доступно для медведя). Заваливая лесным хламом приваду, медведь тем самым делает ее менее доступной для врановых птиц, которые не только поедают мясо, пачкают его пометом, но и демаскируют трофей медведя и его самого.

Поедание туши. Медведь начинает есть труп обычно с пахов, у коровы выедает вымя, затем переходит к внутренним органам и салу; ест изнутри, иногда оставляя первое время неповрежденной шкуру. При этом слышно чавканье, хруст и треск разгрызаемых и раздираемых тканей тела. Шкуру он ест вместе с волосами, концы ног, голову и шею съедает в последнюю очередь; ноги кабана среднего размера поедает вместе с копытами. Обычно от жертвы остается лишь один череп. От задавленного и съеденного медведем тигра остались голова, хвост, передние и задние лапы. В другом случае от тигрицы были оставлены

кроме черепа, кончик хвоста и часть передней лапы. Оленя или лося медведь может съесть целиком.

Туши массой 110—140 кг хватает на 5—6 посещений медведем привады. Взрослый медведь съедает крупного лося (быка) за 8—12 сут. Тушу изюбра массой 140—150 кг медведь-шатун съел за 5—6 дней. Весной голодный тощий зверь поедает пищи больше, чем осенью, когда он упитан. Весной же он чаще съедает всю приваду, тогда как ранней осенью нередко оставляет ее недоеденной (выедает лишь наиболее лакомые места) и норовит найти новую поживу. Медвежата, поедая уток, оставляли только перо и пух.

Поедая тушу, зверь всегда находится сбоку от нее, а не с головы или хвоста. Ест в большинстве случаев лежа, положив лапы на тушу, иногда сидя. Но когда добирается до хребта и ребер крупного животного, встает на ноги.

Крупного белого медведя-самца, кормившегося моржовыми тушами в течение 4 сут, наблюдали в общей сложности более 10 ч. Лежа он кормился 74,6% времени, сидя — 2,8 и стоя — 22,8%. Белый медведь за один раз съедает до 6—8 кг сала и кожи тюленя. Сытый зверь в первую очередь ест только жир, остальную часть туши доедает после сна вблизи привады, а иногда оставляет ее несъеденной. Попадая иногда на льдины с беспомощными детенышами гренландского тюленя, выполняющими роль привады, белый медведь, насытившись, продолжает убивать бельков, забавляясь с ними, подобно тому, как это делает кошка с пойманной мышью [90].

Ритм посещения привады. К задранной скотине или дикому животному бурый медведь приходит чаще всего в темное время, но иногда и днем. Весной он ходит на приваду сразу после захода солнца, иногда даже раньше и в редких случаях ночью, а осенью большей частью по утренним зорям. Однако на овсы медведь приходит нередко до заката солнца. На малинниках этого зверя встречают лишь днем. На лососевом нерестилище при большом скоплении на нем медведей старые самцы кормились вечером, а молодые утром и днем. Медведь, питавшийся трупом своего собрата, каждый раз уходил с привады в разных направлениях, а подходил всегда с одной стороны.

Гималайского медведя (Ursus thibetanus) обычно встречают на кормежке днем, однако на поля с овсом, кукурузные посевы и к пасекам, расположенным вблизи населенных пунктов, эти звери выходят только ночью.

На свалках вблизи поселков днем чаще кормятся самки белых медведей и молодые особи. Четырехсуточные наблюдения на приваде за крупным белым медведем-самцом выявили два периода активности: ночной и вечерний. Максимум посещений приходился на вторую половину дня, когда темные моржовые туши частично размягчались под весенним солнцем.

Ритм посещения привады может меняться в зависимости от обстоятельств. Например, в дальневосточной тайге бурый мед-

ведь приходил к лагерю трижды в день, получая остатки завтрака, обеда и ужина. Медведь, повадившийся, несмотря на преследования, на одну из пасек Кильмезского р-на Кировской обл., посещал ее, время от времени изменяя ритм: приходил рано утром, вечером и даже днем.

Задрав корову или лося, медведь обычно несколько ночей ходит есть добычу, но, наевшись, оставляет ее. Иногда, закопав приваду, медведь возвращается к ней, когда она уже начинает разлагаться. После срабатывания автоматических фотовспышек, установленных на приваде вместе с фотоаппаратом, медведь обычно убегает и возвращается к ней не ранее чем через 2—3 дня. Белый медведь, добыв тюленя, наедается, а остатки закапывает в снег и к ним не возвращается. Иногда ложится у добытого тюленя и после сна, вторично поев, отправляется дальше. У крупной туши, например морского зайца, он может жить несколько дней, пока пища не иссякнет.

Поведение на мясной приваде. Добыв крупную жертву, медведь находится, по-видимому, в состоянии возбуждения, своеобразной эйфории. Так, в сентябре 1976 г. в Баргузинском заповеднике хищник после добычи лося сильно ободрал стоящий сухой кедр и разломал несколько валежин. Иногда зверь впадает в сонливое состояние и тогда устраивает поверхностное гнездо из ветвей ели или пихты или просто сидит на земле в зарослях леса, прислонившись к дереву.

Обнаружив приваду непосредственно перед залеганием в спячку, медведь ходит на нее ежедневно. Если к убывающему корму подкладывать дополнительный, можно оттянуть момент залегания зверя в берлогу. Вначале медведь, наевшись, уходит километра за три, а потом начинает ложиться на дневку все ближе и ближе, в кругу радиусом примерно 700 м. После нескольких посещений он приходит и уходит с привады почти одной и той же тропой. Найдя приваду, медведь-шатун остается возле нее. Около крупной туши он живет обычно по нескольку суток, пока не съест ее полностью.

Один из шатунов устраивал лежку в небольшом углублении возле туши или под комлем дерева. На водопой ходил не далее чем за 200 м, а если воды не было, поедал снег. В радиусе 10 м вокруг туши все было усеяно его экскрементами. Если до нахождения корма медведь голодал, то первые порции свежего или мороженого мяса вызывают у него расстройство желудка, но на второй день пищеварение становится нормальным [37]. Обильный мясной корм вызывает у него, по-видимому, жажду, потому что он часто протаптывает тропку к ближайшему ручью и, если ручей замерз, выламывает лед. Раненный на приваде медведь, убежав, через некоторое время тоже приходит к воде.

Поведение на овсяном поле и солонцах. Перед выходом на овсы крупные медведи нередко ломают и выворачивают с корнем деревья («гнут дуги»), молодые особи выходят скрытно, а самки и медвежата — без предварительной разведки. Обычно медведь появляется в самом глухом и дальнем конце овсяного поля и постепенно обходит его целиком. К началу жатвы дальние от

ближайшей деревни места бывают вытоптаны. На открытое поле площадью более 6 га медведи приходят редко. Чем глубже входит в лес посев, тем охотнее зверь его посещает. В ненастную погоду медведи приходят на овес реже и преимущественно с наступлением темноты. В сильный дождь или после прошедшего ливня они редко выходят в поле, возможно, потому, что падающие с деревьев капли не позволяют вовремя заметить опасность.

В густом и невысоком овсе хищник садится и срывает пастью метелки, загребая при этом стебли одной или двумя лапами. Стоя на ногах, он загребает растения одной лапой и медленно продвигается, со скоростью примерно 1,5—2 м в минуту. Изредка поднимается на дыбы, иногда ложится на брюхо или бок и, медленно передвигаясь, ест овес, загребая его под себя лапами. Обычно слышно причмокивание и чавканье медведя.

На овсах медведь находится от нескольких минут до часа. Иногда зверь покидает поле без всяких видимых причин, иногда уходит, а потом возвращается снова. Если овес скошен, то не знающий об этом медведь все равно приходит на поле. Отдельные особи задерживаются у неубранных овсяных полей подолгу, залегая на зимовку нередко в необычном месте: на вырубке, болоте, в стогу сена и т. д. [62].

По осени медведь иногда приваживается ходить к собранному в скирды необмолоченному овсу. На месте зверь его не ест, а, захватив охапку, уносит недалеко в лес, где не торопясь объедает. Покончив с первой скирдой, медведь принимается за вторую, затем за третью, несмотря на то, что земля уже начинает покрываться тонким слоем снега.

Медведь посещает и солонцы, но значительно реже, чем копытные (в Кавказском заповеднике на одном солонце больше двух медведей не встречали). Чаще ходит сюда осенью, наевшись плодов бука и дуба. Один из солонцов в Саянах называется «медвежьим». Соленую рыбу и мясо медведь не ест, но приваду из соленых кормов обследует и разбросает.

Преодоление препятствий. Медведь, как никакое другое животное семейства хищных, активно устраняет препятствия, стоящие на пути овладения приводой, поедания корма. Его не пугает, если привада находится не просто на земле, а в деревянном срубе, прикрытом бревенчатым настилом. Он легко достает лапой куски мяса через отверстие размером 18×22 см. Охотник А. С. Хмелевский добыл у привад более 100 медведей, за весну ему удавалось убить до 6 зверей.

Падаль, привязанную двухмиллиметровой проволокой, медведь легко отрывает, однако более толстую, пяти- или шестимиллиметровую проволоку разорвать ему не удается. Если привада занесена снегом, медведь выкапывает ее. Например, в северо-западных районах Кавказа весной в местах схода снежных лавин медведь с помощью обоняния находит под снегом туров, серн и выкапывает их с глубины 2—3 м. Чтобы воспользоваться желудями, занесенными снегом, он разгребает снег передними ла-

пами. Находя диких пчел, разгрызает подчас толстые деревья. Забравшись на продовольственную базу в тайге, медведь давит банки со сгущенным молоком и высасывает содержимое, а консервированный борщ поедает, срывая со стеклянных банок крышки. В Приморье бурый медведь, забравшись на черемуху, обламывает ветки, но не сбрасывает их на землю, а складывает под себя в развилке крупных сучьев. Так же он поступает, кормясь желудями, черешней. Вороха из наломанных ветвей сохраняются по нескольку лет. Медведь очень любит груши. Чтобы добыть их, залезает на деревья и трясет ветви, а затем, спустившись вниз, поедает упавшие плоды.

По оставшимся следам наблюдали, как медведь-шатун долго неудачно пытался залезть по столбу в лабаз с продуктами. Столб был сырым, промерзшим, и когти скользили по нему. Удалось забраться лишь тогда, когда столб стал шершавым от когтей и зубов. Зверь долез до основания лабаза, прогрыз дыру и забрался внутрь, а затем упал вниз вместе с лабазом. Потом медведь, взяв из лабаза котомку с мясом, отнес ее на 100 м в сторону и съел содержимое. Другой шатун, сожрав продукты, пытался достать банку с едой, подвешенную на проволоке, натянутой между деревьями. Зверь несколько раз залезал на эти деревья, делая попытки сорвать проволоку, и это ему в конце концов удалось: он сорвал крышку с банки и съел содержимое.

Осенью на Сахалине медведь, несмотря на множество отнерестившейся тухлой горбуши, валяющейся по речным косам, ищет глубокие ямы со снулой рыбой и, поддевая ее когтями, приподнимает к поверхности воды, хватает зубами, затем выносит на берег и съедает. Обнаружив дупло с пчелами, он старается зубами расширить отверстие и трудится так до получаса, потом запускает туда лапы и достает мед. Пчелы кусают его, а он, характерно ворча, сгребает их с себя лапами, которыми только что доставал мед, и обмазывает им всю морду и голову. К меду прилипают все новые пчелы, и зверь начинает выглядеть фантастически. На пасеке совхоза «Дубровский» Кильмезского р-на Кировской обл. повадившийся медведь обычно тащил украденный улей к речке. Там он сбивал крышку и опускал в воду рамки с медом, после чего мокрые пчелы меньше беспокоили его.

Взаимоотношения на приваде. Бурые медведи могут образовывать временные скопления в местах концентрации пищи. В 80-х годах прошлого столетия, когда на Кавказе, в Имеретии, был сильный падеж скота, и трупы умерших животных бросали около селений, сюда средь бела дня являлись медведи и с жадностью пожирали падаль, причем их было так много, что местные жители даже боялись стрелять по ним. Возле погребенных снежными лавинами туров и серн держалось несколько медведей. Нередко медведи концентрируются у овсяных полей, сходясь с соседних угодий. Экскременты этих хищников, содержащие овес, находили в 4—8 км от ближайшего овсяного поля [18]. Не раз отмечали жировку на одном небольшом поле 4—5 взрослых зверей, а 2—3 медведя — обычное явление. На одном грушевом дереве тоже заставали 2—3 медведей.

Кормясь на овсах, медведицы с медвежатами обходят участки, где кормятся самцы и другие медведи. Наблюдали, как на овсяном поле большой медведь шлепнул маленького по боку лапой. Затем они, встав нос к носу, несколько секунд рычали друг на друга, а потом меньший отошел в сторону и оба продолжили кормежку. В Алтайском заповеднике наблюдали, как медведи, кормившиеся на лосиной туше, рычали друг на друга около 4 мин.

Скопления медведей возникают у мест миграции лососевых: водопад Мак-Нейл на Аляске в период хода кеты посещают до 85 особей. Территорию переста звери делят между собой. Медведи, занимающие господствующее положение, кормятся в наиболее богатых рыбой местах. Остальным — что останется. Менее четко распределялись звери, когда лосося было очень много: одновременно ловили рыбу до 30 медведей, обычно доминировали взрослые крупные самцы и самки с детенышами. Некоторые особи после стычек покинули водопад. Когда медведей у нерестилища осталось мало, стычки между ними прекратились [135]. Наименее агрессивны отношения между молодыми самками (4,5—8,5 года) и в меньшей степени между молодыми самцами. Выделено 7 типов взаимодействия медведей на лососевом нерестилище: слабая угроза (с опущенной головой); сильная угроза (с поднятой головой); нападение; борьба; приближение — бегство; формы неагрессивных взаимодействий — дружелюбные контакты, игра. Известны случаи, когда в Йеллоустонском парке (США) на одной и той же большой свалке или в непосредственной близости от нее собиралось до 30 медведей гризли.

Весной в Восточной Сибири медведи концентрируются на «морянах» — горных склонах южной экспозиции, где находят себе корм; на поляне среди тайги собираются до четырех зверей. Они пасутся мирно, но иногда между ними возникают драки. Наблюдали двух враждующих зверей. Один кормился на поляне, а другой в 100—150 м ходил вдоль опушки леса, видимо, дожидаясь ухода первого. Кормившийся зверь вел себя агрессивно: часто настороженно поглядывал на конкурента и делал в его стороны 2—3 резких прыжка. Когда ожидавший очереди стал осторожно опускаться на поляну, второй яростно кинулся в его сторону. На Байкале медведи концентрируются в конце мая вдоль прибрежной полосы, кормясь появляющимися здесь в огромном количестве байкальскими ручейниками и бычками, подошедшими на икрометание. Выходит медведь к естественной приваде часов в 10 вечера и кормится, продвигаясь по самой кромке берега в течение получаса или часа. За 30 мин зверь останавливается 25—30 раз и проходит от 200 до 400 м береговой линии; идет всегда против ветра и чует человека за 500 м (Устинов, 1975).

Скопление белых медведей наблюдается у выброшенного морем кита, у тюленьих туш в местах зверобойного промысла, у трупов на моржовых лежбищах. Собирается до 10 и более зверей. Например, около пос. Нешкан зимой 1975/76 г. на туше погиб-

шего и выброшенного на берег кита кормилось одновременно 28 белых медведей. В другом месте на побережье Чукотского моря возле туши погибшего моржа держалось 7 белых медведей [104]. Одновременно кормящиеся медведи как бы не замечают друг друга. Каждый занимается своей тушей или ее частью. Кормиться выходят по нескольку раз в день. Несмотря на временный характер сборища, между зверями складываются определенные иерархические отношения: более слабый уступает сильному. Конфликты возникают редко. Место каждого зверя в группе определяется его силой и размерами, а также степенью агрессивности. Доминирует обычно самый крупный из самцов. При его появлении другие медведи уступают ему дорогу и место кормежки. Иногда роль доминанта временно переходит к менее крупному, но решительному зверю. Время от времени доминирующий самец издает шипение. У двух примерно одинаковых медведей у одной туши может возникнуть драка демонстрационного характера, не приводящая к ранениям.

Наблюдали, как к трупу изюбра пришли сразу три медведя: два гималайских и один бурый [53]. У одной и той же туши копытного наблюдали несколько взрослых гризли, не проявлявших друг к другу агрессивного отношения.

Отношения с другими хищниками. В большинстве случаев медведь на приваде ведет себя с другими животными как хозяин. Многодневное тропление медведя-шатуна показало, что он не раз питался остатками добычи тигра и даже отгонял возвращавшегося к своей поживе истинного хозяина [37]. Если бурый медведь соперничает с тигром в овладении привадой, то гималайский медведь панически боится тигра.

Запах волка не пугает медведя, и он нередко доедает остатки волчьих трапез. Известен случай, когда медведь убил волка возле привады. Однако бывают ситуации, в которых медведь уступает волкам.

Осенью 1980 г. в Саяно-Шушенском заповеднике наблюдали, как медведь приближался к тому месту, где два волка задавили козерога. Подпустив медведя на 20 м, волки бросились на него и атаковали с двух сторон, нанося укусы и отпрыгивая. Медведь побежал, волки за ним и через 100 м набросились вторично. Потом атаки повторялись многократно, пока волки не угнали его за перевал [22].

Мелкие хищники нередко посещают приваду, на которую ходит медведь, а последний, вероятно, не предпринимает особых усилий, чтобы препятствовать этому. Например, на трупе тигрицы, которым несколько недель кормился медведь, питались также несколько колонков. Белый медведь терпимо относился к песцу. Последний бесстрашно посещает места пиршеств белого медведя даже в его присутствии. Белый медведь, повадившийся ходить к домам зимовщиков, пожирал сало с выброшенной шкуры тюленя, не обращая внимания на истошно лающих собак.

Реакция на человека. Встреча с медведем на приваде всегда опасна. Медведь у задавленного им лося при подходе человека

с собакой угрожающе ревел, с открытой пастью, встав на задние ноги, бил когтями одной лапы о когти другой, издавая при этом сухой костяной звук и в конце концов бросился на человека. Другой медведь, пожиравший приваду, заметив приближающегося рыбака, поднялся во весь рост и угрожающе заревел, а затем побежал, время от времени издавая хриплый рев, вдоль берега параллельно ходу лодки, в которую успел вскочить человек.

Известен случай, когда в Слободском р-не Кировской обл. на охотника во время осенней охоты напал медведь возле полусъеденной овцы. Интересно, что это был сороковой по счету зверь из добытых охотником.

В верховьях Печоры во время пожара пожарными-парашютистами был обнаружен медведь, который, размахивая большой корягой, пытался приостановить продвижение огня. Его хотели отогнать струей огнетушителя, но зверь не покинул пожарище. Оказалось, что неподалеку от болота лежала туша лося, которая прочно застряла в буреломе, когда ее перетаскивал медведь.

Занятый поеданием пищи медведь бывает так увлечен, что зачастую подпускает человека. Иногда удается близко подойти к этому зверю, жирующему на овсах, лососевом нерестилище, раскапывающему из-под снега желуди.

Реакция защиты привады не отмечалась у медведя, обитающего на Тянь-Шане, однако был случай, когда зверь с приближением человека не ушел от остатков марала. Медведь способен защищать не только свою добычу, но и найденную. Обнаружив застреленного человеком лося, зверь не убегал от самолета, дважды пролетавшего на небольшой высоте, и даже поднимался на дыбы с явным намерением отпугнуть его. Медведь этот оказался старым исхудавшим самцом.

В заповеднике «Столбы» Красноярского края медведь, прикормившийся подачками человека, вел себя агрессивно: появлялся перед людьми, повергая их в смятение, поедал брошенные ими продукты и ягоды [29].

В США многие медведи нередко кормятся на свалках пищевых отходов. Привыкая при этом к человеку, звери становятся опасными для него. В Йеллоустонском национальном парке за 39 лет (с 1931 по 1970 г.) зарегистрировано 63 случая ранения людей медведями гризли. Мечение животных показало, что деление животных на «помойщиков» и «диких» несостоятельно: те же особи, что летом безбоязненно бродят по свалкам на глазах туристов, весной и осенью живут в глубине леса, избегая встреч с человеком. В этом парке ежегодно отстреливают в среднем 34 агрессивных черных медведя (Ursus americanus) и трех гризли, а в национальном парке «Глейшер» — соответственно 7 и 2 [117].

Агрессивность медведя на приваде, несмотря на обилие наблюдений, по-видимому, является все же, скорее, исключением, чем правилом. Достаточно было звуков движущейся телеги на проходившей невдалеке лесной дороге, чтобы медведица с мед-

вежатами, подошедшая к приваде, исчезла в лесу, удалившись мягкими прыжками. Бегство от привады при первых же признаках опасности распространено среди медведей. Нередко медведь у привады относится мирно к подошедшему человеку.

5 мая 1972 г. сотрудник Дарвинского заповедника подошел на 15 м к крупному медведю, поедавшему убитого им лося. Вначале медведь некоторое время наблюдал за человеком, а затем неохотно, шагом ушел в глубь леса. На следующий день он опять сидел у привады и уже не обратил внимания на проходившего мимо лесника. Лесники заповедника наблюдали, как медведи раскапывали муравейники, почти не обращая внимания на людей.

После посещения привады человеком хищник может бросить ее или долгое время не приходить к ней. Медведь, задравший скотину в 300—400 м от деревни, из-за близости жилья человека большей частью не приходит потом к своей добыче. Известен случай, когда хищник, пробираясь в скотомогильник, пошел не в открытые ворота, а проломал изгородь и через пролом вытащил труп лошади. Через «медвежьи» ворота не раз проходили люди, и, может быть, поэтому при повторном посещении медведь сделал рядом с первым еще один пролом, через который утащил вырытую им из земли мертвую свинью.

Почуяв человека, медведь, кормящийся на овсах, всегда уходит, делая это тихо или с шумом и треском, большей частью не возвращается и на следующий день. Менее осторожен зверь, вышедший на поле в более поздние часы, и его шествие можно зачастую услышать издалека. Обычно с овсяного поля медведь от человека уходит в лес, но знаю случай, происшедший в 1974 г. в Зуевском р-не Кировской обл., когда молодая медведица побежала от егеря не в заросли, а в овсы и там, стоя на задних ногах, высматривала, кто ее спугнул.

Необычные виды привад. Нередко роль привады на медведя выполняет не только падаль, овсяное поле, но и пасека, сад, свинарник, свалка пищевых отходов, охотничья избушка и даже... продовольственный магазин. Всеядность, сила и сообразительность медведя способствуют тому. На Южном Алтае медведи часто разоряют пасеки. Летом и осенью 1971 г. из 16 пасек, расположенных в среднем течении р. Хамира на протяжении около 20 км, медведи посетили 14, разорив около 50 ульев. При рассмотрении разоренного пчелиного гнезда можно было заключить, судя по объему, занимаемому сотами, что медведь съел около 2 ведер меда (Лобачев, 1972).

Белогрудые медведи ходят на пасеки реже бурых. Но в некоторых местах они назойливы. Жителями с. Беневского в Приморье в 1961 г. было отстреляно на пасеках 7 медведей, в с. Сокольчи — 11, в с. Каменка — 6. В Яковлевском р-не в 1960 г. на трех пасеках было убито 16 медведей. В 36 штатах США и провинций Канады зарегистрировано посещение черными медведями 68% пасек. Частота посещений определялась наличием или отсутствием путей подхода. На пасеки, расположенные в

пределах 100 м от опушки или оврага, среднее число нападений медведей за сезон 8, а на расположенные более чем на 100 м только 2—3 [26].

На Кавказе и в Средней Азии, в частности в Таджикистане, медведи охотно ходят кормиться в сады. Алычу медведь ест, не разгрызая косточек, как это делают, например, кабаны. В Таджикистане, в местах, где обильна алыча, мы наблюдали многочисленные кучи медвежьего помета, почти целиком состоящего из алычовых косточек. Под ранопоспевающей алычой медведи и кабаны, собирая опадающие плоды, выбивают траву, превращая землю в пыль. Медведи часто взбираются на алычу, что хорошо видно по многочисленным поломанным веткам. На Кавказе под одной алычой убивали по 2—3 медведя за ночь.

В темноте охотники различают видовую принадлежность зверей, пришедших кормиться под алычу, по издаваемым звукам: кабан громко хрустит косточками, медведь же чавкает, не производя громких и резких звуков. Старые крупные медведи на высокие и гладкие фруктовые деревья не залезают, взбираются только на низкие и сучковатые. И медведи, и кабаны, и олени перестают есть лежащие под деревьями сочные груши, которые до этого поедали с охотой, если начинают падать созревшие желуди и чинаровые орехи. Плоды каштанов медведи пожирают с еще большей жадностью, чем желуди и орехи чинары.

На малинники ходят лишь средние и мелкие медведи. Ягоду зверь часто ест сидя, забирая лапами охапки кустов. Продвигаясь вперед, он уминает задом объеденные кусты, оставляя за собой плотно утоптанную землю. В Карелии и других местах отмечены случаи осенних жировок медведя на морковных полях и полях с посевами тимофеевки и клевера. Регулярные выходы зверей на морковные поля ежегодно на протяжении 7 лет наблюдались в окрестностях с. Деревянное Прионежского р-на Карелии.

В Лазовском заповеднике гималайский медведь ходит на посевы кукурузы и за одну ночь частично съедает и обламывает растения на участке 0,01 га. Его не пугают консервные банки, развешенные на проволоке вокруг огорода, чучела людей, запах жженой резины и другие сильнопахнущие вещества. Подкарауливание зверя на посевах не дает успеха: он чувствует присутствие человека и не выходит на поле. Картофель медведи не трогают.

В Якутии наблюдали, как медведи поедали возле охотничьих юрт отходы промысла: кишки, лапы зайцев и т. п. В Джунгарском Алатау эти хищники, выходя из берлог, иногда посещают в руслах речек стоянки чабанов, где поедают кости и черепа, высохшие трупы овец, куски кожи. В Киренском р-не Иркутской обл. медведь (возможно, шатун) забрался в свинарник. В августе 1962 г. зверь повадился ходить на лосеферму Печоро-Илычского заповедника, где задавил двух лосят. Маньчжурский бурый медведь, отличающийся хищническими повадками, иногда днем пытается проникнуть на животноводческие фермы. В од-

ной из оленеводческих бригад белый медведь съел комбикорм, приготовленный для подкормки оленей.

Два белых медведя пришли на торговую базу «Крепость» ниже пос. Марково на Чукотке. Один из них был убит, другой убежал, но пришел третий и жил возле склада базы несколько дней. В одной из деревень Катангского р-на Иркутской обл. медведь забрался в магазин, предварительно аккуратно вынув раму и поставив ее на землю. В конце октября 1982 г. медведь три ночи подряд заходил в г. Мезень Архангельской обл., заходил в квартиры, залезал в продуктовый магазин, где, наевшись, засыпал.

В период бескормицы на Приленском плато крупный медведь-самец залез в кузов автомобиля ГАЗ-66. За один раз он съел 8 буханок хлеба и 19 банок рыбных и мясных консервов, масса съеденной пищи составила примерно 16 кг. Отстрелянный зверь оказался истощенным. Известен случай, когда медведь, подойдя ночью к палатке туристов, оттащил на отмель мешок с провиантом и, разорвав его, съел содержимое. Рюкзак с банками сгущенного молока был отнесен дальше, но когда его проверили, все банки оказались прокусанными, без содержимого. В начале 1981 г. после выхода из берлоги бурые медведи разграбили 5 таежных избушек по р. Пещерной в Приморье. Звери ходили по тропе от избушки к избушке и ломали все, что можно сломать, поедали все подряд. В помете зверей встречалась не только крупа, но и тряпки, полиэтилен и даже ружейные капсулы. Однако гималайский медведь, по наблюдениям в Лазовском заповеднике, прежде чем войти в избушку, долго ходит вокруг.

В летнее время 1976, 1977 и 1978 гг. в районе турбазы «Бухта песчаная» на берегу Байкала постоянно держалось до 5 медведей. Вечером и почью они бродили среди домов и палаток, питаясь отходами столовой.

В Кроноцком заповеднике число медведей, эпизодически посещавших в 1966—1975 гг. туристические стоянки, превышало 50, из них 23 были постоянными посетителями мусорных ям в течение сезона, в том числе 4 зверя приходили сюда и на следующее лето, а один зверь четыре сезона подряд. Нахлебниками становились обычно медвежата, перешедшие к самостоятельному образу жизни, молодые звери не старше 3—6 лет, а также медведицы с детенышами [57].

Черные медведи тоже склонны к посещению пищевых свалок. Из 126 зверей, отловленных возле свалок на п-ве Верхнем оз. Мичиган, оказалось 85 самцов. Медведи, отловленные на свалках, более упитанны, чем пойманные в других местах. У самок, кормящихся на свалках, было в среднем 3,1 детеныша, тогда как средняя плодовитость медведиц была лишь 1,99 [132]. Попытки увозить отловленных «помоечников» подальше от свалок не всегда приносят успех. Из 236 черных медведей, вывезенных на расстояние 16—112 км, 17% вернулись в том же году и еще 16% — в последующие годы.

Забравшись в промысловую избушку, медведь-шатун все пробует на зуб. Вот как описывает действия зверя охотник В. Погодин [65, с. 11]: «Подходя к дверям зимовья, я увидел, что фотоаппарат валяется на полу без футляра. Когда медведь взял футляр в лапы, фотоаппарат вывалился из футляра, так как была утеряна закрепляющая гайка. Фотоэкспонометр перекушен — сделаны две вмятины зубами... Полмешка крупы и муки, подвешенные к потолку, были съедены. Мешок я нашел на улице. Вся посуда — кружки, котелки и даже ложки — были опробованы на вкус, сделаны дыры зубами или вмятины. Только на столе стояла поллитровая банка

с оливковым маслом. После осмотра я захотел согреть чай, но ничего не нашел: ни чая, ни сахара, ни сухарей,— ничего съедобного...»

ВОЛК (Canis lupus). Часто волк или стая этих зверей проходит от привады в 50—100 м, как будто не замечая ее, не делая остановок и поворотов. Редко эти звери сразу приближаются к падали. Обычно они осторожно обходят приваду кругом и решаются подойти вплотную только после нескольких рекогносцировочных посещений. Приближаясь к приваде, волк прислушивается, осматривается и при малейшей опасности уходит. Обычно он осмеливается притронуться к корму после второго или третьего посещения. Однако, обходя приваду и натыкаясь на небольшие куски мяса, волк довольно смело съедает их. Этой особенностью пользуются при использовании ядов в борьбе с хищниками.

Подходя к свинарнику, возле которого были павшие поросята, волки обычно на некоторое время останавливались невдалеке в бурьяне, ориентируясь в обстановке. При этом часто было слышно, как хищник хватал оттащенный собаками кусок падали, хрустнув костью. Затем волки выходили. Обычно первой шла самка, старая или молодая, а самец, чуть задержавшись, следовал за ней. Двигались быстро, но при малейшем шорохе останавливались и настороженно слушали. Подойдя к свинарнику, хватали поросят и тут же с ними уходили. Ели на месте лишь крупную падаль.

Волчья стая подходит к приваде гуськом по своей тропе. Когда первый волк попадет в капкан, его собратья бросаются назад вдоль тропы и издали наблюдают за ним. После этого волки или перестают посещать приваду, или прокладывают к ней новую тропу и посещают прикормку с большей осторожностью (она свойственна волкам и при подходе к туше добытого ими зверя).

А. Н. Кудактин описывает свое наблюдение над стаей волков, подходившей в лунную ночь к зарезанному ею оленю на песчаной косе у воды, отделенной от леса двухметровым обрывом [40, с. 96]: «Волки, а их было пять, были замечены около полуночи. В течение часа звери по одному появлялись у обрыва и, взглянув вниз, исчезали. Затем по одному, с интервалом в 20—30 секунд спустились на косу ниже жертвы и в течение 10 минут стояли неподвижно. После этого один из хищников осторожно обошел тушу вокруг и вернулся к стае. Спустя 5—7 минут он приблизился к оленю, схватил кусок мяса и вернулся. Через 1—2 минуты волки, как по команде, бросились к оленю и начали яростно драться между собой. Причина драки не установлена. После короткой стычки хищники окружили добычу и стали мирно пожирать ее».

К приваде, выложенной человеком, волки подходят с большей осторожностью, чем к туше зверя, добытого ими. В последнем случае отлов хищников капканами значительно облегчается. Смело волк идет и к кускам мяса, унесенным с привады и спрятанным, т. е. к своим запасам. Имеет значение место и время выкладки привад. Привады, выложенные в низине и близко к лесу, волки посещают неохотно; возвышенное, издалека видное место предпочтительнее. Существует мнение, что в малонаселенном районе волк смелее идет к приваде невдалеке от сельского строения, не-

жели в удалении от него. Привада, выложенная «на костях», т. е. у места, где волки ранее умертвили жертву или кормились у падали, берется ими в первую очередь. Чем раньше (еще по черноtропу) выложена прикормка, тем лучше.

Считают, что тушу следует класть мордой и ногами кверху или вбок; труп, лежащий на животе, вызывает у волков больше опасений. К приваде, подвешенной на дереве на высоте метра, волки подходили неоднократно, но в течение двух месяцев так и не тронули ее. Привада, доставленная к месту выкладки волоком, берется зверями скорее. Чем крупнее туша, тем привлекательнее она для волка. Волки охотнее идут на приваду, если на ней кормятся птицы и побывали другие звери своего или иного вида. Даже посещение привады собакой снижает их осторожность. Следы же человека на приваде вызывают обратный эффект, так же как и запахи, предметы, связанные с его деятельностью: лекарства, которыми лечили погибшее животное, яды, капканы и т. д. Из 273 волков, зарегистрированных в Кавказском заповеднике у отравленных привад, 79 особей, т. е. 29%, уходили, даже не прикоснувшись к мясу.

У привады, находившейся в 150 м от фермы и посещавшейся четырьмя волками, повесили на двух палках халат. После этого звери перестали подходить вплотную к приваде. Постепенно их осторожность снижалась, на 20-й день расстояние подхода уменьшилось с 300 до 30 м. Но после того, как халат передвинули на 3 м, волки перестали посещать приваду [8].

Чем старше, опытнее волк, тем осторожнее относится он к приваде. Для волков, попадавших под выстрел, рекомендуют выкладывать приваду на местности, лишенной каких-либо укрытий, а для волка, побывавшего в капкане,— на лед. К приваде толкает волка голод, особенно в сильные морозы. Обилие легко добываемых волком копытных или других животных снижает эффективность привад. По-видимому, факторов, влияющих на отношение волков к приваде, гораздо больше, чем нам известно. Иногда из двух, казалось бы, одинаковых привад одну волки игнорируют, а на другую ходят.

Осторожность в приближении к приваде иногда принимает неожиданную форму. Научный сотрудник М. П. Павлов зафиксировал по следам на снегу такой случай. Волки, зачуяв приваду (несколько свиней и кости птиц, засыпанные снегом), бросились к ней бегом, а затем, приблизившись примерно на 80 м, поползли. Подобравшись метров на пятнадцать, некоторые звери остановились, а двое подползли к приваде совсем близко. Один из них осторожно лапой поскреб снег и, вытащив птичий позвоночник, принес его к лежащим волкам. Затем вся стая удалилась и не реагировала на приваду вплоть до апреля.

Если привада отравлена и некоторое количество волков уже погибло на ней, то другие волки становятся намного осторожнее: подходят к мясу, толкутся возле него, роют ногами снег, катаются по нему, обильно мочатся, но не осмеливаются прикоснуться к приваде. Иногда ходят не одну ночь подряд, так и не решившись попробовать приваду, но в ряде случаев все же берут ее. Смелее

берут отравленные приманки в начале зимы, но к весне звери становятся значительно осторожнее.

Большей частью волки приходят на приманку поздно вечером или ночью. Оголодавший волк-одиночка приходит к мясу еще до темноты. Подходят к приманке волки, как и другие осторожные звери, чаще в метель. В ясную лунную погоду это происходит реже, чем в темные ночи. Обычно подходят вторично к приманке с той стороны, куда они ушли после первого ее посещения.

Ритм посещений. Наевшись, волчий выводок никогда не идет к приманке на следующую ночь, а остается на дневке или бродит возле нее. Большей частью приходит на вторую ночь. С середины зимы, особенно в большие морозы выводок с приманки на место обычной дневки не возвращается, а идет кружить в окрестностях и приходит на приманку на третью ночь. Остатки своих жертв — домашних оленей — тундровые волки приходят доедать обычно на вторую ночь. Но если во время потравы зверям не удалось насытиться, они приходят к тушам на следующую же ночь, особенно прибылые и переярки.

Посещая найденный корм несколько дней, волк, еще не съев всего мяса, делает перерыв на 1—5 сут. Зимой волки обычно совершают круговой обход своего участка, наведываясь в места ранее найденных пожив на 4—5-й, а иногда только на 7—8-й день. Такая периодичность может сохраняться иногда довольно долго. Интервал между обнаружением приманки и посещением ее может достигать у волков 2—3 мес. В ряде случаев звери не возвращаются к месту своей добычи. Эта особенность свойственна таежным волкам Восточного Забайкалья, наблюдалась также в Жигулевском заповеднике. Не возвращались волки к недоеденным, уже замерзшим остаткам в Саяно-Шушенском заповеднике. Игнорирование мест найденных приманок и остатков собственной добычи усиливается у волков при интенсификации их добывания. При снижении пресса преследования звери возвращаются к старым привычкам. Например, в Швеции, когда волки были взяты под охрану закона, у них стала очевидной большая привязанность к территории, а также отмечены повторные посещения мест прежних пиршеств.

Частота и ритмика повторных посещений приманок не всегда поддаются прогнозированию и зависят от степени преследования в данной местности волков человеком, от обилия пищи и других факторов. Волк, побывавший в капкане, вторично к туше возвращается редко.

Поедание приманки. С лежки волки к приманке идут цепочкой. Впереди обычно старая волчица, сзади матерый волк. Не доходя метров сто, они рассыпаются веером и подходят к приманке. Метрах в пятнадцати — двадцати вся стая останавливается. Волчица обходит приманку и начинает есть. Вслед за ней начинают насыщаться и другие члены группы. Возвращаясь к приманке вторично, волк начинает поедать ее обычно в том месте, где ел при первом посещении. Если волков мало, они едят тушу на месте, а когда их много — нередко отрывают крупные куски и отходят в сторону.

Одиночный волк, пожирающий приваду, встает большей частью задом к лесу и мордой к деревне (собака наоборот). Обычно в первую очередь звери поедают мягкие части туши: заднюю часть брюха, пах, грудину и т. д. Мелкие кости разгрызают. В последнюю очередь обгладывают и растаскивают крупные кости. Собачьи головы, головы своих сородичей волк не ест. Перья птиц, например ворон, волк иногда довольно тщательно ощипывает. Голодный волк способен в один присест съесть до 10 кг мяса, а по некоторым данным и много больше. Четыре волка поедают косулю целиком в течение 10—15 мин.

Пребывают волки на приваде разное количество часов в зависимости от времени, оставшегося до рассвета, и темпа насыщения, который зависит от размеров привады, степени замороженности мяса, от количества особей в стае и других причин. За ночь хищники перемежают еду с отдыхом, устраивая лежки в нескольких метрах от привады. Иногда пиршество продолжается и утром.

По наблюдениям в Центральнолесном заповеднике, стая волков из 5—6 зверей возле туши лося держится 6—8 сут. Вначале жертву поедают все вместе, а в последующие дни могут кормиться разрозненно. По наблюдениям в Саяно-Шушенском заповеднике, самку марала стая волков из 6—10 особей способна съесть за один раз. Остается лишь скелет, шкура, ноги, голова и содержимое желудка. У более крупных животных-самцов и козерогов волки выедают в первую очередь внутренности и мускулы задней части.

Растаскивание и прятанье корма. Несмерзшуюся тушу волки не только едят, но и, разрывая на части, растаскивают, поэтому туша жертвы исчезает в короткий срок. Стая из 7 волков за ночь целиком съела и растащила взрослую самку марала, оставив к утру только клочки шкуры. Многократно наблюдали, как стая из 5—6 волков почти полностью утилизовала лосей массой примерно по 200 кг. В Ольгинском р-не Приморья 4 волка за ночь расправились с кабаном, весящим 100 кг. В радиусе 80 м от их трапезы нашли примерно половину мяса, которое было припрятано кусками по 2—6 кг в снегу, под валежинами и т. п.

Обычно волки растаскивают мясо, когда значительная часть туши уже съедена. Выложенную приваду они растаскивают в меньшей степени, чем собственную добычу.

Мясо с привады хищники уносят двумя способами: в зубах или в желудке. Наглотавшись мяса, волк отбегает, вырывает в земле или в снегу углубление и отрыгивает в него 2—3 кг мяса. При повторном заходе в углублении скапливается до 6 кг мяса. В эксперименте звери относили мясо не далее 250 м, но в природе отмечались случаи, когда они относили его на расстояние до 2 км. Нередко волки прячут мясо вблизи привады, в 10—20 м от нее, и прячут не только путем закапывания.

Научный сотрудник А. С. Баталов по следам наблюдал, как волк, отпеся кусок изюбра, добытого стаей, на 20 м, положил его под валежину со стороны привады. Затем, обойдя бревно, ухватился за мясо с другой стороны и протащил поживу поглубже. Спрятанная пища бывает иногда тща-

тельно замаскирована. Известен случай, когда два волка, задавив собаку, отнесли ее на 400 м, спрятали под пень, зарыв в мох, и сверху присыпали снегом. Хозяин собаки, шедший по следу, с большим трудом нашел труп.

Тушки мелких животных волки часто уносят с привады и съедают в укромном месте. Два матерых волка на приваде погрызли рысиный труп и унесли каждый по тушке енотовидной собаки. На протяжении 2 км они пять раз останавливались, пока не съели свою поживу. Приходя на бахчу, волк выбирает наиболее спелый, крупный арбуз и, если вокруг спокойно, поедает его на месте; в противном случае он уносит его в степь. Обычно хищник относит ношу в зубах, высоко подняв голову, иногда может некоторое время волочить по земле, только что умерщвленную добычу может нести, забросив на спину.

А. Н. Кудактину [40] довелось наблюдать в лунную ночь, как волки растаскивали тушу оленя. Примерно через 10 мин после начала пиршества стаи из 5 зверей один волк, а потом другой, третий торопливо убежали. Через 15—20 мин возвратились (с интервалом в 1—2 мин). После этого звери еще несколько раз уходили и возвращались, а в три часа ночи ушли совсем. Утром от туши оленя массой 120 кг была обнаружена лишь часть скелета, шкура, голова и желудочно-кишечный тракт.

Закапывает утащенную поживу волк не лапами, а носом, сгребая им землю или снег. Реакция прятанья корма проявляется у разных особей в различной степени. По-видимому, у самок она развита в большей степени и начинает проявляться с полуторамесячного возраста. В условиях эксперимента максимальное время сохранения в памяти местонахождения спрятанной пищи у волка — не более 3—4 ч. В опыте молодая ручная волчица таскала и прятала мясо оленя под палящим солнцем в течение 2 ч. Сытые волки, посещающие приваду, никогда не отвечают на подвывку, хотя и выходят на вабу.

Взаимоотношения на приваде. Одну приваду могут посещать несколько волчьих выводков. Известен случай, когда на приваду ходило четыре стаи. Два выводка одновременно никогда не приходят на приваду, даже при огромном количестве мяса. Если один выводок уже пожирает выложенные туши, а другой только еще подходит, то последний, заметив, что место занято, останавливается невдалеке, на возвышенном месте, и наблюдает в ожидании своей очереди. Когда первый выводок тронется с привады и отойдет примерно на 200 м, даже более, тогда из второго поднимаются матерые волки, за ними молодые, и вся стая идет на кормежку. В начале декабря наблюдали, как молодые волки, несмотря на то, что старые особи остановились, продолжали свой путь на приваду. Тогда матерый самец забежал вперед прибылых и остановил их.

Если на приваде первым оказался одиночный волк, то с приходом стаи он, ощетинившись, отходит. При выслеживании во Владимирской обл. двух волков-людоедов (самца и самки) обнаружили, что они, посещая, но не беря выложенную для них приваду, в то же время охраняли ее. Например, когда к приманке пришли 4 других волка, то людоеды, лежавшие не-

вдалеке, бросились на них и преследовали на протяжении нескольких километров. На волчьих следах были видны признаки драк: вырванная шерсть, помятый снег (Сысоев, 1970).

В Кавказском заповеднике наблюдали, как волк в течение часа 12 раз отпугивал садившихся на труп оленя птиц. Если садилось 1—2 ворона, волк терпел, если же спускался третий, волк вскакивал и пугал их. Когда же спускался белоголовый сип, волк спугивал его всегда, независимо от того, были там вороны или нет.

Эксперимент с 13 волками, державшимися в загоне площадью 6,5 га, показал, что во время кормежки эти хищники относятся друг к другу более или менее терпимо. Отношения обостряются при нехватке пищи [143]. Полевые наблюдения показывают, что между волками на приваде нередко возникают драки, при которых устанавливается определенная система отношений. Наблюдали, как после схватки 3 волка насыщались, а 5 терпеливо сидели полукругом, дожидаясь своей очереди. Если привада отравлена и один из волков погибает, другие нередко пожирают своего собрата.

Застав на приваде конкурента слабее себя, волки давят его. Так, возле привады были найдены нетронутый труп задавленного этими зверями самца собаки, а также лисицы. Разбежавшихся от привады собак и лисиц волки большей частью не преследуют, однако возможны исключения. Во Владимирской обл. пара волков-людоедов догоняла повадившихся на приваду лисиц, душила их, но тушки оставляла нетронутыми. Своим посещением волки большей частью отпугивают от привады других зверей. Лисицы нередко уходят и возвращаются к приваде, когда волков перебьют или они сами уйдут в другое место. Так же поступают и собаки. Однако встречается немало исключений: лисицы продолжают бывать на волчьих привадах, когда отсутствуют хозяева. Волк и лисица, ходящие на одну и ту же приваду, имеют каждый свою тропу.

С волками нередко вынуждены считаться и крупные хищники.

В Приморье были обнаружены остатки изюбра, добытого четырьмя волками. Труп был еще теплым. Через 2—3 ч после ухода людей к приваде приблизился крупный тигр, обошел кругом остатки, посидел в нескольких метрах от нее и, не тронув мяса, удалился. Ночью вернулись и пировали у привады волки. Присутствие на приваде медведя сдерживает хищников. Известен факт, когда к лосю, задавленному волками, подошел некрупный медведь и кормился на приваде двое суток. В первую ночь подходили 4 волка, а во вторую они утоптали весь снег вокруг, но ближе чем на 25 м к пирующему медведю подойти не решились. Мертвый медведь не страшен. Возле туши медведя, погибшего в петле, были пойманы в капканы три волка и барсук.

У привады волки иногда бывают так увлечены пищей, что упорно не уходят, несмотря на проезжающую мимо санную подводу. Известен случай, когда один из исследователей в горах Сурях-Джанги подъехал к паре волков, поедавших тушу только что задавленного ими дикого оленя, на расстояние 80—100 шагов, и только тогда хищники оставили приваду и медленно удалились в горы. В Дарвинском заповеднике волк с приближением человека бросил утащенную и задавленную собаку, отбежал в сторону и сел в 70—80 м, а после того как преследователь ушел, вновь вернулся к поживе.

Свою добычу волк может защищать и от человека. Зафиксировано 7 случаев, когда с приближением человека на 3—10 м волк

останавливался, бросал овцу и оскаливал пасть, а при агрессивном поведении пастуха неохотно уходил. В двух случаях из семи, когда пастухами были женщины, волк уносил овцу [8].

Уход с привады. Первой отправляется волчица, за ней с разных сторон привады веером отходят остальные волки, затем в 70—120 м сходятся на тропе и далее идут след в след. Имеются наблюдения за волком, который после посещения привады уходил по открытой местности, на некоторое время усаживался на бугре среди поля в полукилометре от деревни и, лишь убедившись, что никто не следует за ним, с обычными предосторожностями шел на лежку. Обычно волки с привады идут прямо на ветер, а подходят всегда из-под ветра. Войдя в лес, стая расходится по 2—3 особи. Спать ложатся преимущественно спиной к ветру. В тихую ясную погоду старые особи предпочитают отдыхать среди деревьев и кустов на склонах возвышенностей, обращенных к солнечной стороне. В ветреную снежную погоду они выбирают кусты в низинных местах леса и ложатся спиной к дереву, прячась от ветра. Весной волк, вернувшийся с привады, спит на проталинах, иногда растянувшись, как собака в жаркие дни. Наевшийся на приваде волк чувствует, по-видимому, сильную потребность в отдыхе, так как большей частью располагается на дневку в ближайшем удобном для этого месте. Это обстоятельство используют охотники для удержания зверя в определенном районе. Однако поведение насытившегося волка не всегда стереотипно. Нередко волк проходит 3—8 км, несмотря на то, что подходящие участки леса имеются значительно ближе. В последние годы, когда усилилось преследование волков, эти звери, побывав на приваде, долго ходят и к утру оказываются нередко в 10—15 км от нее.

Чтобы повысить концентрацию волков, некоторые помещики в старину выкладывали на приваду огромное количество лошадиных туш, благодаря чему волки собирались со всей округи и кормились привадой всю зиму. Так, к приваде из 280 лошадиных туш, сложенных на десятине земли в 300 м от деревни, волки так привыкли, что приходили средь бела дня и спокойно кормились, несмотря на шум в деревне.

Волки могут оставаться у привады довольно долго и тогда, когда на костях уже не остается мяса. Стаю волков из 2 матерых зверей и 4 персярков наблюдали возле убитого браконьерами марала в течение четырех дней после того, как все мясо было съедено. Возле остатков трупа горного козла в одном из урочищ хр. Кунгей-Алатау несколько волков держались около недели; в радиусе 50 м насчитали 12 лежек, снег был испещрен следами и тропами волков, ведущими к поживе [95]. Говорят, что волки любят «погреметь косточками», имея в виду их склонность посещать места былых охот. У хищников эта особенность поведения связана с возможностью вторично иметь поживу за счет животных, привлеченных видом и запахом остатков. Кроме того, урочище, где охота была успешной, с большей вероятностью сулит встречу с новой жертвой. Роль привады на волка может выполнять не только

туша крупного животного, но и мелкие мясные отбросы, свалки, бахчи. Эти звери кормятся даже на кучах мертвых шелковичных червей.

ШАКАЛ (Canis aureus). К приваде он подходит осторожно, однако, вонзив зубы в мясо, значительно теряет бдительность. Его отношение к привадам подвержено ритмике. Осенью и зимой шакалы концентрируются в местах промысла рыбы и ондатры, вблизи животноводческих ферм, забойных пунктов, скотомогильников, далеко уходя от своих обычных мест обитания [82]. Охотно питаются эти звери на возникающих в процессе хозяйственной деятельности человека скоплениях корма и отбросов. Когда в прошлом на Черном море велся промысел дельфинов, их туши после снятия шкур выбрасывались промышленниками, нарушавшими санитарные правила, в море, а из него через некоторое время волны выносили разлагающиеся трупы на берег. Особенно много их выбрасывалось на мысе Пицунда. Сюда стекались в огромном количестве шакалы, которые, питаясь трупами дельфинов, способствовали очищению берега.

В пойме Амударьи шакалы хорошо идут к привадам поздней осенью, прокладывая к ним тропы. Летом и весной при изобилии естественных кормов они становятся равнодушными к привадам; на Амударье, например, звери совершенно игнорировали их в апреле и мае. В тугаях Кызылкумского заповедника наблюдали, как туша погибшего кабана осталась нетронутой и целиком разложилась, хотя шакалы ежедневно проходили в нескольких метрах от нее.

На приваде могут кормиться сразу несколько зверей. На Кавказе у одной туши за ночь отстреливали по нескольку шакалов. Труп собрата у привады не отпугивает этих хищников. Возле мертвой зебры супруги Лавик-Гудолл [46] насчитали 14 шакалов, среди которых было 6 взрослых особей. Интересно, что при таком скоплении зверей в каждый данный момент кормилось не более 6—7, а среди них не более 3 вполне взрослых зверей. Между взрослыми самцами то и дело вспыхивали яростные стычки. Шакал большей частью мирится с присутствием на приваде зверей иных видов. В районе Ленкорани наблюдали при свете луны у мусорной ямы одновременно домашнюю свинью, 3 собак и 6 шакалов, поедавших труп теленка. Шакалы вели себя иначе, чем собаки: урвав кусок, они отходили с ним в сторону.

С момента созревания арбузов и дынь бахчи посещаются шакалами, лисицами, барсуками и кабанами. Зачастую большой арбуз едят несколько животных. Шакал может есть после лисицы, и наоборот: лисица доедает арбуз, початый шакалом. Выбирая спелые плоды, шакал делает на трех-четырех из них погрызы или царапает когтями, а недоеденный арбуз доедает на следующий день. Выедают звери только сладкую мякоть.

Шакал чрезвычайно смел и нагл в пользовании чужим кормом. Он может выхватить кусок мяса даже из-под лапы льва, улегшегося на приваде, защищает найденную поживу от пытаю-

щихся пожирать ее птиц, остатки еды нередко закапывает. Предполагается, что свои кладовые шакалы размещают на местности более рассредоточенно, чем лисицы. Наблюдались случаи, когда они закапывали трупы нутрий.

ПЕСЕЦ (Alopex lagopus). Он подходит к приваде всегда из-под ветра, чтобы иметь возможность воспринимать запах. С этой целью зверь изменяет направление движения и делает круг, чтобы подойти именно таким образом. Это учитывают при постановке капканов.

Песцы менее осторожно относятся к приваде, выложенной прямо на поверхности земли, чем к закопанной или укрытой, однако, пока приваду не занесет снегом, зверьки опасаются подходить к ней. Затем они добираются до корма, прокапывая в снегу тоннели. В крупных тушах песцы прогрызают отверстия, забираются в них, пачкая мех, и едят изнутри.

Иногда туша моржа, которая выглядит нетронутой снаружи, оказывается пустой. Если пошевелить ее, из отверстия выскакивают измазанные кормом песцы. В теплую погоду они лучше едят приваду и чаще попадаются в капканы. При закладке корма в закрытую сверху яму, которая позволяет отлавливать зверьков одного за другим, песцы, привыкшие к посещению привады, смело лезли в трубы, ведущие внутрь нее. Например, у пос. Каратайки Большеземельской тундры двумя охотниками в две кормушки-ловушки было поймано за сезон 47 песцов.

На о-вах Прибылова песцы охотно использовали подкормку с октября по март, а с наступлением гона менее активно шли на привады. С прилетом птиц, которыми начинают питаться песцы в период воспитания молодняка, они переставали посещать прикормку.

Обычно песцы посещают приваду ночью, реже днем, не ходят на привады в сильные морозы, сопровождающиеся ветрами, в большую пургу.

Выделяющаяся темным пятном на белом фоне снега привада обнаруживается песцами с расстояния до 2 км. Радиус действия кормушки-ловушки около 5 км, однако некоторые зверьки прибегают и с больших расстояний. О своем прибытии на помойки, которые, в сущности, также являются привадами, песцы извещают хриплым протяжным лаем. Песец может регулярно посещать приваду, не имея возможности поживиться на ней. Так происходит, когда на лед мелких водоемов приморажи вают рыбу. Песец имеет склонность оттаскивать с привады куски мяса. Он поедает их в стороне или прячет, закапывая в снег, землю или песок, заталкивает под льдины, камни, уносит в норы. Закопав, тщательно утрамбовывает сверху носом, чтобы спрятанный корм не обнажил ветер.

Предпочитаемые корма. В условиях Заполярья в зимнее время мясо смерзается так сильно, что становится труднодоступным для зубов некрупного хищника. Песцами в первую очередь поедается поэтому измельченный корм и менее подверженные действию низких температур жир и сало. На побережье Карского моря этого зверя приваживают, выкладывая сало нерпы с мясом, нарезанное

четырехугольными кусками массой до 8 кг, придавливая их сверху камнями. Охотники считают, что каждый песец ест приваду со своей стороны и по количеству поедей на приваде судят о количестве зверьков, посещающих ее.

Посещаемость привады песцами зависит и от степени привлекательности выложенного корма. Наиболее эффективно квашеное мясо морского зверя, далее следует по степени убывания: налим квашеный, свежемороженое мясо морского зверя, налим свежемороженый, водоплавающая дичь и куропатки, внутренности и кровь оленей, квашеная рыба, квашеная оленина, свежемороженые рыба и оленина. В Большеземельской тундре песцы хорошо поедают жир морских зверей и свежемороженую навагу, хуже мясо морского зверя. В некоторые годы они не идут к привадам из оленьих туш. Зайцев-беляков и куропаток, особенно если они расчленены, песцы поедают хорошо.

Привлекательными для песцов могут быть и привады с необычным кормом. Недавно на Колыме охотник обнаружил редкое скопление пушных зверей и за короткое время добыл богатые трофеи. На следующий сезон он вновь оказался с большой добычей и выяснил, что скопление зверей связано с тушей огромного гренландского кита массой около 70 т и длиной 30 м, который, как установили ученые, был выброшен волной на берег, обледенел и находился в природном «холодильнике» не менее 1000 лет. К трупу мамонта, обнаруженного на Таймыре в 1963 г., подобрались песцы и питались его жиром и мясом, сохранившим розовый цвет. Известен случай, когда у трупа человека, которого не удалось полностью закопать в каменистую промерзлую землю, было поймано 17 песцов.

Специальные наблюдения показали, что в годы обилия мышевидных грызунов песцы большей частью не обращали внимания на выложенную подкормку. Ее они посещали и поедали, лишь когда добыча леммингов затруднялась выпадением глубокого снега и образованием ледяных корок [99]. Перестают посещать привады песцы во время гона, а также большей частью в теплое время, при изобилии корма, когда стает снег.

Взаимоотношения на приваде. Голодный песец, встретив след своего сытого собрата, идет по нему до того места, где тот наелся. Вообще песцы предпочитают ту приваду, у которой уже побывали собратья; кровь сородичей, попадавшихся в капкан, не отпугивает вновь подошедших зверьков. По мере увеличения количества песцов, посещающих приваду, они становятся менее осторожными и подходят смело даже тогда, когда у привады установлены самоловы. У крупных привад, например у туши кита, звери могут собираться в большом количестве, десятками и сотнями. Известны случаи, когда за ночь в капканы у крупной привады попадало до десятка особей. Из укрытия, сделанного возле выбросов рыбы, один охотник убил за ночь 23 песца. В скоплениях зверьков не возникает серьезных ссор.

В ноябре 1949 г. наблюдали из укрытия за поведением песцов на приваде. У бочки с рыбой собралось сразу 14 особей. Некоторые зверьки кормились, другие лежали. Драк не было. Наблюдения на котиковом лежбище о. Медного показали, что конфликты голубых песцов из-за пищи тоже об-

ходились без потасовок. Зверьки, отгонявшие своих собратьев от трупов котиков, ограничивались лишь угрозой, выпадами [75]. Однако песцы, дерущиеся из-за пищи, не слишком большая редкость, при этом зверьки рычат — такой эпизод запечатлен в фильме Ю. Ледина «На родине белых медведей».

На территориях, поделенных песцами, к приваде ходят зверьки с разных участков, но в разное время. Но если привада лежит недалеко от норы, хозяева не допускают чужаков к мясу. Самки приводят к приваде своих щенят, которые повторяют действия родителей.

Песец посещает приваду и тогда, когда к ней ходят звери других видов, даже если они могут представлять опасность для него. Если привада, выложенная на песца, посещалась росомахой, бурым медведем или другим хищником, это не отпугивает зверьков, более того, в дальнейшем они посещают ее более охотно, чем приваду, никем не тронутую. «Волкосдина» — приманка для песцов.

Песец охотно подбирает остатки пищи белого медведя (чаще всего за медведем ходит старый зверек), продолжает ходить к отбросам и при наличии отгоняющих его собак. Он прижился возле дрейфующей станции «Северный полюс-6». Бесстрашие иногда дорого обходится песцу. Например, посещение привады вместе с двумя лисицами кончилось тем, что последние устроили на зверька охоту и задавили его после того, как мясо было съедено.

Опыты показали, что в те весны, когда кормов бывает мало, песцы не только концентрируются в районе подкормки, но и норятся недалеко от привад. При своевременно выложенных привадах они так привыкают к ним, что их даже не захватывают волны кочующих собратьев.

Реакция на человека. Песцы с удивительным упорством преследуют раненого оленя и собираются группами вокруг умирающего зверя. Если приблизится человек, они лишь немного отбегают в сторону, а с его уходом возвращаются обратно. Если туша увозится охотником, песцы жадно поедают снег, смоченный кровью.

На Командорских островах при ведении регулярной подкормки песцы совсем не боялись человека. С. В. Мараков пишет: «До сих пор перед моими глазами стоит удивительная картина, которую я наблюдал в ноябрьские и декабрьские предпромысловые дни в разных частях острова Медного и особенно в селе Преображенском. В одно и то же время (около трех часов дня) промысловик, волоча за собой на веревке пахнущий потаск, шел через весь поселок и посвистывал в милицейский свисток. Едва раздавались первые звуки, как с разных концов, из тундры и с побережья, задрав хвосты, мчались дикие голубые песцы. Окружив человека, они затем спокойно и невозмутимо шли по улицам под окнами домов, почти прижавшись к ногам, тесной кучей (120—150 зверьков) до самого места выдачи корма в кормушке-ловушке. И так изо дня в день до отлова, обычно начинавшегося с первых чисел января» [52, с. 122—123]. При подкормке диких голубых песцов на о. Медном привады посещало 95—98% всей популяции.

Группа специалистов, работавшая в Заполярье близ р. Усы, чтобы избавиться от непрошеных посещений палаток песцами, начала вести подкормку их рыбой, к которой зверьки очень быстро привыкли. Когда люди ранним утром шли на реку, песцы вы-

лезали из нор и следовали за ними. Зверьки усаживались на берегу и дожидались улова. Когда невод показывался над водой, некоторые взрослые особи бросались к нему и спешили схватить крупных рыб. Вечером подкормка повторялась. В общей сложности за сутки каждый песец получал по 150 г рыбы. Зверьки перестали делать набеги на лагерь и мирно жили рядом, совсем не боясь людей. К осени зверьки стали осторожнее, особенно взрослые, отошли от лагеря, больше охотились в тундре и стали пропускать часы подкормки, а в начале октября, с выпадением снега, они пропали.

Привады и миграции песцов. При интенсивной миграции песцы как бы «текут» по берегу моря. В это время они охотно идут к трупам животных, выброшенных волной, охотно посещают рыболовецкие участки и выложенную подкормку. В таких местах зверьки задерживаются нередко на длительный срок.

Ненцы исстари уловили примету приближающейся миграции песцов. При недостатке корма молодняк, выходя из нор, далеко разбредается. Взрослые песцы, очевидно, обеспокоенные этим, сзывают детенышей выкриками, похожими на крики лебедей (песец «кукает»). Эти сигналы, особенно на заре, свидетельствуют о недостатке пищи и являются предвестниками кочевок. В такие годы удержание песцов подкормкой используют многие охотники. Зверьки задерживаются у привад, если ямы с кормом открывают незадолго до начала массовых миграций. Начавшуюся миграцию подкормкой остановить нельзя.

Мечение песцов, проводившееся в северной части Ямальского п-ова, показало, что зверьки, помеченные в районе, где их подкармливали мясом, рыбой и другими продуктами, были пойманы на меньшем расстоянии, чем песцы из других мест, где подкормку им не предлагали. Некоторые из подкармливающихся песцов были отловлены в районе мечения; один зверек был пойман в том месте через 3 года. Летняя подкормка песцов на Командорских о-вах резко повысила выход молодняка. Подкормка песцов в осенне-зимнее время способствует увеличению их добычи более чем втрое и делает результаты промысла стабильнее в разные годы.

ЛИСИЦА (Vulpes vulpes). Поскольку она подходит к приваде всегда из-под ветра, можно, зная господствующие в данной местности ветры, заранее предвидеть ее действия. Известно, что зимой лисица обычно ходит своим следом, но когда подходит к приваде, отступает от этой повадки и всегда идет целиной. Приближаясь к туше, она подозрительно осматривает и обнюхивает все на своем пути, поэтому капканы обычно ставят не вблизи привады, а в 30—50 м от нее. Иногда лисица, немного не дойдя до привады, делает круг. Встретив лыжный след, она, прежде чем пересечь его, некоторое время идет лыжней. Зафиксирован случай, когда лисица, подбираясь к мертвой ондатре, лежавшей на сугробе, прокопала тоннель длиной в 1 м и диаметром 40 см [25].

Лисица очень осторожна при подходе к приваде, но как только освоится в опасном месте и начнет есть ее, бдительность теряет. С меньшей опаской относится она к появляющимся на приваде посторонним предметам и запахам, не прекращает посещать прива-

ду и с появлением следов человека. Подвешенную приманку или приваду лисица берет, как правило, гораздо хуже, чем лежащую. В наших опытах подвешенные в воздухе привады звери не тронули всю зиму, хотя точно такие же привады на земле усиленно ими поедались.

В первую очередь лисица выедает мягкие части туши, причем зверь может забраться даже внутрь ее. Темп поедания мяса зависит от степени его замерзания.

Наблюдения в Норвегии показали, что на туше лося в октябре и ноябре лисицы съели около 40 кг мяса, в декабре — 135 кг, в январе, феврале и марте смерзшаяся привада не посещалась ими, а в апреле лисицы съели еще 20 кг лосятины.

В Шотландии наблюдали поведение лисиц, поедавших трупы овец. Звери обычно начинали «разделку» туши с анального отверстия, а извлекаемые внутренности оттаскивали в сторону.

Посильные куски корма лисица часто уносит с привады и прячет метров за пятьдесят, иногда и дальше. Мы наблюдали случаи, когда самка отнесла половину зайца на 300 м, а самец унес нижнюю часть ноги теленка за 700 м. Вырыв ямку в снегу или земле лапами, лисица кладет в нее принесенную поживу и зарывает носом, как это делают собаки, пряча кость. При этом она утрамбовывает мордой поверхность засыпанной ямки, подбирает оброненные мясные крошки и шерстинки, иногда и посидит на месте своего тайника. Затем зверь возвращается, некоторое время идя своим следом, а потом резко сворачивает от него под углом. Унесенные с привады корм или остатки своей добычи лисица прячет не в любом, а большей частью в приметном месте. Например, с привады, выложенной в чистом одновозрастном березняке, она дважды относила и прятала куски корма, в первом случае под двумя дубками, а во втором возле пяти молодых дубков. Возвращается к своей кладовой хищница на следующий день, а чаще на 3—5-й, если в этот период нет сильного снегопада.

В теплую погоду следов лисиц на привадах бывает меньше, при похолодании же звери все истопчут. В сильные морозы активность лисиц на привадах снижается. По наблюдениям специалистов, проводивших подкормку лисиц, посещаемость привад зависит от наличия корма в природе. Хуже звери ходили к ним в августе, когда шла пахота и они поедали вывернутых из земли детенышей полевок и мышей. Зимой меньше посещали привады в январе. При выкладке привады вблизи лисьей норы в начале июня выводок приучается посещать ее, и, если корма хватает на всех, подросшие лисята не уходят далее 3 км, а с наступлением морозов держатся вблизи своего убежища. Если же пищи не хватает, молодые лисицы разбредаются, держась в радиусе 10 км. При подкормке лисят выкладывать приваду ближе 150 м от норы нельзя, так как самка уведет детенышей в другое место. Поедая подкормку, хищник каждый раз оставляет возле нее экскременты.

Обычно лисица подходит к выложенной приваде раньше, чем волк. Из 102 привад для волков во Владимирской обл. 94 посе-

щались лисицами (Сысоев, 1970). Реакция лисицы на приваду зависит от ряда факторов. Игнорирует она приваду, выложенную в лесу, в местах, где у нее бывают лежки.

Посещаемость лисицами привад, их поведение изучались нами в течение 5 лет, с 1966 г. в Зуевском р-не Кировской обл. Три привады располагались треугольником в центре опытного участка с удалением друг от друга примерно на 3 км. Учетные маршруты следов расходились от круга с привадами в трех радиальных направлениях. В среднем за 4 года следов вокруг привад на кругу с радиусом 100 м (из расчета на 10 км маршрута) было: в ноябре — 21, декабре — 257, январе — 105, феврале — 125, марте — 105, апреле — 31 [80]. Таким образом, наиболее часто лисицы посещают привады в декабре, в последующие три месяца активность зверей остается примерно на одном уровне; в начале и конце снежного периода (в ноябре и апреле) посещаемость лисицами привад незначительна.

У привады увеличивается концентрация следов лисиц: в 100 м от нее встречалось 150 следов (в расчете на 10 км маршрута), на расстоянии 1 км — 30, более 1 км — 19 следов. На удалении километра от привады количество следов по сравнению с таковыми возле нее уменьшилось в среднем в 5 раз, а на удалении до 6 км — почти в 8 раз. На опытном участке площадью 130 км² в разные годы при подкормке зверей абсолютная их численность увеличивалась в 2—10 раз.

Вокруг привад на каждый след лисицы приходилось 0,12, а на других участках маршрута — 0,42 следа зайца-беляка. Таким образом, в районе привад, усиленно посещаемых лисицами, зайцев было в 3,5 раза меньше, чем на остальных территориях.

Посещаемость привад лисицами зависела от их численности и была пропорциональна ей, зависела она и от наличия естественных кормов. В неблагополучные по кормовым условиям годы лисицы посещали привады более активно. Иногда одну приваду посещает несколько особей. В 50-х годах на Камчатке у одного выбросившегося на берег кита было поймано 300 лисиц.

Лисицы продолжали посещать приваду, правда, в меньшей степени, и тогда, когда мы обнесли ее изгородью. Их, очевидно, привлекали мелкие кусочки мяса, которые растаскивали врановые птицы, продолжавшие кормиться на приваде и после ее ограждения. Когда же изгородь накрыли жердями и сверху, что исключило возможность доступа птицам, приваду перестали посещать и лисицы, и птицы. Таким образом, регулярные посещения привад животными возможны лишь при пищевом подкреплении, одного вида мяса и запаха недостаточно, чтобы достичь этого эффекта.

Несмотря на постоянные посещения огороженной привады, лисицы не теряли осторожности. Пример: в изгороди проделали на уровне поверхности снега два квадратных отверстия со сторонами по 40 см, и ни одна из приходивших к приваде лисиц с ноября 1966 по март 1967 г. так и не решилась проникнуть внутрь.

Кроме лисиц, в единичных случаях привады посещали другие животные. В среднем за сезон у привад встречалось (из расчета на 10 км маршрута): следов лисицы — 150; волка — 1; енотовидной собаки — 0,25; лесной куницы — 0,25; горностая — 0.07; ласки — 0,50; лося — 0,50; зайца-беляка — 6; зайца-русака — 0,30; белки — 0,50, домашней собаки — 0,70.

В отдельных случаях лисица упорно ходит по следам рысей, росомах, волков, чтобы пользоваться остатками их трапезы, привадами, которые они посещают. Следы лисиц обнаруживали возле трупов изюбров, добытых тиграми. Наблюдали, как лисица, найдя спрятанные харзой остатки кабарги, извлекла их и, отнеся на несколько десятков метров, перепрятала под уступ подмытого берега [53].

Зимой на Курилах кормовая база для лисиц недостаточна, поэтому они постоянно дежурят возле помоек и, ссорясь из-за пищи, дерутся с небольшими собаками и между собой. На Камчатке в XVII в. человеку приходилось палкой отбивать лисиц от корыта, где кормились собаки.

ДРУГИЕ ЖИВОТНЫЕ СЕМЕЙСТВА ВОЛЧЬИХ. Менее осторожно, чем другие звери этого семейства, относится к приваде *енотовидная собака* (Nyctereutus procyonoides). Найдя приваду, она обычно подходит к ней сразу и тут же приступает к поеданию корма, подбирая мелкие крошки. Зверя не пугает необычная поза трупа. В наших опытах собаки поедали даже подвешенную к дереву тушу, что, например, редко отваживались делать лисицы и даже росомахи. Корм, унесенный с привады, енотовидная собака, по-видимому, не прячет (при содержании ее в вольерах этой повадки у нее не замечалось). В Кубанских плавнях, несмотря на обилие животной пищи, енотовидные собаки посещают привады охотно. В октябре 1965 г. на одну из них ходили сразу 5 зверей, и среди них возникали драки. Зверь, прибывший к прикормке первым, не пускал других. При подходе человека они разбегались метров на пятнадцать и дожидались ухода. На другой приваде из ондатровых тушек в ерике Хузовом было поймано 14 енотовидных собак, а в некоторые дни в капканах, стоящих вокруг привады, их оказывалось сразу по 3—4.

При акклиматизации енотовидных собак в местах их выпусков нередко выкладывали корм и сооружали искусственные норы. Зверьки охотно брали подкормку. Например, в Белоруссии они так привыкли к ней, что первое время не выходили из нор на поиски пищи. Услышав привычные шаги человека, принесшего еду, они высовывали мордочки из нор и спокойно ждали своей порции, пищу брали даже из рук. Зверьки смело таскали из оставленных на земле грибниками корзин хлеб и ягоды. Однако в Воронежской обл. при выпуске енотовидных собак в октябре выложенная подкормка не задержала зверей, и они разбрелись, выйдя за границы заповедника. В Астраханской обл. подкормка, выкладываемая возле нор енотовидных собак с молодняком, обычно поедалась, но по достижении щенками месячного возраста выводки иногда покидали норы. В Уссурийском крае енотовидная собака часто

пользуется остатками пищи волка и харзы. В конце лета и осенью выходит кормиться на посевы, поедая овощи и сою.

Корсак (Vulpes corsac) нередко кормится у скотомогильников, боен, на свалках. На одной приваде может одновременно собираться по нескольку особей, иногда в компании собак и других животных. Зимой 1963 г. охотник П. С. Холмецкий поймал на свалках около г. Атбасара Целиноградской обл. 72 корсака. Часто корсаки кормятся остатками добычи волков; вместе с падалью эти зверьки легко берут стрихнин и другую отраву.

Доместицированный хищник — домашняя собака — охотно посещает привады. В 1916 г. после распрей многие киргизы с имуществом и скотом тронулись на восток. На Тянь-Шане от трудного пути и бескормицы погибло свыше 50 тыс. крупного рогатого скота. Многочисленные собаки, соблазнившись обилием кормов, отставали от своих хозяев, а впоследствии, размножившись, одичали. В отличие от волков одичавшие собаки держатся возле привады до полного использования туши. Собакам также свойственно закапывание пищи. Наблюдения показывают, что это действие является у них типично инстинктивным (пес может совершать ритуал закапывания кости на паркете), но в то же время содержит элементы приспособления к конкретным обстоятельствам. Например, собака, начав носом сгребать в выкопанную ямку с костью мягкую землю, когда она кончается, сгребает грунт с более далекого расстояния, по не подряд, а сталкивает носом возвышающиеся над общим уровнем кочечки, т. е. адаптируется к имеющимся условиям.

СОБОЛЬ (Martes zibellina). Обычно он обнаруживает приваду в первые дни ее выкладки. В Соболевском р-не Камчатки из четырех прикормочных площадок с рыбой соболи обнаружили три: у первой они появились через 5 дней, у второй — через 7, у третьей — через 12, а четвертая, засыпанная снегом, осталась ненайденной. Иногда соболь, найдя приваду, проходит мимо, не меняя аллюра, как бы не замечает ее. При выпуске соболей в Якутии через сутки зверьки появились на трех из 22 прикормочных площадках. Через четыре дня после выкладки подкормку посещало не менее 50 из 100 выпущенных соболей. По запаху соболь обнаруживает выложенную у ловушки прикормку на расстоянии 30—70 м. При наличии большого количества корма, пахнущего сильнее, дистанция обнаружения им корма увеличивается. Тропление одного соболя «в пяту» показало, что он прошел почти прямым ходом к приваде более 5 км. Выйдя на след своего собрата, побывавшего у привады, соболь каким-то образом определяет, что тот шел от места с обильным кормом, и, идя этим следом, легко находит приваду.

С вышки наблюдали, как подходивший к подкормке соболь несколько раз становился на дыбы и осматривался вокруг. На приваде соболь ведет себя очень осторожно: острота его слуха и зрения не позволяла человеку на вышке не только шевелиться, но даже повернуть головой. Соболь обычно обследовал все ящики с прикормкой и, если там не оказывалось лакомой пищи, шел к общему корму. Привыкнув к регулярной подкормке, звери вели себя гораздо смелее и как бы ждали прихода человека, дающего корм: возвращаясь почему-либо назад по проложенной лыжне,

он не раз находил на ней свежие следы шедшего за ним соболя. На Северном Урале звери начинали двигаться к приваде, как только слышали стук топора, которым открывали крышку ящика с прикормкой.

Добыв или найдя на приваде птицу или грызуна, соболь, как и все представители семейства куньих, в первую очередь съедает голову, шею и печень, богатые липоидами, гормонами, эргостеринами. Иногда зверь глотает непомерно большие куски мяса, с трудом проходящие по пищеводу, но может также легко отрыгнуть их. Приманку он никогда не берет зубами, а сбивает ее лапой.

Относ и прятанье корма. Отношение соболя к прикормке зависит от ее объема. Если она невелика, соболь проходит мимо или, даже отведав ее, приходит не скоро. Поэтому на одну приваду рекомендуется выкладывать не менее 10—15 кг корма крупными кусками или смороженного в единый ком. Крупные тушки животных, например собаки, соболь ест на месте, остается лишь обглоданный скелет.

Принято считать, что соболь пищу не запасает и делает это лишь при исключительных обстоятельствах. Однако зверьки нередко утаскивают корм с привады.

О поведении соболя, за которым наблюдали с вышки, В. К. Тимофеев писал: «Это был крупный самец. То мелкой рысцой, то прыжками, нога в ногу, осторожно осматриваясь, приближался зверек к прикормочной точке. Описав полукруг, он остановился, поднялся на задние ноги, осмотрелся вокруг и поскакал к дуплянке. Здесь еще раз осмотрелся, прислушался и быстро стал откапывать забитое отверстие. Кедровки в это время не унимались, оглушая воздух дружными криками. Соболь проскользнул в дуплянку и поспешно начал выносить из нее корм, бросая его тут же у отверстия. Потом, схватив шишку, убежал с ней за деревья. Там, метрах в десяти от дуплянки, находился минуты три. Как только соболь ушел, кедровки прекратили крики и тихонько, почти бесшумно, одна за другой начали спускаться к дуплянке и украдкой похищать выброшенный корм. При появлении соболя взлетели и опять подняли крик. Зверек осторожно пробрался в дуплянку, вытащил сахар, смоченный валерьяновыми каплями, и здесь же съел его. Потом с шишкой во рту вторично убежал за дерево. Вернувшись и не найдя съестного, соболь забрался на крышку дуплянки, оставил экскремент и ускакал к следующей подкормочной точке» (Экология баргузинского соболя.— Труды Баргузинского заповедника. Вып. 1, 1948, с. 81).

Зафиксированы случаи, когда соболь унес тетерева на 100 м и стремился спрятать его под выворот дерева и когда зверек, выбравшись из клетки в жилом помещении, сбросил крышку с кастрюли, вытащил мясо и спрятал его в разных местах. При изобилии кормового фарша на звероферме соболи растаскивают его и засовывают в ячейки стенок. Основное количество проваливается, но часть примерзает, и потом зверьки иногда, отрывая примерзший фарш зубами, поедают его. По наблюдениям исследователя А. С. Баталова, при внесении в клетку к соболю предметов с запахом другого соболя ее обитатель начинает ходить по своим запасам и с большой жадностью ест свежий корм.

Время посещения привады. Соболи, подкармливаемые на о. Феклистова (Шантарские о-ва), подходили на приваду с начала

рассвета и до 9 ч утра, а затем с 15 ч 30 мин до позднего вечера. Ночью они не приходили, не посещали ее во время пурги и сильного ветра. В Баргузинском заповеднике соболи бывали на привадах днем, с раннего утра и допоздна. При выпуске витимских соболей в Якутии зверьки чаще всего посещали подкормочные площадки рано утром, до 8 ч, но в ряде случаев и в вечерние сумерки, а также нередко днем; иногда на приваду приходили и в пургу.

Наблюдения показывают, что некоторые соболи приходят к прикормке ежедневно, другие с перерывами в 1—2, иногда до 4 дней. Прикормочные площадки, на которых они питались 5—7 дней, посещают в любую погоду. Наиболее активно посещают подкормку во второй половине зимы. В Баргузинском заповеднике в ноябре было отмечено 5 посещений соболями прикормочных площадок, в декабре — 12, в январе — 15, в феврале — 45, в марте — 60, в апреле — 105. На следующий год ритм посещения был иным: в ноябре подходов не было отмечено, в декабре их было 6, в январе — 40, в феврале — 25 и в марте — 14. В первый год соболи стали брать прикормку на 30-й день после выпадения снега, а на второй год — с 40-го дня. Активность посещения в первый год была повышенной, во второй значительно понизилась. Причина тому — различная обеспеченность естественными кормами. В годы обилия корма привлечь соболя к приваде труднее.

Предпочитаемый корм. При подкормке соболей на о. Феклистова использовалась разнообразная пища: мясо нерпы, вяленая рыба, вымоченная кета, тушки кошек, кур, кедровок, орехи, ягоды рябины и брусники, мед. Ягоды звери почти не ели. Особенно их привлекал мед. Был случай, когда соболь, неожиданно захлопнутый дверкой в кормушке-ловушке и выпущенный наблюдателем, сейчас же при нем вернулся обратно и стал доедать мед.

В Баргузинском заповеднике на привады выкладывали тушки собак, мясо оленей, вареную говядину, кроликов, тушки полевок и мелких птиц, орехи и шишки кедра, кедрового стланика, ягоды рябины и брусники, которые иногда подсахаривали, макароны с рубленым мясом, просо, толокно, хлеб, варенье, сахар (иногда его смачивали валерьяной или анисовым маслом). Все эти корма соболи поедали. Находили экскременты соболя, состоявшие исключительно из целой просяной крупы, макарон и толокна. Но особенно охотно зверьки брали сахар и засахаренные ягоды. Грызли сахар, смоченный валерьяновыми каплями, сахар же, сбрызнутый анисовым маслом, брали неохотно или не брали совсем. Хлеб с валерьяной ели лучше, чем просто хлеб. На второй год природных кормов было больше, и соболи на приваде охотнее брали засахаренные ягоды, сахар и варенье, а шишки кедрового стланика и мясо нередко оставляли. Зверьки приходили к привадам нерегулярно, как бы набегом, но когда было выложено варенье, посещения их стали более частыми и в течение дня повторялись. Однако находились особи, совершенно игнорировавшие привады. Один самец близко проходил возле подкормочных площадок, но корма не брал.

Если соболь находит дупло с пчелами, то через 5—7 дней в этом месте собирается до 20—30 зверьков, кормящихся медом. Никаких агрессивных действий по отношению друг другу они не проявляют. Найдя такое место, охотник в короткий срок может отловить всех соболей.

К найденным дуплам зверьки ходят постоянно по хорошо натоптанным тропам, пока полностью не уничтожат мед и самих обитателей. Вокруг дерева весь снег бывает истоптан, соболи валяются в снегу, освобождаясь от забравшихся в мех пчел.

При многолетней подкормке соболи становятся менее разборчивы. На Сахалине зверьки мало реагировали на привады в первый год, избегали их, обходя стороной. После нескольких лет регулярной выкладки привад они ели практически все: птиц, рыбу, тушки лисиц, норок, выдр, кухонные отходы и даже тушки соболей. Плотность зверьков зависела от количества и постоянства выкладываемой зимой прикормки и в меньшей степени от количества естественных кормов. На путиках у охотников, регулярно возобновлявших подкормку с осени до весны, зверьки концентрировались с высокой плотностью, и охотучасток напоминал звероферму (Воронов, 1974). Они добывали соболей в три с лишним раза больше, чем охотники, не применявшие подкормку.

Радиус действия привады. Предполагается, что радиус действия одной привады на соболя равен примерно 5 км. Очевидно, в различных угодьях он изменяется. Если около трупа кабарги сразу не отловить умертвившего ее соболя, то через 4—7 дней к этой приваде начинают ходить несколько зверьков. Опытные охотники устанавливают капканы лишь после того, как кабарга будет съедена на две трети. Иногда возле одной кабарги отлавливали до 7 соболей.

На Камчатке к каждой приваде из 20—30 кг рыбы ходили до 8 соболей. Зверьки надолго поселялись вблизи прикормки, нередко посещая привады и днем. Всего вблизи 12 привад на площади 150 км² кормилось 46 соболей. Из них охотник И. Т. Корякин добыл 28, затратив на это 27 дней.

Зверьки, регулярно посещающие прикормку, устраивают гнезда в непосредственной близости от нее. У одного соболя бывает обычно по нескольку убежищ, реже по одному. Расстояние до гнезда может быть разным. В ряде случаев соболь остается у самой привады. На Саянах, в вершине р. Кирея, зверек устроил свое логово под колодиной в 5 м от привязанного проволокой куска мяса. Известен случай, когда в туше изюбра соболи проделали траншеи, одна из них вела к желудку, где было устроено временное убежище, а рядом с ним имелась уборная зверька. В Иркутской обл. при вывозке кедровых орехов обнаружилось, что во многих срубах с кедровыми шишками поселились соболи и съели часть орехов.

Преодоление преград. Устройство самой привады для соболя, по-видимому, не имеет значения. Зверьки одинаково охотно брали корм, выложенный на земле, на прикормочных столиках, в дуплянках на снегу и дуплянках, поднятых на 30 см, а также в снежных ямах с ледяными стенками.

При подкормке соболей на Камчатке они в первую же ночь брали корм с настилов, расположенных на высоте 2 м над снегом, забираясь туда по приставленной наклонной жерди. Соболь активно преодолевает препятствия на пути к овладению кормом. Если последний привязан шпагатом, зверек перегрызает его. Он отгрызал, уносил грызунов, попавших в давилки (утащил даже поползня в капканчике с привязанными к нему еще четырьмя такими же ловушками). Раскапывал соболь снег, забивший вход в прикормочный ящик, прорывал бумагу, которую прикрепляли к его отверстию, чтобы дольше понаблюдать за зверьком.

Соболи забираются в лабазы с запасами пищи, в шалаши и лесные избушки, нечасто посещаемые человеком. В пос. Мама Бодайбинского р-на Иркутской обл. зверек около месяца кормился свининой, хранившейся в кладовой. Зимой 1950 г. в пос. Богачевка на Камчатке соболь жил долгое время в магазине, скрываясь среди ящиков и мешков с продуктами. Когда зверек был отловлен, его шкурка была покрыта своеобразной «броней» из муки, перемешанной со сливочным маслом. Мигрирующие соболи особенно бесстрашны в посещении привад и свалок возле селений.

Был случай, когда соболь, подойдя к избе, схватил крыло глухаря, привязанное к чурке. «Я вышел с фотоаппаратом и начал его снимать,— пишет С. Сокольский [79, с. 12—13],— соболь прекрасно меня видел, несколько раз порывался убежать, но жадность пересиливала, и он возвращался к крылу. При щелкании затвора фотоаппарата вздрагивал и смотрел на меня. Наконец, не выдержав, убежал. Я стоял совершенно открыто. Через 20 минут зверек опять явился, отцепил крыло и, держа его поперек, убежал».

Взаимоотношения соболей на приваде. Для наблюдений за поведением соболей у привады на Шантарских о-вах была построена наблюдательная вышка и за три месяца с небольшим было зарегистрировано 463 посещения (максимум за один день — 11). Одновременно на подкормочной площадке находилось не более 3 зверьков. При встрече у подкормки они плотно прилегали к снегу и как бы готовились напасть друг на друга, но драк не отмечалось. Если зверек у подкормки был один, то второй обычно сидел и ждал, когда первый уйдет. При подкормке соболей в Баргузинском заповеднике максимальное число посещений привады за один день в среднем было равно 10,5. При подкормке соболей в Ивдельском заказнике на Северном Урале наблюдали по следам, как самец, поедая корм, отрывался, чтобы отогнать подходившую самку, и вновь возвращался к корму. Из окна зимовья видели, как соболь, пришедший к куче беличьих тушек, сделал резкий выпад с поворотом в сторону другого соболя, пришедшего вторым, но конкурента это не слишком напугало, и он находился на приваде еще 5—7 мин [56]. Возникающие сложности внутривидовых взаимоотношений на привадах у соболей, по-видимому, не слишком значительны, поскольку известно немало примеров, когда у одной привады отлавливали по десятку и более соболей.

В лесу по р. Давше, на современной территории Баргузинского заповедника, было отловлено возле павшего оленя 13 зверьков. Охотник В. Аписи-

мов в 1958 г. у лосиной туши добыл 16 соболей. В 1950 г. в Курагинском р-не Красноярского края у бревенчатого амбарчика, куда с осени были заложены остатки марала, кормившись к середине зимы около 30 соболей, за одну ночь там отловили 21 зверька.

В Баргузинском заповеднике соболи долго избегали прикормочных площадок, на которых побывали лисицы или собаки. Кедровки же зверьков не пугают, а, наоборот, привлекают: соболь не упускает случая схватить зазевавшуюся птицу.

Реакция прикормленного соболя на человека. Прикормившийся зверек становится менее осторожным, чем обычно. На о. Феклистова соболей успешно подкармливали в центре лесосеки, на которой в течение дня работали лесорубы. Иногда зверьки проходили в 10—15 м от людей, занятых рубкой леса. Однажды соболь забрался на вышку с наблюдателем, стоявшую в 25—30 м от привады. Увидев человека, приближающийся к приваде соболь бросился назад, но когда тот удалился на 50 м, зверек вернулся к ней. Известен случай, когда, несмотря на ежедневные в течение 6 дней посещения привады охотником, который выбивал там свою непогасшую трубку, соболь продолжал ежедневно кормиться и никуда не отходил от своего логова, находившегося в 5 м. Попав на седьмые сутки в капкан, зверек отвертел лапу и спрятался в том же убежище.

РОСОМАХА (Gulo gulo). Добыв крупного зверя или найдя тушу привады, росомаха имеет особенность расчленять ее на отдельные куски и, растаскивая по округе, прятать их. Мелких животных утаскивает целиком, более крупную тушу, например косули, тащит волоком, не имея сил унести в зубах. При этом может останавливаться и есть. Тропление научным сотрудником В. Б. Колычевым росомахи, утащившей добытую кабаргу, показало, что зверь волок тушу, двигаясь задом вверх по склону. Периодически росомаха останавливалась, видимо, для отдыха, дважды вырывала глубокие норы в снегу и забиралась туда, поскольку было очень морозно, ниже —40 °С. Зверь тащил тушу волоком около 400 м и спрятал ее под корнями вывернутого крупного кедра.

Тушу лося росомаха растаскивает за 7—10 дней. Промысловики северных районов страны используют в качестве привад головы северных оленей, выкладывая их помногу в одном месте. Если головы не приморожены и не связаны, росомаха за одну ночь способна растащить 15 оленьих голов на расстояние 1—1,5 км от привады. Голову лося массой 20—25 кг, оставленную охотниками, росомаха, пятясь, оттащила на полкилометра, обкусала концы рогов и пометила мочой. Череп марала тащила в зубах свыше 7 км. При этом зверь дважды принимался за еду, ушел за перевал, так и не бросив последний кусок [28]. Известен случай, когда остатки задранного волками лося массой не менее 25 кг росомаха затащила на дерево на высоту 2,5 м.

Чаще относит мясо с привады на небольшое расстояние — на 100—300 м. Нередко, протащив и зарыв первый кусок в снег, ро-

сомаха тянет второй кусок по этому же следу, протаскивает его поверх первого и тоже зарывает, третий кусок также волочит по тому же следу и т. д. Таким образом происходит маскировка пищевых запасов.

Существует мнение, что росомаха растаскивает и прячет добычу лишь в условиях недостатка корма. Наблюдения в заповеднике «Столбы» показывают, что этот зверь растаскивает добычу в любом случае, независимо от обеспеченности пищей. И лишь когда найденная падаль смерзлась на морозе и расчленить ее не под силу, зверь поедает пищу на месте. На месте поедали росомахи и трупы разбившихся о камни маралов, которые при падении крепко застряли в расщелинах.

Прятанье корма впрок наблюдалось и при содержании росомахи в неволе. Когда после недели плохого кормления самке в возрасте 18 недель дали полную чашку мясного фарша, она, съев часть, остальное спрятала следующим образом. Так как зверь находился на привязи в помещении с деревянным полом, он стал отрывать куски от валявшегося большого листа картона и закрывать им чашку. Впоследствии биолог-охотовед В. В. Веденичев не раз наблюдал, как росомаха закрывала чашку «подручным материалом» — фанерками, поленьями дров, травой. Траву она рвала зубами в стороне от корма, носила ее и аккуратно, придавливая носом, маскировала корм.

Бытует росомаха у жертвы в первую очередь губы, язык, внутренности и все выступающие части. На приваде она может глубоко вгрызаться в труп животного. В Печоро-Илычском заповеднике научный сотрудник С. М. Сокольский, наткнувшись в тайге на тушу северного оленя, увидел, как вдруг из ее грудной клетки выскочила крупная росомаха и стала неторопливо удаляться. Росомаха, повалившая оленя, с жадностью поедает мясо на его шее. В это время она легко подпускает человека.

Бытует мнение, что росомаха очень прожорлива и за ночь может съесть целую косулю, однако вряд ли оно соответствует действительности. По объему росомашьего желудка можно предположить, что мяса зверь может съесть не более 2 кг. Отпрепарировав несколько десятков росомах, в желудке у них не обнаружили пищи более 850 г. Полугодовалые звери, содержавшиеся на биостанции ВНИИОЗ, потребляли за сутки 1,2—1,5 кг мясного фарша, за одно кормление голодный зверь мог съесть до 1,3 кг. Не было отмечено, чтобы росомахи отрыгивали съеденный корм. Ест этот хищник аккуратно, подбирая все выпавшие из миски крохи. Однако, наведываясь в охотничьи избушки, на лабазы с продуктами, росомаха не столько съест, сколько испортит: разорвет мешки с мукой, пережует пачки чая и супы в упаковках, обольет все мочой, порвет одежду и распотрошит подушки.

Если привада смерзлась и не поддается расчленению, росомаха ходит на нее многократно и съедает начисто, в том числе и кости. Подобно рыси, проводит у крупной добычи много суток, длина ее суточного хода в таких случаях бывает всего 1—2 км.

У крупной туши зимой нередко скапливается несколько росомах, живущих в радиусе 10—15 км. В заповеднике «Столбы» в январе 1973 г. лесник

наблюдал у трупа марала сразу четырех росомах. Они жили в радиусе 5 км от этого места около месяца, пока пищи было достаточно, а когда запасы подошли к концу, более сильный зверь отогнал конкурентов. По следам установлено, что он пытался преследовать сородичей и ранее. Нередко росомахи дерутся возле привады. С появлением волков в Лапландском заповеднике росомаха переключилась на поедание остатков их добычи. Однако к тушам оленей, которые посещают волки, росомаха не ходит. Врановых птиц от привады отгоняет.

КУНИЦА ЛЕСНАЯ (Martes martes). Она охотно пользуется подкормкой, привыкает к приваде и неоднократно возвращается к ней. Посещая приваду, троп не придерживается. Ходит куница и к остаткам добытых ею жертв, делая это с удивительным постоянством. Недоеденные остатки прячет под колодником на месте или оттаскивает на расстояние до километра, правда, чаще это расстояние измеряется десятками метров. Белую куропатку массой около 600 г как-то утащила на 100 м, а самку глухаря, весившую 2 кг,— на 50 м. Прежде чем спрятать корм, петляет, осматривая место. Однажды в дупле, где была добыта куница, нашли 13 рябчиков (Граков, 1965).

Возле большой добычи куница может жить несколько дней, но к небольшим остаткам пищи возвращается не всегда. Интервалы посещений иногда достигают месяца и более. К остаткам чужой добычи подходит осторожно. В отдельных случаях проникает в птичники. Известен случай, когда самец лесной куницы за два месяца посетил 40 дворов в пос. Мальковичи Брестской обл. и уничтожил более 700 кур. В одну ночь было погублено сразу 17 птиц и только у одной была отъедена голова.

Для привлечения куниц прикормку выкладывают не только обычным путем — на землю, но и закладывают в дупла деревьев, ящики из фанеры или бересты, развешивая их на деревьях, в траншеи, прикрытые сверху дерном.

ХАРЗА (Martes flavigula). Поедая тушу копытного зверя, харзы не разрывают его на части — это им не под силу, а выедают изнутри через небольшое отверстие. Нередко начинают есть труп у самой земли, где он меньше промерз. Для этого подкапываются, прогрызают шкуру, делая в туше многочисленные ходы. Небольшую добычу, например кабаргу, звери перетаскивают и прячут. Для этой цели используют пустоты, скрытые нависающими корнями, скальные ниши, прячут ее между камнями, под валежинами, чаще всего в пустоледья. Иногда спрятанный труп бывает полностью скрыт. По краям потаска волочащейся туши кабарги иногда остаются линии, прочерченные копытцами.

На площадках уплотненного снега вблизи привады бывают видны кровавые следы хищников, валявшихся на снегу, очищая мех. В нескольких десятках метров можно найти их временное убежище: оно располагается в дупле, под выворотнем или в чащобе. У входа в убежище и у привады бывают скопления экскрементов.

Две харзы съедают треть свежедобытой кабарги, а целиком ее уничтожают за 2—3 сут. Стая из 4—5 харз может съесть кабаргу полностью за один раз, оставив лишь содержимое желудка,

обрывки шкуры и концы ног. От съеденного харзой зайца остается на месте много пуха, куски кожи, задние ноги, реже уши.

Харза следует за тигром на протяжении десятков километров, пользуясь остатками его добычи. Видимо, этот древолаз чувствует себя неуязвимым для тигра. При подходе к приваде человека харза перемещается. Если привада лежит на земле, зверь нередко залезает на дерево. Отмечен случай, когда 6 харз, кормившихся кедровыми орехами, при появлении охотника стали быстро спускаться по стволу дерева, двигаясь по спирали. В отдельных редких случаях харза отваживается проникать к людским запасам пищи. В Сихотэ-Алинском заповеднике за две ночи зверь прогрыз 400 рамок ульев с пустыми сотами, которые были подвешены в сарае. Зубы у пойманной харзы оказались стертыми до десен. Известен факт, когда этот хищник питался мороженым мясом изюбра, спрятанным в лабазе.

ГОРНОСТАЙ (Mustela erminea). Подкормка его может быть весьма эффективной. В одном из районов Западной Сибири охотник выкладывал привады на горностая с середины сентября, используя различные рыбные отбросы. Несмотря на кажущееся отсутствие в районе его охоты горностая, за месяц у подкормочного пункта сосредоточилось много зверьков. С наступлением срока промысла охотник добыл за 10 дней охоты вокруг одного подкормочного пункта 63 зверька. Горностай проникает и к запасам продуктов в домах, где живут люди. Так, в одной из кладовых было отловлено 20 зверьков.

Горностай ходит к приваде, не прокладывая троп. Известно, что, заметив, например, мертвую мышь, он часто старается подобраться к ней из-под снега, а не по снегу. Это служит препятствием при использовании мыши, привязанной к тарелочке капкана, в качестве зрительной приманки. В годы обилия мышевидных грызунов хищник на привады не ходит. При изобилии пищи прячет добытых грызунов в снег, иногда по нескольку штук. Переносит корм в зубах, подняв высоко голову, на снегу бывает виден след от волочащегося хвоста жертвы. Известны факты, когда горностай перенес водяную крысу на 200 м, щучку массой 163 г — на 100 м; из 8 водяных крыс, умерщвленных горностаями, только две были взяты ими в первые двое суток, остальные 6 в течение 20 дней наблюдений не посещались хищниками [43]. Полевок горностай поедает с передней части туловища, сначала разгрызая черепную коробку и съедая мозг. Горностай массой 180 г в неволе съедал в среднем за сутки 50 г животного корма.

КОЛОНОК (Mustella sibirica). Наибольший эффект прикормка этого зверька дает в годы низкой численности мышевидных грызунов. На месте добычи медведя, где оставались его голова и внутренности, в короткий срок было поймано 12 колонков. Возле привады зверьки набивают запачканные кровью тропы, ведущие к их временным убежищам, которые располагаются большей частью в прикорневых пустотах, под валежинами. Колонок не только питается на приваде, но и таскает с нее мясо. Зафиксирован случай, когда

он перетащил за 8—10 км остатки ног изюбра, значительно превосходящие его по массе, при этом зверек пропахал глубокие борозды в снегу [53]. Шкурку зайца колонок не ест, как, например, лисица или волк, а сдирает ее.

В Приморье колонок — неизменный посетитель почти всех остатков добычи крупных хищников. Зачастую к одним и тем же привадам ходят, кроме волков и лисиц, колонки и норки. Отверстием в трупе изюбра для проникновения в него пользовались, кроме харз, и колонки. Довольно часто зверек проникает к запасам пищи человека. Наблюдали, как 3 колонка повадились в погреб дома, возле которого была привязана собака. Колонок, лазивший в сени нашего зимовья в Приморье, съел остатки колбасы даже тогда, когда ее облили соляровым маслом. Два колонка, поселившиеся возле кучи пищевых отбросов у охотничьего зимовья, не только кормились ими, но и, стремительно выскакивая из норок, ловили сорок, прилетавших к помойке.

ДРУГИЕ ЗВЕРИ СЕМЕЙСТВА КУНЬИХ. В Барабинской степи в поселениях, размещавшихся на пашнях, засеянных овсом или пшеницей, в августе—сентябре кормились зерном этих культур *барсуки*. Особенно охотно они поедали семена овса в стадии молочно-восковой спелости. Замечено, что барсук (Meles meles) посещает кукурузные поля, где, встав на задние лапы и опираясь ими о стебель, зубами срывает кукурузные початки и относит их в сторону. Многие стебли при этом бывают подломлены под корень. Охотно поедает зверь початки, не доеденные кабанами. В Казахстане барсуки, населяющие предгорья, ранней осенью посещают бахчи, в некоторых районах Киргизии ходят на плантации грецкого ореха, поедая опавшие орехи.

Отмечено, что при скармливании барсукам и лисицам трупов овец, первые питались более активно. Два барсука съедали в день по 1,2 кг мяса в среднем, оттаскивали тушу овцы на 13 м. В условиях эксперимента при одновременном кормлении самца и самки они кусали друг друга за морды и торопливо проглатывали куски мяса. Самка отходила в сторону, целиком изрыгала проглоченное мясо и, тут же пережевывая, вновь глотала пищу. С приближением самца глотала, не жуя, и с ворчанием отбегала в другое место, где вновь срыгивала пищу и в третий раз принималась за еду. У барсука склонность к запасанию пищи выражена в меньшей степени, чем у других видов семейства куньих.

При выпуске в угодья Иркутсткой обл. живших до этого на фермах *американских норок* (Mustela vison) они охотно посещали прикормочные площадки с мясом косули и северного оленя. Кормушки, поставленные на льду у полыньи на открытых местах, хуже посещались зверьками, чем те, которые были расставлены в естественных укрытиях береговой полосы. Привады норки посещали почти ежедневно с января по апрель, пока велась подкормка. Замечено, что жирное мясо вызывало у зверьков расстройство пищеварения. При выпуске американских норок в Татарии приваду посещало небольшое количество зверьков; выкладываемый во многих местах корм растаскивался зверьками по своим норам. Иногда зверьки поселялись в ящиках, использовавшихся

в качестве кормушек. Тропление показало, что иногда один зверек посещал до трех прикормочных точек. На одну приваду часто ходили две норки, но чаще площадка с кормом посещалась только одним зверьком.

На Сахалине американская норка концентрируется у рыбоводных заводов, где питается мальками лососей. За два месяца, с августа по октябрь, у Буюкловского рыбного завода было отловлено 280 норок. Этот зверек делает запасы рыбы, складывая ее в ряд, голова к голове. На подкормочных площадках с зерном для нутрий не раз видели норок, которых привлекало, очевидно, не зерно, а сами нутрии, однако случаев нападения на них хищников не отмечалось.

Солонгой (Mustela altaica) часто поедает трупы погибших зверей, а на складах ест мясо и рыбу. Выводок из 6 особей был обнаружен в груде сухих ондатровых тушек, прикрытых тростником: солонгои, видимо, питались высохшим мясом ондатры и ловили мышевидных грызунов, собиравшихся на эту приваду. Следы зверьков обнаруживались на расстоянии не далее 100 м от привады [26].

Наблюдения за поведением *скунсов* (Mephitis mephitis) на постоянной прикормочной площадке в штате Коннектикут показали, что эти звери терпимо относятся к другим животным, кормящимся у привады, где одновременно скапливалось 6 скунсов, 4 *американских енота* и 2 *опоссума*. Скунсы иногда принимали угрожающую позу, поднимая хвост, изогнутый полукольцом, однако содержимое пахучей железы использовали крайне редко и никогда не применяли его к особям своего вида. Кладовую продуктов, находившуюся в подполье одного из сельских домов в Кировской обл., посещали сбежавшие из зверохозяйства еноты-полоскуны. На эту приваду ходило все семейство: самец и самка с детенышами.

ТИГР (Pantera tigris). Прикормка тигров на привадах практикуется в некоторых южноазиатских национальных парках для показа туристам. Бывали случаи, когда тигр посещал помойки возле охотничьих зимовий и таежных поселков.

Встречают тигра и на солонцах, куда он наведывается, видимо, с надеждой на жертву.

Свою жертву тигр никогда не растаскивает по частям, а поедает целиком, сначала задние, а потом передние мягкие части тела. Крупного зверя он может съесть целиком с кожей, разгрызает даже трубчатые кости лося, изюбра, оставляет лапы, копыта, голову, внутренности обычно не трогает. Отмечен случай, когда тигр, добыв кабана и вспоров когтями брюхо, вытащил кишки и отбросил их далеко в сторону [45].

Нередко тигр съедает лишь часть привады, 20—50% ее массы. При наблюдениях из 41 случая добыча была съедена тигром целиком 24 раза, наполовину 12 раз и в 5 случаях было использовано ее менее половины [21]. Мелкие копытные массой до 40 кг (косуля, горал, молодой кабан) большей частью съедаются целиком за один раз. Поедая добычу, хищник многократно перевора-

чивает тушу, при этом положение тела и конечностей трупа может быть неестественным.

У добычи в 100—150 кг голодный тигр, наевшись, может лежать 5—10 дней, совершенно не делая следа в сторону, испражняясь в непосредственной близости от привады, и лишь летом ходит на ближайший водопой. В Индии возле живой приманки на тигра ставят котел с водой. Но, вероятно, в большинстве случаев хищник проводит у добычи не более 4 сут. Из 28 случаев, при которых было прослежено поведение самца, в 15 он провел у добычи одни сутки, в 9 случаях — двое и в 4 — 3—4 суток.

Пребывая у привады, тигр держится не только в непосредственной близости от свежей добычи, но и может удаляться на несколько километров для отдыха. Остатки жертвы посещает ночью, однако возможны и дневные приходы [53].

Тигр прячет добычу примитивнее других хищников — лишь оттаскивает тушу в более укромное место, чаще в сторону воды. В том случае, если жертва добыта на льду реки, он вытаскивает ее на берег, оставляя не на открытом месте, а под деревьями.

Например, туркестанский тигр вытащил верблюда, застрявшего в соленой грязи, и оттащил его на 150 шагов. С. П. Кучеренко наблюдал по следам, как этот зверь перетащил добытого кабана под наклонившийся старый дуб [45]. В другом случае тигр перетащил буйвола на холм, где тот был менее заметен, причем предварительно хищник перегрыз веревку, которой была привязана жертва [71]. Возвращаясь к оставленной приваде, тигр часто перетаскивает ее на новое место за десятки метров. Остатки добычи иногда зарывает в снег или даже прикрывает ворохом веток. Хищник периодически посещает места своих удачных охот, в том числе и те, где жертва была им съедена полностью.

Тигры могут поедать и чужую добычу. Из 21 случая в 75% у добычи самца тигра кормились тигрицы и 6 раз вместе с молодыми тиграми. Добыв жертву, самец кормится первым, потом ест самка и последними насыщаются тигрята. Нарушители этого порядка получают от самца трепку. Тигрицы большей частью позволяют присоединиться к трапезе любому тигру, оказавшемуся поблизости, независимо от его пола, самцы же допускают к своей добыче только тигриц и тигрят [30].

Свою добычу тигр защищает от любого противника. Когда на хищника, задравшего слоненка, напал взрослый слон, тигр не отступил и, прыгнув ему на спину, стал рвать и грызть его. Битва, продолжавшаяся всю ночь, закончилась победой хищного зверя [71]. Нередко гибнут люди, оказавшиеся вблизи добычи тигра. Задрав скотину в населенном пункте, тигр зачастую тут же поедает ее и, если не доест, к остаткам возвращается вторично. Отпугнуть его бывает не просто.

Н. М. Пржевальский описал случай, когда тигр, задравший лошадь во дворе телеграфной станции, вернулся к своей добыче на следующую ночь. Два солдата, караулившие его в избе, выстрелили через слегка приоткрытую дверь. Тигр отскочил в сторону, но вскоре вновь продолжал еду. Солдаты

опять выстрелили, но вторично промахнулись, а тигр по-прежнему отпрянув на несколько минут в сторону, снова принялся за лошадь. Таким способом служивые сделали семь выстрелов, но тигр все-таки не уходил, и только восьмая пуля, угодив прямо в позвоночный столб, убила зверя наповал.

Чаще тигр все же оставляет добычу, если к ней подойдет человек. Известны случаи, когда при виде людей этот зверь покидал еще дымящуюся на морозе умерщвленную жертву и уходил. Сотрудник ВНИИОЗ А. С. Баталов в декабре 1977 г. в Приморской тайге, переваливая сопку, наткнулся на тигра. Они смотрели друг на друга секунд двадцать, потом тигр повернул голову в сторону и отпрыгнул, после чего еще 3—5 с смотрел на человека, а затем ушел вниз по склону. У места, где стоял зверь, А. С. Баталов обнаружил изувеченного хищником кабана.

РЫСЬ (Felis lynx). Принято считать, что этот зверь редко поедает трупы животных, прибегая к этому лишь при недостатке пищи. Так себя ведет рысь на Алтае. В заповеднике «Столбы» случаев поедания рысью падали не обнаружено. Несколько раз этот зверь проходил мимо трупов павших маралов, но не трогал их. Лишь однажды рыси ели остатки оленя, убитого браконьерами. Однако исследования, проведенные в Восточной Сибири, показывают, что в отдельные годы и при обилии зайцев и косуль рысь охотно брала приманку и поедала падаль, а в иные и при недостатке пищи упорно не притрагивались к ней. Егерь Н. П. Корсаков в 1964 г. в Кировской обл. поймал капканами у привады из нескольких тушек лисицы трех рысей, хорошо упитанных, даже жирных. Наиболее часто берут приваду старые особи, ведущие одиночный образ жизни.

Иногда, убив животное, рысь оставляет его почти целиком. Обычно она не возвращается к недоеденной косуле, но при низкой численности этих животных и большом количестве рысей охотно возвращается к своей добыче не один раз и съедает ее полностью. Вероятно, все же более часты случаи, когда рысь возвращается к свежим остаткам добычи. Наблюдали, когда самец рыси, поймавший небольшую собаку, несмотря на преследование, дважды приходил к остаткам и один раз перенес их на 1100 м и перепрятал [18]. В марте 1969 г. в заповеднике «Столбы» рысь поймала марала и за неделю съела половину туши (около 40 кг). Зверь так утрамбовал снег вокруг трупа, что нижняя часть его, утонувшая в снегу, оказалась почти нетронутой. Не отходил он от добычи далее 200 м. И даже когда в избушке, находившейся в 80 м, топилась печь, хищник ночью приходил к своей жертве [28].

По наблюдениям в Мордовском заповеднике, первые 1—3 дня рысь живет обычно у добычи, а в последующие дни начинает уходить на дневку в более укромные места на расстояние до 2 км. В глухих участках леса зверь живет в 100—1500 м от добычи и более продолжительное время. Поев мяса, в первый день ходит мало, в последующие дни больше. У зайца рысь съедает в первую очередь внутренности — печень и сердце, потом остальное, начиная с головы, при обилии пищи оставляет лапы, хвост, а иногда

и кишки (голодный зверь съедает и лапы). При поимке косули рысь сначала выедает у нее мясо с задней части, а иногда, порвав сосуды шеи, лижет кровь. У добытого пятнистого оленя рысь может кормиться от 6 до 12 дней. Наблюдения в Московском зоопарке показали, что в сутки для рыси требуется 1,5—2,3 кг мяса. Поймав жертву, она обычно утаскивает ее в труднодоступное место леса. Был зафиксирован случай, когда одна рысь перетащила волоком оленя массой около 35 кг, двигаясь вверх по склону, а другая перенесла в зубах пойманного зайца на 400 м (Штарев, 1964). Небольшую добычу рысь обычно переносит на 200—300 м, однако, поймав ту же жертву вблизи населенного пункта, хищник относит ее на 1,5—3 км.

Уходя от добычи, рысь всегда пытается спрятать остатки, маскируя их снегом или лесной подстилкой, но крупную добычу целиком спрятать ей не удается. Оставшуюся часть трупа она зарывает обычно в снег, прячет в дупла деревьев, под валежины, камни и т. п. Прячет «неквалифицированно». В Центральнолесном заповеднике наблюдали, как рыси, покидая место, где съеден заяц, пытались засыпать пятна крови снегом [53].

Из 16 рысей, добытых в Боржомском заповеднике, 9 попали в капканы и петли, установленные у привады на волков, однако следует заметить, что прямых встреч с волками эти звери избегают. Отмечены случаи, когда рысь пыталась грызть остатки зубра — жертвы тигра. В марте 1971 г. в заповеднике «Столбы» у трупа марала кормились рысь и росомаха. Главенствовала рысь, она гонялась за росомахой, которая от нее убегала, правда, недалеко: ее лежка была найдена в 500 м от трупа. В отсутствие рыси росомаха успела все же утащить свою долю [28].

После того как тушу начинают посещать птицы и на ней появляется птичий помет, рысь бросает ее. Если самка попала в петлю во время гона, когда рыси ходят парами, то самец нередко по нескольку дней держится рядом, не трогая трупа.

ДРУГИЕ ЗВЕРИ СЕМЕЙСТВА КОШАЧЬИХ. Падалью могут питаться *камышовые коты* (Felis chaus), на Амударье их иногда добывают около привад. *Леопард* (Panthera pardus) в заповеднике «Кедровая падь», маскируя добычу, затаскивает ее под кроны деревьев, скалы. После насыщения, перед отдыхом забрасывает остатки листвой и снегом, что, возможно, предохраняет мясо от замерзания. В первую очередь зверь поедает внутренности, затем заднюю часть тела и в завершение — передние ноги, шею и лишь в отдельных случаях голову. Тушу он поедает в несколько приемов, а в промежутках отдыхает у привады или на ближайшем склоне. Целиком съедает добычу обычно за 1—2 дня. Если леопарда потревожить возле добычи, к ней он большей частью не возвращается.

В зарубежных частях ареала леопард нередко втаскивает свою добычу на дерево. Описан случай, когда этот зверь, умертвив привязанного буйвола и разорвав веревку, втащил жертву, весящую в 4 раза больше его самого, на дерево, поместив тушу в развилке сучьев на высоте 2 м. Прятанье охот-

нками мяса на дереве не эффективно в отношении леопарда: он залезает и съедает чужую добычу.

В отличие от тигра самка леопарда насыщается у привады первой, самец дожидается своей очереди [71]. К своей добыче возвращается несколько раз, пока не съест ее всю [30].

Снежный барс (Uncia uncia) в Казахстане иногда поедает павших животных. После умерщвления добычи иногда уносит ее. Оттаскивает даже трупы массой 50—70 кг. Ест тушу, привстав на передние лапы, а не лежа, как это обычно делают другие крупные кошки. Придерживает мясо лапой только в момент отрывания куска. Начинает есть с грудной клетки и передних ног или с нижней части брюха, кишечник обычно не трогает. Ест медленно и проводит у трупа много времени. К недоеденной туше несколько раз возвращается.

Известны случаи совместного поедания добычи двумя снежными барсами, а также трупа дикого козла одновременно волком и ирбисом. Кормящихся у привад птиц барс сгоняет, бросаясь на них. С приближением человека зверь обычно уходит, но иногда мирится с его близким присутствием. Наблюдали, как снежный барс ел и ходил вокруг своей добычи в 60 м от спящего в спальном мешке человека. Описан также случай, когда охотник трижды стрелял по снежному барсу, и все-таки хищник снова вернулся к убитому ранее буйволу и стал поедать его [74].

Лев (Panthera leo) охотно посещает привады, которые выкладывают, чтобы дать возможность туристам фотографировать из автомобилей этого хищника за поглощением пищи. Едят львы и падаль. Труп антилопы или другого животного они чаще поедают, начиная с самого тонкого места шкуры: с паха или живота. Сначала пожирают внутренности, затем мясо вместе со шкурой. Лев, как и все собратья по семейству, проглатывает мясо, практически не жуя, мускулы с костей слизывает дочиста шершавым языком. При обилии пищи избегает жестких волос или перьев на жертве, скусывая и выплевывая их. Остатки пищи прикапывает землей. Пять львов съедают зебру массой 300 кг за день [30]. Первым насыщается доминирующий самец, даже если он не принимал участия в охоте, последними львята. При регулярном выкладывании привады на ней кормится сразу весь прайд (группа совместно живущих львов).

Для сохранения недоеденной туши от падальщиков лев иногда относит ее в ближайшие заросли колючих кустов или отгоняет нахлебников. Ручная львица затаскивала оставшуюся пищу в палатку своей воспитательницы. При обилии пищи зверь может равнодушно относиться к расхитителям его добычи. Наблюдали, как сытый сонный лев лежал рядом с тушей антилопы, не обращая внимания на трех шакалов, рвавших ее зубами. При множестве гиен одиночный лев вынужден мириться с их присутствием на приваде, они все вместе поглощают пищу [46]. На вторую ночь львы возвращаются к туше и доедают ее до конца. При обилии пищи этого может не происходить. Лев лезет на дерево за приваде, затащен-

ной туда леопардом. Если у привады побывали шакалы и гиены, лев идет к ней смелее.

В отличие от других крупных представителей семейства кошачьих *гепард* (Acinonyx jubatus) не ест падали и не притрагивается к добыче, умерщвленной другими хищниками. Но подкармливаемые смолоду гепарды приучаются брать приваду. Наблюдали, как, поедая тушу, члены выводка гепардов стояли звездообразно, держась на равном расстоянии друг от друга. Уходя с привады, гепард иногда захватывает с собой часть поживы. Свою добычу гепарды защищают, если она находится не на чужой территории, рыча и шипя при этом. От грифов охранялись ими даже чисто обглоданные кости.

Одиннадцать одичавших домашних кошек, приходившие дважды в день на подкормку молоком, стремились сохранить между собой дистанцию не менее полметра, и агрессивное поведение наблюдалось редко. Оно проявлялось наиболее часто перед кормлением и во время него: возникали короткие стычки, кошки угрожающе шипели и мяукали друг на друга. Через 5 мин после начала кормежки большинство особей расходилось, и лишь самая агрессивная (каждый раз одна и та же) продолжала кормиться. Остальные кошки питались после ее ухода.

Еноты, гиены и виверры. При затруднении с кормами привады посещает *американский енот* (Procyon lotor). В Полесье еноты-полоскуны, проснувшись после спячки раньше своих собратьев, забредали в населенные пункты, питаясь там на свалках. Интересные наблюдения были проведены в течение трех зим за поведением енотов на привадах в США в штате Небраска. Там годовалые зверьки и самки с молодняком приходили на подкормочную площадку с наступлением темноты и кормились до 22 ч. Взрослые полоскуны прибывали по 2—5 особей с 22 ч до 3 ч 30 мин. Зверьки одной стаи приходили вместе, а уходили нередко порознь, выводки приходили и уходили всегда вместе. Взрослые еноты уступали место на приваде самкам с молодняком, однако годовиков и молодых без матерей отгоняли. Одиночные годовики и взрослые звери покидали приваду с приближением стаи взрослых зверей. Стая кормившихся взрослых енотов вела себя агрессивно по отношению к другой, приближающейся к подкормке стае, но драки наблюдались лишь в феврале, когда начался гон.

Активность посещения привады енотами снижалась при понижении температуры воздуха. Если снег выпадал среди ночи, зверьки продолжали кормиться, при выпадении его с вечера посещений не наблюдалось. Особенно активно еноты посещали приваду и жадно поедали корм перед длительным похолоданием и бураном, который они чувствовали за 48 ч. Специальные опыты показали, что у енотов сохраняются в памяти места прежних кормежек.

Гиены поедают животное (мертвое или живое), начиная с внутренностей.

Ярко описывает повадки пятнистых гиен (Crocuta crocuta) на приваде ван Лавик-Гудол [46, с. 136]: «Зрелище само по себе неописуемое, когда все гиены клана одна за другой подбегают к добыче и ввязываются в свалку,

пытаясь урвать свою долю. На этот раз туша антилопы-гну целиком скрылась из глаз — прошло всего несколько секунд, а к ней сбежалось штук тридцать гиен, если не больше. Кровавая Мэри и Леди Астор (клички, данные гиенам наблюдателями,— *С. К.*) отрывали и заглатывали огромные куски мяса, и их соприкасавшиеся бока мало-помалу раздувались. Миссис Браун слегка запоздала и без преувеличения — гигантским прыжком буквально нырнула вниз головой в самую гущу гиен. Веллингтон, главный самец клана, вскарабкался на спины рвущих мясо собратьев и какой-то момент сидел там, пока не обнаружил крохотную щель, в которую можно было всунуться. Опоздавшие проползали к пище на брюхе, пробираясь под ногами у соплеменников. Вскоре разгорелась свара, шум стал громче: вой и ворчание, внезапный рев, от которого мороз продирал по коже, нервное хихиканье и хохот. А с этими звуками смешались другие — тридцать с лишним зубастых ртов чавкали, рвали, крушили мясо, шкуру, кости. Не удивительно, что в таких свалках иногда встречается и непреднамеренный каннибализм — откусывают уши, кусают за лапы и носы, потому что вскоре уже трудно отличить мясо жертвы от окровавленных, с застрявшими кусками мяса шкур других гиен. Этой ночью у Нельсона отхватили еще часть уха».

Нередко к пиршеству, подобному описанному выше, присоединяются звери других видов. Например, шакалы стараются исподтишка проскользнуть между ногами гиен и урвать свой кусок. Нахлебников отгоняют, иногда приканчивают наиболее дерзких. Крупным хищникам, например львам, гиены вынуждены уступать приваду.

Пятнистая гиена — типичный падальщик и может по восемь часов и более ходить возле льва с добычей, хотя пожива большей частью оказывается ничтожной. Однако более 80% пожираемых животных гиены добывают сами [30].

В отличие от гиен *гиеновые собаки* (Lycaon pictus) ведут себя у привады миролюбиво. Когда молодые особи подбегают к туше, взрослые уступают им место, а сами, еще не полностью утолив голод, встают вокруг, чтобы отогнать гиен, шакалов и других животных. Две гиеновые собаки, умертвив антилопу, стоявшую в воде, вытащили ее на берег, хотя масса туши втрое превышала каждую из них. Звери семейства виверровых также посещают привады. В августе 1973 г. в Кении исследователи наблюдали за кормежкой трех *мангустов* (Herpestes sanguineus) у трупа жирафы. Зверьки стали подходить к туше через 4 дня, когда личинки мясных мух начали выпадать из трупа и окукливаться. Мангусты обнюхивали землю вокруг туши и вырывали куколок из земли передними лапами, при этом подкапывались под тушу так, что виден был только хвост. Зверьки кормились с середины и до конца дня, кормежка каждого продолжалась более часа. Расстояние между мангустами у привады было не менее 2 м. При случайном сближении зверей между ними наблюдались стычки. Во время кормежки зверьки периодически поднимались на задние лапы и около 10 с осматривались. Через 5 дней выпадение личинок сократилось, и мангусты перестали ходить на приваду [139].

КАБАН (Sus scrofa). В Киргизии время появления кабанов на кормежке зависит от лунного освещения. В первые дни полнолуния они задерживаются с выходом в течение 3—4 сут. Когда луна начинает всходить в середине ночи, животные снова продол-

жают появляться сразу после захода солнца. В Вологодской обл. кабаны выходят на неубранные поля в сумерках, а на убранные, где защитные условия хуже, только в темное время; в лунную погоду выходят позже; в пасмурные дни, особенно в туман и дождь, идут кормиться намного раньше. Там, где кабанов не пугают, они остаются на дневку в середине неубранного овсяного поля, если овес высок и маскирует зверей. В Сары-Челекском заповеднике (Киргизия) в 1966 г. наблюдалось два случая залегания кабанов на дневку посреди кукурузных полей, расположенных прямо в поселке.

Суточная активность кабанов на привадах может меняться в зависимости от деятельности человека. В Приморье в годы урожая эти звери кормятся кедровым орехом. Обычно они встают с лежки, уходят на кормежку в 12—14 ч дня и возвращаются обратно затемно. В местах лесозаготовок выходят на кормежку вечером, в 19—20 ч, после прекращения работ на лесосеках. Всю ночь кабаны кормятся шишками, упавшими со срубленных кедров, а на лежки отправляются с 6—7 ч утра, до прихода лесорубов. Там, где кабанов добывают на посевах, они обычно посещают их только ночью. Но если на поле пасется безнадзорный скот, кабаны безбоязненно выходят кормиться и ранним вечером. Охотники, зная эту их особенность, специально выгоняют на поля скот в дневное время.

Кормиться на поля кабаны выходят круглый год. Весной нередко поедают зелень озими, только что посаженный картофель, летом, несмотря на обилие естественных кормов, ходят на посевы гороха, овса, картофеля. Наиболее интенсивно звери посещают привады в зимние месяцы, когда добывание естественных кормов затруднено. С ухудшением кормовых условий количество кормившихся на привадах кабанов возрастает. В Беловежской пуще в среднем за семь лет в октябре—ноябре на привадах кормилось 356 особей, в декабре — 517, январе — 691, феврале — 711 и марте — 600 (Козло, 1975).

В Подмосковье кабаны, привлеченные подкормкой, обосновываются на ограниченном участке ближайшего леса, в густых ельниках или сосняках. От них тропы сходятся к опушке, где звери некоторое время выжидают и осматриваются перед выходом на приваду по открытому пространству. Здесь иногда образуется утоптанная площадка, от которой идут к подкормке 1—2 тропы шириной 50—60 см. Кто из кабанов первым появляется на приваде, зависит от различных обстоятельств.

Визуальные наблюдения, проведенные в Ленинградской обл., показали, что первым выходит на поле секач, а при его отсутствии — самка. Выйдя из кустов, вожак осматривается. При отсутствии опасности вызывает голосом остальных членов стада или начинает чавкать, поедая корм, что также служит сигналом для выхода другим. Проверяя безопасность, вожак делает быстрые пробежки в глубь поля и вдоль кромки леса. Кормится впереди стада. Поросята следуют иногда впереди матери, но в общем концентрируются вокруг нее. Услышав сигнал опасности, подсвинки и поросята бросаются назад и, поровнявшись с матерью, останавливаются. Если свинья

остается на месте, кабанята успокаиваются и, постояв, продолжают кормиться.

В Вологодской обл. взрослые самцы выходят на посевы в темноте по одному или по два-три, но с разных концов большого поля и ведут себя очень осторожно. Самки с подсвинками и поросятами выходят в сумерках, а в спокойных местах и засветло. К привадам в Завидовском хозяйстве Калининской обл. кабаны разного пола и возраста приходили одновременно. Свиньи с поросятами иногда выходили отдельно от взрослых самцов. Отмечены случаи, когда одно животное оставалось в стороне, выполняя, возможно, роль сторожа. В январе и начале февраля кабаны выходили на подкормку во второй половине дня, в конце февраля и в марте — утром, сразу после привоза кормов. Нередко звери так привыкают к подкормке, что стоят, затаившись, среди ближайших деревьев и ждут, когда егерь высыплет корма. Охота на кабанов в Завидовском хозяйстве не отпугивала их от прикормочных площадок.

Наблюдения в Беловежской пуще показали, что у кабанов очень быстро вырабатывается стойкое привыкание к звукам, сопутствующим привозке корма: фырканью лошадей, скрипу полозьев, человеческому голосу и т. д. Услышав их, кабаны поднимаются с лежек и постепенно сходятся к площадке, несмотря на то, что люди еще не ушли. Звери успевают съесть выложенный картофель раньше, чем он замерзнет. Наиболее доверчивы молодые особи. Взрослые звери более осторожны, особенно старые самцы. Последние приходят на приваду лишь в сумерках, предварительно делая несколько круговых заходов вокруг нее. Но постепенно и они привыкают и к весне большей частью идут на подкормку вместе со всеми, хотя в природе кормятся отдельно.

У кормушек среди кабанов происходят стычки, сильные отбивают слабых, которым достается корм во вторую очередь. Крупные секачи и свиньи, выходя на подкормку, не подпускают к корму поросят и подсвинков, поэтому его приходится раскладывать на возможно большей площади или делать специальные ограждения, доступные лишь для мелких особей. В период гона на подкормочных площадках иногда можно наблюдать спаривание кабанов. Секач некоторое время преследует свинью, убегающую от него кругами. Догнав самку, он сильно бьет ее клыками, и она останавливается. После покрытия свиней секачи снова отделяются от стада и живут чаще в одиночестве. На подкормочные площадки они выходят как вместе с другими кабанами, так и отдельно от них.

Наблюдения в Кавказском заповеднике показали, что на поле с топинамбуром кабаны ведут себя по-разному. Одни звери быстро перебегали от одного места к другому, задерживались на 2—3 мин и снова делали короткие перебежки. Взрослые кабаны торопливо выкапывали и ели сочные клубни. Стадо передвигалось по полю довольно медленно: за 40 мин прошло не более 25 м. Время от времени раздавался визг кабана, получившего удар от соседа.

Когда в углу поляны послышался легкий шум и треск веток, стадо насторожилось. Вожак «ухнул», и кабаны с шумом, беспорядочно бросились убегать по тропам, по которым они пришли к кормовому полю. Через 5 мин все затихло. Когда же пришло другое стадо кабанов, в темноте слышался сходный шум, который сменился затем хрустом разгрызаемых клубней и постоянно дополнялся визгом молодых кабанов — их в стаде было не менее 12. Это стадо кормилось около часа.

По наблюдениям в Киргизии, свинья при кормежке часто издает резкий короткий звук, и поросята затихают. В наступившей тишине она вслушивается и при обнаружении опасности громко ухает и с «гурчаньем» уводит поросят. Самцы кабанов более осторожны, часто «замирают» и при опасности бесшумно уходят. В Таджикистане привыкшее стадо кабанов идет в фруктовый сад с шумом, его слышно издалека, некоторые звери ссорятся, визжат. Старый же секач, как и старая самка, напротив, идет в сад тихо и приходит туда раньше (если слышно, как идет стадо, значит, старый секач уже в саду). В темноте самца можно обнаружить по кряхтенью, характерным звукам вынюхивания. Придя на кормежку в сад, кабаны кидаются на дефицитный корм: если имеется три тутовых дерева и одно абрикосовое, то на абрикос; если три абрикосовых и одно тутовое — на последнее. В орехоплодных лесах Киргизии кабан съедает за ночь около 10 кг грецких орехов.

На картофельных полях кабаны начисто выбирают посадочный материал. Не поднимая рыла, зверь следует бороздой. Когда клубни разрастаются, животные подкапывают ряды сбоку, оставляя ботву на прежнем месте. Обычно кабан не полностью обирает весь картофельный куст, чаще берет с него 3—5 картофелин. Опыты, проведенные в ГДР по отвлечению кабанов от сельскохозяйственных полей путем подкормочных площадок, показали, что из 26 испытывавшихся для привады сортов картофеля не все поедаются в одинаковой степени. Сильнее всего звери повреждают посевы раннего картофеля. Замороженный картофель и сахарную свеклу они поедают с трудом, о чем свидетельствует слюна, смешанная с кровью из поврежденных десен, оставляемая на снегу.

Кабаны очень охотно посещают посевы молодого подсолнечника. Брюхом прижав стебель, зверь аккуратно вырывает семечки зубами, не трогая всю «тарелку», и создается впечатление, что их лущил человек.

На овсяном поле кабан осторожно, то с одной, то с другой стороны своего пути набирает в пасть стеблп растений, а потом, резко взмахивая головой, сдергивает зерно с метелок. Если растение выдергивается с корнем, зверь, не сумев отделить зерно, бросает набранный пучок. Сдернутое зерно он жует, образовавшуюся жижу сглатывает, а шелуху выплевывает, поспевший овес поедает целиком. Овес на поле, обнаруженном кабанами, через 5—6 дней весь оказывается на земле, особенно при густых посевах. Кормясь, звери ползают по полю на брюхе. Так же ползал кабан и на гороховом поле, оставляя после себя тропу с примятыми растениями.

В садах кабаны иногда встают передними ногами на нижние ветви груш и яблонь и своей тяжестью обламывают их. При поедании опавших фруктов в садах звери громко шумят листвой,

чавкают и хрустят косточками. При поедании орехов звук дробящейся скорлупы слышен за 100 м. На кормовых посевах они шумят ботвой и стеблями, с хрустом ломают стебли кукурузы, отрывают початки, чавкают (в початке скусывают часть зерен, остальные бросают). На Кавказе кабаны, чтобы попасть на кукурузное поле, дважды переплывали р. Черек, через которую трудно было переправиться даже на хорошей лошади.

Наблюдения с вышек за поведением кабанов в Беловежской пуще на подкормочных площадках с зерном (из расчета 1 кг на одну особь в сутки) показали, что на приваде обычно кормится одна семья кабанов, использующая территорию вокруг нее в радиусе 1,5—2 км. Максимальное число зверей, посещавших одну приваду, было 21, среди них было 3 секача, свиноматка, 10 поросят и 7 подсвинков. При изъятии члена семьи его место через 3—7 дней занимает другое животное, ранее подкормочную площадку не посещавшее. Три привады посещались регулярно, другие 6 от случая к случаю. При хорошем урожае желудей площадки посещало около половины всего поголовья кабанов, из них секачей и свиноматок было примерно по 10%, подсвинков 25 и поросят 55% [9]. Был случай, когда 9 кабанов, регулярно ходивших на прикормочную площадку, дали на ней бой 11 кабанам, пришедшим из другого района. Во время драки звери не обращали внимания на подошедшего егеря. В конце сражения на поляне остались хозяева привады.

В Кавказском заповеднике за 35 дней, с середины марта, на поле площадью в 0,35 га каждую ночь кормились в среднем около 20 кабанов и 15 оленей. В центральной части России одну прикормочную площадку обычно посещают до трех групп кабанов общей численностью до 15 особей. В Переяславском хозяйстве, выкладывая корма в 17 точках, охватили подкормкой более 200 животных, размещенных на площади более 60 тыс. га.

Опыт показал, что, выкладывая 4—5 привад, нельзя обеспечить подкормкой всех кабанов хозяйства, если они распылены мелкими группами на большой территории. В редких случаях животные ходят на приваду с лежки, которая расположена за 4—5 км от привады [94]. В Московской обл. во избежание потрав кабанами рекомендуется располагать картофельные бурты на расстоянии 1,5—2 км от опушки леса. При подкормке кабанов в Беловежской пуще в среднем за сутки на одного зверя приходилось от 0,5 до 2—4 кг корма. Зимой во время удачной кормежки кабан съедает до 7 кг картофеля и может затем в течение 7—10 дней обходиться небольшими количествами второстепенных и случайных кормов.

Продолжительность жировок кабанов на полях с зерновыми культурами достигает 4—5 ч. На кукурузной подкормке звери находятся 2,5 ч, при кормлении лущеной кукурузой — 3,5 ч. Если лущеную кукурузу засыпали в перевернутые бутылки, кабаны кормились в течение 5 ч. Хорошо посещают эти звери подкормочные площадки и при выкладке кормов через два дня, если

на одну особь приходится 300 г желудей или 230 г кукурузы. Чтобы могли кормиться особи всех иерархических рангов, подкормочная площадка должна занимать площадь не менее 200 м². Во избежание конкуренции разных групп животных они должны располагаться друг от друга на расстоянии 2—3 км. Наблюдения показали, что кабанам на каждый килограмм съеденного сухого концентрированного корма необходимо выпить около 7 л воды.

Продвижение кабанов на Север, наблюдаемое в последние годы, создает трудности для животных в добывании кормов. Летом переселенцы охотно посещают поля, зимой сосредоточиваются в лесах близ буртов с картофелем, силосных ям, овощехранилищ, помоек, городских свалок и т. п. У одного из сел Серпуховского р-на Московской обл. в ноябре 1966 г. на заснеженных морковных и капустных полях наблюдалось скопление более 50 кабанов [94]. На Северном Кавказе по р. Куме кабаны концентрировались в местах, где появлялась саранча. Проходя по камышу, свинья постукивала мордой по стеблям. Мокрая от росы саранча падала, и кабан быстро находил ее. Иногда звери наклоняли камыш, пропуская его между передними ногами, и обирали саранчу.

Кабаны с охотой посещают привады с мясным кормом (выбросы последов, мертворожденных телят и павших животных), трупы своих сородичей и других диких зверей, привады, выложенные для привлечения хищников. Но даже при тяжелых кормовых условиях эти звери проявляют иногда удивительную осторожность.

Попытка подкармливать семью кабанов (в 20 км от Иркутска) увенчалась успехом не сразу. Корм, выложенный в январе под сооруженным навесом вблизи семейной лежки, в течение многих дней оставался нетронутым, хотя кабаны и подходили к нему на 1—1,5 м. Затем пищу положили на край лежки, но звери продолжали игнорировать подкормку. И только в конце четвертой недели корм был взят секачом и регулярно поедался в дальнейшем. Секач устроил лежку прямо в подкормочном шалаше [58].

Кабаны ходят на солонцы. В Завидовском хозяйстве Калининской обл. максимум посещений наблюдается в феврале. В Черномесском лесном хозяйстве Кировоградской обл. звери довольно часто ходят на солонцы во все периоды года. Зимой они поедают соленый снег под кормушками и роют под ними. Иногда заходят на солонец вечером перед выходом на кормежку, а также после возвращения с нее. В Кавказском заповеднике кабан на солонцах не только валяется в грязи, но и поедает соленую землю в течение большей части теплого периода, чаще осенью, реже весной и летом. Особенно охотно идут звери на солонец, наевшись плодов бука, ходят в одиночку и гуртом.

Посещение привады другими животными, в том числе и хищниками, не пугает кабанов. В Саяно-Шушенском заповеднике недавно появившиеся кабаны не боятся волков и ходят на те же, что и волки, привады. При этом они съедают весь костяк животного (кроме трубчатых костей голени), шкуру, часто разгрызают череп жертвы, грызут содержимое желудка. Если туша крупная, кабаны устраивают неподалеку гнездо из лапника и живут, пока

не съедят все [22]. Подобное наблюдается и в других регионах. На р. Серебрянке в Приморье наблюдали стадо из 15 кабанов около изюбра, убитого волками предыдущей ночью [53]. Известны факты гибели кабанов у отравленных волчьих привад.

В Завидовском хозяйстве к привадам, предназначенным для кабанов, начинали со временем ходить пятнистые олени и маралы, которые вели себя иногда агрессивно в отношении хозяев, были отмечены случаи гибели кабанов; последние оказывали сопротивление лишь слабым оленям [106].

Когда не хватает пищи, кабаны, несмотря на опасность, посещают чужие привады. При установке для косуль и пятнистых оленей кормушек на высоте менее 90—100 см их регулярно ломают кабаны (если они тоже разводятся в хозяйстве).

Уже отмечалось, что при первом посещении сельскохозяйственных угодий кабаны ведут себя весьма осторожно, пока не убедятся в безопасности избранного ими участка. При последующих визитах звери смелеют и со временем становятся назойливыми даже там, где их преследуют. В Средней Азии дехкане во времена обилия кабанов устраивали на полях вышки, с которых криками, ударами о железные предметы, стрельбой пугали приходящих кормиться зверей. Но последние нередко этого не боялись, и прогнать их было трудно.

В 20-е годы текущего столетия в верховьях р. Адими (ныне р. Поима) Приморского края крестьяне, сеявшие кукурузу, чумизу и паизу, в период созревания посевов не спали ночи напролет: стучали в медные тазы и банки, зажигали огни, кричали, крутили трещотки. Но все эти меры были безрезультатны — кабаны продолжали посещать поля. В один из поселков много раз приходил крупный кабан-секач и, разворачивая сарайчики, пожирал наполнявшие их початки кукурузы, несмотря на шум, свет факелов и присутствие людей.

Производившийся в Московской обл. на картофельных буртах отстрел кабанов по 1—2 особи не дал положительного эффекта. Замечено, если поля огорожены и звери не имеют возможности проникнуть на посевы, они не уходят, а упорно бродят вокруг мест с обильными кормами. На Кавказе кабаны нередко кормились на хлебных полях. С еще большей жадностью они набрасывались на гречиху и особенно на просо. Но на р. Белой в бассейне Кубани эти звери никогда хлебов не трогали.

На второй год существования кормовых полей в Кавказском заповеднике животные так привыкли к ним, что стали проявлять назойливость. Чтобы не дать испортить окончательно посевы топинамбура, ночью приходилось раскладывать костры прямо на поле. Однако около потухших костров утром почти всегда виднелись покопы, сделанные кабанами. Звери не могли преодолеть высоты более 1,1 м, поэтому перегрызали слабые жерди и забирались в образовавшиеся бреши. При неурожае желудей кабаны Беловежской пущи уходят на сельскохозяйственные поля, ломая изгороди. Никакое отпугивание недейственно, звери отходят лишь на 20—30 м в сторону (Саблина, 1969). Посевы топинамбура и кар-

тофеля на неогороженных площадках не дали эффекта, так как посаженные клубни поедались животными, главным образом кабанами, до того, как они давали всходы, а зачастую сразу после посадки.

Как и медведи, кабаны при случае грабят запасы кедровых орехов, сделанные человеком, при этом разрывают мешки. Если что-нибудь отпугивает зверей от привады, они могут выходить к ней за ночь по нескольку раз. Если две привады расположены недалеко друг от друга, животные ходят кормиться на обе, не получив достаточно корма на одной подкормочной площадке, следуют к другой. Эту особенность используют для отвлечения кабанов от полей: привады раскладывают зигзагами, а также закапывают, чтобы на поедание подкормки звери тратили больше времени.

При ухудшении кормовой базы в Беловежской пуще небольшие группы животных, в основном самцов в возрасте 2—4 лет, уходят на десятки и даже сотни километров, обосновываются в лесочках, окруженных полями, питаясь, кроме естественной пищи, всходами озимых. Потребляют также сено, солому в стогах, разрывают бурты картофеля, поедают свежий незамерзший силос.

В районах Центральной России, где кабаны появились недавно, в зимний период они целиком зависят от подкормки, и в охотничьих хозяйствах, где ее не выкладывают, звери частично или полностью откочевывают в другие районы. Если животных усиленно подкармливают и охраняют, они остаются в этом месте на зимовку. В условиях Калининской обл. кабаны, ушедшие с места подкормки, при выпадении глубокого снега возвращаются истощенные обратно и с жадностью набрасываются на приваду. При регулярной подкормке и отсутствии беспокойства звери становятся оседлыми: их суточный ход, по наблюдениям зоолога Е. К. Тимофеевой, может не превышать 500 м.

ИЗЮБР, МАРАЛ. Они посещают стога сена, примыкающие к лесу. Предпочитают сено суходольных, лесных лугов, своевременно скошенное, без признаков плесени. У стога собираются временные стада до 15 голов из особей разного пола и возраста. Съедают сено целиком и переключаются на второй стог, а если его нет поблизости, табун распадается на отдельные группы. Изюбры (Cervus elaphus xanthopygus) непрочь поживиться и только что скошенным сеном. В многоснежье при недостатке корма они поедают сено из прошлогодних стогов, загнившее и заплесневелое. Спасаясь от волков, изюбр иногда заскакивает на стог.

Наблюдения в Алтайском заповеднике показали, что маралы (Cervus elaphus sibiricus) в зимнее время охотно поедают сено в местах их зимних стоянок. Кормиться начинают до установления высокого снежного покрова, когда еще нет трудностей с естественными кормами. По наблюдениям профессора Н. С. Свиридова, лучше всего они поедают сено, заготовленное в начале лета, с начала сенокоса, правильно высушенное и помещенное на высоте 1—2 м от земли. Прекращают звери есть сено с появлением пер-

вых проталин. В Монголии в парках, где разводят маралов, выкладываемое сено поедается в основном молодыми животными, старые пантачи к стогу подходят редко.

В европейской части нашей страны в конце декабря, с выпадением глубокого снега, акклиматизированные маралы сужают круг посещаемых кормушек и ходят лишь на 1—2 привады вплоть до сильного спада снега, после чего совсем перестают ходить на подкормку. Марал — разборчивый зверь и посещает лишь прикормочные площадки с излюбленными кормами, к их числу можно отнести желуди, клубни топинамбура, а в оттепель — свежий картофель. Убранный в стадии молочно-восковой спелости необмолоченный овес более привлекателен, чем отруби, комбикорм и жмых. Клеверу звери предпочитают тимофеевку раннего укоса, а тимофеевке — садовое разнотравье, кормовую капусту и сахалинскую гречиху. Маралы, интродуцированные в Башкирский заповедник, бывали на огородах, но капусты не трогали и лишь с осени 1944 г., узнав ее вкус, стремились попасть в огород так настойчиво, что его пришлось охранять не только ночью, но и днем. Однако ни одно кормовое поле не удерживает маралов при глубине снега более 20—30 см.

Богатый опыт подкормки переселенных маралов, накопленный в Завидовском хозяйстве, показывает, что отношение к привадам этих зверей в значительной мере зависит от характера их поведения. Там различают две группы маралов: одичавших и ручных. Одичавшие кормятся в основном у стогов в лесу, ручные же у стогов и в поле, и в лесу. Одичавшие маралы, напав на стог, разоряют его полностью, так как у них выбор мал, ручные же целиком не разоряют, но за день успевают попортить несколько стогов. И те и другие весьма разборчивы к запаху и вкусу сена и, стремясь найти лакомые клоки, сдергивают основную массу сена себе под ноги, затаптывая и загрязняя его мочой и экскрементами, что исключает поедание сена маралами в дальнейшем даже при плохом положении с кормами. У ручных маралов в отличие от одичавших нет в многоснежье излюбленных кормушек и стогов сена. Они переходят с места на место, используя в основном проезжие и пешеходные дороги [105].

Одичавших маралов и пятнистых оленей нередко пугает у подкормочной точки скрип доски или погромыхивание листа железа, резкий запах рубероида, ручные же особи не боятся этого. Одичавшие избегают поедать корм, прошедший механическую обработку (жмых, отруби и т. д.), предпочитая недробленые корма, ручные же едят все подряд, даже вареную картошку, сухари, печенье, огурцы и т. д. Ручные маралы в Завидовском хозяйстве проявляют своеобразный интерес к различным прикормочным сооружениям (навесам, шалашам, кормушкам и т. п.), а также к изгородям, который выражается в том, что звери трутся о них, поддевают рогами, наваливаются корпусом, в результате чего постройки приходят в негодность. Посещение кормушек людьми чаще, чем 5—7 раз в неделю, отпугивает одичавших маралов. Встречаются особи, которых не удается приучить к посещению привад. Но и ручные маралы время от времени нуждаются в полном покое.

Маралы охотно ходят на подкормочные площадки, предназначенные для кабанов, и агрессивно ведут себя в отношении хозя-

ев, прогоняют с привады даже крупных секачей. Бывали случаи гибели кабанов от копыт марала. Наблюдали, как маралы пытались брать сено из саней, несмотря на храпящую, испуганную лошадь, выходили к кормушкам до того, как выгрузят корм.

Можно считать привадами для маралов также озера, на которые звери ходят кормиться рдестами. Эти растения они поедают охотно, как и соленую землю. Данное явление наблюдается в ряде районов Сибири, Горного Алтая. Маралы приходят большей частью в первой половине дня, но иногда и в другое время суток. Посещают озера все лето, начиная с июня, время пребывания колеблется от 15 до 30 мин. В августе жадность к рдестам у животных ослабевает, они начинают плавать, когда верхние части рдестов достигнут поверхности озера. Над водой видна только голова, рот зверя находится на уровне воды. Если обстановка неспокойна, маралы кормятся на мелководье, не плавая.

В первую половину лета звери ведут себя на озере крайне настороженно: постоянно оглядываются, принюхиваются, ненадолго убегают. По мере насыщения поведение их становится более спокойным. Настороженность ослабевает во второй половине лета. Наиболее осторожны пяти-шестилетние быки, столкновений между ними не отмечали. Самки приходят на озеро вначале без телят, а затем приводят и их. Сеголетки при первых посещениях озера рдесты не едят, приобщаются к этому позже. Дольше всех пребывают на озере годовалые особи, державшиеся до отела с маралухой. Агрессивность по отношению к другим самкам проявляется только у маралух с телятами. И маралы, и лоси на озере не издают звуков. За несколько часов пребывания здесь до десятка крупных зверей слышны лишь всплески от ходьбы по мелководью. При появлении волков маралы на несколько часов уходят. Приход медведя пугал их мало [77].

Поведение на солонце. Изюбр и марал подходят к солонцу чаще с одной или двух сторон. Зверь идет тихо, осторожно, так, что и поджидающий охотник не замечает его прихода. С. К. Устинов [91, с. 47] так описывает появление марала-самца на солонце в Прибайкалье: «Зверь беззвучно появился у опушки леса перед поляной с солонцом. Прослушав и присмотревшись к поляне, он постепенно — шаг, остановка — выходит на тропу. Уши поворачиваются в разные стороны независимо друг от друга... Расстояние до солонца в 30 м самец шел в течение 11 минут 48 секунд». Иногда изюбр проделывает маневры, направленные на провоцирование затаившегося врага: постояв неслышно возле солонца, неожиданно бросается в сторону, но, отбежав десяток метров, останавливается и снова замирает, прислушивается, глядит и нюхает. Такие действия могут повторяться трижды. В некоторых случаях, постояв, зверь обходит солонец и останавливается, вынюхивая его из-под ветра. При подходе к солонцу у марала иногда наблюдается своеобразная форма поведения — поклоны головой: зверь наклоняет морду к самой земле и вдруг резко вскидывает ее высоко вверх. И так несколько раз. Затем он делает несколько шагов вперед — и вновь серия поклонов. Глубокие поклоны могут чередоваться с полупоклонами, когда зверь опускает голову лишь наполовину к земле.

Ест солоноватую землю олень медленно и все время прислушивается. Но, прожевав и проглотив несколько раз, зверь (особенно самка) успокаивается, теряет первоначальную осторож-

ность и ест, не опасаясь. Изюбр по сравнению с лосем меньше «гремит зубами», что служит признаком, по которому определяют в темноте, кто пришел на солонец. Солонцевание продолжается 30—40 мин. В местах выхода соли на поверхность за многие годы звери выедают целую яму, в которой животное скрывается полностью. Иногда они выедают в соленой глине небольшие по диаметру, но глубокие (до метра) ямы. Солонцуясь в них, марал встает на колени и опускает в яму голову. Экскременты зверей после посещения солонцов состоят иногда почти целиком из глины.

Первой у солонца появляется чаще самка. С появлением быка она обычно покидает солонец. Звери приходят в сумерках и ночью, но иногда и перед закатом солнца, а порой и днем. Чем холоднее и светлее ночь, тем быстрее придет сюда олень. В тихие, пасмурные, теплые ночи звери приходят позднее, в сильный дождь и грозу совсем не появляются. Наиболее регулярно изюбры и маралы ходят на солонцы весной и летом, осенью и особенно зимой значительно реже; ходят и во время гона и после него, иногда (особенно во время гона) приходят на солонец целым стадом.

На солонцах в Приморье встречали сразу по 8—10 изюбров. На колумбийских солонцах, в средней части Сихотэ-Алиня, наблюдали одновременно по 20 изюбров. Телят до 1,5 мес самки не приводят. Молодняк начинает ходить вместе со взрослыми маралами с 3,5 мес. Сеголеток подходит к срубу и 5—8 мин лижет соль, а затем ожидает мать в стороне, пощипывая траву и боязливо оглядываясь по сторонам. Самки тяготеют к солонцам до и после родов.

В отличие от лося олени чаще бывают на увлажненных, а не на сухих солонцах. Сроки конца посещения солонцов меняются по годам. В 1953 г. в Якутии изюбры перестали их посещать в конце первой декады октября, а в 1961 г.— во второй половине сентября. Различия в сроках связывают с урожаем грибов: при большом урожае солонцы посещаются животными дольше. На солонцах изюбры уступают место только лосям. Марал не подходит, пока лось не уйдет. Весной изюбры начинают ходить на солонцы раньше, чем лоси. Маралы, акклиматизированные в Завидовском хозяйстве, более интенсивно посещали солонцы в зимний период (максимум встреч в феврале). Интересно, что на Алтае маралы ходят на солонцы чаще всего весной и в первой половине лета, второй пик — во время гона. В Монголии эти звери посещают солонцы с мая по август. Вместе с ними на одни и те же солонцы ходят косули. На склонах гор они выгрызают глубокие ямы диаметром в несколько метров. Почву на низинных грязевых солонцах маралы поедают менее охотно, чем на твердых.

В некоторых местах, где есть сернистые источники, например в верховьях р. Казыра, изюбры ходят на эти «тухлые воды» или «кислые ключи» так же регулярно, как на солонцы, и охотники приезжают сюда за пантами. Известны случаи, когда изюбры лизали печи из кирпича-сырца, оставшиеся внутри заброшенных бараков. В Завидовском хозяйстве марал реже посещает солонцы,

чем лось, но, если соли долго нет, уходит на поиски солонцов в отдаленные районы.

Маралы скорее находят искусственный солонец, если к нему ведут срубленные молодые осинки, которые сами по себе привлекают зверя. Установленные на тропах ясли зачастую, как это ни странно, бездействуют, одичавшие маралы обходят их стороной, как и ясли на местах жировок. Но постепенно, проходя мимо ясель изо дня в день, звери привыкают к ним, начинают посещать и брать прикормку. Ручные маралы подходят к яслям, где бы их ни выставляли [105].

ПЯТНИСТЫЙ ОЛЕНЬ (Cervus nippon). Переселенные в новые места пятнистые олени легко приучаются к подкормке. В Подмосковье большая часть животных держится у мест, где выкладывают корм, и только в годы урожая желудей они зимуют в дубняках, не подходя к прикормочным площадкам. В отношении подкормки не все пятнистые олени одинаковы. Основное стадо в Завидовском хозяйстве сильно привадилось к кормушкам, но отколовшиеся потомки этих оленей дичатся и большую часть года не посещают прикормку, присоединяясь, однако, в период глубокоснежья к основному стаду, ходящему к привадам [105]. В Окском заповеднике начиная с зимы 1971/72 г. основная масса оленей совсем перестала посещать привады.

В Лосиноостровском лесничестве под Москвой корма пятнистым оленям раздавали по звуку гонга дважды в сутки в одно и то же время. С приближением часа кормления олени подтягивались к кормушкам, но мы наблюдали, что рефлекс более четко проявлялся в зимнее время и ослабевал летом при обилии естественных кормов. В хозяйствах, где ведется подкормка, пятнистый олень менее охотно, чем марал, самостоятельно добывает корм, однако без наличия естественных кормов никакая искусственная подкормка не в силах удержать его на месте.

Подкормка не может удовлетворить все потребности оленя. Обособленные группы животных в Завидовском хозяйстве, посещающие привады с сеном, устраиваются на лежки не далее 2 км и, продвигаясь к стогу или яслям своими или кабаньими тропами, время от времени уходят на 100—150 м от дороги и кормятся ветками деревьев. Пожировав на приваде, олени отправляются обратным путем, также попутно кормясь побегами.

Отношение к подкормке, сельскохозяйственным угодьям в зависимости от периода акклиматизации, степени преследования и иных обстоятельств может у оленей меняться.

Отношение к подкормке зависит от вида корма. Пятнистые олени предпочитали на привадах суходольное сено, хуже поедали осоково-разнотравное и совсем не ели осоковое. Охотно поедали дубовые, липовые и крушинные веники, хорошо ели ивовые, хуже березовые. В Завидовском хозяйстве на подкормочных посевах олени отдают предпочтение озимым, овсу, всходам яровых, гороху, кормовой капусте, тимофеевке, хуже поедают люпин, вику и клевер.

С большим трудом олени вытаскивают клочки сена из утрамбованных стогов. В европейской части страны в снежные зимы животные зачастую могут пользоваться подкормкой лишь тогда, когда к привадам прочищают тропы. Переселенные олени передвигаются от кормушки к кормушке по дорогам.

Поедать подкормку акклиматизированные олени начинают осенью в зависимости от сроков установления сплошного снежного покрова. Вначале подходят лишь изредка и не всегда едят подкормку, находя себе пищу в лесу. Бывали годы, когда в Окском заповеднике снежный покров, продержавшись некоторое время, сходил, и олени, начавшие посещать кормушки, переставали к ним ходить. В малоснежные годы звери легче находят естественные корма и менее привязаны к кормушкам, а в многоснежные роль подкормки возрастает, одновременно на привадах можно видеть до 60 животных. Посещают кормушки олени до середины — конца апреля, иногда и после стаивания снега.

В Мордовском заповеднике отношение пятнистых оленей к человеку в течение года резко меняется. С началом использования подкормки звери становятся менее осторожными. Чем больше они нуждаются в подкормке, тем становятся менее осторожными и пугливыми. В многоснежные суровые зимы, когда подкормка приобретает чрезвычайно важное значение, олени подпускают человека на 10—15 м, даже подходят к возам сена, не боясь лошадей. В малоснежные, теплые зимы картина иная: животные не подпускают человека и на значительное расстояние. Резко меняется поведение оленей и в те месяцы, когда они перестают нуждаться в подкормке,— становятся осторожными и пугливыми. Летом, заметив человека за 100—200 м, олени издают сигнал опасности (резкий свист) и скрываются. Осенью, с переходом на зимние корма, осторожность их постепенно снижается. По нашим наблюдениям, в Лосиноостровском лесу пятнистые олени гораздо меньше боялись человека в районе подкормки, чем в лесу.

На подкормочных площадях пятнистые олени разного пола ведут себя по-разному. Самки миролюбивы и пугливы, самцы драчливы. В хозяйстве «Ишман» (Приднепровье) наблюдали, как возле кормушки самец сильным ударом в бок смертельно ранил самку. Подобные случаи отмечены и в других регионах.

По звуку гонга к кормушкам первыми идут обычно старые особи. В первый год акклиматизации пятнистых оленей в Черкасской обл. сильные звери отгоняли от кормушек слабых, при этом они сначала кусали их в спины, а затем передними ногами, встав на задние, били сверху. Самцы никого не подпускали к кормушкам, стараясь захватить себе как можно больше корма. Когда люди закладывали корм в кормушки, они вели себя нетерпеливо и буйно, иногда даже отталкивая людей. Несмотря на увеличение числа кормушек, самец, не поев корм в одном корыте, бежал к другому, как бы выискивая, где его больше.

В Завидовском хозяйстве пятнистые олени стали посещать не только свои прикормочные площадки, но и те, которые предназначены для маралов (со второй половины зимы они кормились обычно со стадом маралов). Самцы оленей нападали на самок маралов, прогоняя их с подкормки, и на молодняк. Были и случаи драк самцов разных видов. Пятнистые олени ходили даже на при-

вады кабанов, иногда атакуя некрупных особей, оказались «расторопнее» маралов и кабанов — успевали съедать наиболее ценные корма раньше хозяев. Этому способствовало то, что олени чаще посещают прикормку стадом.

Зимой в Приморье можно застать около поваленных ветром ильмов и лип пятнистых оленей и горалов, объедающих ветви, кору и лишайники. Но никогда эти звери не кормятся вместе, если едят олени, горалы стоят в отдалении, как бы ожидая очереди.

В Ильменском заповеднике пятнистые олени не отходили от сена, даже когда на них лаяла собака, привязанная в нескольких метрах от стога. Однако эти звери не решаются ходить на подкормку, если возле нее затаился хищник. В Окском заповеднике не раз наблюдали, как олени, направляясь к кормушке, шли спокойным шагом, но, не доходя до нее 300—500 м, удалялись прыжками обратно, так как у кормушек был волк. В то же время в 2 км от привады олени собирали на дорогах клочки сена; кормушки, полные сена, оставались нетронутыми.

В Кировоградской обл. пятнистые олени ходят на солонцы круглогодично, но неравномерно, иногда поодиночке, иногда группами.

БЛАГОРОДНЫЙ ОЛЕНЬ (Cervus elaphus). Давно отмечали склонность оленей поедать сено в стогах. При обилии этих зверей жители некоторых районов Кавказа вынуждены были огораживать скирды. В Кавказском заповеднике в малоснежные зимы олени поедали выложенное для подкормки сено нерегулярно. Более охотно они кормились им в верхней части пихтовых лесов, куда уходили, спасаясь от волков, и где испытывали недостаток в кормах. Сено в стожке, стержнем которого служит ствол дерева или шест, олени начинают есть снизу, не растаскивая понапрасну. Подсоленное сено (до 5% соли) используется животными охотнее. Особенно часто они посещают места выкладки корма в районах акклиматизации.

Не пренебрегают олени и сельскохозяйственными культурами. В Кавказском заповеднике в начале зимы 1937 г. звери повадились выкапывать свеклу. Ее поспешили убрать, но оказалось, что истреблена половина урожая. Остаток сложили в бурты, основательно засыпав их землей. Однако на следующий день олени раскопали бурты и продолжали кормиться свеклой. Систематическая подкормка кабанов в Беловежской пуще привела к тому, что привады стали посещать и олени, хотя площадки с кормом располагались в стациях, нетипичных для оленя.

Особенно вредит олень полям в местах, куда его вселили.

В Петушинском хозяйстве Владимирской обл. весной и осенью эти звери выходят кормиться на озимые посевы и клевер; постоянно жируют там в апреле, мае, сентябре и октябре, наиболее охотно посещают участки озимых, заросшие дикой редькой. Олени выходят на поля с наступлением сумерек и уходят на рассвете. В ноябре — декабре они начинают подходить к стогам. В Воронежском заповеднике и его округе осенью, когда поспевали помидоры и свекла, размножившиеся олени, дождавшись захода солнца, стадами отправлялись на огороды.

Благородные олени приходили на посев топинамбура в Кавказском заповеднике совершенно бесшумно в отличие от кабанов, медленно, озираясь по сторонам, подолгу разжевывали клубни. Спокойно, не торопясь они переходили от одного места к другому, подолгу задерживаясь у отдельных кустов. Всего кормились 30—35 мин. Когда не было урожая орехов, стали осаждать подкормочное поле несмотря на изгородь — перепрыгивали через нее. Взрослые олени при подкормке часто отбивают от корма телят и мелких особей, поэтому рекомендуется устраивать дополнительные кормушки, окруженные частоколом, сквозь который могут пробраться только небольшие животные.

В штате Северная Каролина (США) наибольший ущерб посевам сои олени приносят в первую неделю после ее прорастания. К третьей неделе масштабы ущерба сокращались почти вдвое и затем продолжали уменьшаться. Олени поедали только листья сои. Поля, окруженные лесом с трех или четырех сторон, повреждались значительно сильнее, чем граничащие с лесом с двух и одной стороны. Наиболее сильный ущерб от оленей ощущается на краю поля. В ГДР при подкормке оленей ветками и корой сваленных деревьев сотрудники лесной охраны через некоторое время переворачивают последние, после чего интерес оленей к подкормке возрастает.

Поведение на солонцах. В Кавказском заповеднике весной и в первой половине лета на солонцы чаще самцов ходят самки оленей. Ближе к осени в период гона посещаемость тех и других становится сходной (одновременно приходят и самцы, и самки), в другое же время звери разного пола ходят туда отдельно. Зимой солонцуются почти исключительно самцы. Телята ходят на солонцы с матерями, но кормиться на них начинают к концу лета, ближе к осени.

Благородные олени подходят к солонцам очень осторожно, приостанавливаясь и прислушиваясь. Сообразуются с направлением ветра и стараются приблизиться из-под него, делая иногда для этого обходную петлю. В горных условиях, где в сумерки ветер дует с гор в долины, животные приближаются к солонцу чаще снизу. По данным А. А. Насимовича, солонцевание оленей в Кавказском заповеднике длится не менее 10—15 мин, иногда около 1 ч. Он наблюдал, как самка оленя лизала соль более 40 мин, делая лишь небольшие перерывы в 1—2 мин. После солонцевания животное нередко начинает тут же пастись.

Иногда на склоне животные выедают из-под корней дерева землю из года в год — образуется целая пещера. Чтобы кормиться, зверям приходится вставать на колени и вытягивать шею. Самцам такие солонцы доступны только весной, когда у них еще не отросли рога. Бывает, что дерево с обнаженными корнями обрушивается и заваливает солонец. Наблюдали, как в разное время из одного и того же корыта солонцуются олени и лошади. Посещение солонцов оленями связано с их питанием. Спускаясь к кормовому полю с топинамбуром, звери заходили предварительно на устроенный рядом искусственный солонец, после кормежки снова заходили на солонец и уже затем шли на дневку.

В Северной Америке солонцы и соленые источники хорошо посещаются *вапити* (Cervus elaphus) и в меньшей степени *белохвостыми* (Odocoileus virainianus) и *чернохвостыми* (Odocoileus hemionus) *оленями*. В штате Монтана весенний пик посещаемости падает на конец апреля, а осенний на период с конца августа до октября. Весной вблизи некоторых солонцов держится 30—150 оленей, осенью в ближайших окрестностях одного из них наблюдали более 300 особей. Конкуренция из-за соли выражена слабо, драки между оленями редки. Замечено, что некоторые олени, придя на источник, не пьют соленую воду. Очевидно, что солонцы играют также немаловажную «социальную» роль, привлекают зверей как места контактов разных особей популяции.

Летом в светлое время суток олени особенно часто приходили на солонцы в период от 10 до 14 ч. С увеличением влажности и температуры воздуха посещаемость снижалась. Некоторые особи являлись «завсегдатаями» одного и того же солонца. Кроме соли, зверей привлекает и обилие вокруг молодой травы. Посещаемость солонцов у вапити снижалась с началом отела. В снежный период олени естественными солонцами не пользуются, предпочитая обычно искусственные; у последних вапити уступают место домашним коровам, если тех бывает более десятка, но изгоняют прочь других оленей. У вапити наиболее часто посещают солонцы взрослые самки и сеголетки [115].

ЛОСЬ (Alces alces). Отношение этих зверей к сену неопределенно. В Лапландском заповеднике в первый год подкормки сеном они поедали его, а на второй год не подходили к стогам (хотя сено было скошено на тех же участках) и питались побегами ивы и березы в непосредственной близости от заготовленной подкормки. В северных областях лоси едят сено, во многих районах Вологодской обл., например, это обычное явление. На Южном Урале лоси едят сено гораздо реже, чем маралы и косули. Экспериментальное скармливание лосятам и взрослым особям свежего сена в летне-осенний период показало, что охотно едят его не все звери и кормятся они им лишь в отдельные дни.

Сено и солому ручные лоси лучше всего поедают на первом году жизни. В этом возрасте они наиболее охотно едят и сельскохозяйственные растения. Нередко к стогам лесного сена этих зверей привлекают многочисленные примеси молодых побегов березы, ивы и осины с листьями, торчащие из стогов. Повзрослевшие лоси нередко пренебрегают сеном, предпочитая ему древесные ветки.

Питание лосей на посевах наиболее заметно в лесостепных и степных областях, но нигде это не носит постоянного характера. Иная картина складывается при бескормице.

При нехватке кормов лоси начинают посещать ближайшие поля, вытаптывая посевы. Выгнанные с одной стороны поля звери перебегают на другую и продолжают спокойно кормиться. На посевах гречихи они поедали верхнюю цветущую часть растения, а на овсяном поле — метелки овса в стадии молочной спелости. По мере созревания посевов частота посещений уменьшается. Жировать на поля лоси выходят рано утром и вечером. Два лося, забредшие летом в безлесную степь, больше месяца держались на поле подсолнечника.

Осенью лоси Печоро-Илычской фермы охотно кормятся ботвой турнепса, свеклы, моркови, брюквы, репы, кольраби, а позд-

нее, с отмиранием ботвы, и самими корнеплодами. Ручные лоси с желанием поедали в качестве прикормки или лакомства картофель, тыкву, дыню, арбуз, огурцы. Зерновые культуры (пшеницу, рожь, ячмень, овес, просо) они не трогали, лишь в единичных случаях весной и осенью кормились на отрастающей зелени этих растений. К концентратам лосей приучить не удалось. По осени они особенно охотно кормятся на полях капустой, предпочитая ее всем другим овощам и, раз покормившись ею, начинают ежедневно совершать набеги на поля с этой культурой, производя массовую потраву, вследствие чего приходится лишать их вольного выпаса. Если у коров обильное потребление капусты вызывает расстройство пищеварительного тракта, то у лося этого не бывает [53].

Зимой 1965/66 г. в ряде районов Владимирской обл. был очень глубокий снег. Лоси поедали сено и держались возле прикормочных площадок, куда люди выкладывали ветки ивы и осины. В Каневском заповеднике звери повредили в садах около 600 деревьев. У одной из деревень Столбищенского р-на Татарии лоси заходили в огороды, откуда их приходилось выгонять.

Опыты подкормки лосей корой и ветками срубленных осин в Завидовском хозяйстве в 1937 г. показали, что эти звери объедали в первую очередь наиболее молодые части дерева, оставляя грубую кору близ комля нетронутой. За одно посещение лось полностью объедал кору в среднем с одной осины длиной 18 м. Эксперименты в Финляндии показали, что эти звери хорошо ели ветки и кору поваленных ив и осин и почти не прикасались к березам. На подкормку они ходили весь период, пока снег покрывал стебли черничника — с ноября до начала апреля, а в восточных районах и до начала мая. Опыты показали, что осину для подкормки лосей лучше валить в конце сентября и дополнительно зимой, а ивы — в конце зимы. Животные лучше использовали подкормку, когда деревья валили вдоль их троп с интервалами в 300—1000 м.

В Переславском охотничьем хозяйстве в непосредственной близости от солонцов устроено 200 подкормочных площадок для лося, на которых подрубают осинник. Ежегодно на них выкладывают до 500 м³ осины. Животные охотно посещают прикормку. В Дарвиновском заповеднике на площадке 1 га в ноябре 1967 г. срубили 212 сосен. Лоси посещали это место с конца декабря по 9 апреля, ходили сюда одиночно и группами до 6 голов, а однажды зашли сразу 10 особей. До 11 марта звери объедали только побеги с хвоей, а позже, с потеплением, начали грызть и кору. В сильные морозы наиболее интенсивно ели хвою. Всего за зиму лоси посетили подкормочную площадку 58 раз. Звери полностью съели хвою со всех вершин и погрызли кору на 55 отрезках из 500 [41]. Наблюдения показывают, что в сравнении с другими копытными лось плохо берет подкормку. Домашний лось в отличие от дикого менее разборчив в веточном корме и поедает ветви любых древесных пород.

Своеобразной привадой для лосей служат озера, куда звери ходят кормиться рдестами и едят их жадно, как соленую землю. Это обычное явление на озерах Горного Алтая. Лоси приходят на рдестовое озеро в разные часы суток, чаще в первой половине и середине дня. Ходят в течение 2—2,5 мес, начиная с июня. Находятся на озере 15—20, максимум 30 мин. В августе они едят рдесты менее жадно, даже вяло. Обычно лось входит в воду на глубину 1—1,5 м и кормится, стоя или постепенно передвигаясь. Опускает голову в воду, достает корм и пережевывает его. Около половины лосей (чаще самцы) плавают, а в начале лета и ныряют. Под водой зверь может плыть до 15 м, находясь там до 30—120 с и более. Вынырнув, обычно делает шумный выдох, встряхивается, разбрасывая капли воды, отдыхает 5—10 с, а затем начинает громко чавкать, пережевывая корм. Во второй половине лета лоси ныряют реже и чаще кормятся на плаву до 1,5 ч непрерывно. Доставая со дна водную растительность, звери, выбравшись на сушу, временно «глохнут». В первую половину лета ведут себя на озере настороженно. Насытившись, волнуются меньше, становятся менее осторожными. На озерах лоси спокойнее маралов. Например, взрослые самцы при появлении пары волков были настороже, но озеро не покинули, приход медведя тоже не пугал их, они лишь отходили с его приближением [77].

Поведение на солонце. Лось большей частью прибегает на солонец, и шум его движения по лесу слышен издалека. В более редких случаях он, тихо подойдя к краю леса, останавливается и некоторое время, ориентируясь, прислушивается и принюхивается. После этого следует к солонцу и с жадностью, шумно начинает есть солоноватую землю. Если солонец жидкий, лось сосет, втягивая воду и полужидкую глину с песком. Зверь непрерывно пьет от 10 мин до 1 ч, с громким чавканьем, иногда срыгивая и громко кашляя. Некоторые особи, «посолонившись», быстро уходят, другие же долгое время стоят на солонце или ходят. Лось блаженно закрывает глаза и неотрывно лижет камень на искусственном солонце, видимо, соль доставляет ему удовольствие. К приходящим к солонцу сородичам он относится с интересом и вниманием. Ведут себя лоси на солонцах миролюбиво, исключая маток с телятами — они иногда вступают в драку, встают на дыбы и пускают в ход передние ноги. В Завидовском охотхозяйстве на солонцах чаще всего встречаются самки с лосятами (67% встреч), затем самцы (23%) и одиночные самки (10% встреч).

При наличии по соседству ключа лось, нализавшись соли, идет к нему утолить жажду. При малейшей опасности, стремглав, бросается в лес. Звери пользуются не всеми солонцами. Возле некоторых они хотя и держатся постоянно, кормятся, устраиваются метрах в трех на лежку, но соль не трогают. Другие же солонцы посещают усиленно, особенно те, что поблизости от воды. В Саянах лоси на солонцы не ходят, но в недалеком от этих мест Забайкалье посещают их наравне с изюбрами и косулями.

В Завидовском хозяйстве лоси посещают солонцы круглогодично, но неравномерно. За 5 лет, начиная с 1960 г., наиболее часто они ходили солонцевать в июне (17% встреч). В сентябре во время гона посещали солонцы редко. Активно туда ходят в октябре и ноябре, редко в апреле. На Украине, в Кировоградской обл., лоси ходят на солонцы также круглогодично, чаще всего в январе (17% встреч) и в три последних месяца года. Севернее бухты Амагу на Дальнем Востоке лоси для солонцевания выходят к морю, поедают морскую капусту и другие водоросли, лижут соленые камни, пьют морскую

воду. Замечено, что потребность в минеральных веществах у этих животных зависит от запасов в угодьях пайпровочных водных растений: чем меньше последних, тем больше потребность в солонцах.

Лоси Печеро-Илычской фермы наибольшую потребность в солонцевании проявляют до полутора-двухмесячного возраста. У взрослых особей она выражена в меньшей степени. Наиболее интенсивно звери лижут соль в августе и сентябре. У быков потребность выше, чем у самок. С переходом на грубые веточные корма, т. е. с конца осени и до весны, соль употребляется лосями в значительно меньших количествах, а весной в период линьки они почти перестают пользоваться ею. Только с появлением обильных зеленых кормов снова наблюдается повышенная потребность животных в солонцевании (Кнорре, 1959).

КОСУЛЯ (Capreolus capreolus). При зимних трудностях с кормами косули охотно кормятся сеном. Например, в Башкирском заповеднике в глубокоснежные зимы они держались преимущественно у стогов сена, охотнее всего около тех, что поставлены у подножия склонов, заросших густым лесом. Днем животные укрывались в лесу, а вечером по проторенным тропам спускались к стогам. Если последние располагались на открытых местах вдалеке от леса, косули возле них встречались редко. На Урале косуля идет к стогам сена также при обилии снега. При глубине снежного покрова в 50 см и выше она держится возле стогов и далеко не отходит. К сену подходят косули со всей округи. В Ильменском заповеднике стожки сена в лесу, особенно если оно хорошее, к весне съедались косулей начисто. Интересно, что косуля поедает сено раньше, чем оно станет ей действительно необходимо.

Зимой в Приморье косули, не откочевавшие в Китай, держатся обычно в лесах по соседству с соевыми полями, выходя на них ночью. Расселившаяся в Причерноморье косуля обитает на обрабатываемых полях, любит кормиться на озимых посевах. В Курганской обл. в поле с оставленной несозревшей кукурузой регулярно кормились косули часто бок о бок с пасущимися лошадьми. Поедали только мякоть стеблей, а высохшие листья оставляли нетронутыми. В метель и холод уходили с кукурузных полей в лес, а в теплую погоду оставались, устраивая лежки поблизости в низинах. Иногда на кормежках одновременно бывало 10—15 особей. Обычно с приближением зимы многие косули откочевывали к югу, но в 1955/56 г., когда кукуруза осталась неубранной, стали здесь зимовать, хотя снежный покров был глубже, чем в предыдущие годы.

В Казахстане косули поедают освободившиеся от семечек сухие корзинки подсолнуха, а к весне уничтожают и его стебли. Лакомый корм для косули — омела, ею можно удержать животных. В Прибалтике из всех доступных зимой кормов косули предпочитают свежую осиновую кору, с большой охотой они поедают измельченную кору.

Опыты и наблюдения в Швеции показали, что подкормка в первую очередь достается наиболее сильным зверям в возрасте 1—7 лет. Голодают преимущественно молодые и самые старые звери. Однако доминантное положение особи не давало ей права на первоочередную кормежку сеном. Иерархические отношения наблюдались только при питании комбикормами. Чем больше животных в группе, тем чаще проявления среди них агрессии, которая выражалась в угрожающей позе. Если угроза не вызывала бегства противника, агрессивный зверь гнал его. Иногда косули бодались, постепенно сходясь лбами, и только в разгар боя нападающая особь направляла удары в шею и бока противника. При увеличении числа кормушек агрессивность отмечалась реже, но косули затрачивали на кормление больше времени и сокращали время на отдых [118]. Нередко отгоняют косуль от кормушек олени.

Во время кормежки косуля большей частью не стоит на одном месте, а постоянно передвигается, на ходу скусывая веточки. Может быть, поэтому она не всегда посещает прикормку, помещенную в одном месте. Когда веники развешивали в разных местах, звери стали, наконец, есть их. При смене на привадах грубого корма из коры и ветвей деревьев на капусту у животных наблюдалось расстройство пищеварения. Зимой взрослая косуля съедает 0,9—1,1 кг корма, сеголетки — 0,6—0,9 кг.

Поведение на солонце. В Кавказском заповеднике наиболее часто косули посещают солонцы в марте и сентябре. Интересно, что в Крымском заповеднике они ходят туда с октября по май включительно и более всего в зимние и ранневесенние месяцы, летом же совсем не солонцуются. В Латвии посещают солонцы круглый год, на Украине тоже, но более часто в сентябре и апреле (в эти периоды зафиксировано соответственно 15,4 и 13,7% встреч). На солонцы ходят как отдельные животные, так и группы в 3—5 особей, часто приходят и самки с косулятами. В Красноярском крае косули посещают солонцы летом в 5—6 раз интенсивнее, чем зимой.

В Восточной Сибири эти звери начинают посещать солонцы ранней весной, причем те, что расположены на солнечных склонах и оттаивают раньше. Вначале бывают на солонцах очень рано и недолго, а когда все зазеленеет, приходят на солонцы позже и пребывают дольше, иногда с вечера до позднего утра. Там, где зверей не преследуют, косули идут на солонец смело, а там, где охотников много,— очень осторожно: подходит тихо, часто останавливается и прислушивается, подойдя еще ближе, высовывает голову из кустов, долго ориентируется в обстановке и лишь потом идет к солонцу. Иногда перед выходом на открытое пространство косуля, как бы провоцируя хищника, неожиданно бросается вперед, а затем внезапно останавливается и прислушивается.

На солонце зверь разгребает копытами и грызет солоноватую землю, иногда производя при этом особые глухие звуки. В жару, когда появится овод, косуля приходит на солонцы к вечеру, на закате, даже ночью или рано утром до появления овода. В тихую и пасмурную погоду солонцы посещаются редко, в ясную чаще, во время грозы животные не ходят на них. Существует мнение, что в засушливое лето косуля реже посещает солонцы, чем в сырое. Во время гона на солонцы не приходит, но по окончании этого периода ходит вплоть до заморозков. В Чернолесском лесном хозяйстве

Кировоградской обл. косули не подходят к солонцу, пока там находятся олени [111].

ДРУГИЕ КОПЫТНЫЕ ЗВЕРИ. Охотно едят сено вселенные в два района Белоруссии *лани*. Зимой они берут подкормку из моркови и картофеля. У кормушек происходили ссоры между ними и оленями, оканчивавшиеся обычно победой ланей. *Европейская лань* (Cervus dama) посещает естественные солонцы особенно регулярно с марта по июнь и в августе—сентябре, причем в жаркие и сухие дни реже, чем после дождя.

Куланы (Equus hemmionus) приучаются к подкормке, если ее выкладывать ежегодно с осени до выпадения снега. В зиму 1978/79 г. на подкормку приходили 162 кулана, живущие на о. Барсакельмес. Особенно активно они подкармливаются в морозные солнечные дни. Экспериментальные посевы ячменя в Бадхызском заповеднике эти звери не трогали, но когда растительность стала сохнуть, на ячменном поле кормились в течение двух недель 32 взрослых кулана и два жеребенка. У кобыл позже родилось еще 7 жеребят, которые окрепли здесь. С мест подкормки и водопоя куланы уходят, если туда пришли верблюды, но других животных всегда отгоняют [67].

Появление *сайгаков* (Saiga tatarica) на посевах отмечается лишь в годы, когда в полупустынных районах — местах обитания этих животных наблюдалось усыхание естественных пастбищ. Звери заходили на поля кукурузы, пшеницы, ячменя, ржи, проса, люцерны, горчицы. Большей частью держались по краям посевов и в глубь полей не заходили, густых посевов высотой более 20 см избегали. На кукурузных полях сайгаки скусывали лишь отдельные листья, не повреждая стебля. Массовых потрав ими агрикультур не отмечалось. Сайгачата в неволе проявляют пристрастие к соли. Есть сведения, что сайгаки посещают соленые источники и пьют из них воду.

Горалов (Nemorhaedus goral), выпущенных в 1915 г. на о. Орехова в бухте Преображенья, подкармливали лесным сеном, овсом и хлебом. В Приморье эти звери солонцуются, поедая водоросли — выбросы моря, посещают минеральные ключи или сухие глинисто-песчаные солонцы вблизи мест своего пребывания, пьют соленую воду, лижут морскую пену. Окаменевшую соль, находившуюся возле водопоя, летом никто из *джейранов* (Gazella subgutturosa) не трогал, но в ноябре обнаружили ее и приходили лизать.

Снежные бараны (Ovis canadensis) изредка лижут подтеки под пластами известняков, грызут отложения солей у минеральных источников. Посещений ими искусственных солонцов не отмечалось.

В отличие от благородных оленей *туры* (Capra) идут на солонец смело, не останавливаясь, большой группой и сразу жадно принимаются за соль, при этом сильные отталкивают слабых. Солонцуются эти звери подолгу, в течение нескольких часов, и часто ложатся, пережевывая жвачку. Солонцы туров всегда сухи. Животные выедают в земле и выбивают копытами много ямок

глубиной до 40 см, иногда ямки соединяются и образуют общую яму площадью в несколько квадратных метров и глубиной до полуметра. В Кавказском заповеднике на солонцах наблюдали одновременно по 100 туров и более. Животные в таком количестве начисто вытаптывают окружающую растительность. Некоторые из них грызут землю, другие лежат или пасутся поблизости. Самки ходят на солонцы с еще не окрепшими ягнятами. Тропы к солонцам измеряются сотнями метров и километрами, убегают к гребням хребтов, тянутся по неприступным скалам. Ходят туры солонцеваться чаще утром и вечером, на сухие солонцы приходят и в дождь.

Серны (Rupicapra rupicapra), как и туры, идут на солонец без опасений. Сильные особи солонцуются в первую очередь. Пребывают здесь подолгу и при наличии травы кормятся поблизости. Чаще всего ходят в мае и июне. Подходы серн к солонцам представляют собой узкие ветвящиеся тропки, подчас проходящие над страшными обрывами. Чаще животные ходят в утреннее и вечернее время. Туры и серны вместе не солонцуются. Замечено, если на солонце имеется группа туров, то серны, направляющиеся к источнику, останавливаются поодаль, дожидаясь ухода туров. Серны на солонце ведут себя более подвижно, чем олени, иногда затевают даже игры, посещают только те солонцы, что расположены в пределах их узкого района кочевок. Поэтому искусственные узкие солонцы, заложенные в сотне метров от проторенной тропы, остаются необнаруженными. В Альпах при глубокоснежье эти звери охотно поедают сено.

В начале 60-х годов в заповеднике «Столбы» проводилась подкормка *кабарги* (Moschus moschiferus) лишайниками. Хворост и сухие сучья, покрытые ими, складывали в кучи в местах обитания этих зверей. Чтобы облегчить нахождение привад, к ним прокладывали лыжни, на которых разбрасывали ветки с лишайниками. При этом нужно было обходить поляны, так как кабарга неохотно пересекает их, сходит с лыжни и теряет ее. На некоторых привадах кормилось до 7 кабарог, приходивших с расстояния до 7,7 км, а потом их лежки стали располагаться не далее 250—270 м. Лишь одна молодая самка покинула подкормку в период гона, остальные посещали ее на протяжении всего снежного периода, но летом не проявляли к ней интереса (Щербаков, 1959).

Кабарга редко подходит к сену в кормушках, поскольку имеет иную пищевую специализацию, но в многоснежные холодные зимы количество ее следов у стогов может увеличиваться. Посещает она солонцы реже других копытных и большей частью те, на которые не ходят другие животные. Но в некоторые годы количество ее следов на солонцах возрастает. На Алтае кабарга посещает не только естественные, но и искусственные солонцы.

У забайкальских *диких северных оленей* (Rangifer tarandus) минеральный голод достигает наибольшей силы к концу зимы. В марте звери обычно концентрируются в районах речных долин,

где встречаются минерализованные наледи. Иногда олени посещают природные или искусственные солонцы. На Кольском п-ове в долине р. Чуны естественные солонцы неизвестны и, видимо, поэтому опыты подкормки северных оленей и лосей солью путем устройства искусственных солонцов не дали результатов: животные проходили мимо них, не задерживаясь. Северный олень в Заполярье, стремясь восполнить солевую недостаточность, нередко поедает животную пищу, снег, смоченный мочой человека.

В Кавказском заповеднике *зубры* (Bison bonasus) посещают солонцы так же интенсивно, как и олени, ходят на них поодиночке и стадом. Когда-то зубровые тропы к солонцам тянулись на протяжении многих верст, напоминая торные дороги. На искусственных солонцах зубры выбивают ямы глубиной до 70 см, чаще всего ходят на солонцы в весенний период, начиная с марта. Резкой смены посещаемости по сезонам, как у оленей, у них нет. В Беловежской пуще зубрами нередко уничтожаются кормовые поля: эти животные имеют склонность устраивать на хорошо взрыхленной почве многочисленные лежки и «купалки». В результате поля существуют лишь 2—3 недели, а затем зарастают сорными травами. При подкормке зверей в Беловежской пуще в то время, когда зубры собираются у подкормочных площадок, звери остальных видов ютятся поодаль. Менее других боятся зубров кабаны, смело лезут к кормушкам лани. Олени ведут себя осторожно, косули же вертятся вокруг, подбирая разбросанные остатки пищи. Наевшись, после утренней кормежки зубры отходят и ложатся неподалеку, остальные звери отходят подальше и также отдыхают лежа.

У *американских овцебыков* (Ovibos moschatus) при содержании их в огромном загоне, площадью 470 га, в отношении к подкормке наблюдалась строгая иерархия. Если сено было выложено лишь в одном месте, к нему первым подходил вожак стада. Только после того, как он насытится, поочередно, в соответствии с занимаемым иерархическим положением, начинают подходить к корму остальные особи. Если сено рассредоточено в нескольких точках, первыми к нему подбегали обычно взрослые животные, отгоняя слабых и молодых. В целом же все животные стада в первые минуты при подходе к подкормке ведут себя очень активно, перебегают от одной кучки сена к другой, но затем постепенно успокаиваются.

В стаде *канадских овцебыков*, если возраст животных одинаков, иерархия устанавливается более длительное время. В результате этого в первые месяцы содержания зверей в загоне среди них наблюдаются у подкормки стычки. Например, два самца атакуют вожака стада, поедающего сено.

НУТРИЯ (Myocastor coypus). Поведение на приваде нутрии изучено в большей степени, чем поведение других видов, благодаря многочисленным опытам полувольного разведения этого зверька, начатым по идее профессора П. А. Мантейфеля. Впоследствии был разработан метод, основанный на выпуске нутрий

летом в водоемы, где они поедают естественную растительность и выкладываемую подкормку, а по осени отлавливаются.

Нутрии очень охотно поедают выложенную приваду и держатся возле нее. При регулярной подкормке сплываются по сигналу (звук от удара в колокол, рельсу или иной металлический предмет). Многие из грызунов плывут вслед за лодкой с человеком, везущим корм, а отдельные даже забираются в нее. Некоторые приближаются к пище раньше, чем удалится человек. Привлекающим сигналом для нутрий служит также хруст разгрызаемого зерна, издаваемый сородичами, уже взобравшимися на прикормочный столик. Шумы и крики кормящихся нутрий слышны более чем за 200 м. Согнанная с кормового столика нутрия далеко не уплывает и снова возвращается на прежнее место, как только человек уйдет (Павлов, Соколов, Фадеев, 1958).

В качестве прикормки для нутрий используют различные виды зерна, отруби и другие отходы мукомолья, а также комбикорма, картофель, хлеб, желуди, морковь, брюкву, турнепс, яблоки, арбузы. Как бы хорошо ни была обеспечена нутрия сочными кормами в водоеме, зерновая приманка остается для нее всегда особо лакомой. Но если в водоеме исчезнут сочные корма, зверька невозможно удержать никакой прикормкой. Возникает парадоксальное явление: пищи нет, а нутрия от пищи уходит. На прикормочных столиках каждая нутрия съедает примерно 200 г зерна. При изобилии корма вечерняя кормежка длится до полуночи, под утро зверьки также кормятся, но с меньшим аппетитом. На прикормочный столик они забираются по лесенке, но сходят с него всегда спрыгивая в воду. Выходят к приваде неодновременно — молодые особи до захода солнца, а взрослые и старые большей частью после захода. Молодняк с приходом взрослых держится в стороне. Взрослые звери кормятся первыми. Иногда кормящиеся особи изгоняются с плотиков вновь прибывшими зверями. Часто нутрия сама покидает прикормку, завидя подплывающего недруга из числа своих сородичей. Согнанные и ушедшие зверьки направляются к другому столику или снова лезут на тот же. Возникают драки. Иногда один зверь занимает подкормочный столик и не пускает на него других.

Некоторые зверьки ведут себя на подкормочных площадках агрессивно, преследуют и разгоняют своих собратьев. Чаще это бывают старые самцы или взрослые самки, которые принесли приплод в непосредственной близости от подкормочного плота или даже прямо на нем. Если такую самку не отловить, занятая ею площадка не будет посещаться другими зверьками, по крайней мере в течение месяца, пока щенки не подрастут и не перейдут в другое, более спокойное место. Такие случаи сравнительно редки и наблюдаются в водоемах с бедными гнездовыми условиями.

Для предотвращения драк и привлечения максимального количества зверьков подкормочные столики распределяют по водоему равномерно, из расчета 10 плотиков на 50 зверей. Прикормку для нутрий охотно посещают серые крысы. Нутрии не пытаются отгонять их. Если в качестве подкормки используется не зерно,

а корнеплоды и бахчевые культуры или предпочитаемые нутриями кормовые растения водоема, зверьки начинают посещать прикормочные плотики нерегулярно и с наступлением сумерек вокруг них не видно обычного оживления. Эффективна лишь постоянная подкормка. Если выкладывать зерно не каждый день, а раз в неделю, животные перестают посещать подкормочные столики, разбредаются по окрестностям и начинают вести кочевой образ жизни, посещать поля, засеянные сельскохозяйственными культурами и овощами. В ряде районов Франции нутрия приносит вред на рисовых плантациях.

Несмотря на регулярную подкормку, часть выпущенных на водоем нутрий мигрирует. Например, в Сырдарьинском промхозе в 1967 г. из 10 тыс. выпущенных зверьков пыталось мигрировать 500. Три четверти мигрантов оказываются беременными самками, остальная часть — самцы средних и мелких размеров, которые, по-видимому, вытесняются с мест подкормки крупными самцами. Отловленные и возвращенные на водоем мигранты большей частью остаются на месте, лишь 2% из них пускаются во вторичную кочевку.

ОНДАТРА (Ondatra zibethicus). Имеется опыт зимней подкормки ондатры на малокормных и промерзающих водоемах. Ящичные кормушки устанавливали в специальных прорубях в 4—17 м от основного жилища. Каждая кормушка имела два отделения: кормовое, в которое закладывали корм, и небольшое гнездовое, выстилаемое мелким сеном, в котором зверьки при нужде могли бы сделать временное зимнее жилище. Ондатра поедала овес, пшеницу, капусту, с особой охотой ела морковь и лущеный овес. С конца декабря зверьки переселялись в кормушки и поедали увеличенные порции корма. С наступлением весны, первыми проталинами на озерах, все семьи возвращались в старые жилища и после гона за лето давали по 2—3 помета.

При смешивании овса, пшеницы, кукурузы, ячменя, проса и риса ондатра прежде всего начинала есть овес и съедала его начисто, затем довольно охотно принимались за белый рис. Ячмень ела неохотно, рис-шалу, просо и пшеницу почти не трогала. При длительном содержании только на одном овсе она чувствует себя превосходно (истощенные после весеннего гона зверьки на овсе быстро жиреют). Из «винегрета», в который вошли картофель, сахарная, столовая и кормовая свекла, красная и желтая морковь, арбуз, дыня, помидоры, яблоки, лук, абрикосы, тыква и капуста, сытая ондатра, напав на кусочек желтой моркови, перестала обращать внимание на все остальное до тех пор, пока не съела всю желтую морковь и, только убедившись, что ее больше нет, взялась за красную морковь, сахарную свеклу, капусту и другие овощи. Арбуз, огурцы и дыню почти не трогала.

Во Франции ондатра нередко кормится на сельскохозяйственных полях, приносит тем самым определенный вред. Опыты по ее подкормке показали, что зверьки охотно брали корм на плотиках, восполняя им около трети естественного рациона, однако

посещаемость плотиков была неравномерной в зависимости от плотности населения зверьков в тех или иных частях водоема.

БОБР (Castor fiber). Хорошие результаты дали опыты зимней подкормки бобров. Ветки ивы и осины закладывали под лед через проруби вблизи жилых нор и на вылазах этих зверей. При сильных морозах, когда бобры избегают выходить на поверхность, во льду прорубают круглую лунку и от нее полосу шириной в лопату и длиной 2—3 м. Ветки и вершины ив и осин опускают в лунку, а затем в прорубленную полосу. В Воронежском заповеднике бобры поедали подкормку подо льдом в первые 10 дней после ее выкладки, посещали приваду и в значительном удалении от жилищ — на расстоянии до 200 м. Если подкормка выкладывалась на поверхности вылазов, часто она оставалась неиспользованной.

Бобров подкармливают в период половодья, в летнее время (для отвлечения от посадок) и зимой. Привады, выкладываемые в Воронежском заповеднике весной во время половодья, охотно поедаются ими. В этом заповеднике в 1949 г. около трети бобров, обитающих в пойме р. Усмани, питались за счет ранее посаженных ив и корневых отпрысков осины. В 1962 г. 58% семей жило исключительно за счет посадок. В 1963 г. процент возрос до 66. При отсутствии подкормки за счет посадок старейшая ценная популяция бобров давно бы пришла в упадок. При лесозаготовках вблизи бобровых поселений происходит стихийное образование привад: люди увозят стволы деревьев, а бобры подбирают сучья. Наблюдений, подтверждающих это, немало.

В Норвегии изредка наблюдается поедание некоторых овощей на приусадебных участках: моркови, поздней капусты и т. д. В США после проведения охранных мероприятий бобры (Castor canadensis) сильно размножились, и некоторые из них стали селиться поблизости от садов и огородов, подгрызать фруктовые деревья, вредить посевам кукурузы, плантациям картофеля и сахарной свеклы. В Воронежской обл. имели место случаи, когда бобры ночью выходили на огороды и поля, где пристрастились к некоторым культурам (свекле, картофелю, кукурузе, капусте), но объем ущерба не был значительным (Дежкин, 1967).

В одной из деревень Кричевского р-на Белоруссии семья бобров переселилась с реки в овчарню, помещавшуюся в землянке. Здесь в сухом и теплом помещении звери находились днем, а ночью выходили на кормежку. Постепенно они привыкли к людям, которые подкармливали их хлебом. На одной из канадских ферм по разведению бобров зафиксирован случай, когда молодой бобр, запоздав и не найдя места у кормушки, отбежал к реке и стал бить по воде, что вызвало беспокойство у его кормившихся сородичей и они разбежались, а зверь, давший сигнал опасности, быстро приблизился к приваде.

БЕЛКА (Sciurus vulgaris). Большой опыт привлечения белок путем подкормки накоплен в Новосибирске в лесопарке Академгородка. Подсолнухи и кедровые орехи зверьки ели внутри кормушки, а сухари выносили наружу. Если корка хлеба, взятая поперек, не пролезала в отверстие ящика и застревала в нем,

белка часами грызла доски, расширяя вход, пока заклинившийся сухарь не бывал извлечен. Отношения зверьков на привадах были недружелюбными, и они кормились поочередно. Насытившись, белка некоторое время отдыхает, сидя на кормушке или высунувшись из нее.

При первых посещениях кормушки белка, прежде чем залезть внутрь, некоторое время сидит на ней и осматривается, а привыкнув, забирается в нее. Зверьки прибегали на кормежку с расстояния 300 м, прокладывая тропы. Концентрация зверьков у кормушек увеличивалась до 5—6 особей на 1 га, тогда как вне их действия находили лишь одного зверька на 2—2,5 га. У одной из привад зимой и летом держалось до 8 белок.

Подкормка белок организована также в лесопарках Фрунзе, Кисловодска и многих других городов. Привыкнув получать подкормку из рук отдыхающих, некоторые белки начинают попрошайничать, требуя лакомства.

В еловом лесу недалеко от г. Кирова пенсионер Н. Н. Граков в течение 9 лет прикармливал белок на участке размером в 4 км², предназначенном для натаски лаек. На этой территории располагается 20 прикормочных точек, две из них — на высоте человеческого роста, остальные у подножия дерева или на еловой ветке со снегом. Подкармливает он зверьков всю зиму. Два-три раза в неделю закладывает в каждую кормушку два сухаря и одну соленую кильку. Лучше всего белки берут сдобные сухари, потом белые и хуже всего черные. Кильку всегда съедают. Чтобы корм не растаскивали птицы, Граков закапывает его в снег на 10 см. Белки находят корм даже на расстоянии до 1,5 м от обычного места. Все годы на участке живет около 20 зверьков (до начала подкормки их было три). Они располагаются на территории мелкими группами, по 2—3 особи, регулярно приносят потомство, иногда даже в более ранние сроки, чем на сходных соседних участках. Когда приходит Н. Н. Граков, некоторые белки выдают свое присутствие движением, но ни одна из них так и не приучилась приходить к кормушке при закладке корма, возможно, причина тому — участие Н. Н. Гракова в натаске собак. Прикормленные белки затаиваются при облаивании собакой, тогда как пришлый или мигрирующий зверек чаще уходит. В местах, где белок не добывают, они при подкормке легко приручаются, берут пищу из рук, залезают на плечи, голову и в карман даже незнакомого человека, пришедшего в первый раз. Эту картину десятки раз за день можно наблюдать, например, в Кисловодском лесопарке. Зверьки, привыкшие к раздаваемой пище, сами выбегают навстречу к людям. В тех случаях, когда зверек убедится, что протянутая рука пуста, он иногда недовольно стрекочет и даже кусает человека.

В 1962 г. в Куменском р-не Кировской обл. белки повадились ходить на поле, где осталась неубранной полоска льна. Зверьки поедали семена этого растения. В окрестностях Москвы белки нередко забираются в сады и кормятся там вишней и садовой земляникой. В наших опытах в Подмосковье весной 1955 г. белки часто ходили на мясные привады, предназначенные для лисиц, грызли их, утаскивали с собой куски смерзшегося фарша. Ходят белки и на солонцы.

Уносимый с привады корм белки прячут. Наблюдения, проведенные в Канаде, показали, что зверьки находили 99% спрятанных ими орехов и 83% орехов, спрятанных экспериментатором. Из 500 зарытых в опыте конских каштанов серые белки (Sciurus griseus) обнаружили 84,6% [138].

ВОДЯНАЯ КРЫСА. При массовых размножениях водяная крыса (Arvicola terrestris) может нанести огромный ущерб посевам зерновых культур. В 1927—1929 гг. в северных районах Западной Сибири размер повреждений измерялся сотнями гектаров уничтоженного хлеба. Имелись случаи, когда крестьяне, приезжающие на поля для уборки хлеба, должны были возвращаться обратно, так как весь их посев был целиком уничтожен водяными крысами. В 1947—1950 гг. снижение урожая зерновых в отдельных районах Новосибирской обл. колебалось от 24 до 100% (в среднем 77,5%); один участок площадью в 30 га был настолько изрыт водяными крысами, что представлял как бы перепаханное поле (Фолитарек и др., 1959).

При массовых размножениях водяные крысы кормятся на огородах, повреждая капусту, свеклу, огурцы, морковь, тыкву, кабачки, лук, картофель и даже махорку. Нередко зверек с ночи забирается в вилки капусты и сидит там целый день, выгрызая целую пещеру в центре вилка. Снаружи такой вилок кажется целым, но стоит приблизиться к нему, как оттуда выскакивает водяная крыса и исчезает в ближайшей норе, вилок же оказывается пустым внутри и содержит только многочисленный крысиный кал. В тыквах, арбузах, дынях и кабачках крысы прогрызают отверстия.

Поселяясь осенью под скирдами хлеба, стогами сена и ометами соломы, водяные крысы живут здесь всю зиму, поедая зерно и превращая в труху нижние части стогов и ометов. При зимнем обмолоте уничтожают по 50—70 зверьков в каждой скирде. Бывали случаи, когда в некоторых местах к весне все содержимое стогов оказывалось посеченным водяными крысами, по окружности стогов образовывался вал до полуметра, состоящий из нарытой земли, перемешанной с остатками сена.

При осенних кочевках водяные крысы проникают в населенные пункты и часто оседают в погребах и овощехранилищах, складах пищевых продуктов, делая запасы корма на зиму. В кладовой зверька находили по 300—600 г, а то и 1 кг гороха. Известны случаи, когда один человек за день набирал из кладовых водяной крысы до 50—60 кг чистого гороха.

ДРУГИЕ ГРЫЗУНЫ. Раньше полагали, что вред культурным растениям *сурки* (Marmota) наносят в редких случаях и даже при распашке занятых ими участков под посевы предпочитают степную растительность и сохраняющиеся в посевах сорняки. Однако лесной сурок на востоке США приспособился к поеданию сельскохозяйственных культур. В эксперименте он оказывал предпочтение орехам арахиса, хуже поедал овес и зерна пшеницы. Не исключено и прямое нахлебничество сурков. Механизаторы совхоза «Двуречный» в Акмолинской обл. в течение трех лет наблюдали байбака, приходившего весной по выходе из норы в их столовую. Каждый день к завтраку, обеду и ужину он прибывал без опозданий. Особенно охотно поедал сахар, компот и яблоки. В конце августа залегал на зимовку. Замечено, что

алтайские сурки (Marmota baibacina) выгрызали беловатые горькосоленые кристаллы, вкрапленные в большой камень.

Малый суслик (Citellus pygmeus) на Украине часто концентрируется на многолетних посевах люцерны или эспарцета. В августе, когда старые суслики уже давно залегли, отлавливали по 42 молодых зверька с гектара. Суслики выкапывают из земли семена подсолнечника, скусывают семядоли у появившихся всходов, обгрызают верхушечную почку и листья у молодых растений, но с появлением 18—20 листьев перестают питаться ими, вероятно, потому, что они становятся жесткими и грубыми. Постепенно с подсолнечника суслики переселяются в другие стации. Зерна кукурузы эти зверьки не пытаются доставать из земли, у оставленных на поверхности зерен выедают в основном зародыши, а когда появляются всходы, выкапывают проросшие зерна.

У пшеницы суслики перегрызают стебель на уровне закладывающегося колоса и уничтожают его, у выколосившихся растений скусывают стебель и съедают колос. Наиболее активно кормятся на посевах пшеницы во второй половине лета, в период наливания и созревания зерна (на посевах образуются плешины). Исследования показали, что малые суслики уничтожали около 4% всей яровой пшеницы на поле, в пересчете около 70 кг зерна с 1 га (Пегельман, 1955).

Дикобразы (Hystrix indica) нередко ходят на посевы и предпочитают репу, морковь, лук, картофель и особенно дыни. Посещают они и хлопковые поля, где выедают из коробочки семена (она остается висеть), а также кукурузные и люцерновые, по осени подбирают на огородах остатки овощей, иногда добираются до ям, в которых хранятся запасы моркови, картофеля.

При недостатке естественных кормов *бурундук* (Tamias sibiricus) может питаться на прилежащих посевах. На поле, подбежав к соломине с тучным колосом (в выборе хорошего колоса зверек редко ошибается), бурундук подскакивает вверх, стараясь добраться до него по соломине; последняя при этом нагибается, и зверек, откусив колос у основания, в 5—6 мин выбирает из него зерна. Наполнив ими защечные мешки, он уходит в лес, где прячет пищу в кладовую. Потом следует повторный рейд. Расстояние, на которое зверек может заходить в глубь поля, ориентировочно равно 500 м. В некоторых случаях участок, потравленный бурундуками (на нем уничтожены все лучшие колосья) бывает непригоден для уборки. В 1925 г. в Усть-Удинском районе Иркутской обл. во время нашествия бурундуков ими было съедено ржи и пшеницы более чем на 11 га. Особенно охотно эти зверьки поедают просо. Посещают бурундуки и привады.

По шоссейной дороге Свердловск — Нижний Тагил у площадок для остановки водителей на отдых концентрируются животные, привлекаемые остатками съестного. Бурундук появлялся вскоре после прихода машин, на виду у людей он унес предложенное яблоко, затем колбасу, а косточки урюка стал разгрызать на месте. Изучение поведения *восточных бурундуков* (Tamias striatus) в Пенсильвании (США) показало, что обильная подкормка

семенами подсолнечника в условиях природы вела к сокращению размеров индивидуальных участков особей, при этом плотность популяции возрастала на 50%. После прекращения подкормки размеры индивидуальных участков увеличились, а плотность популяции уменьшилась до исходного уровня [127].

Хомяки, живущие вблизи полей, летом переселяются на посевы и обитают там до осени. Предпочитают они пшеницу, осенью делают запасы. В норе хомяка у овсяного поля в Башкирском заповеднике, раскопанной 25 октября 1941 г., было обнаружено 4 кладовых, в одной из которых хранилось 3,9 кг овса. Общая масса запасов хомяка достигает иногда 25—30 кг. Пользуясь защечными мешками, зверек за один раз может принести до 50 г зерна.

Обыкновенный хомяк (Cricetus cricetus) в районах его высокой численности — один из основных вредителей сельскохозяйственных культур. На посевах зерновых каждый зверек уничтожает за сезон не менее 8 кг зерна. Поселившись на огороде, хомяк съедает немало моркови, свеклы, картофеля и других овощей. В июле 1969 г. в г. Уральске на огородах, где жили хомяки, ими было уничтожено до трети картофельных кустов. Некоторые зверьки (особенно старые и взрослые), живущие близ поселков, забираются в подполья домов и кормятся картофелем всю зиму, не впадая в спячку (Кириков, 1952).

У *цокоров* (Myospalax myospalax), живущих вблизи огородов и картофельных полей, находят запасы овощей. Обнаружили, например, кладовые с крупным картофелем общей массой до 20 кг и более. Каждый зверек делает индивидуальные запасы. Кладовые бывают расположены около гнезда на глубине 120—380 см или сбоку кормового хода в 25—50 см.

Большой тушканчик (Allactaga major) нередко поедает на бахчах высеянные семена арбузов, дынь и тыкв. Наносит вред зерновым культурам: пшенице, ячменю, овсу и просу. Стебель растущей пшеницы перекусывает в нескольких сантиметрах от земли и выедает сочный участок возле узелка. Считают, что большой тушканчик съедает за сезон до 4—5 кг зерна [72].

Крысы при массовом размножении способны уничтожать в короткий срок огромное количество пищи. Известен случай, когда в окрестностях Парижа в течение одной ночи они уничтожили 35 лошадиных туш, объев их до костей. Только за один 1970 г. крысы уничтожили в США 15 млн. т пшеницы, кукурузы и проса, а в Индии почти 87 млн. т зерна. В Индонезии крысы уничтожают от 10 до 20% урожая. В некоторых центральных провинциях Таиланда от них гибнет 70% зерновых.

На нутриевых фермах крысы поедают не только зерно, предназначенное для нутрий, но зачастую и молодых нутрий, оставляя от них лишь шкуру. У взрослых нутрий иногда отгрызают хвост. Наблюдения за *серыми крысами* (Rattus norvegicus), кормившимися на свалках, показали, что зверьки были активны при отсутствии людей — с 19 до 8 ч, максимальная активность про-

являлась в период от 20 до 22 ч. При обилии корма эти зверьки не делают запасов. Одинаковое количество *черных крыс* (Rattus rattus) на рисовых полях съедало на нескольких мелких привадах втрое больше корма, чем на одной большой.

Рассмотрение форм поведения на привадах мелких мышевидных грызунов не входит в нашу задачу. Упомянем лишь несколько исследований, поскольку они интересны для сравнения с наблюдениями за крупными млекопитающими, о которых идет речь в книге.

Подкормка *лесной мыши* (Apodemus sylvaticus) в естественных условиях вызвала увеличение их численности на опытном участке вдвое. Среди подкармливаемых зверьков увеличился процент благополучно перезимовавших. Однако избыточное питание не могло нивелировать полностью действие естественных факторов среды, влияющих на численность животных. Наблюдения на приваде за помеченными лесными мышами с помощью прибора ночного видения показали, что самцы обычно избегали кормиться друг с другом. Чаще самец кормился в паре с самкой, пары приходили к приваде в определенном порядке и никогда не кормились вместе. Один из самцов кормился как с самцами, так и с самками [119].

Лесные мыши и *рыжие полевки* (Clethrionomys glareolus) находили мешочки с овсом, выложенные в ящики-укрытия, обычно через 1—2 дня и почти 80% мешочков повреждали в первую неделю. В дальнейшем они делали норы или прямо в укрытиях или рядом с ними, не далее 1,5 м. Из укрытий к норам вели торные тропинки, по которым зверьки таскали овес. Норы сохранились и на второй год. Часть мешочков грызуны повреждали в укрытиях, поедая зерно на месте. Если в укрытии была нора, мешок зверьки затаскивали прямо в нее, но иногда оттаскивали его на 3—4 м, прогрызали и выбирали овес. Некоторые мешочки лежали открыто, другие были спрятаны в «склады» — естественные укрытия: под пнями, в корнях деревьев и т. д. Растаскивание мешочков усилилось осенью, когда зверьки запасали корм. Некоторые «склады» использовались ими не один год. Частота посещения привад уменьшалась при смене погоды, весной, когда таял снег, осенью при похолодании и выпадении осадков [20].

Опыты, проведенные в Польше, показали, что интенсивная подкормка рыжей полевки вела к увеличению плотности популяции на опытном участке до 106 особей, при умеренной подкормке их было 68, при отсутствии привад — всего 25 зверьков; в состоянии половой активности находились соответственно 90, 53 и 23% самок [113].

ЗАЯЦ-РУСАК (Lepus europaeus). До выпадения снега он почти не посещает подкормочные площадки. В Калининской обл. отказывается от подкормки до середины декабря, поедая лишь капусту и пучки черники. Чаще посещает привады в сильные морозы, следующие за периодом ненастья. Загрязненный корм русак не ест, собственные моча и экскременты больше отвращают его, чем кал и моча лошади. До середины января посещаемость привад низкая, но далее, особенно с середины февраля и до появления проталин, посещения становятся регулярными. Русаки поедают весь выложенный корм до того, как его занесет снегом. Навесы и шалаши обычно не отпугивают зверьков, а иногда и привлекают. При обильном ассортименте выкладываемых кормов предпочитают один-два. С ноября по январь за одну жировку русак съедает 30 г топинамбура или 80 г сырых черничных кустиков с корнями, 30 г сена, обгрызает 10—15 березовых почек или отъедает 100 г от капустной кочерыжки.

Каждая особь посещает прикормку в среднем через день. Видовое разнообразие поедаемых на привадах кормов возрастает, но в одно посещение заяц обычно поедает только один вид корма. Ориентировочно каждый прикормившийся заяц с середины января и до первых проталин посещает приваду примерно 40 раз. Насытившись, он уходит с прикормочной площадки и совершает как бы проминку: начинает раскапывать снег, но бросает, не докопав до растений, перебегает от одного незаметного пучка травы к другому, почти не обгрызая их, слегка портит осинки, выборочно скусывает березовые сережки. Попробовав всего понемногу, начинает кормиться естественным кормом основательно: раскапывает снег до земли, долго грызет что-либо, но при этом опять-таки использует лишь один вид корма, т. е. осуществляется принцип питания, называемого в медицине «раздельным». Насытившись окончательно, русак отправляется на лежку.

В ФРГ зайцы-русаки поедали на прикормочных точках барду из моркови, красной свеклы и яблок с примесью овса, а также силос из маиса. Суточная норма на одного зайца равнялась 100—150 г. Добыча зайцев в этом районе повысилась в сравнении с соседними почти на 50%, а масса добываемых зверьков — на 0,5 кг. Как показали опыты, проведенные в Завидовском хозяйстве Калининской обл., подкормка увеличивает концентрацию русаков, но численность их остается прежней [105].

Из нескольких кормов на приваде русак ест в первую очередь наиболее лакомые. Чтобы определить вкусы зайца, развешивают гирлянды из веничков различных растений, стянутых шпагатом. Русаки, поедая веники, часто разгрызают и шпагат. Есть основания полагать, что проволока несколько отпугивает их своим звоном. В первую половину зимы русаки предпочитали тимофеевку луговую, стебли топинамбура, черничник, лебеду, овсяные снопы, озимые культуры, капустные кочерыжки, а во вторую половину лучше ели, кроме тимофеевки, топинамбура и овсяных снопов, люпин, разнотравное сено, ивовые, липовые, березовые и осиновые веники. Во все периоды подкормки русаков в Завидовском хозяйстве они охотнее всего поедали стебли топинамбура. Заяц обычно подгрызает стебель этого растения на высоте 20 см, верхушка падает, и он съедает ее. В наших опытах в природе зайцы-русаки охотно ели выкладываемый печеный хлеб, капусту и морковь, даже если к этой пище примешивались снотворные вещества, имеющие горький вкус. В сильные морозы заяц склонен поедать большое количество разнообразного корма, а в оттепели аппетит его ухудшается и предпочтение отдается одному корму.

Русаки довольно часто посещают те места деятельности человека, где можно найти корм (сенные сараи, огороды, фруктовые сады). Едят сено, капустные кочерыжки и другие остатки овощей, кору и ветви плодовых деревьев. На капустных огородах удается видеть одновременно до десятка и более зайцев, где они довольно часто перебегают с места на место. Осенью русаки выходят кормиться на зеленя. Обычно жирующий заяц, увидя проходящего

мимо человека, встанет столбиком, а потом осторожно опустится и приляжет к земле. Замечено, что отаву русаки едят охотнее, чем сено первого укоса.

«Точно из-под земли, из кучи валежника неожиданно появлялся старый русак,— пишет И. Н. Сержанин, наблюдавший этих зверьков в Белоруссии,— пробежав некоторое расстояние, останавливался у края посева овса или гороха. Поднявшись на задние ноги и убедившись в безопасности, он с жадностью набрасывался на корм. Так же неожиданно и быстро он исчезал при малейшей опасности» (Млекопитающие Белоруссии. Минск, 1961, с. 213).

Наблюдения в Швеции показали, что русаки ходили на прикормку к стогам сена в начале зимы редко, а с середины марта чаще; весной стог посещало в среднем 8 особей. Агрессивность проявлялась даже тогда, когда у прикормки находились 2 зверька. Демонстрировались позы доминирования, угрозы, возникали драки. Чем дольше находился русак у стога, тем чаще возникали стычки. Зайцы, занимающие более низкий ранг, не уклонялись от стычек с доминантами; последние проводили у стога в среднем 82, а первые 32 мин. К весне агрессивность зайцев у привады возрастала [125].

Поведение на привадах вольных зайцев и выпущенных после содержания в неволе различно. Последние менее разборчивы в кормах, склонны к поеданию концентратов и корнеплодов, меньше пугаются подкормочных сооружений, менее осторожны (например, выбранные ими места лежек легче обнаруживаются хищниками и охотниками). У зайцев, недавно получивших свободу, чаще наблюдается нарушение аппетита: он или чрезмерен, или недостаточен. Время жировок не совпадает с таковым у вольных собратьев. Заметим, что зайцы избегают кормиться на привадах, где побывали кабаны. Различные подкормочные площадки со временем соединяются заячьими тропами, возле которых располагаются места лежек. Иногда последние бывают в непосредственной близости от привад. Посещаемость привад увеличивается, если они расположены в непосредственной близости от мест укрытия и снабжены предпочитаемыми кормами. Зайцы посещают солонцы. Охотовед В. М. Синица наблюдал скопления русаков (до 50 особей) на естественных солонцах в Медовском и Петропавловском р-нах Днепропетровской обл.

ЗАЯЦ-БЕЛЯК (Lepus timidus). В Финляндии проводились успешные опыты подкормки зайцев-беляков зерном и сеном. Чтобы они привыкли к подкормке, потребовалось несколько месяцев. На поле, где маралы кормились капустой, выкопанные и оставленные кочерыжки охотно поедали повадившиеся сюда беляки. У стогов овсяной соломы зачастую видны следы русаков и беляков. В эксперименте зайцы-беляки очень охотно посещали посевы овса, топинамбура, смеси клевера с просом. Лучше всего они ели овес, которому не давали созреть, затем охотно поедали стебли проса и топинамбура, менее охотно клевер. При этом, как ни странно, не ели выкладываемую морковь, а также клубни картофеля, петрушку, хлеб, зерно овса. Для подкормки зайцев-беляков рубят осиновые деревца. Занесенные ветви заяц не пытается раскапывать, поэтому валят с расчетом, чтобы вершины падали на кусты. На юге Финляндии беляки грызли срубленные осины с ноября до начала апреля.

Есть наблюдения, что беляков могут интересовать и мясные привады.

Зайцы-беляки охотно посещают солонцы. Самки чаще ходят на них в период беременности и лактации, зайчата-первопометники появляются там в июне — в период перехода от молочного питания к растительному, а зайчата второго помета приходят на солонец в августе. Ходят зайцы туда и осенью, а иногда и зимой, но реже, чем весной и летом. Установлено, что эти зверьки охотно едят и грызут все, что имеет небольшую примесь соли, но не трогают соль в чистом виде [1]. Каждый зверек обычно посещает один солонец и в редких случаях соседний. Молодняк ходит к солонцу по проторенной тропе. На некоторых солонцах зайцы вылизывают ямки размером больше ведра. Добираясь до соленой земли, разгребают снег, прокапывают в нем норы. Искусственные солонцы, прикрытые шалашами, зайцы посещали всю зиму. В период депрессии численности зайцев сократилось не только число посещаемых ими солонцов, но и количество поедаемой земли, что позволяет предполагать, что при низкой плотности эти животные меньше нуждаются в солонцевании.

При недостатке солонцов беляки активно ищут другие источники соли. Известны случаи, когда они прогрызли дверь лесной избушки, за которой лежал кусок соли, и пролезли внутрь жилья; в теплушке, оставленной заготовителями, прогрызли снизу пол, пробрались внутрь и съели часть стола, ранее облитого соленым супом; в опустевшей деревне нашли кадку, в которой когда-то хранилась соль, и изгрызли ее; сгрызли столбик, на котором была поилка для пчел с минеральной добавкой в нее соли. Зайцы едят снег, смоченный мочой не только человека, но и лося.

ДРУГИЕ ЗВЕРЬКИ ОТРЯДА ЗАЙЦЕОБРАЗНЫХ. Вопреки установившемуся мнению, иногда посещают поля и питаются сельскохозяйственными культурами *маньчжурские зайцы* (Lepus mandshuricus). В Приморье многократно наблюдали летом и в первую половину зимы выходы этих зверьков на берег моря, где они копались в выброшенных водорослях, возможно, поедая их или слизывая с них налеты соли.

Повышенная тяга к соли у *кроликов* (Sylvilagus) отмечена только весной. В больших дозах соль действует на их организм губительно. Положенные в норы кусочки просоленной древесины кролики съели, и на четвертый день опытов, проводившихся в Австралии, численность животных снизилась более чем на 60%, молодняка погибло 85, взрослых — 22% [131].

Степные пищухи (Ochotona pusilla) в Южном Предуралье нередко переселяются на зиму под стога поедаемого ими сена. В Казахском нагорье они иногда проникают в огороды, чтобы покормиться листьями моркови и капусты. В эксперименте пищухи не ели картофель. Изучение *пищухи-пики* (Ochotona princeps) в Канаде показало, что масса заготовленных зверьками стожков сена определялась расстоянием от места заготовки корма: за 12—15 м встречались стожки, весившие не более 2 кг, за 9 м их масса достигала 4,5 кг, еще ближе встречались стожки до 6 кг.

ОБЕЗЬЯНЫ. На Кавказе выпущена группа обезьян павианов-гамадрилов (Papio hamadryas), которые сейчас живут в природных условиях и образовали в горах четыре стада. Их подкармливают. На приваде каждый самец занимает свой участок. Связи с людьми, ведущими подкормку, гамадрилы не порывают и берут из рук гранулированные корма. Чтобы не вызвать агрессию, нельзя смотреть самцу-доминанту в глаза, нельзя смотреть на самку с детенышем, нельзя сопротивляться, если обезьяна вас обыскивает. При выпадении снега метровой глубины павианы не отлучались от подкормочных площадок, в домики у привад прятались лишь в суровые дни. Пытались доставать корм, занесенный снегом, хотя в Африке, на родине этих животных, как известно, снега не бывает.

Интересно, что шимпанзе (Pantroglodytes), привезенные из африканского заказника Гомбе-Стрим и выпускавшиеся на лето в Псковской обл. на острове оз. Ущо, в течение четырех лет обходились без всякой подкормки, поедая в большом количестве незнакомые им ранее растения 73 видов, в том числе и ряд ядовитых. Выпущенные в русскую природу обезьяны за 3—5 дней избавлялись от своих ставших обычными в условиях неволи болезней (Фирсов, 1977).

Исчезновение естественных мест обитания макак-резусов (Macaca mulatta) привело к освоению ими антропогенных ландшафтов и городов Индии. Питание обезьян сельскохозяйственными продуктами и подкормка в городах изменили их этологию и экологию. Было проведено сравнительное исследование поведения резусов у привад в естественных условиях и в обжитых человеком районах в местах подкормки [134]. В ходе исследований каждую из восьми привад посещало от 5 до 27 особей. Выяснилось, что у «городских» обезьян в сравнении с сородичами, жившими в естественных условиях, в период кормежки частота агрессии (угрозы, преследования, атаки и драки) была значительно выше. У тех и у других агрессивность у привад в сравнении с таковой в другие периоды бодрствования возрастала в 2—6 раз. Большое значение при этом имели характер, размеры и расположение пищи в пространстве. Бобы, земляные орехи и рис, разбросанные на подкормочной площадке, не вызывали столь сильной агрессии, как крупные объекты питания — бананы или морковь.

Регулярная подкормка японских макак (Macaca fuscata) соевыми бобами на п-ове Отоуми в Японии в течение двух с половиной лет сопровождалась изменениями в иерархии членов стада. Взрослые самцы, кроме доминанта, постепенно стали избегать места подкормки, предпочитая держаться отдельно от группы. Популяцию японских макак на о. Кошима в Японии наблюдали с 1952 г. в течение 25 лет. Этот срок включал три периода. В первый период животных подкармливали изредка и понемногу, во второй подкармливали интенсивно, в третий подкормка была резко сокращена. Во второй период плотность опытной популяции превысила плотности некоторых диких популяций в 10 раз. С прекращением подкормки численность стала падать в основном за счет увеличения сроков первых родов у молодых самок и высокой смертности детенышей [130].

В одном из национальных парков Индонезии наблюдали, как два взрослых орангутана (Pongo pygmaeus) кормились на туше гиббона и за 137 мин съели ее без остатка. В Танзании шимпанзе (Pan troglodytes) нередко добывают для пропитания животных массой до 9 кг. За умерщвлением жертвы следует первоначальный дележ добычи. В течение короткого промежутка времени она становится как бы групповой собственностью, и каждая обезь-

яна, независимо от того, кто поймал добычу, пытается овладеть ее частью. Если шимпанзе, поймавшие добычу или принимавшие участие в первоначальном дележе, способны удержать свои куски в течение нескольких минут, унося их хотя бы на несколько метров от места поимки, то добыча переходит в личную собственность. Те обезьяны, что опоздали к первоначальному дележу, собираются группами вокруг каждого владельца крупных кусков мяса и начинают выпрашивать кусочки. У одной привады собирается до 15 особей [137].

После нескольких лет регулярной подкормки бананами поведение шимпанзе, живших в естественных условиях обитания, изменилось. Теперь, ночуя поблизости, они приходили на подкормку утром чаще обычного, большими шумными группами. Если раньше шимпанзе никогда не дрались из-за бананов, часто даже ели из одного ящика, лишь изредка прогоняя нежелательного партнера угрозой (без нападения), то теперь самцы стали вести себя агрессивно и часто нападали друг на друга. Отдельные животные научились открывать даже сложные запоры ящиков, где хранились бананы. Другие особи, не умевшие открывать ящики, наблюдали за умевшими делать это и следовали за ними. Нахлебничество удалось изжить, регулируя частоту подкормки. Когда бананы стали выкладывать не чаще, чем один раз в 10—14 дней, животные вернулись к обычному бродячему образу жизни и наведывались к месту подкормки, лишь когда случайно оказывались невдалеке от него. Наблюдения показали, что право первоочередного пользования подкормкой имели взрослые самцы. Самки уступали самцам, подбирая то, что осталось после них. Однако при наступлении течки самка вела себя смелее, нарушала субординацию и могла кормиться на приваде вместе с самцами. Самки большей частью относились терпимо к своим детям, если дело не касалось последнего банана. В этом случае между матерью и дочерью часто возникала драка. Введение подкормки усиливало разделение особей на иерархической лестнице, при отсутствии даровой пищи отношения между шимпанзе были менее напряженными. Дополнительно за право пользования подкормкой шимпанзе конкурировали с павианами. Между животными этих двух видов возникали жестокие коллективные схватки (Джейн ван Лавик-Гудолл, 1974).

* * *

Промежуток времени между выкладкой привады и первым посещением ее зверем колеблется. Он может прийти в тот же день, но зимой следы животных появляются на приваде обычно через 5—7 или 10—12 дней. В ходе исследований на Аляске лисицы обнаружили привады в среднем через 1,25 дня, гризли — 3,25, волки — 3,75 и суслики — через 3,5 дня. Более короткие сроки обнаружения привад животными на Аляске можно объяснить тем, что наблюдения велись летом, когда запахи разложения продуцируются в большей степени и, следовательно, сигнализируют о месте нахождения привад на далеком расстоянии. Искусст-

венные солонцы на Кавказе, заложенные в местах, часто посещаемых копытными, обнаруживаются ими на 5—7-й день.

Стремление подойти к приваде из-под ветра, обойти ее при этом частично или полностью, зайти с нескольких сторон свойственно большинству видов хищников и копытных и обусловлено стремлением получить наиболее полную запаховую и другую информацию о происходящем на приваде, о присутствии там врага или конкурента. Эту же цель преследует вставание на задние ноги, принятие позы «столбиком». Такая повадка свойственна многим зверям различных, порой далеких друг от друга видов — от зайца до волка и медведя.

Приближаясь к солонцу, марал или косуля нередко делают движения, провоцирующие затаившегося хищника: например, резкие броски с последующим замиранием. Такого рода действия свойственны и другим видам зверей.

Двухмесячный щенок собаки, встретив незнакомый предмет, ведет себя сходным образом. Он делает несколько мечущихся движений, как бы увиливая от невидимого врага, выпад в сторону предмета и на несколько секунд замирает, иногда широко расставив передние лапы, затем выпад сопровождается короткой хваткой или царапаньем когтями, вслед за которыми следует снова выжидательное замирание.

У животных, ведущих групповой образ жизни, при подходе к приваде одна из особей нередко выполняет роль разведчика. У кабанов это обычно старый опытный зверь. Убедившись в безопасности, он подает сигнал другим. Волк, отделившийся от стаи, может приблизиться к приваде и принести собратьям пробу.

Звери, начавшие кормиться у привады, менее чутко воспринимают различные сигналы. Степень осторожности зверя в отношении к приваде зависит от многих причин. Известны ситуации, когда весьма осторожный зверь бывает прост, например хищник возле собственной добычи. Это знают охотники, и постановка капканов «у поеди» считается надежной. Несмотря на вариабельность, существуют, несомненно, видоспецифические особенности: каждому виду присущ свой уровень осторожности по отношению к приваде. Различия четко прослеживаются на животных семейства волчьих. Наиболее осторожны волки. Если оценить осторожность волка в 5 баллов, то лисица заслуживает 4, песец — 2—3, а енотовидная собака — 1. Среди копытных лось, по-видимому, менее осторожен, чем зубр. Перечень подобных сравнений можно продолжить.

Существуют половые и возрастные отличия зверей в уровне осторожности к приваде. Как правило, наименее осторожен молодняк. Из взрослых особей чаще, видимо, максимальную для вида бдительность проявляют старые опытные самцы, иногда не уступают им и взрослые самки, особенно при наличии детенышей. Имеется в виду первое посещение. Когда же привада станет привычной, первыми в стаде (например, пятнистых оленей) спешат к ней сильные особи, возглавляемые самцами.

Несомненно, существуют индивидуальные отличия в поведении зверей на прикормочных площадках. В местах подкормки

песцов на Командорских о-вах скапливалось по нескольку десятков зверей. Там можно было наблюдать нахалов, отгоняющих остальных, отбирающих лучшие куски и никого не подпускающих к себе, и скромных, довольствующихся тем, что достанется. Спокойные песцы обычно держались в стороне, нахальные нередко огрызались и кусали соседей, но последние редко отвечали тем же, лишь поворачивались к обидчику задом

Порядок поедания хищниками различных частей туши, выложенной в качестве привады, определяется несколькими факторами: питательными достоинствами различных органов, размером хищника и размером туши, толщиной кожи на ней, степенью мерзлости мяса, а обобщенно — доступностью корма. Последнее для многих хищников является, видимо, определяющим: звери большинства видов начинают поедать крупную тушу обычно с мест, где кожа наиболее тонка,— с паха, вымени, промежности, живота. Так поступают волки, медведи, рыси, львы, гиены и другие крупные звери.

Все мелкие хищники, а также песцы и шакалы могут забираться внутрь крупной туши, проделывая внутри нее тоннели. Такой способ хотя и ведет к загрязнению меха, но облегчает поедание, дает возможность избежать разгрызания прочного, зачастую замерзшего кожного покрова, избегнуть свойственных ему запахов, поглощения с пищей волос и грязи. Кроме того, залезание внутрь туши спасает от ветра и холода, что в северных широтах немаловажно.

При бескормице остаются несъеденными лишь недоступные для разгрызания, малопитательные и вообще не имеющие ценности в качестве корма части туши. Чаще всего это бывают дистальные части конечностей, хвост, костяк, голова, обрывки шкурки, скусанные волосы, перья, иногда кишки, содержимое желудка. Чем крупнее хищник, тем больше у него возможностей съесть тушу целиком, разгрызть даже крупные кости. Кабан съедает мясную приваду с меньшей полнотой, чем крупный хищник. Судя по останкам, некоторые звери при поедании незамерзшей туши частично сдирают с нее шкуру, хотя непосредственно этот процесс никем пока, кажется, не наблюдался.

Масса съедаемой одной особью пищи колеблется в значительных пределах и зависит от ряда факторов. Способность наедаться впрок, поедая громадное для своих размеров количество пищи, наиболее ярко выражена, по-видимому, у волков. Этому способствует их жизнь стаей: объем съеденной пищи увеличивается при соперничестве. Опытным путем установлено, что одно копытное животное при единичном посещении съедает на искусственном солонце в среднем 7 г поваренной соли.

Летом на Аляске среднее время пребывания падальщиков у привад равнялось 20 мин. У разных видов время пребывания на приваде варьирует и в большинстве случаев не превышает часа, а иногда и четверти его. Это зависит от многих причин. Основной критерий здесь — время, необходимое для насыщения. Стадо кабанов на кукурузном поле жирует 2,5, а на зерновом — 5 ч. Зверь может не уходить с привады от нескольких дней до

недели и более, поселяясь в непосредственной близости, а иногда внутри самой привады, и живет здесь до полного съедания корма или появления сильного соперника, врага. Время пребывания на приваде зависит также от микроклиматических условий места. Например, в Курганской обл. косули в метель и холод уходили с кукурузных полей в лес, а в теплую погоду оставались на поле, устраивая лежки поблизости в низинах.

У зверей существует несколько приемов относа с привады корма: в зубах на весу, волоком, с забрасыванием туши на шею или спину, в передних лапах, в защечных мешках, в желудке с последующим срыгиванием. Наиболее распространены два первых и два последних способа. Уносить тушу в передних лапах, двигаясь на задних, из отечественных зверей способны, по-видимому, лишь бурый и гималайский медведи. Перенос пищи в желудке с последующим срыгиванием в наибольшей степени свойствен волку, но, вероятно, и другим животным. (Принято считать, что для собаки это нехарактерно, однако жившая у меня на даче беспородная собака кормила отрыжкой своих щенят.) Наиболее разнообразны приемы относа корма у зверей семейства волчьих, в частности у самого волка. Дальность относа корма с мясной привады и масса его пропорциональны размеру зверей: чем крупнее животное, тем тяжелее кусок и тем дальше оно его может отнести. Однако мелкие хищники в отличие от крупных хищников способны, по-видимому, утаскивать ношу, превышающую их массу в большее число раз.

Унесенный с привады корм звери прячут в подземных кладовых, в поверхностном слое земли, под различными предметами, на деревьях и в дуплах (на деревьях из хищников прячут корм лишь леопард и росомаха; иногда в дупле дерева находят корм, принадлежащий, по-видимому, рыси).

При наблюдениях за зверями в неволе ритуал закапывания у всех представителей семейства волчьих был одинаков. Держа корм во рту, зверь выкапывал передними лапами ямку, клал в нее корм, после чего тщательно сгребал носом землю, периодически приминая ее носом. Всю процедуру выполнял не спеша, с необычайной сосредоточенностью. Иногда звери прятали корм, не роя ямки, а использовали естественное углубление или обходились вообще без него, маскируя корм рыхлой, сухой землей, имевшейся на поверхности. Встречаемость этой формы поведения различна. Наиболее часто закапывали пищу жители Арктики — белые и голубые песцы и обитатель районов с резкими колебаниями климатических условий — корсак. У енотовидных собак, которым свойственно накопление значительных жировых запасов и снижение обменных процессов в зимний период, при наблюдениях в летние месяцы эта форма поведения не отмечена. Среди куньих стремление к запасанию пищи наиболее сильно выражено у колонка и росомахи. Остальные звери этого семейства по убыванию данного свойства располагаются в такой последовательности: солонгой, хорьки, норки, горностаи, ласка, перевязка, выдра, куница, соболь, барсук [83].

Принесение для маскировки корма материалов со стороны (веток деревьев, мха и т. д.) отмечено лишь для медведей и росомах: из всех отечественных хищников у этих животных наиболее

развиты способности к манипулированию передними конечностями.

Вид и запах корма привлекают животных, но сами по себе эти раздражители без пищевого подкрепления не могут обеспечить многократного посещения привады — это показали наши опыты огораживания прикормки, предназначенной для лисиц. Однако место уже съеденной привады, даже если там остались лишь высохшие кости и ничего съедобного, продолжает быть притягательным для зверей. Волки, лисицы и другие хищники любят «погреметь косточками» и долго еще наведываются в те места, где им удалось поживиться. То же можно сказать и о минеральной подкормке. Невозобновляемые искусственные солонцы в Кавказском заповеднике животные продолжают посещать еще 3—4 года.

Сравнивая взаимоотношения на приваде хищников одного вида, мы находим много общего у представителей разных семейств отряда. Среди особей одного пола и возраста у одиночно живущих зверей наиболее характерны отношения, которые можно охарактеризовать как «терпимо враждебные». При достаточном количестве пищи зверь мирится с присутствием конкурирующего собрата. И даже среди таких сильных хищников, как медведи, возможны скопления на приваде по нескольку десятков особей.

Если собака ест из своей миски, она рычит, когда подходит другая собака и пытается принять участие в трапезе. Но если собака воровато ест из чужой миски, она не рычит на ее хозяина, когда тот приближается. Вероятно, во взаимоотношениях диких зверей на привадах происходит нечто подобное. Подкормка, выложенная человеком, это «чужая собственность», и пользующиеся ею не должны иметь особых претензий друг к другу. Однако имеют место столкновения, не всегда носящие ритуальный характер. При решении возникающих конфликтов главным аргументом являются сила и степень агрессивности. Если привада находится вблизи постоянного убежища зверя или он является ее хозяином (потому что жертва была добыта им), право сильного может оспариваться более слабым, но «убежденным в своей правоте». Агрессивность более присуща взрослым особям, из них чаще самцам, в меньшей степени особям младшего возраста, из которых наименее драчливы (например, у бурого медведя) молодые самки.

Во взаимоотношениях на приваде разнополых особей близких видов тоже имеются различия. Например, тигр допускает к пище тигрицу и тигрят. Среди леопардов возможно даже «рыцарство», когда самец насыщается после самки. Лев-самец в обычной ситуации ест первым и лишь потом самка, после которой следуют львята. Враждебность самца по отношению к самке на приваде присуща большинству видов, хотя и не всегда прослежена.

Взаимоотношения на привадах между хищниками, живущими группой или нераспавшимся выводком, большей частью упорядочены на основе заранее установившихся иерархических отношений, которые, однако, могут игнорироваться. Известно, что среди волков возникают у поживы драки. Еще более жестоки отноше-

ния кормящихся гиен. И лишь гиеновые собаки, по-видимому, исключение, поскольку им свойственны мирные отношения у туши жертвы. При недостатке пищи агрессивность животных возрастает. Она регулируется очередностью подхода к приваде, преимущество в этом случае у доминантов. При наблюдениях на Аляске за 28 парами падальщиков, состоявшими из сочетания «доминант — подчиненный», 54% подчиненных особей не кормились на приваде в период пребывания на ней доминанта, которым являлось обычно более крупное животное. Взаимоотношения разных выводков на одной приваде при обилии пищи на ней могут быть, судя по волкам, упорядочены. Однако локальные привады с ограниченным запасом пищи на участке обитания семьи охраняются. Территориальность одиночных хищников при наличии крупной привады, несомненно, нарушается. О каких участках может идти речь, когда возле крупной туши одновременно собирается или отлавливается в короткий срок по нескольку десятков хищников одного вида? Отдельная особь не в силах защитить возникшее пищевое богатство на своем участке и вынуждена мириться с вторжением бесцеремонных, алчущих собратьев.

Однако определенная упорядоченность взаимоотношений на приваде может возникать даже у разных видов. Наблюдали, например, как у туши медведя кормилось 9 колонков, 2 соболя и 4 харзы. По тропинкам соболей бегали колонки, а по тропинкам колонков соболи; по тропам же харз ходили только колонки.

Взаимоотношения копытных зверей на приваде не всегда бывают мирными. Благородным оленям, изюбрам, маралам и особенно пятнистым оленям свойственно агрессивное отношение к более мелким и слабым особям в число которых входят и самки. Не исключены даже смертельные исходы стычек между этими животными. Такое же поведение свойственно кабанам, в меньшей степени агрессивность у кормушки присуща лосю. Конфликты на привадах различных стад между собой прослежены только у кабанов.

Замечено, что на искусственных солонцах, где выкладываются большие куски соли-лизунца (они прочно закреплены), каждое животное имеет свою вылизанную лунку и становится каждый раз с одной и той же стороны, принимая обычную позу. Это постоянство содействует, очевидно, стабильности отношений, препятствует возникновению стычек. Повадившись ходить на приваду, такие звери, как волк, лисица, рысь и россомаха, обычно держатся в ее окрестностях, прокладывая длинные тропы, по которым приходят и уходят с привады. На этих тропах охотники ставят капканы. Горностай, куница, песец, а летом и волки не придерживаются троп.

Весьма враждебны взаимоотношения на приваде среди зайцеобразных. Количество ссор у русаков возрастает к весне, с приближением гона. Среди грызунов степень агрессивности у привады, по-видимому, весьма варьирует. На фоне недружелюбия

белок мы наблюдаем довольно терпимые отношения у путрий, хотя и среди них возможна враждебность, которая возрастает при попадании привады на территорию самки, принесшей щенят.

В отношениях на приваде крупных хищников разных видов нет стандарта. Характер контактов большей частью определяет конкретное соотношение сил. Тигр защищает свою добычу от любого противника, но в то же время имеются наблюдения, когда медведь отгонял тигра от привады. Волки не решаются подойти к пирующему медведю, но в другом случае они атакуют его, заставляя обратиться в бегство. Лев отгоняет от привады гиен, но если их много, вынужден кормиться вместе с ними, а ирбис терпит присутствие на приваде волков. Однако нейтральные отношения могут нарушиться, когда пища на исходе; известен случай, когда лисицы в конце концов задавили кормившегося с ними первое время песца.

В отсутствие сильного хозяина привады более мелкие хищники нередко посещают ее и кормятся здесь. Примеров тому много. Колонок игнорирует даже тигра и медведя. Известно, что мелкие хищники идут по следам крупных в надежде поживиться остатками их добычи. Более того, песец иногда неотступно следует за белым медведем, а шакалы лезут к приваде, раздираемой гиенами, за что платятся иной раз жизнью. Но если различия в силе и размерах хищников не столь разительны, более слабый ведет себя осторожнее.

Птиц-падальщиков отгоняют от привады волки, гепарды, львы и другие хищники, но рысь бросает добычу, как только около нее появляется птичий помет. При обилии пищи на приваде одновременно могут находиться несколько животных разных видов: наблюдали одновременно у одной туши собаку, шакала и свинью, в другом случае — корсаков, лисиц и собак. Разные виды зверей могут быть полезны друг другу: например, крупные хищники расчленяют туши, облегчая питание мелким (возле промерзших неповрежденных трупов последние не имеют возможности кормиться). Звери и птицы своими следами, поведением и звуками сигнализируют друг другу о нахождении привады, помогают в нахождении корма.

Во взаимоотношениях копытных зверей на приваде большую роль играют традиции. Косуля не подходит к солонцу, пока там олени, серны стоят, дожидаясь ухода туров, а зубр и марал не идут, если там лось. Однако при подкормке возможны и трения. Кулан уступает место верблюдам, но отгоняет животных других видов. Пятнистые олени и маралы так же поступают в отношении кабанов и не всегда ладят между собой. Но, по-видимому, более часты мирные отношения. Маралы и лоси не ссорятся, кормясь на озерах, косули пасутся на кукурузном поле вместе с лошадьми.

Копытные звери чаще боятся крупного хищника и не идут на приваду, когда он там. Но такая реакция далека от панической. Как уже отмечалось, приходы волка, медведя не вызывали бегства лося с кормного места. Кабаны уступают место у кормушки маралам и пятнистым оленям, оказывая сопротивление лишь слабым особям, но бесстрашно ходят на привады, посещаемые волками.

Звери, находящиеся у привады, по отношению к человеку, приближающемуся к ней, проявляют все оттенки реакции: от

величайшей осторожности до прямой агрессии. Немало людей погибло, наткнувшись на тигра или медведя, только что добывшего жертву. Но если присутствие человека становится обыденным и он ведет себя мирно, звери теряют страх перед ним.

Звери теряют осторожность по отношению к человеку, ссорясь между собой на привадах. Например, подравшиеся у кормушек два стада кабанов не реагировали на рядом стоящего егеря. Подобные наблюдения имеются в отношении росомах и других животных.

Ритм посещения привады отражает суточную периодику пищевой активности животного. Звери большинства видов приходят на кормовую площадку в темное время суток, с наступлением сумерек или во вторую половину ночи (исключения возможны при бескормице). Если подкормка постоянна, обильна и звери привыкли к посещению привад, естественный ритм поедания ими корма нарушается и нередко становится зависимым от времени его привоза. Животные ждут корм и спешат не упустить свою долю.

Ритм посещения солонцов животными зависит и от наличия кровососов. В жару, когда появится овод, косули приходят к вечеру, даже ночью или рано утром до появления овода.

Сезонная периодика посещения животными подкормочных площадок связана с наличием естественных кормов. Наиболее активно хищники посещают привады обычно в месяцы наибольших трудностей в питании, чаще в зимнее время. Молодняк начинает ходить к привадам с середины лета.

Кормовые поля активнее посещаются растительноядными животными в летний и особенно осенний период. В Завидовском хозяйстве в течение трех лет они, по наблюдениям биолога-охотоведа С. Г. Мануша, посетили кормовые поля в апреле 89 раз, в мае — 160, в июне — 120, в июле — 217, в августе — 166, в сентябре — 431, в октябре— 295, в ноябре — 177, в декабре — 137, в январе — 33, феврале — 14 раз, в марте посещения не зарегистрированы. Посещаемость привад по сезонам года может колебаться в зависимости от кормовых предпочтений.

Интенсивное посещение солонцов свойственно теплому периоду. В Кавказском заповеднике наиболее часто звери ходят на солонцы по весне и осени. Очевидно, физиологические ритмы, присущие животным в эти периоды, требуют повышенного минерального питания. Попутно заметим, что избыток солей способствует повышению кровяного давления, а последнее сопровождается возбудимостью, раздражительностью и агрессивностью. Возможно также в эти периоды возникают более напряженные внутривидовые и межвидовые отношения, чем летом и зимой. Известно к тому же, что весной и осенью имеют место повышения уровня солнечной активности, которые обычно совпадают с периодами напряженности в отношениях между животными.

Видимо, у животных существуют половые особенности периодики посещения солонцов. Самки оленя, косули, серны и туры посещают солонцы в теплый период чаще, чем самцы, осенью же

примерно с одинаковой частотой. Отмечены региональные отклонения в отношении животных к привадам. Например, косуля в Крыму летом на солонцы не ходит, а в Латвии посещают их круглый год.

В Сибири и сопредельных регионах солонцы обычно посещаются лишь в бесснежный период. Это явление, по-видимому, связано не с уменьшением у животных потребности в минеральном питании зимой, а с глубокими снегами, затрудняющими пользование солонцами. Подтверждают данную версию факты посещения солонцов копытными в малоснежные годы, что, например, наблюдается в заповеднике «Столбы». Однако в некоторых случаях солонцы плохо посещаются зимой и там, где снега почти не бывает, например в Краснодарском крае.

При овладении кормом на приваде у животного зачастую возникают трудности, которые он преодолевает, используя свои физические возможности, навыки и рассудочные способности. Известно 20 различных зафиксированных наблюдениями приемов. Применяя лапы и когти, зверь разрывает снег, лесную подстилку, землю, прикрывающую приваду, прорывает норы, чтобы добраться до корма. Используя зубы, силу и массу, обламывает ветки деревьев с плодами, жерди в преграждающей изгороди, разламывает сруб, в котором помещена пища, лабаз, улей, отрывает примерзший или привязанный корм. Звери, не обладающие достаточной силой, прогрызают укрытия, скрывающие корм, перегрызают привязь, которой прикреплена туша.

Медведь, забравшись в палатку туристов или избушку охотников, прокусывает консервные банки. Значительная часть приемов основана на различных физических способностях животных: зверь перепрыгивает, перелезает через забор и другие препятствия, залезает на дерево, столб, достает корм из воды, тины, ныряет за ним в воду, достает лапой пищу через отверстие в укрытии, залезает внутрь сруба, лабаза, избушки.

К способам, связанным с навыками и умственными способностями зверей, мы относим умение достать корм с высоко натянутой веревки, сорвать крышку с банки с пищей, опустить утащенный улей предварительно в воду, чтобы утихомирить кусающихся пчел.

Наибольшее количество наблюдений за поведением животных на привадах имеется по 10—11 видам: бурому медведю, волку, лисице, соболю, росомахе, кабану, лосю, зайцам, белке и серой крысе. Какие же виды используют вышеназвавшие способы овладения кормом. Наиболее распространены три способа: раскапывание снега и земли, перепрыгивание, перелезание через изгородь и другие препятствия и залезание внутрь помещения, где укрыт корм (в сруб, лабаз). Они доступны почти всем 10 видам. Отрывание примерзшего или привязанного корма также распространенный способ, он не отмечен лишь для лося и зайцев.

Следующий по популярности способ — доставание корма из воды, тины. Действия такого рода отмечены для медведя, волка, лисицы, росомахи, лося и серой крысы. Нырянье за кормом присуще только лосю. Если раскапывание снега и земли с целью доставания корма присуще 10 видам, то целеустремленное рытье нор для овладения пищей отмечено лишь для соболя, лисицы, белки и серой крысы.

Обламывание ветвей, жердей, разламывание ящиков, лабазов, ульев доступно сильным животным — медведю, росомахе и отчасти кабану. Перегрызть привязь, удерживающую корм на месте, может лисица, соболь, росомаха, серая крыса. Прогрызть деревянную стенку ящика, лабаза или дверь для проникновения к корму способны росомаха, зайцы, белка и крыса.

Залезть на дерево за пищей могут медведь, соболь, росомаха, белка, крыса. Прокусывание банок с консервами характерно лишь для медведя.

Упоминавшиеся ранее способы, связанные с навыками и рассудочными способностями, свойственны в основном также медведю и отчасти серой крысе.

Количество приемов добывания корма у животных различных видов варьирует. Зайцеобразные, очевидно, владеют лишь 3—4 и примерно таким же количеством лоси. Пожалуй, несколько более умелы кабан и волк. Примерно 7 способами владеют лисица и соболь. Росомахе доступно не менее 9 приемов. Рекордсменом в этом отношении является медведь: он преодолевает препятствия, используя минимум 12 из перечисленных уловок. Близка к нему серая крыса, у нее около 10 приемов. Другие грызуны менее умелы, однако белка владеет примерно 7 способами. Следует учитывать, что приведенный список приемов преодоления препятствий при овладении пищей, по-видимому, не полон, многие способности животных еще не раскрыты, не подтверждены наблюдениями, и мы можем пока лишь догадываться о них. Однако общую картину рассмотренные данные, несомненно, отражают и вчерне характеризуют способности упоминавшихся видов, которые следует учитывать при практическом осуществлении подкормки животных, при устройстве различных привад. Несомненно, разнообразие способов животных овладеть кормом благоприятствует выживанию особи и вида. Это служит одной из причин неистребимости крысы. Общий перечень уловок присущ в первую очередь наиболее одаренным в рассудочном отношении животным, к которым можно отнести медведя, росомаху и крысу.

При использовании привады важно знать, с какого расстояния животные приходят к ней. К сожалению, наблюдений в этом направлении немного. Прослежено, что такие оседло живущие звери, как бобры, ходили с 200, а белки с 300 м. Кабаны в Беловежской пуще приходили на подкормочную площадку с территории радиусом 1,5—2 км. Одичавшие свиньи подходят с расстояния 7,5 км, соболь — с 5 км. Чем длиннее суточный ход зверя, тем больше шансов, что он, обнаружив приваду, придет к ней. И наоборот, зверьки, живущие оседло, используют лишь близлежащие прикормочные площадки. В первую очередь к приваде, очевидно, стекаются зверьки одной парцеллы, т. е. соседи, населяющие ближайшую округу. Враждебные отношения между двумя особями на приваде, возможно, свидетельствуют о принадлежности к разным парцеллам.

Известно, что территория поделена между зверями, и границы ее они поддерживают с помощью различных сигналов: акустических, обонятельных, зрительных и др. Существует мнение, что концентрация хищников путем их подкормки не может дать результатов, в частности, это касается соболей: для этих зверьков характерны агрессивные повадки, связанные с охраной индивидуальных участков (Тарасов, 1959). Однако практика показывает, что с помощью прикормки можно увеличивать естественную плотность животных в точках расположения привад.

При подкормке соболей на Шантарских о-вах в среднем за день на прикормочной площадке фиксировали 11 посещений, а в Баргузинском заповеднике 11,5. Остается неясным, ходил ли каждый зверек один или несколько раз. У трупа кабарги отлавливали по 7, а у рыбной привады по 8 соболей, но бывали случаи, когда у туши оленя или лося удавалось ловить по 13—16 зверьков этого вида. У одной привады добывали 12 колонков, 63 горностая, 40 песцов, 50 лисиц. Нет уверенности, что все отловленные особи жили оседло. На промысле песца и соболя наибольшего успеха достигают охотники, которые устраивают привады на путях миграций этих животных.

В Завидовском хозяйстве на некоторые искусственные солонцы ходят по 15—20 копытных зверей. В Кавказском заповеднике встречали их одновременно на одном солонце по нескольку десятков, а иногда до сотни и более особей.

Реакция животных на привады зависит от многих факторов. Их можно разделить на положительные и отрицательные. И те и другие, в свою очередь, распадаются на факторы, имеющие значения для отдельных видов или регионов, и факторы, общие для всех животных. Главным фактором общего значения, способствующим положительной реакции животных на привады, служит бескормица: малое количество мышевидных грызунов, усыхание естественных пастбищ и т. п. Глубокоснежье и наст — привальный фактор — влияет в том же направлении. Глубокие снега затрудняют добывание корма, передвижение при его поисках, однако в ряде случаев они могут и отрицательно сказаться на посещаемости привад животными, так как механически препятствуют подходу зверей, которые в этих условиях способны продвигаться лишь по тропам. Из погодных факторов существен температурный. Умеренное похолодание в большинстве случаев стимулирует посещаемость привад.

Такой же эффект вызывают обычно миграции — естественные переселения животных, а также искусственные, осуществленные по воле человека. В обоих случаях перемещенное животное, попадая в новые условия, большей частью испытывает трудности с питанием из-за незнания местности, отсутствия запасов корма и других причин. Молодняк без достаточного опыта добывания естественных кормов, лишенный осторожности, толкаемый сильным аппетитом, свойственным растущему организму, охотнее идет на привады, чем старые особи. В начале промыслового сезона, когда много сеголетков, добывание животных с использованием привад бывает обычно успешным.

Кроме экологических факторов, существуют причины, способствующие положительной реакции зверей на привады, связанные непосредственно с ними самими. Их четыре главных: достаточные защитные свойства места, где выложена привада, отвечающие видовым требованиям; значительный объем предлагаемого корма и постоянство его возобновления; качество корма, его вкусовые, питательные, энергетические достоинства, незагрязненность; доступность пищи для поедания животным, незамерзаемость ее в холода.

О значении объема привады свидетельствует такой факт. На Командорских о-вах регулярно подкармливали песцов с использованием кормушек-ловушек. В январе 1931 г. на юго-восточной оконечности о. Медного выбросило труп кита-плавуна. Это немедленно сказалось на посещении ближайшей кормушки в одном из урочищ: она некоторое время пустовала. Когда же труп был смыт волной и вторично выброшен уже вблизи урочища, здесь появилось невиданное до того времени количество песцов.

Отрицательные факторы общего значения, ухудшающие посещаемость привад, как правило, противоположны перечисленным

выше. Это — обилие естественных кормов, нормальная высота снежного покрова, теплая погода или, наоборот, сильнейшие холода, оседлость животных, значительный процент в популяции особей среднего и старшего возрастов. Снижают эффективность подкормки неправильно выбранное, не соответствующее видовым критериям место для привады, малый объем корма и нерегулярность его возобновления, а также корма, не вызывающие у животных достаточного аппетита, не восполняющие энергетические затраты, замерзающие в холода или расположенные на недоступной высоте, в укрытии, исключающем доступ к ним. Интересно, что лось, пятнистый олень, косуля, заяц-беляк предпочитают ивняк, осинник и другие древесные корма, хорошо облучаемые солнцем [106].

Факторы видового и регионального значения, способствующие посещению привад, могут иметь большое значение. Например, маралы охотно поедают не обычное сено, а разнотравье, заготовленное лишь в первой половине лета в суходольных лугах, ондатра из многих кормов предпочитает морковь и лущеный овес. Видовую предпочитаемость кормов следует учитывать в первую очередь для копытных и зайцеобразных, имеет она значение также для грызунов и хищников. Из факторов регионального значения можно упомянуть в качестве примера урожай плодов бука в пределах его ареала. Кабаны, наевшись буковых орешков, охотнее идут на солонцы. В Якутии сроки посещения солонцов изюбрами связывают с урожаем грибов: при большом урожае солонцы посещаются ими дольше.

Влияет ли различная численность на поведение зверей у привад? На этот вопрос пока нет точного ответа. Известно, что в период депрессии численности зайцев-беляков количество поедаемой одной особью земли на солонцах сокращается — это позволяет предположить, что при низкой плотности эти зверьки в меньшей степени нуждаются в солонцевании. Возникновение высокой естественной плотности хищников, видимо, не влечет за собой обострения внутривидовых отношений. Например, у соболей при этом не возникает драк, они не преследуют друг друга, ослабевает борьба за индивидуальные участки (Гусев, 1966). Можно полагать, что при этом снижается и антагонизм при пользовании подкормкой.

Плотность животных увеличивается не только при выкладке привад, но и при концентрации живого корма. Например, при выпуске акклиматизируемых кроликов появляются в изобилии хищники, которые были малочисленны или отсутствовали в этих местах. При выпуске кроликов близ Евпатории здесь вскоре было отстреляно 26 хорьков, 56 лисиц, 42 бродячие собаки и 43 луня; раньше эти хищники в данном месте почти не встречались.

Для привлечения хищников эффективна искусственная концентрация мышевидных грызунов: из 70 выложенных куч соломы с мякиной заселились ими 35, причем 16 таких «привад» регулярно посещались недавно выпущенными на волю американски-

ми норками. Вокруг Астраханского фазанария площадью в 1,5 га, обнесенного сеткой, зимой 1962 г. было поймано 19 лисиц, 14 енотовидных собак и 20 белых хорей. Когда судно заполняется уловом и ложится в дрейф для его переработки, сивучи по наклонной части палубы иногда забираются на траулер, чтобы поживиться пойманной рыбой, при этом некоторые особи ведут себя даже агрессивно. Живой корм привлекает зверей в большей степени, чем обычный.

Перечень мест скопления продовольствия и фуража, создаваемых человеком, где дикие животные при определенных обстоятельствах добывают себе пищу, довольно велик. Это — овощехранилища, картофельные и свекольные бурты, силосные ямы, скирды и стога сена; пищевые склады, погреба, лабазы с запасами еды возле охотничьих избушек, геологических и геофизических баз; временные открытые склады продовольствия (на перевалочных базах, зерновых токах), собранные на кедровом промысле орехи и шишки; сельскохозяйственные посевы, в том числе овсяные, картофельные, свекольные, морковные, кукурузные, соевые поля; сады, огороды, бахчи; охотничьи избушки, палатки туристов, пасеки, птичники, животноводческие фермы, надворные постройки для скота; скотомогильники, отбросы животноводческих ферм; загородные свалки, помойные ямы, контейнеры с мусором и т. д.

В условиях природы дикие животные кормятся трупами своих собратьев, остатками добычи хищников, запасами мясного корма, добытого крупным зверем или собственными силами, на нерестилищах, птичьих базарах, естественных и искусственных солонцах, привадах и кормовых полях, создаваемых человеком. Эти ориентировочные списки включают около 40 названий видов скоплений пищи. Последовательность, в которой они приведены, произвольная, она не отражает их значимости для зверей.

Большинство видов диких животных используют незначительное количество перечисленных источников пищи — около пяти. Из хищников наиболее пластичны в этом отношении звери семейства волчьих. Волк и лисица пользуются не менее чем десятком перечисленных видов скоплений корма. Из хищников рекордсменом в этом отношении является бурый медведь. Этот всеядный смышленый зверь, обладающий огромной силой и способностью лазать по деревьям, использует в принципе не менее полутора десятков «злачных мест». Однако и его обогнал кабан. Абсолютным же рекордсменом является в этом отношении, по-видимому, серая крыса. Таким образом, наиболее пластичны в использовании различных видов скоплений пищи эврифаги, т. е. звери, склонные к всеядности и приспособившиеся к существованию в антропогенных ландшафтах, по соседству с человеком.

Регулярная подкормка вызывает привыкание диких животных к человеку, запахам, звукам и предметам, связанным с его деятельностью. При этом звери постепенно все более и более теряют природную осторожность. Весьма осторожные кабаны становятся похожими на свиней. Голубые песцы на Командорах в резуль-

тате регулярной подкормки совершенно утратили страх перед человеком и сотнями селились в с. Никольском под жилыми домами, свободно разгуливали по селу. Однако с прекращением подкормки это необычное их поведение исчезло.

Меняется характер поведения животных. Они не только перестают опасаться человека, но и становятся менее разборчивыми в кормах. При круглогодичной подкормке маралы теряют интерес к естественным пастбищам, делаются малоподвижными, уменьшается участок их обитания. Кабаны концентрируются вблизи привад, не далее 800 м, тогда как в обычных условиях они проходят за сутки до 10 км и более. Звери некоторых видов практически не уходят с привады вообще, устраивая убежище вблизи.

Происходят изменения суточного цикла двигательной и пищевой активности зверей в зависимости от времени выкладки корма, а также во взаимоотношениях особей разного пола и возраста, в размещении особей по биотопам и урочищам. Трансформируются естественные повадки. Обычно на кормное место у кабанов первым идет секач или самка, при постоянной же подкормке весь гурт выходит на приваду одновременно. У львов сначала насыщается самец, а при казенном довольствии кормится одновременно весь прайд. При подкормке могут меняться физиологические ритмы животных. Например, хомяк, проникший в подполье и питающийся там картофелем, не всегда впадает в обычную для него спячку; подкормкой можно оттянуть срок наступления сна и залегания в нору. При регулярном кормлении и енотовидная собака не спит зимой, как обычно. Можно уменьшить подкормкой площадь участка, на котором зверь выберет убежище для залегания в спячку. Это удается осуществить в отношении медведя.

С помощью подкормки можно удержать значительную часть особей, например нутрий и кабанов от кочевок. Постоянная подкормка тормозит миграции у песцов. При бескормице подкормкой можно спасти от голодной смерти дичь, предотвратить ее разбредание и тем самым предотвратить резкий спад численности, увеличить объем продукции охотничьего промысла. Например, на Командорских островах, где регулярно производилась подкормка, с 100 км² добывали 18 песцов, тогда как в среднем по стране на каждые 100 км² тундровых угодий добывалось всего лишь 3,4 песца. Удавалось путем подкормки сконцентрировать этих зверьков для гнездования в районе привад, сократить смертность молодняка, увеличить время пребывания последнего возле нор (Губер, 1939). Известно, что, используя подкормку, можно улучшить качество охотничьих трофеев (рогов, черепов и т. д.), облегчить учет и добывание животных, труд охотника и зверолова, предотвратить ущерб, наносимый зверями посевам и лесопосадкам. Однако в нормальных по кормовым условиям экологических ситуациях увеличение численности путем подкормки возможно, по-видимому, не для всех видов.

В Беловежской пуще регулярная в достаточных объемах подкормка кабана, косули и благородных оленей сопровождалась

ростом количества этих животных, но, достигнув определенного уровня, численность в силу тех или иных причин стала снижаться [68]. Наибольший эффект дает сочетание подкормки с селекционным отстрелом и другими биотехническими мероприятиями. Подкормка не может полностью нивелировать влияние отрицательных факторов среды на численность животных, она лишь смягчает их воздействие.

С помощью подкормки мы можем регулировать обменные процессы дикого зверя, в том числе минеральный. Предполагают, что усиленное посещение солонцов весной связано не только с потребностью в минеральных веществах, но и с необходимостью регуляции работы пищеварительного тракта при переходе на питание сочными травянистыми растениями, которые вначале могут вызывать расстройство.

С подкормкой можно вводить различные лекарства, вакцины, сыворотки, дегельминтизирующие средства, психотропные препараты, снижающие возбуждение, дикость, двигательную активность, снотворные и иные фармакологические вещества. Правда, при скармливании их возникают немалые трудности: животные обладают высокой вкусовой чувствительностью, легко обнаруживают инородную добавку и зачастую отказываются поедать предложенный корм.

Не на всех видах животных и не всегда удается осуществлять управление поведением при помощи подкормки с достаточной полнотой. Многое зависит от наших знаний особенностей соответствующего поведения, пищевых предпочтений зверей, факторов, влияющих на их отношение к подкормке, от правильного этологически грамотного использования привад.

При осуществлении подкормки необходимо иметь в виду, что жизнь в естественных условиях требует от животного затрат физических сил и нервной энергии, эмоционального напряжения. Добывание кормов в достаточном количестве и ассортименте, сведение пищевого баланса для зверей многих видов — не простая задача. Поэтому нередко дикий зверь легко делается нахлебником человека, отказываясь от естественных кормов, привычного образа жизни, обычных мест обитания, сложившихся внутривидовых и межвидовых отношений, теряя естественный страх перед человеком, становясь его иждивенцем ради постоянной сытости желудка. Слоны, прикормившиеся возле туристических лагерей, нередко роются в помойных ямах; в их экскрементах обнаруживают полиэтиленовые мешочки и пергаментную обертку от ветчины. Даже крупные хищники, например медведи, в короткий срок становятся попрошайками, вымогают подачки, добиваются получения привычного корма, лакомства, становятся опасными для человека. Свалки пищевых отходов, посещаемые медведями (что не является редкостью, например, на Крайнем Севере, а иногда и в таежных поселках), необходимо уничтожать во избежание случаев нападения хищников на людей и распространения среди зверей бешенства.

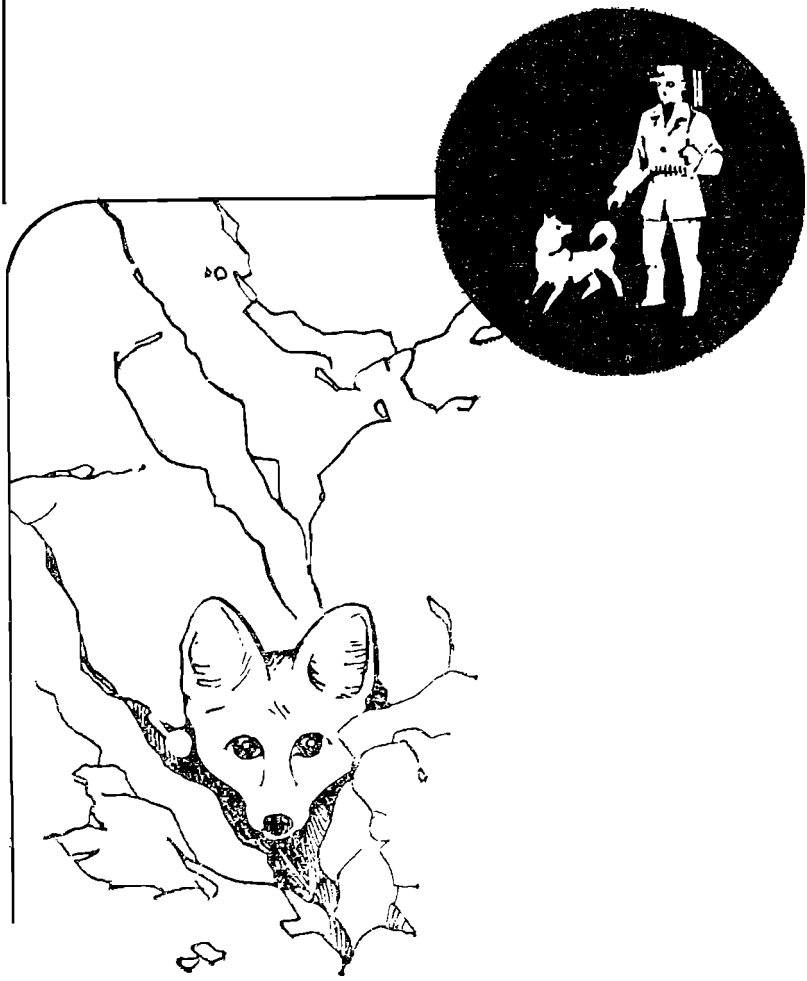
Особенно легко приучаются к даровым кормам хищные и всеядные звери, возможно, потому, что мясные корма, выкладываемые на привады, по своему биохимическому составу близки к тем, что зверь добывает в природе. Растительные же корма, идущие на прикормку, подвергаются предварительной сушке и теряют ряд питательных и вкусовых свойств. Дикие растительноядные животные в природе имеют возможность избирательно регулировать видовой состав поедаемых растений, который наиболее точно соответствует их потребностям. С естественными растительными кормами дикий зверь получает определенное количество различных алкалоидов, ароматических и иных необходимых для его организма веществ, которые отсутствуют в возделываемых травах и корнеплодах. Растительноядные животные обычно не полностью переключаются на питание выложенным кормом, а сочетают его с поеданием естественных кормов. При отсутствии последних никакая подкормка не может удержать нутрий и пятнистых оленей на месте.

Изменения, вызванные подкормкой, влекут за собой ряд негативных последствий, затрудняющих жизнь диких животных в естественных условиях: звери теряют выносливость, жизнестойкость, осторожность, «трудолюбие» в добывании кормов. Поэтому использование подкормки должно быть осмысленным, а ее регулярность и объем соответствовать достижению конкретных целей. Она не должна значительно трансформировать естественное поведение и экологию диких животных.

Несомненно, подкормка — один из самых мощных путей воздействия на поведение диких животных, установления с ними контактов и подчинения воле человека. Это эффективный способ управления плотностью популяций диких зверей, предотвращения кочевок, спасения от голодной смерти при экстремальных ситуациях, положительного влияния на размножение и численность. Подкормка облегчает добывание животных, их разведение в природе, изучение, осуществление охранных, биотехнических, акклиматизационных и охотхозяйственных мероприятий (отлов с целью переселения, удержания в местах выпуска и т. д.).

2

ПОВЕДЕНИЕ ЗВЕРЕЙ ПРИ БЕСПОКОЙСТВЕ ИХ В УБЕЖИЩЕ



Под убежищем понимается укрытие, где животное выводит потомство, отдыхает, спасается от врагов и непогоды. Мы изучали оборонительные повадки зверей, связанные с норами, дуплами, логовами, анализировали поведение животных, ушедших от погони на деревья, отстои (неприступные площадки в скалах), забравшихся в скворечни, конуры и другие убежища антропогенного происхождения. Учитывали реакцию зверей, спасающихся в половодье на островках суши в ответ на приближение людей. К видам беспокойства, причиняемого человеком, относили различные способы изгнания животного из убежища, посещение мест укрытия собаками, людьми, похищение ими детенышей. Было рассмотрено поведение зверей при сотрясении убежища, при выпугивании их различными звуками, при наполнении норы водой, выкуривании дымом и газом, при заталкивании в берлогу постороннего предмета, при залезании в нору собаки, охотника, при длительной осаде убежища и разрушении последнего. Принимались во внимание повадки животного, сумевшего убежать из осажденной норы.

Не всегда удавалось четко разделить перечисленные виды поведения в связи с указанными способами беспокойства, поскольку последние часто носят смешанный характер. Например, сотрясение убежища большей частью сопровождается звуком удара. Слова «укрытие», «нора», «гнездо», «логово» используются нами в качестве синонимов слова «убежище». Приведенные ниже материалы позволяют в какой-то степени прогнозировать поведение изгоняемого из убежища животного. Дальнейшее накопление фактов, целенаправленное изучение поставленных вопросов дадут возможность делать это более точно.

БУРЫЙ МЕДВЕДЬ. Реакция этого зверя в берлоге на приблизившегося к ней человека зависит от многих факторов: температуры воздуха, пола и возраста, индивидуальных особенностей поведения зверя, устройства берлоги, периода пребывания в убежище, степени беспокойства людьми. Наиболее чутки в берлоге медведи-самцы и холостые медведицы, менее — медведицы с лончаками; самки, кормящие маленьких медвежат, покидают убежища весьма неохотно. Особенно крепко лежат медведи в труднодоступных берлогах под прикрытием поваленных деревьев.

На Дальнем Востоке бурый медведь первые несколько дней лежит иногда рядом с берлогой, около какого-нибудь укрытия, затем залезает в нее и ложится всегда головой к входному следу (голова часто при этом находится вне берлоги). Стоит зверю почуять человека, как он проворно вскакивает, убегает и больше не возвращается. Чуток медведь и во время зимних оттепелей. Наиболее крепко он спит в разгар зимы, во время сильных морозов и метелей. Знаю случай, когда к открыто спящему в яме у выворота дерева медведю подходили люди. Они вырубили вокруг берлоги мелкие деревья, но ни звуки топора, ни шум падающих деревьев не вызывали реакции зверя. Когда в двух шагах от его головы лаяли собаки, он лишь косил на них глазом, не обращая как буд-

то бы внимания на рядом стоящих людей. И только будучи укушен псом, зверь встал на ноги.

Потревоженный медведь вскоре засыпает снова, но спит уже менее крепко и быстро просыпается при повторном беспокойстве. Встревоженный подходом человека он иногда высовывает из берлоги голову, чтобы осмотреться. Делает это чрезвычайно быстро, так что охотнику не хватает времени даже вскинуть ружье. Приближение человека к искусственной берлоге, в которой спал молодой медведь, вызывало у него усиление двигательной активности, что регистрировалось сейсмографом. Через 1—2 ч активность постепенно затухала. Когда открывали смотровое отверстие, зверь обычно просыпался и медленно поднимал голову [84].

Для выпугивания бурого медведя из берлоги бывает достаточно простого свиста, покрикивания или похлопывания в ладоши. Но не всегда это приносит успех. Как в Приморье, так и на Кавказе бурые медведи иногда устраивают берлоги в дуплах толстых деревьев. Чтобы выжить зверя из убежище, приходится сильно стучать по дереву. Медведи, облаянные в берлоге собаками, редко переходят в другие места, если собаки не очень злобны. Зверь, облаянный издали, чаще остается на прежнем месте.

Если медведь не желает покидать убежище, для выпугивания используют жердь, которую запускают в берлогу. Это средство часто оказывается действенным, но иногда проходит порядочно времени, пока зверь даст о себе знать. Запускание жерди в берлогу под разными углами в конечном итоге достигает цели, и медведь в конце концов выходит из своего убежища. Если в берлогу засунуть вершины двух-трех ветвистых елок, взбудораженный зверь начинает тянуть их к себе. Чем сильнее он тянет, тем труднее ему становится выйти из берлоги или выпихнуть их назад, так как при обратном движении ветки растопыриваются и задерживают дерево. Когда медведица бывает убита, пестун затаивается, он переносит даже тычки жердью, которой проверяют берлогу, не издает ни звука и не делает ни малейшего движения. Так же себя ведут и медвежата. Если в берлоге находится не один медведь, а несколько, то появление после первого последующих может быть растянуто.

В окрестностях Телецкого оз. зафиксирован факт, когда второй медведь вылез из берлоги после того, как охотники несколькими выстрелами убили первого, развели огонь и закурили. Третий медведь появился еще позже, после того как собака, пробежавшая за вторым зверем, которому удалось скрыться, вернулась обратно. Известен случай, когда из берлоги после всовывания в нее кольев и стрельбы был выпугнут двухпудовый лончак, но только через 3 ч из берлоги вышла медведица со вторым лончаком. Способность медведя затаиваться в убежище может характеризовать следующее происшествие. Спиленный осенью дуплистый таежный кедр трелевали зимой трактором 15 км, а затем погрузили на платформу узкоколейной железной дороги и отправили на лесопункт. Только здесь из дупла вылезла медведица и набросилась на одного из рабочих. В дупле обнаружили двух спящих медвежат.

Убежав, самец-медведь не возвращается в берлогу. В одном из леспромхозов Мурманской обл. был случай, когда на одной из

делянок в кроне только что поваленного дерева неожиданно появился медведь. Оказалось, что дерево упало на берлогу, из которой после этого выскочила медведица, бросив трех медвежат. Затем по следам установили, что самка трижды обходила убежище, но так и не подошла к ним. Если медведицу, имеющую детенышей, ранят, она покидает их навсегда.

Там, где охота на медведя широко распространена, зверь лежит в берлоге настороженно, и подойти к нему не всегда удается. Этим можно объяснить необычайную чуткость новгородских медведей в старое время, отмеченную знатоками медвежьей охоты М. В. Андреевским и А. А. Ширинским-Шихматовым. В северных областях кочевых медведей нет. Каждый зверь, потревоженный в берлоге, становится шатуном на время его преследования, но только оно кончается, как медведь вновь ложится. Известны случаи, когда зверя обкладывали и стреляли в него в течение зимы до 10 раз. И каждый раз медведь, лишь только прекращалось преследование, укладывался на своей новой лежке, позволяя себя вновь обложить.

Из берлоги медведь выбегает чаще на четырех ногах и лишь при нападении на охотника иногда поднимается на задние лапы, да и то далеко не всегда. В большинстве случаев чело берлоги выходит на южную сторону, поэтому потревоженный зверь, выскочив, бежит обычно в южном направлении. В условиях горной местности такое поведение не проявляется. В заповеднике «Столбы» из 27 обследованных берлог 11 выходили на восток, 7 — на север, 5 — на юг и 4 — на запад [29]. На Сахалине медведь устраивает берлоги чаще у вершины горы или на середине склона, но обязательно восточной или южной экспозиции.

ГИМАЛАЙСКИЙ МЕДВЕДЬ. В дальневосточной тайге его берлоги чаще находятся в дуплах крупных деревьев. Обычно зверь неохотно покидает свое убежище. Зачастую стук топора по дереву и даже стрельба по нему (если пуля миновала) не достигают цели. Чуткость этого медведя зависит от периода зимы. В начале зимы, если человек подойдет к дуплу ближе чем на три метра и удалится, зверь большей частью покидает дупло, и на следующий день его здесь не застают. В декабре, январе и феврале он спит крепче.

Чтобы узнать, есть ли в дупле медведь, в нее кидают палочку, на что зверь не всегда реагирует. Но если палочку смочить слюной, медведь нередко выдает себя недовольным вздохом. Иногда засовывают в маленькое прорубленное отверстие прут с расщепленным концом. Нащупав мягкое, прут вращают вокруг оси, а затем извлекают наружу. Наличие в расщепе черных волосков свидетельствует о том, что зверь находится в дупле. Если отверстие дупла, в котором залег гималайский медведь, находится низко над землей и в него можно заглянуть, потревоженный зверь быстро вылезает, но если отверстие дупла находится высоко, он покидает его неохотно.

Вылезающего зверя хорошо слышно по царапанью когтей и ворчанию. Из дупла медведь иногда выставляет сначала только

лапы и уж затем голову, чтобы рассмотреть своего врага. Увидев человека, он быстро вылезает, поднимается вверх по дереву, пока не окажется весь снаружи, а затем, осмотревшись, начинает очень шустро сползать по стволу. Иногда прыгает вниз, поднимая облако снежной пыли. В некоторых случаях, будучи напуган человеком, зверь выбирается не через входное отверстие, а проламывает на уровне лежки стенку дупла, подгнившего изнутри. Спрыгнув, он стремится убежать. Если на пути отступления встретится человек, медведь может наброситься на него.

Гималайский медведь переносит дым терпеливо. Как-то, найдя зверя в огромном пятиметровом пне с дуплом, охотники прорубили в корнях отверстие и разложили костер. Дым сразу потянулся в дупло, как в печную трубу. Несмотря на то, что в течение нескольких минут медведь был охвачен клубами едкого дыма, он не вылез из убежища и даже когда загорелся пень, остался в дупле. Однако выход окуриваемого зверя бывает стремительным. Отец и сын, жители с. Данильченкова в Приморском крае, обнаружив берлогу гималайского медведя, стали выгонять его, засовывая шест в прорубленное «окно» в дупле, а потом выкуривать дымом. Зверь выскочил из дупла и стремительно бросился на человека. Старик и медведь покатились клубком вниз по склону, пока не ударились о ствол, после чего живой клубок распался и медведь, бросив человека, убежал в чащу.

Бывает, что охотники, потеряв всякую надежду выжить медведя из берлоги, рубят или спиливают старое дерево. Упав на землю, оно растрескивается или разваливается на части, но зверь чаще всего благополучно вылезает из него и проворно скрывается в зарослях, если пуля его минует. У зверя при падении бывают и травмы. В Гассинском леспромхозе Приамурья при валке огромного ясеня из него вдруг раздался медвежий рев. Ударившись, зверь покалечился насмерть, а медвежата остались живы. Известен случай, когда, пропиливая дупло, задели бензопилой медведицу. Та взревела и полезла вверх к выходу.

Оставаясь в убежище при подходе людей медведь, очевидно, испытывает большое волнение. Известный дальневосточный охотовед В. Сысоев пишет в своей книге «По медвежьим следам» (Хабаровск, 1966, с. 29): «Выгоняя из берлоги медведя, я однажды прорубил дерево. В отверстие показался черный лохматый бок зверя. Прикладываю к нему руку и ощущаю, как содрогается медвежье тело от испуга».

Гималайский медведь ищет на дереве спасения в случае опасности. 20 ноября 1979 г. в окрестностях пос. Мартынова поляна Приморского края самка массой около 100 кг, спасаясь от собаки, забралась на кедр. Сидя на высоте 10 м, медведица жалобно и недовольно ворчала и, нагнувшись с ветки вниз, постоянно делала движение лапой, как бы «загребая» собаку. Другой лапой она держалась за ветвь дерева, голова же опускалась ниже туловища. Медведица отсиживалась на дереве все 6 ч, пока собака ее облаивала.

В отличие от гималайского бурый медведь проворен на деревьях лишь в раннем возрасте.

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ. Поведение самки белого медведя при подходе человека к берлоге, как и у медведей других видов, не стереотипно и в значительной степени зависит от прочности убежища. Берлогу, устроенную в свежих наносах снега, имеющую тонкий потолок, медведица при появлении человека покидает. Но если берлога имеет прочный свод, самка затаивается в ней. Особенно спокойно ведет себя самка в прошлогодних снежниках. Характерно следующее наблюдение научного сотрудника С. Е. Белякова. Пребывание людей возле берлоги в течение часа, видимо, не очень сильно тревожило самку белого медведя, но как только пробили щупом потолок берлоги, медведица взломала его и высунула голову. Поворачивая ее то к одному, то к другому человеку и нюхая воздух, она некоторое время наблюдала за людьми, а потом скрылась в берлогу и не показывалась минут десять.

Чем ближе к весне и теплу, тем вероятнее, что после посещения берлоги человеком медведица уйдет из нее. В холодные весны некоторые самки в горах Дрем-Хед не спешили покидать убежища, даже находящиеся вблизи (за 400 м) от лагеря экспедиции, и лишь одна через неделю перевела медвежат во временную берлогу, вырытую в 80 м от первой. Некоторые самки мирились с многократным посещением людьми их берлог. Но иногда наблюдались случаи, когда медведицу не заставали в берлоге уже на следующий день.

Внесенный в берлогу предмет стимулирует реакцию медведя на него: при раскапывании снежной берлоги сверху лопату, пробившую ледяной свод гнезда, медведица тут же выхватила. Самку белого медведя выманивают из берлоги с помощью закидушки — свертка из тряпья, собачьей или оленьей шкуры, привязанных к длинному шнуру. Закинув сверток в берлогу, медленно тянут назад. Иногда самка устремляется за непонятным предметом и высовывает голову [11]. Если бросить в берлогу комок снега, медведица большей частью высовывает голову, издает устрашающие «фукающие» звуки, но своего убежища не покидает.

Реакция медведя в берлоге на живое существо агрессивна. Собака, решившаяся заскочить в берлогу, обычно погибает или получает увечья. Однажды медведица схватила песца, опрометчиво заглянувшего в ее снежное убежище.

СОБОЛЬ. При добывании животных создаются ситуации, когда человек, не имея возможности изгнать зверя, укрывшегося в убежище, переходит к пассивной осаде: ставит в нору капкан или другую ловушку, обтягивает убежище сетью, караулит у входа и т. п. Большинство животных покидают убежище в этой ситуации не сразу. Рекорды безвылазного пребывания в укрытии в данной ситуации различны. Обтянутый обметом соболь может не выходить из убежища по три дня и более. Бывали случаи, что, прождав напрасно неделю, охотник снимал обмет, а зверек так и оставался на месте. Соболь, загнанный собакой в каменистую россыпь, по-

кинул ее и попался в поставленный на него капкан лишь на 12-е сутки. Имеются сведения, что этот зверек может не выходить из убежища 15 дней. Появляется зверек чаще всего с наступлением сумерек или под утро.

В поведении осажденных соболей имеются различия. Летом в кругу обмета соболюшки ведут себя активнее самцов: они или упорно стараются затаиться и остаться незамеченными, или, напротив, изо всех сил стремятся выйти из окружения, доходя до высшей степени нервозности. Их поведение связано, вероятно, с наличием потомства, от которого они отводят опасность, или же, наоборот, стараются прорваться к нему. Самцы в осаде летом обычно спокойнее и пассивнее. Если в убежище сунуть какой-либо мягкий предмет (например, рукавицу), соболь иногда хватает его мертвой хваткой и не сразу разжимает зубы, даже когда рукавицу вытаскивают наружу.

Соболь, заскочивший при преследовании в дупло, довольно быстро покидает его, если внутрь пустить дым. Когда отверстие убежища расположено невысоко, зверек при выкуривании выходит не сразу, а сначала выглядывает, как бы оценивает обстановку, и потом уже действует в соответствии с ней. Бывает, что напуганный зверек не покидает дупла и погибает в нем. Дым менее эффективен при выкуривании зверька из каменистой россыпи или пустот среди корней деревьев. Охотники говорят, что от дыма соболь «пьянеет». Этот зверь панически боится огня, не выдерживает звуков трещащих в пламени сучьев. Его можно заставить прыгнуть с дерева, подняв высоко на шесте горящий факел.

Соболь, загнанный на дерево, ведет себя довольно смирно, но если пытаться согнать его, поведение изменит. Одни зверьки сидят, урча, на одном и том же месте, пока не упадет срубленное дерево. Другие приходят от шума в большое беспокойство, не выдерживают малейшего шуршания по коре, спускаются вниз для прыжка, не обращая внимания на собак и людей, находящихся внизу. Третьи делают попытки идти ве́рхом и при этом часто срываются с ветвей.

Различия в поведении обычно зависят от пола зверьков. Самки чаще затаиваются в кроне дерева, самцы же не прячутся, а с ворчанием следят за собакой. Нередко они прыгают на землю и пытаются уйти. От 30 до 40% зверьков прячутся в кроне дерева, остальные сидят открыто; около 14% соболей задерживаются на нижних сучьях, 35% располагаются в средней части кроны, 51% поднимаются до самой вершины дерева [35]. Известен случай, когда молодой соболь, дразня собаку, виртуозно спускался по толстой коре лиственницы вниз головой, держа задние ноги так же, как в подобных случаях держат их белки.

В густой кроне дерева соболь иногда сильно затаивается, не реагируя ни малейшим движением на громкий говор, крики, стук по дереву обухом топора, выстрел. Выгнать затаившегося зверька стрельбой из мелкокалиберной винтовки трудно. Он выдерживает сотню и более выстрелов, когда охотник простреливает все по-

дозрительные места, стремясь хотя бы наугад попасть в него. Но случайная дробина из наобум пущенного заряда или дым костра заставляют его шевельнуться. Не отмечено, чтобы соболь припадал к сучьям или оставался неподвижным на лиственницах, соснах и других деревьях, где он хорошо заметен. Если зверек вгоропях забрался на тонкое деревце, его можно легко стрясти. При ударах по стволу или раскачивании он судорожно цепляется, ничем не напоминая ловкую белку, попавшую в подобную ситуацию. Замечено, что при возможности выбора соболь предпочитает крупные деревья с мощной кроной, где, вероятно, чувствует себя в большей безопасности.

Интересно, что появление человека не производит на зверька большого впечатления: все его внимание бывает поглощено собакой, поэтому охотник обычно подходит к загнанному на дерево соболю не таясь, а тот не делает попыток к бегству с дерева, пока собака не отвлеклась. Следует ей начать проверочные круги вокруг дерева, как зверек, улучив момент, спрыгивает. Знаю случай, когда соболь выпрыгнул из дупла охотнику на плечо в тот момент, когда он смотрел в сторону, а с плеча слетел на землю и убежал. Повадки зверька зависят от количества собак, их злобности и поведения. Осажденный двумя собаками в высоком дуплистом пне соболь выглядывал то в одно, то в другое отверстие, ранее выдолбленное дятлом. Псы вели себя неистово, изгрызли и расцарапали всю доступную им поверхность ствола. Зверек крайне беспокоился. Стоило только одну из собак взять на поводок и отвести в сторону, как соболюшка кинулась на снег и убежала, обманув сторожившего ее пса. Вцепившись зубами в морду собаке, соболь держится мертвой хваткой иногда до тех пор, пока его не задушат.

При глубоком снеге высота прыжка зверька не пугает. Наблюдали, как соболь отделился от самой макушки тридцатиметровой лиственницы в тот миг, когда она дрогнула и начала падать. Приземлившись сразу четырьмя лапами на мох в метре от человека, зверек ловко увернулся и тотчас скрылся. Никогда соболь, падавший вместе с деревом, не был подмят сучьями. Укрывшийся от собаки на дереве при сильных морозах зверек может замерзнуть. Известен факт, когда при —40°С соболь сорвался с дерева и попал в зубы караулившим его псам.

Приближение петли к голове не вызывает сильного беспокойства у сидящего на дереве соболя. Если не мешают ветки и петля не скручивается, надеть ее зверьку на голову не представляет особого труда. Однако отдельные особи ведут себя иначе: отклоняют или нагибают голову, и петелька соскальзывает.

КУНИЦЫ. Попытки выгнать лесную куницу из дупла хворостиной чаще всего кончаются неудачей, при этом из убежища слышно иногда сердитое урчание. При ударе обухом топора о дерево зверек обычно затаивается. Если удар пришелся недалеко от того места, где сидит куница, слышно, как она возбужденно крутится или поднимается вверх, а при сильном ударе быстро выскакивает

из дупла и, сделав несколько прыжков, останавливается, разглядывая, кто ее побеспокоил. Наблюдая человека, зверек может рычать, издавая короткие отрывистые звуки. При повторном ударе почти никогда не задерживается, сразу делает большой прыжок на соседнее дерево, а затем исчезает.

Если дупло расположено высоко, куница сидит в нем крепко и не реагирует на удары по стволу палкой или обухом топора. Эффективным бывает удар колотом — длинным стволом молодого дерева с комлем. Такого удара вблизи дупла зверек не выдерживает и обычно покидает убежище. Однако в некоторых случаях не помогает и колот. Когда срубленное дерево с шумом падает на землю, куница продолжает сидеть в нем, а если рядом еще и собака, она остается в дупле и далее. Когда дерево распадется на части или сломается, куница обязательно выскочит. Выпрыгнув наружу, она стремится залезть на другое дерево или убегает. Чтобы поймать затаившуюся в дупле куницу, затыкают отверстие концом елочки, валят дерево и, прорубая в нем продольный паз, прижимают ее в конец дупла. Зверек, отступая, не делает попыток прорваться (Граков, 1959).

Если куница находится в беличьем гнезде, то стук топором о дерево, на котором находится гайно, выпугивает ее. Зверек, выскочив из убежища, делает несколько прыжков по деревьям, а иногда и сразу спрыгивает на землю в противоположную сторону от стоящего внизу человека и исчезает затем в зарослях (Сицко, 1978). При выстреле по беличьему гайну, в котором укрывалась куница, смертельно раненный зверек выскакивает наружу и, сползая по веткам, падает. Если заряд дроби минует куницу, она стремительно уходит по вершинам деревьев, и охотник часто не успевает сделать второго выстрела.

Куница, найденная в прикорневых пустотах, буреломе или под валежиной в глубоком снегу, при беспокойстве ее собакой перемещается, о чем можно судить по перебежкам пса. Иногда с помощью кола удается изгнать зверька. Чаще он появляется в том месте, где зашел. При первой возможности выпугнутая наружу куница взбегает на дерево.

Каменная куница (Martes foina) при ночной охоте обычно скрывается от собаки на деревьях или в зарослях. С небольших деревьев при подходе человека спрыгивает и довольно легко уходит от пса, а на больших, удобно устроившись, иногда засыпает, не обращая внимания на собаку. В начале зимы самцы бегают по дереву и недовольно урчат, как бы пугая врага [12]. При охоте с фокстерьером каменная куница, загнанная собакой в щель между камнями, была найдена мертвой без всяких признаков увечий.

При появлении человека куница начинает перетаскивать своих детенышей в новое место. Перетаскиваемых и при каких-то обстоятельствах оставленных на пути щенят куницы иногда находили жители южных городов. При разрушении убежища зверек не покидает его до последнего момента.

За околицей украинского села на опушке леса была куча хвороста. 27 марта 1969 года ее стали разбирать и, когда убрали почти все, раздался писк. В тот же момент выскочила самка каменной куницы, у которой, как выяснилось, в хворосте было гнездо. За ней стали выбираться уже бегавшие щенята. При ловле самка не защищала их, убежала сразу же.

БАРСУК. Если лисица при натиске злобной собаки, забравшейся в нору, выскакивает наружу, то барсук, напротив, защищается до последнего и предпочитает погибнуть, чем выйти из своего подземного убежища. Когда собака заберется в нору и лает там, из глубины глухо слышно, как барсуки недовольно рычат. Поведение барсука, преследуемого собакой в норе, зависит от твердости грунта. Если последний мягок, барсук часто перемещается, быстро закапывается, прорывая себе новый ход, и в несколько минут образует между собой и собакой земляную преграду, засыпав при этом глаза преследовательницы песком. В твердом грунте зверь ведет себя спокойнее: прижавшись в углу норы, лишь отбивается. Вначале он пытается отогнать собаку, но поскольку это не удается, отступает, начиная ходить по всем ходам вверх и вниз, а потом в одном из отпорков занимает оборону. В Приморье барсук часто живет в прикорневых дуплах и, когда его найдет собака, поднимается по дуплу вверх иногда на 6—7 м. При этом он упирается в стенки ногами и спиной.

При раскапывании барсучьей норы ее хозяин пытается закопаться глубже. В песчаном грунте скорость закапывания примерно равна метру в час. При раскапывании земли над гнездом норы сидящий там зверь, облаиваемый собакой, иногда бросается напролом, ранит пса и уходит в другие ходы. Когда же человек подкапывается со стороны собаки, зверь пятится в глубину тупика. Если в прокопанную шахту над норой барсука сунуть ветку дерева, он вцепляется в нее — с помощью этого приема устанавливают местонахождение зверя. Будучи настигнут человеком, ведет себя агрессивно. Знаю случаи, когда барсук, сидя в норе, хватал за руку откопавшего его человека и, выскочив наружу, пускался бежать.

Раскопанную нору барсук покидает. Но если ее отремонтировать, заложить проделанную шахту плоскими камнями, обрубками деревьев и засыпать землей, зверь снова может поселиться в ней на следующий год.

Выкуривать дымом барсука из норы чрезвычайно трудно. Если источник дыма внесен глубоко в убежище, зверь не успевает закопаться и выскакивает наружу. В ряде случаев он затыкает нору от дыма задней частью тела. Нередко животное погибает от дыма.

Как отмечалось, барсук держится в норе до последней возможности и покидает ее лишь после многократных преследований со стороны человека. Однако застигнутый во временном убежище, он покидает его, как только представится возможность.

В Приморье охотник, прорубив отверстие в дупле большого дерева, на которое лаяла собака, обнаружил там с помощью фонарика пятерых молодых барсуков, которые смотрели вверх на свет, подняв головы. Вернувшись на

следующий день, он не нашел зверей в дупле. По следам на снегу выяснилось, что они ушли за 2 км в свою коренную неприступную нору, вырытую в сопке между выступающими огромными камнями. Там было накопано много свежей земли.

Знаю случай, когда барсук, застигнутый в половодье на островке суши, при подъеме воды забрался на дерево и был снят с него с большим трудом.

ГОРНОСТАЙ. Попытка выкурить этого зверька из норы часто кончается неудачей. Если в его убежище засунуть осторожно прут, а затем медленно вытаскивать наружу, зверек, вероятно, заинтересовавшись, следует за ним, пытаясь укусить. Перед выходом останавливается, но чуть заметное шевеление прутика заставляет его высунуть голову, и заранее приготовившийся человек успевает схватить зверька. Попытки же насильственно изгнать горностая из дупла с помощью палочки обычно оказываются безрезультатными.

Удар обухом топора или колотушкой по мерзлой земле над гнездом горностая заставляет его тут же выскочить наружу, если убежище находится не слишком глубоко в земле. И если в выходы поставить сетчатые мешочки, он попадает в руки ловца живым. Но когда рядом с охотником имеется собака, горностай, напуганный ею, с трудом выходит из убежища. Тогда он легче выскакивает через выход, в котором укреплен мешочек не из сетки, а из темной материи, принимая его, очевидно, за один из отнорков.

Если дерево, на которое забрался горностай, спасаясь от собаки, оказалось елкой, зверек иногда забирается на вершину. Когда пес отвлекся или облаивает дерево, не видя горностая, последний может потихоньку спуститься и незаметно убежать. Иногда сидящий на дереве зверек падает (возможно, устали лапки, которыми он держится за ветки), а упав, мгновенно пускается наутек. Иногда горностай пытается перебраться подобно белке с дерева на дерево.

Когда подводили петельку к голове сидящего на дереве горностая, он отводил голову, и петлю надеть не удавалось. Попытки поймать зверька петелькой на палке, когда он высовывался из убежища, угрожая облаивающей его собаке, кончаются чаще также неудачей: увидев петельку, зверек хватает ее зубами и втягивает в нору. Иногда петля срывается с головы, после чего горностай некоторое время отсиживается в норе, а потом бросается на собаку, причем каждый бросок сопровождается стрекотанием. Возникают моменты, когда зверек может укусить собаку за нос, но почему-то не делает этого.

Дунув в дупло, охотник заставил горностая выскочить через второе отверстие. При этом зверек издавал звуки, похожие на чириканье. В данном случае, кроме звукового раздражения, действовал и запах человека, а может быть и касание струи воздуха. Собаки и звери многих видов не выносят, когда человек дует им в морду и отпускают удерживаемый зубами предмет.

При раскопке убежища горностая отдельные особи, забравшись иногда в неглубокий боковой отнорок, забивают вход в него зем-

лей. Зверька при этом обнаружить может только чутьистая собака. Когда же горностай чувствует, что ему не спастись в разрушаемом убежище, он, выбрав момент, стрелой выскакивает наружу и большими прыжками спешит к ближайшей запасной норе. В некоторых случаях он затаивается, и человек, докопавшись, берет его живым.

При первом же посещении гнезда человеком с собакой горностай переносит щенят в другое место. После того как отверстие дупла, в котором находилось убежище, было расширено, самка принялась на глазах человека растаскивать по всему обширному дуплу щенят и прятать их: вырывала неглубокую ямку, клала в нее детеныша и сверху загребала подстилкой, одного щенка повесила на сучок внутри дупла, намного выше гнезда [43]. Отмечен факт, когда самка горностая, застигнутая с выводком во время половодья в дупле дерева, с появлением людей перетащила детенышей на верх дерева, поместив их в развилке сучьев [83].

РОСОМАХА. При попытках извлечь ее из убежища, обычно не дожидается развязки — выскакивает наружу. К оставленным щенятам иногда возвращается. 17 апреля 1982 г. в Мурманской обл. было найдено убежище росомахи в снегу между камнями, протяженностью несколько десятков метров. Многочасовые попытки извлечь из него зверя кончились неудачей: росомаха, улучив момент, выскочила и убежала. На следующий день за ней пошли по следу и обнаружили в трех километрах второе неглубокое убежище (длиной около 3 м), в котором вместе с самкой находились щенята, перетащенные ночью из старого гнезда. 25 марта 1979 г. близ ст. Ломоватки Архангельской обл. люди разбирали с помощью бульдозера занесенный снегом штабель заготовленных для вывозки стволов. Когда добрались почти до земли, выскочила росомаха. В ее гнезде нашли двух еще слепых щенков-самочек, одна из них весила 1535, другая — 1140 г. Мать их к гнезду больше не возвращалась.

Загнанная собаками на дерево росомаха неотрывно наблюдает за действиями врага. Позы ее различны, иногда вниз головой. Оправившись от первого испуга, зверь может спуститься на землю и вступить в драку с собаками, а при подходе охотника и неудачном выстреле способен соскочить с дерева и пуститься наутек.

ХОРЬКИ. Когда собака лает у норы и пытается ее раскапывать, черный хорек (Mustela putorius) время от времени приближается к самому отверстию, высовывается из него и громко стрекочет, очевидно, стремясь этим отогнать врага. Был случай, когда зверек, потревоженный в норе длинной хворостиной, выбежал по ней прямо на руку охотнику. Обычно же черный хорек не любит покидать своего убежища. Будучи обнаруженным в куче камней при разборке их, сидит до последнего момента. Некоторые зверьки из семейства куньих проявляют поразительную смелость. Описан факт, когда хорек стремительно метнулся к убитой человеком утке и поволок ее, пятясь задом, а затем скрылся от преследования

в норе. Птица в нору не пролезла. Когда человек пытался забрать утку, зверек, держа ее зубами, не отпускал.

Белых хорьков (M. eversmanni) иногда добывали осенью, выживая из норы водой. Молодые особи при выкапывании их из норы ведут себя беспокойно: кусаются, фыркают, стрекочут (напоминая сороку), выпускают вонючий секрет анальных желез. Иногда же встречаются и старые и молодые особи, спокойно ведущие себя при извлечении из убежища.

ДРУГИЕ ЗВЕРИ СЕМЕЙСТВА КУНЬИХ. Когда собака, лая и повизгивая, копает нору или грызет дупло, где укрылась *норка*, зверек выдает себя слабым продолжительным криком, напоминающим звук «чоо-чоо» или выделяет из анальных желез сильно пахнущий секрет. Если через землю втыкать в нору, где сидит зверек, стальной прут, то потревоженный, он чаще всего убегает в воду, куда имеет несколько ходов. Выгнанная из убежища норка бросается в воду и плывет, не выныривая. Путь ее обозначается дорожкой из мелких пузырьков воздуха, имевшихся в волосяном покрове. Воздух, выдыхаемый зверьком из легких, в виде крупных пузырей появляется на поверхности воды с промежутками в 3—4 мин. Проплыв под водой 15—20 м, норка всплывает и, если не видит опасности, плывет, не погружаясь. Однако при малейшей тревоге она вновь скрывается в воде, но теперь уследить за ее ходом трудно, так как воздух, имевшийся в волосяном покрове, уже иссяк. При малейшей опасности норка-самка в условиях эксперимента перетаскивала детенышей в другое укрытие.

Если засунуть прут в нору, где укрылся *колонок*, зверек издает стрекочущие звуки и часто схватывает прут зубами. В этот момент иногда удается вытащить колонка из убежища. Забравшись от собаки на дерево, колонок прячется в его кроне; спуститься, чтобы убежать, в присутствии собаки не решается. При сильном ударе по тонкому дереву он падает на землю.

Спасаясь от собаки, *харза* проворно заскакивает на дерево по сучьям, подобно белке. Если возможности уйти вéрхом нет, забирается на самую вершину и оттуда прыгает на землю. Планируя при падении, она отлетает на 20—30 м в сторону, чем вводит в заблуждение собак, стерегущих ее под деревом. Харза-самка, загнанная собакой на высокий пень, ведет себя злобно. Приспустившись, она рычит, делает броски в сторону собаки, но совсем спуститься все же не решается.

Ласка (Mustela nivalis), которую две собаки пытались выкопать из норы, быстро выскочила и, не издав ни единого звука, бросилась бежать. Все это она проделала так быстро и ловко, что псы не заметили ее исчезновения. Пробежав 30 м по степи, ласка вскочила в куст и скрылась.

ВОЛК. При посещении убежища зверя человеком могут иметь место три варианта ситуаций: животное находится в убежище, около него или в момент прихода к нему человека не оказывается там. Обычно с приближением человека волчица стремится покинуть

логово. Если момент упущен, зверь затаивается в норе и, приготовившись к прыжку, лежит недалеко от входа.

Часто охотники убивают волчиц в норе, стреляя в голову. Однако известен случай, когда на Ямале оленеводы безуспешно пытались откопать волчицу, скрывшуюся в норе. Она покинула ее, раскопав завал лишь после их ухода. Когда канадский зоолог и писатель Ф. Моуэт забрался в нору и обнаружил там с помощью фонарика двух волков, последние не проявили агрессивности и оставались безмолвными.

Если люди, нашедшие логово, остаются караулить приход матерых волков, последние бродят вокруг то приближаясь, то удаляясь. Волчица в течение всей ночи время от времени воет. Поставленных у входа в логово со щенятами тщательно замаскированных капканов волки-родители ухитряются избегать. К логову они всегда подходят очень осторожно, припадая к земле, а иногда ползут на животе. Однажды оленевод нашел волчий выводок в неглубокой пещере, где вместе с волчатами была и волчица. Она не проявила агрессивности, и человек ударил ее топором. Лишь будучи оглушенной, волчица оцарапала оленевода когтями и свалилась под откос в реку.

В отдельных случаях волчица все-таки бросается на разорителя, особенно если он безоружен. Это бывает лишь, когда волчата малы. Описан факт: два волка бросились на трех людей в момент рассматривания ими взятых волчат. Выстрел не достиг цели, и два человека были сильно покусаны. Нападение обычно совершается самкой. Однако большей частью волки не защищают щенят от подошедшего к их убежищу человека.

Найдя логово пустым, матерые волки пытаются искать волчат. Потеряв детенышей, взрослые волки начинают резать вокруг логова скот, который они раньше не трогали. Поэтому считается, что охотник, забравший волчат, должен оповестить об этом всех чабанов в округе. Взятие волчат из гнезда в отсутствие родителей проходит безнаказанным для человека, однако в отдельных, очень редких случаях имеет место волчья «месть».

При поиске охотниками логова волк напал на собаку. Выстрел, сделанный по нему, не достиг цели, и через несколько минут зверь вновь напал на пса. Воспользовавшись суматохой, волчица успела перенести волчат в новое логово. Две гончие собаки, заставившие взрослых зверей на логове с волчатами, получили отпор, но с подходом человека матерые звери ушли [102]. Заслышав с большого расстояния собачий лай у логова с волчатами, матерые бросаются к гнезду, иногда сразу оба, но, обнаружив присутствие человека, убегают.

Если человек, побывав у логова, не взял волчат сразу, то волки обычно переносят щенят в другое место. Перенести или перевести туда волчат они могут в короткий срок. Известны случаи, когда человек, вернувшись к логову через 1—2 ч находил его пустым. Если волчата малы и волчица не может их перевести, а вынуждена переносить, на что требуется больше времени, то, вернувшись, охотник может застать лишь часть выводка. Перебазировка волчат

происходит не только в ночное, но и в дневное время. Перенесенных маленьких волчат находят иногда за 2—3 км, а подросших волчат родители переводят иногда за 10 км и более [33]. В некоторых случаях волки переносят своих щенят в несколько этапов. После обнаружения выводка семеро волчат были найдены случайно после нескольких часов беспорядочных поисков на открытом месте в 500 м от покинутого логова.

Известен факт, когда волк-самец помогал волчице переносить волчат (после выстрела из его пасти выпал невредимый щенок). В другом случае, когда затянули логово флажками, волчица растащила еще слепых волчат по разным местам в окладе. Волчата, укрывшиеся от подошедшего человека в норы, отверстия которых после этого были закопаны землей, отвечали изнутри на дальний вой родителей и подвывку охотников. Они пытались потом в течение 2 сут прокопать забитые землей отверстия отнорков, а также выскакивали в прорытые человеком «колодцы» [102]. Если волчат, найденных в норе, не сумели извлечь в первый день и оставили до завтра, закопав отверстие землей, то не всегда они остаются до прихода охотника. Отмечались случаи, когда матерые волки, придя ночью к забитой норе, раскапывали ее сверху и уносили волчат в другое место.

Волчата, которых нашел научный сотрудник В. А. Кукарцев, пищали и подвывали. Но как только он, просунув ногу, дотронулся до них, мгновенно стихли и молчали при вытаскивании, лишь «мявкали», когда падали на землю. Затем начали ползать, забираясь друг на друга. Волчата постарше, собираясь в кучу, прячут свои большие головы друг под друга, оставляя открытой заднюю часть туловища.

Если волчата уже способны передвигаться, то с приходом человека к логову они при первой возможности прячутся и затаиваются. Однажды после двухминутной отлучки человека от найденного гнезда с четырьмя волчатами последние исчезли. При тщательном поиске двух обнаружили притаившимися в комле вывороченного дерева, где щенки настолько слились с окружающим фоном, что их было трудно заметить, третьего удалось найти нескоро, а четвертый выдал себя писком только к рассвету: он прятался в небольшом углублении на обрывистом берегу высохшей протоки.

Несмотря на разорение гнезда и изъятие щенят охотниками, волки чрезвычайно консервативны при выборе места для логова: на следующий год они снова устраивают гнездо в этом же месте. В течение 8 лет волчица каждый год приносила щенят на участке бора радиусом в 1 км, хотя ее волчат регулярно забирали люди, и ей не удалось выкормить ни одного детеныша. Возможно, она и дальше продолжала бы оставаться в старом логове, если бы не погибла, попав в капкан.

ЛИСИЦА. Если бесшумно подойти к ее норе с тыльной, противоположной входу стороны и не доходя 10—15 шагов до него слегка потопать ногами, то лисица, находящаяся в убежище, осторожно выглянет из него и бросится бежать. Но не всегда зверь выходит сразу после первого потаптывания, а иногда предпочитает отсидеться в норе. В этом случае, тихо подождав 3—5 мин, следует подойти на 2—3 м ближе к норе, снова постучать ногами и затихнуть. Если трех-четырехразовое потаптывание с последующим затиханием не принесло успеха, по всей вероятности, лисицы в норе

нет. Этот прием эффективен, когда лисица зашла в нору в спокойном состоянии. Если же она укрылась от преследователей, таким способом ее выпугнуть трудно.

Дым может заставить лисицу покинуть нору, но некоторые особи так и не появляются на поверхности. Там, где ведется борьба с этим хищником, рекомендуются специальные дымообразующие смеси. Если в нору положить стреляную гильзу, окурок и другие предметы, имеющие несвойственный зверю запах, лисица покидает ее, когда минует опасность. Например, лисята вылезли из норы, когда в нее засунули палку со смоченной солидолом тряпкой на конце. Часто дети, а иногда и взрослые, найдя лисью нору, засовывают в нее палки, хворостины и другие предметы. Как правило, эти действия приводят к тому, что животные оставляют свое убежище.

В штате Иллинойс (США) для обнаружения животных в норах использовали искусственного «хорька» — семиметровую проволоку диаметром 4 мм, один конец которой был навит пружиной, а другой снабжен рукояткой ступенчатой формы, подобно рукоятке для заведения мотора автомобиля. Один человек запускает «хорька» в нору, а другой вращает за рукоятку. С помощью этого приспособления из 20 нор выгнали 30 лисиц. В случае ухода лисицы обратно в эту же нору выгнать вторично ее крайне трудно.

Лисица, сидевшая в норе, выходы из которой, кроме одного, были закопаны, попала в поставленный капкан лишь на 21-й день: это рекорд, обычно же этот зверь покидает нору раньше.

Почуяв собаку, лисица, находящаяся в норе, сидит в ней крепче и дольше, чем при подходе одного человека. При влезании в нору собаки зверь ходит от нее по лабиринту ходов или обороняется. В последнем случае, если собака злобна и настойчива, лисица не выдерживает и через 3—5 мин стремительно выскакивает наружу. Когда лисиц в норе две, вторая после бегства первой может остаться, и только возвращение собаки заставляет ее покинуть убежище. Крупная или с длинными ногами собака, преследуя лисицу в норе, отстает, и та начинает ходить, стараясь запутать врага. Примериваясь выйти из норы, она подходит к выходу из одного отнорка, потом из другого, третьего. Решив избавиться от преследования, делает это не сразу: сначала высовывает лишь голову, потом часть туловища и уж затем вылезает целиком. Выбравшись, лисица осматривается, после чего не слишком быстро убегает от норы.

Когда в убежище только один выход, собака или лисица меняются местами в норе и первая выгоняет лисицу или между ними возникает сражение, в результате которого чаще погибает лисица. Однако часто не слишком злобная собака начинает лишь облаивать лисицу, иногда бросаясь на нее, при этом собака может временно покинуть нору. Вслед за ней в течение 3—4 мин может выйти и лисица. При втором, а тем более третьем запуске собаки лисица обычно не выдерживает и выскакивает наружу. Если нора сложна, лисица при выходе собаки уходит из тупикового отнор-

ка, но покидает нору лишь при вторичном быстром проникновении в нее собаки.

Молодые особи недолго задерживаются в норе, старые же дольше отсиживаются и выходят осторожнее. Когда лисица скрылась в норе от гончих, выходит она оттуда неохотно. Если, укрывшись от гончих, она пробыла там 1—1,5 ч и успокоилась, то от забравшегося в ее убежище фокстерьера выйдет быстрее. Если в норе несколько лисиц, одна из них или две могут покинуть нору до того, как фокстерьер начнет их преследовать. Известны случаи, когда из-под собаки выскакивало из норы до 5—6 лисиц. Зверь может выбраться и через отнорок, засыпанный снегом. Лисицы, использующие в качестве убежищ ирригационные трубы, при запуске туда норной собаки выскакивают с другого конца трубы.

Поведение лисицы в норе, преследуемой там собакой, зависит и от поведения охотника. Если он ведет себя осторожно и тихо, зверь с большей вероятностью покинет убежище. Из норных собак чаще всего удается изгнать лисицу из норы таксе. Если собака побывала в лисьей норе и, хотя не забиралась глубоко, вела себя шумно, то через некоторое время (иногда приходится ждать до часа) после ухода охотника с собакой лисица стремится тихо и осторожно покинуть убежище. Эту особенность используют охотники, затаиваясь возле норы.

Увидев приближающегося к норе человека, лисица взлаиванием или каким-то незаметным образом дает сигнал лисятам, и те скрываются в норе. Она же иногда старается отвлечь опасность на себя — не сразу убегает от человека. Лисья нора, где есть взрослые звери, после посещения ее людьми в этот же или на следующий день обычно становится нежилой. Самка переправляет потомство в другое, более безопасное место (за 2—3 км). Если щенята малы, лисица перетаскивает их в зубах, а способных самостоятельно передвигаться переводит.

При появлении человека поведение лисицы, спасающейся во время половодья на островке, зависит от размеров последнего. Если он достаточно велик, зверь таится, прячется, а будучи преследуемым, маневрирует, ускользая от рук людей, забегает по мелководью в воду, но не спешит пуститься вплавь и только при отсутствии всякого иного пути к отступлению бросается в воду. Если островок мал и затопляется водой, лисица залезает на дерево, если таковое имеется. С приближением человека она очень ловко перебирается с сучка на сучок, а если положение безвыходно, то, подпустив человека на близкое расстояние, прыгает в воду.

ДРУГИЕ ЗВЕРИ СЕМЕЙСТВА ВОЛЧЬИХ. Очень близко, шагов на 10, может подпустить человека *корсак*, когда он спит на земле вблизи норы. Зверек провожает человека глазами, чтобы не спеша вскочить и скрыться. В середине 30-х годов практиковалось добывание корсака путем выливания водой. В одной норе добывали по нескольку зверьков. Интенсивно такой способ применяли в начале зимы по первому снегу, когда становится легко находить убежища корсака.

Когда раскопают нору, зверек нередко лежит, свернувшись калачиком, и на человека и собаку не огрызается (как редкий случай сообщают, что однажды выкопанный корсак укусил собаку за губу). Иногда корсак затаивается до такой степени, что выглядит мертвым: без движения, расслабленный, с закрытыми глазами. Таким же безжизненным остается, если взять его на руки. Но стоит его положить на землю и отойти в сторону, как через некоторое время он вскакивает и убегает.

Человеку редко удается подойти к норе *песца* незамеченным, обычно его встречает лаем один из родителей. Заслышав лай, щенки скрываются в убежище и не показываются до тех пор, пока он не прекратится. Родители же, наоборот, стараются быть на виду, пытаясь отвлечь от выводка внимание человека и отвести последнего в тундру. Медленно, с остановками они отбегают прочь, не переставая лаять и, если следовать за ними, уводят километра на два, а затем окольным путем возвращаются к норе.

При отсутствии родителей удается подойти к играющим у норы щенкам песца метров на 25, после чего они скрываются в норе, но уже через 10—15 мин вновь оказываются на поверхности. И если человек остается неподвижным, могут продолжить свои игры.

Енотовидные собаки не имеют своих нор, но иногда забираются в лисьи убежища. Выгнать этого зверя из норы бывает непросто. Енотовидная собака, найденная в штабеле старого леса с помощью собаки, оставалась там и после разборки верхних бревен. Уссурийский енот не оказывает достаточного сопротивления забравшейся в его нору собаке, и часто та душит его и выволакивает наружу. Однако живого зверя ей вытащить из норы не удается. Енотовидная собака, найденная в прикорневых пустотах и других подобных убежищах, иногда притворяется мертвой.

ЗВЕРИ СЕМЕЙСТВА КОШАЧЬИХ. Чрезвычайно редко удается застать врасплох *рысь*. Обычно зверь, заслышав человека, покидает лежку и уходит рысью или размеренным шагом — своим обычным аллюром. Внезапно потревоженная человеком рысь лишь первые 50—100 шагов уходит на махах, а потом переходит на шаг. Двухмесячные рысята почти все время проводят вне убежища, но в момент опасности, с приближением человека, прячутся в гнезде. Рысь, укрывшаяся от преследования на дереве, при виде человека, залезающего на дерево, ведет себя по-разному. Иногда она отступает, перебираясь с ветки на ветку все выше и выше. Бывали случаи, когда зверь в этой ситуации делал попытки напасть на человека. Рысь, содержавшаяся на биостанции ВНИИОЗ, жила в вольере с деревянным домиком. При отлове у выхода ставили матерчатый сачок и ударяли по задней стенке домика. Каждый раз зверь, не задерживаясь, выскакивал из убежища, причем иногда с такой силой, что разрывал материю сачка.

Манул (Felis manul) стремительно выскакивает из норы, если, расчистив снег, сильно ударить по земле деревянной колотушкой. Когда вокруг убежища поставлена сеть, он попадает в нее.

Однажды загнанный собаками на дерево *леопард* никак не хотел

покидать своего убежища. Когда с соседнего дерева пытались столкнуть его длинным шестом, зверь хватал его зубами и так резко дергал к себе, что было трудно удержать шест в руках. Лишь после часовой борьбы леопард с ревом сполз на землю и пустился бежать. Леопард, укрывающийся в высокой траве, сидит там очень крепко, не двигается, даже когда в него попадает брошенный наугад камень, и остается совершенно безмолвным. *Лев* же почти всегда выдает свое присутствие рычанием.

Известен случай, когда *камышовая кошка*, застигнутая в норе, не пыталась убежать,—к выходу был приставлен мешок с обручем. Но как только ловушка была на мгновение отодвинута и подросток заглянул в убежище, взъерошенный зверь мгновенно выскочил, перепрыгнув через оторопевшего ловца, и скрылся в колючих кустарниках. *Лесная кошка* (Felis silvestris), спасаясь от собаки, иногда заскакивает на дерево и сидит там, не затаиваясь. Однако часто она спрыгивает на землю и уходит. Повторно собаке редко удается найти этого зверя. *Барханная кошка* (Felis margarita), когда нет котят, обычно отдыхает в норе корсака или лисицы или на лежке под густым кустарником. Застигнутая, она затаивается и подпускает человека близко [74]. При вытаскивании маленьких тигрят из убежища с помощью петли, привязанной к палке, некоторые из них крепко хватали веревку зубами, благодаря чему их удавалось вытаскивать наружу [71].

ЕНОТ-ПОЛОСКУН (Procyon lotor). В Полесье он к утру забирается в свое дупло, где крепко спит в течение всего дня. В одном крупном дупле можно обнаружить сразу нескольких зверьков. Выгнать их оттуда трудно. Если дупло расположено высоко, не помогает ни сотрясение, ни дым и даже выкуривание с помощью тряпки, пропитанной серой. Можно шевелить енотов палкой, однако на это они мало реагируют. Приходится вытаскивать их рукой в толстой рукавице. При этом сильные и цепкие зверьки кусаются, но мертвой хватки нет — укусит и тут же отпустит.

На дереве (вне дупла) енот, когда человек пытается настичь его, перебирается на ветку и сидит на самом конце ее, иногда спиной вниз, держась передними и задними лапами и качаясь. Его удается достать оттуда проволочной петлей или стряхнуть на землю. К дереву, на котором сидит енот-полоскун, загнанный собакой, человек может подходить без особой осторожности: только в редких случаях зверьки спрыгивают и пытаются уйти.

При первой попытке изгнать енота-полоскуна, содержащегося в неволе, из домика с помощью подталкивания палкой через приподнятую крышу он быстро покидает убежище. Во второй раз он делает это неохотно, а в третий и четвертый, усвоив, что палка не сулит ему больших неприятностей, упорно не покидает домика, несмотря на энергичные толчки ею.

ЗАЙЦЫ. Беляки на вырубках используют для укрытия подснежные пустоты, образовавшиеся в завалах и буреломе среди сохраненного подроста. Проникая в пустоты, зверьки прокапывают снежные норы. Обнаружив опасность, беляк мгновенно ныряет

обратно. Попытки раскопать и поймать зайца в таком убежище обычно кончаются неудачей. Многочисленные лабиринты пустот позволяют зверькам свободно передвигаться под снегом [1]. Такое поведение свойственно и русаку. Знаю случай, когда русак, увидев человека, повернулся и ушел в глубь норы. Охотник стал приминать снег ногами и, занимаясь этим полтора часа, он так и не смог выпугнуть зверька. Русак, заскочивший от преследователей в водонапорную трубу, не покидал свое убежище и тогда, когда по трубе стучали.

Обычно заяц на лежке в теплую погоду подпускает человека ближе, чем в холодную, но иногда наблюдается обратное, и это служит предвестием изменения погоды. В период листопада заяц, найденный легавой собакой, выдерживает ее стойку.

Поведение и судьба зайцев, отлавливаемых в половодье, зависят от продолжительности пребывания их на островах. Истощенные голодом и окоченевающие от сырости и холода зверьки иногда не в состоянии даже броситься в воду и зачастую гибнут в руках человека или при транспортировке. Те же из них, что бросаются в воду, не всегда в состоянии плыть. Некоторые особи таятся, прижимаясь к земле. Я видел, как заяц в этой ситуации прятал голову в куче хвороста, тогда как туловище его оставалось снаружи. Если человек в лодке и находится в дальнем конце ее, некоторые зайцы могут запрыгнуть в нее, но когда лодка оказывается в нескольких метрах от суши, спрыгивают и плывут на берег.

Только что родившиеся и даже недоношенные детеныши зайца-русака имеют некоторую способность к самозащите: при попытке взять их вздрагивают, кидаются на протянутую руку, фыркают, иногда царапают передними лапами.

(Клочок бумаги, смазанный креозолом, служит серьезным препятствием для кролика, входящего в нору или выходящего из нее. Зверьки уходят боковыми ходами или отсиживаются в убежище, решаясь преодолеть препятствие лишь на четвертый день голодного существования. Ручной хорек-альбинос, используемый для охоты за кроликами, проникая в норы к ним, легко выпугивает этих зверьков наружу).

БЕЛКА. Заметив неподвижного человека, она сначала проявляет любопытство, а потом беспокойство — начинает вертеть хвостом, цокать, делает пробежки по сучку. Молодые зверьки неосторожны и сидят на дереве, не прячась. Взрослая белка при подходе охотника нередко тихонько перебирается на противоположную сторону дерева и плотно прижимается к стволу. Когда белка обнаружена человеком в непосредственной близости и глаза их встречаются, она часто срывается и убегает по деревьям. Если же, обнаружив зверька, отвернуться от него и наблюдать за ним искоса, он остается на месте. Когда охотник, взяв собаку, отходит от дерева и затаивается, спрятавшаяся белка через некоторое время начинает двигаться. В некотрых случаях до этого момента проходит 1,5—2 ч.

Чтобы обнаружить белку в гайне или в кроне густой ели, обыч-

но бывает достаточно резкого удара по стволу обухом топора. Зверек выдает свое местонахождение движением. Многое зависит от толщины дерева: чем оно толще, тем труднее выпугнуть белку сотрясением от удара. И чем выше сидит зверек, тем слабее он реагирует на удар. Если зачистить кору, удар получается более резким и сильным. Еще более эффективен удар жердью, которую плотно приставляют к дереву, а затем, отведя верхний конец, с силой ударяют по стволу. Затаившаяся белка может сохранять неподвижность более часа.

Имеются наблюдения, что при ударе по дереву белка в мороз и к морозу бежит к вершине, а в оттепель и к оттепели — в середину кроны. Иногда она упорно не выходит из гнезда, несмотря на сильные сотрясения дерева. Был случай: зверек продолжал сидеть в гнезде даже тогда, когда дерево повалили на землю, и выскочил лишь после того, как один из лесников подтолкнул гайно ногой. При наличии в одном гайне 2—3 белок они при ударе по нему поднимают писк и визг, один же зверек ведет себя в этом случае бесшумно.

Если белка затаилась в кроне дерева так сильно, что не реагирует на бросаемые камешки и удары по стволу, ее пытаются выгнать выстрелом. При стрельбе дробью в крону белка срывается с места чаще, чем при стуке по дереву топором. Еще больший эффект дает сотрясение ствола пулей близ вершины дерева. Выстрела из мелкокалиберной винтовки в ствол дерева вблизи предполагаемого места нахождения затаившейся белки бывает иногда достаточно, чтобы зверек слегка шевельнулся.

В 1965 г. в Красноармейском р-не Приморья белки при высокой их численности, почуяв опасность при выстреле из мелкокалиберной винтовки в густом лесу, прятались в кроне хвойного дерева, а в разреженных насаждениях при обилии лиственных деревьев иногда быстро сбегали вниз на землю и спасались бегством по земле, вверх по склону сопки. Подобное поведение наблюдалось и в 1967, и в 1968 гг. [10]. Таким образом, белка ведет себя в соответствии со степенью своей замаскированности и защитными качествами угодий, строит свое поведение в зависимости от конкретной ситуации. Иногда зверька не выпугивает и многократная стрельба. Осенью 1951 г. в Верхнетоемском р-не Архангельской обл. белки при низкой их численности не реагировали движением даже на одновременные выстрел в крону и удар по стволу обухом топора. Зверьки обнаруживали себя, лишь когда человек залезал на дерево и приближался к ним. В Баунтовском р-не Бурятии в чистых лиственничниках осенью 1955 г. белки при подходе человека или собаки замирали (иногда на конце ветки) и почти не двигались, лишь поворачивали голову в сторону движущегося врага. Даже после выстрела, когда малокалиберная пулька проходила возле головы, зверек почти не сдвигался с места.

Замечено, что в ряде случаев успех достигается воздействием очень слабого звукового раздражителя: белку можно выпугнуть, легко поцарапав по стволу дерева. При использовании собак ценится та, которая, без лая подойдя к дереву и встав передними лапами на его ствол, легонько поскребет когтями. Этого хватает, чтобы белка обнаружила себя движением. Четкая реакция зверька обусловлена, вероятно, тем, что царапанье напоминает звук,

с которым забирается на дерево исконный враг белки — куница. На Алтае местные охотники для выпугивания затаившейся белки используют «фуркапье» — звук, издаваемый при сильном выбросе воздуха сквозь сжатые губы, однако способ этот не всегда результативен.

Поведение белки на дереве зависит от поведения нашедшей ее собаки. Если последняя облаивает спокойно, зверек обычно не пугается и сидит открыто на ветке дерева, а при энергичном, азартном облаивании нередко затаивается в кроне дерева. Белка, облаянная собакой, при подходе охотника затаивается в различных позах. Наиболее часто сидит поперек ветки, сгорбившись и опустив голову вниз, поворачивая ее в сторону, где находится собака. Иногда затаивается, вытянувшись по стволу дерева вниз головой. Если собака «вежлива», белка затаивается примерно в середине кроны. Когда же собака облаивает азартно, белку нужно высматривать в 1,5—2 м от вершины. Если облаивание прекратится и охотник через некоторое время издаст звук «кырр», зверек, заглядывая на него, слегка наклонит голову набок и тем самым выдаст свое местонахождение.

Белки того участка леса, где постоянно проводились испытания собак и регулярно выкладывалась подкормка, при облаивании очень сильно затаивались, и выпугнуть их ударами по стволу не всегда удавалось. Чтобы убедиться, что облаивание не было пустым, приходилось залезать на дерево и в этом случае удавалось зверька спугнуть. Облаиваемая собакой белка иногда начинает уходить ве́рхом, по кронам деревьев. Большей частью она проходит небольшое расстояние, обычно в пределах 30—60 м, но как только доберется до больших деревьев с густой кроной, ее выпугнуть оттуда трудно. Иногда встречается очень прыткий зверек, который быстро уходит ве́рхом деревьев, пробегая с редкими остановками до 500—600 м.

При попытке вытащить белку из дупла рукой она нередко выскакивает наружу, цепляясь при этом за одежду человека. В период беременности самки возбужденно реагируют на каждое беспокойство их в гнезде, выскакивают из него при малейшем шорохе, могут с первого же раза и сменить гнездо. Наблюдали случай, когда белка после того, как ее выпугнули из гайна (там были еще четыре слепых бельчонка, которых человек осмотрел), вернулась с цоканьем из леса минут через пять, долго обнюхивала детенышей, а затем, взяв одного в зубы, унесла в лес. Вскоре она, явившись вновь, утащила второго детеныша, а затем и третьего. Как выяснилось, детей она переносила в дупло недалеко стоящей сухой сосны.

Некоторые белки довольно спокойны и после рождения бельчат сидят в гнезде крепко. В условиях неволи можно снять дуплянку, поставить ее на пол, открыть и потрогать самку, которая большей частью лежит, прижавшись к детенышам. Однако зверек может сделать резкий выпад передними лапками. По наблюдениям Э. Кудрявцевой, при последующих осмотрах растущих бельчат

наиболее спокойные самки сидят рядом с дуплянкой, другие же, более агрессивные, способны подскочить к человеку и ударить его по лицу или рукам передними лапками. Кормящие белки могут таскать бельчат, если те имеют запах постороннего человека, но мирятся с запахом человека, ведущего уход за ними. Потревоженные бельчата мгновенно зарываются в подстилке, в которой имеются ранее сделанные ими «карманы». Примерно с месячного возраста у зверьков появляется оборонительная реакция. С приближением руки человека бельчонок издает характерный крик и хватается за нее лапками.

В темнохвойных лесах упавшая после выстрела белка всегда стремится взобраться снова на дерево и укрыться в его кроне. В лиственничных лесах раненый зверек, сбежав с дерева, иногда скрывается в каменистой россыпи [10]. Если белка после первого выстрела не упала на землю, а, уцепившись лапой, осталась на дереве, последующие выстрелы не производят на нее такого сильного действия, как первый, и, чтобы сбить ее, приходится стрелять несколько раз. Когда на дереве сидят 6—7 белок (это бывает в период гона или во время миграций), падение после выстрела сидящей ниже всех не вызывает беспокойства среди остальных, а если падает верхняя, остальные разбегаются. Писк раненого зверька также поднимает тревогу среди других.

ЛЕТЯГА (Pteromys volans). При ударе по стволу летяга выскакивает из дупла и, немного пробежав по дереву, прижимается к коре, накрывшись хвостом. Если не пугать зверька, он, пробыв в таком положении некоторое время, не торопясь, поднимается выше, к вершине, время от времени делая остановки. Сильно напуганная летяга, выскочив из дупла и взобравшись вверх по стволу, прыгает, распустив перепонки. Планируя, она постепенно снижается к одному из близлежащих деревьев. При посадке зверек хватается не за ветки, а за ствол, и не прямо, а по касательной. Иногда, добравшись до вершины, зверек затаивается, не реагируя даже на летящие в его направлении палки.

В некоторых случаях летяга затаивается в дупле чрезвычайно крепко. Однажды скрывшуюся в дупле от людей летягу не могли выпугнуть ни продолжительным стуком, ни выстрелом из ружья. Был случай, когда она выскочила из поваленной осины лишь тогда, когда дерево стали распиливать на чурбаки. Зверек вскочил одному из пильщиков на колени, а затем вспрыгнул на невысокое дерево и при попытке поймать его быстро убежал.

Согнали с дерева и переловили выбравшихся из дупла молодых летяг быстро. При этом самка пролетала мимо людей, спланировав, прицеплялась к дереву близ земли, взбиралась наверх и снова слетала оттуда; она добегала по ногам человека почти до самых рук, в которых был ее детеныш, и только после пленения стала осторожнее, но все-таки приближалась на 2—3 м. Детеныш подавал голос, и самка долго не отставала от людей, перебираясь с дерева на дерево.

СУСЛИКИ. Суслик, находящийся у норы, с приближением человека встает столбиком и начинает посвистывать, подпустив же его на 10—15 шагов, а иногда и ближе, скрывается в нору. Кормя-

щийся суслик в подобной ситуации убегает к ближайшей норе, у входа останавливается и внимательно наблюдает за развитием событий. При этом он вытягивается, резко подняв голову и хвост. Затем, сделав энергичное движение хвостом вверх, зверек скрывается в норе. Обычно суслик не уходит в глубь норы, а ждет человека, находясь поблизости от входного отверстия. Используя эту способность, предварительно засовывают в нору прут с крючком, с помощью которого нередко извлекают зверька.

Реакция суслика на беспокойство зависит от убежища, в котором он находится. Зверек весьма осторожен при выходе из жилой норы. Из временной же норы, в которую его загнали, он выскакивает через несколько минут после того, как стихнут шаги удаляющегося человека. Срок пребывания суслика во временной норе пропорционален продолжительности шума, произведенного человеком у норы. В отдельных случаях зверьки отсиживаются до 80 мин, а иногда даже прорывают отдельный ход, не попадая в ловушку.

Скорость появления суслика после вливания в его нору воды различна и зависит от глубины норы. Чем она короче, тем быстрее заполняется водой, и это заставляет грызуна покинуть убежище. Обычно суслик появляется через несколько секунд. Он часто моргает, щурится и фыркает, стараясь освободиться от попавшей ему в рот и глаза воды. При извлечении из норы мокрого зверька нужна быстрота и сноровка, так как он кусается. Некоторые особи успевают развернуться задом и, упираясь в стенки норы, сопротивляются — не сдвигаются с места и при новых порциях воды, и при тыкании палкой.

При выливании краснощеких (Citellus erythrogenys) и длиннохвостых сусликов (C. undulatus) в Западной Сибири в зависимости от грунта, влажности почвы и глубины норы требовалось от четверти ведра до 5 ведер. На извлечение одного суслика уходит в среднем 10 мин. Из норы выходят обычно чуть более половины зверьков, остальные отсиживаются в отнорках или во вторых ходах, а некоторые успевают забить проход земляной пробкой, не дающей возможности воде проникнуть вглубь. Наиболее применим способ выливания сусликов по весне, когда земля пропитана влагой.

Суслик-песчаник (C. fulvus) при наполнении норы водой, очевидно, постепенно поднимается к выходу, поскольку его мордочка показывается чаще всего, когда вода поднимется до 20—30 см от выхода. Зверек появляется из норы с поднятой головой, глаза обычно бывают закрыты. Если ловец не успевает схватить зверька, тот вновь уходит в нору. Дополнительное ведро заставляет его появиться снова, но теперь он явно обессилен и не делает попыток сопротивляться, а выбравшись наружу, первое время не пытается бежать. Суслик-песчаник при виде подводы с бочкой воды часто заскакивает во временную неглубокую нору, что облегчает его выливание оттуда.

При раскопке норы суслик стремится уйти, зарываясь в землю,

и закрыть за собой ход. Тонкопалый суслик (Spermophilopsis leptodactylus), почувствовав опасность, так быстро зарывается в песок, что настичь его удается редко.

СУРКИ. При подходе человека эти зверьки оповещают своих сородичей об опасности свистом и скрываются в норах. После ухода человека, посетившего нору, первыми выходят из нее сурки, занимающие более высокое иерархическое положение. Это подтверждают данные лова капканами: в первую очередь в них попадают самцы. Например, при отлове серого сурка в Киргизии в июле 1970 г. из 242 пойманных особей 165 оказались самцами и 77 самками. Интересно, что первый выстрел часто не пугает сурков, и только после второго, а иногда и нескольких оставшиеся в живых зверьки скрываются в норах.

В 1977 г. в первой половине июня сотрудники Карагандинского областного общества охотников отловили путем заливания нор водой 1000 сурков [55]. Сурков, кормящихся далеко от своих нор, вспугивал мотоциклист, двигавшийся впереди бригады ловцов. Зверьки прятались во временные норы. Затем их выгоняли оттуда, используя поливочно-моечную машину; емкости одной автомашины (3,4 м³) хватало на выживание зверьков из 4—6 временных (менее глубоких, чем постоянные) нор. Сурки начинали выходить, когда нора почти полностью заполнялась водой. Из одной норы изгоняли до 10 зверьков. При ловле сурков следует учитывать тот факт, что сеголетки иногда не способны быстро покинуть нору (особенно жилую, глубокую) и погибают. Изгнание сурков из нор водой более или менее эффективно лишь в равнинной местности. В горах при наличии у этих зверьков разветвленных нор, расположенных на разной высоте, им удается находить спасение в отнорках, находящихся выше уровня тех, которые залиты водой.

Попытки изгнания сурков из нор способом выкуривания не всегда успешны. При выкуривании хлорпикрином около 50% зверьков погибают в норах. Затравка нор сурков цианплавом в долине р. Баянкол (Терскей-Алатау) привела к ускоренному «пробкованию» сурками нор и к полному залеганию их в спячку.

При ловле сурков капканами для ускорения выхода зверьков из нор испытывали глиняные шары, смоченные хлорпикрином. При ровном рельефе эффективность возрастала в 2—3 раза, в горах же эффект был незначителен.

Попытка поймать бодрствующего сурка путем раскопки его норы тоже редко кончается успехом.

Четырехчасовое соревнование двух мужчин с лопатами и ведрами (для выбрасывания земли) с зарывающимися сурками Мензбира (Marmota menzbieri) кончилось победой людей лишь благодаря тому, что зверьки наткнулись на слой гравия в земле, который затруднил им дальнейшее рытье. В конце отнорка диаметром 25 см лежали четыре зверька, свернувшись в столь плотный клубок, что извлечь из него первого можно было со значительными усилиями, при этом сурки кусались (Машкин, 1982). Настигнутые в норе человеком, решительно защищаются сурки и других видов.

ХОМЯК (Cricetus cricetus). Выжить его водой из норы труднее, чем суслика. Зверек иногда забивает ход землей, и следующая порция влаги не достигает цели. В период снеготаяния хомяк острее реагирует на холодную воду и быстрее покидает убежище. По мере заполнения норы водой он постепенно продвигается все выше, максимальная задержка происходит перед самым выходом наружу. Учитывая это, ловцы до подачи воды в нору вводят в нее прут с крючком, с помощью которого зверька извлекают наружу, тем самым затрачивая меньше и воды и времени. Первой из норы всегда появляется самка, а за ней детеныши. Устраивая норы, хомяки, по-видимому, могут выносить землю наверх в защечных мешках, так как у некоторых самок, выскакивающих из нор, защечные мешки бывают наполнены землей. Хомяк, изгнанный из своей норы водой, бежит к норе своего соседа — эту особенность охотники используют для поиска следующих нор.

Хомяков можно выгнать из нор и дымом, причем выкуривание их сернистым газом более эффективно, чем хлорпикрином. Однако при накачивании в нору газа зверьки часто затыкают ее изнутри земляной пробкой, что снижает эффективность истребительных работ.

Если в нору ввести длинный гибкий прут, хомяк обнаруживает себя фырканьем и ворчанием, а иногда хватает прут зубами. При раскапывании убежища этот зверек не всегда ожидает развязки, часто, проскользнув между лопатами ловцов, он пытается выбраться наружу.

БОБР. Для регистрации звуков, издаваемых бобрами в их норах и хатках, колышком протыкали отверстие диаметром 3 см, через которое вводили микрофон на расстояние, равное толщине стенки убежища. Наблюдения велись в 7 поселениях на протяжении трех лет подряд. Бобры не реагировали на появление незнакомого предмета в убежище: благополучно выводили потомство и жилых помещений не оставляли (Пукинская, 1981).

Чтобы выпугнуть бобра из норы, достаточно бывает стукнуть палкой в месте предполагаемого логова. Однако некоторые особи затаиваются у выхода из норы, и тогда не помогает и металлический щуп.

При выпугивании обычно первыми покидают норы годовалые звери, а за ними взрослые. Сеголетки ведут себя по-разному: четырехмесячные и пятимесячные бобрята чаще убегают вместе с годовалыми, а совсем маленькие затаиваются и могут остаться незамеченными. Наткнувшись на сачок, бобр нередко кидается обратно в нору.

Бобры, живущие одиночно или пришедшие в новые места, при изгнании из убежища стараются вести себя бесшумно, а напуганные стремглав бросаются в воду и, скрывшись, затихают. Бобры в колонии или имеющие щенят часто ведут себя по-другому. Весной, во время разлива, при осмотре человеком временных убежищ, в которых есть сеголетки, иногда можно видеть ныряющего с шумом вблизи лодки зверя. Известен случай, когда после осмотра убежи-

ща, в котором оставался бобренок, взрослый зверь, выскочивший чуть ранее, подплывал совсем близко к лодке и с шумом нырял. И когда лодка стала отплывать, он сопровождал ее метров сто, продолжая нырять. Шумное нырянне с двойными ударами хвоста о воду наблюдается и в тех случаях, если один из бобров, потревоженный во временном убежище, стремится предупредить остальных членов семьи о приближении опасности. Его сигналы слышны на сотни метров.

При осмотре человеком логова, в котором есть новорожденные, самка неохотно покидает убежище. Бобрята, которых брали в руки, при повторном осмотре логова нередко оказываются мертвыми, а иногда исчезают — видимо, самки переносят их в другое место (Дьяков, 1975). При начавшемся разрушении убежища многие бобры покидают его, уходя в воду.

Когда в раскопках участвует много людей и выходы из нор контролируются, бобр, выйдя из гнездовой камеры, иногда спускается в один из затопленных ходов, но не уходит из норы. Время от времени он высовывает из воды голову, чтобы набрать воздух, и снова погружается, оставаясь незаметным для преследователей. Если закрыты все выходы из норы и началось интенсивное раскапывание и перекрывание отдельных ходов, звери снова уходят в гнездо или забираются в самые отдаленные отнорки и ни на что не реагируют, пока их не откопают, причем могут сидеть там часами и даже сутками. При отлове бобров ловец, забираясь в норы, нередко обнаруживает там зверя, обращенного к нему задом. Это дает возможность хватать его за задние ноги и вытаскивать из норы, чему бобр сопротивляется, цепляясь лапами за землю. Затаившегося бобра удается выгнать лишь хворостиной сквозь прорытую сверху шахту.

Будучи раскопанным, бобр старается спрятать голову в место, куда еще не проник прямой свет. Однако нередко случается, что отдельные особи идут напролом, пытаясь прорваться сквозь поставленные сетчатые сачки или вылезают через прокопанные шурфы на поверхность и обращаются в бегство, а некоторые оказывают сопротивление и даже бросаются на людей. Как и барсуки, бобры привержены к своему жилищу и не покидают его насовсем, когда часть семьи бывает выловлена людьми.

В Волжско-Камском регионе норы, в которых летом отлавливали бобров путем выпугивания через выкопанные сверху колодцы (при условии последующей их заделки), осенью обычно оказывались обитаемыми. Охотно кормятся корой осины, срезанной бобрами, лоси и иногда проваливаются в ходы бобровых нор ногами, однако это не вызывает уход бобров из поселений. При разрушении бобровых плотин звери в первую же ночь приступают к их восстановлению. Иногда возникает своеобразный поединок: люди, которым почему-либо не угоден высокий уровень воды, многократно ломают сооружения бобров, а они каждый раз ремонтируют их. Однако длительного беспокойства они не выдерживают — покидают свои убежища и переходят в новые, часто менее благоприятные, но более спокойные места.

ВОДЯНАЯ КРЫСА. Потревоженный зверек быстро покидает свое убежище и спешит скрыться, ныряя в воду. Плывет он с

открытыми глазами. Удалившись на 3—4 м и вынырнув, затаивается в нанесенном растительном мусоре или у затопленного дерева, выставляя при этом лишь кончик морды. Если опасность миновала, через несколько минут он снова ныряет и возвращается в нору. С приближением охотника водяные крысы, спасающиеся на кустах во время половодья, близко подпускают его, а потом пробуют скрыться среди ветвей и лишь в крайнем случае бросаются в воду и пытаются спастись вплавь. Убитый зверек в воде не тонет. При зажигании травы на островках, не затопленных водой во время половодья, водяные крысы, сидящие в норах, выскакивают из них, как только пройдет пожар,— этим пользуются охотники.

Разрушенную нору водяная крыса перед зимовкой активно восстанавливает. В Новосибирской обл. в местах концентрации зверьков охотники по договоренности с пастухом прогоняли 4—5 раз стадо коров, которые разрушали ходы и «кладовые» крыс, вызывая тем самым их повышенную активность. При подъеме зяби пятикорпусным тракторным плугом в годы высокой численности водяной крысы выпахивается за 8 ч работы до 600 этих грызунов, причем большинство их извлекается последним корпусом плуга.

ТУШКАНЧИКИ. Выливание водой тушканчиков не всегда приносит успех, так как зверек нередко выбирается не через отверстие, залитое водой, где его ждет ловец, а через запасной выход, прикрытый тонким слоем почвы и поэтому незаметный. Во временной норе тушканчик зачастую, оставив открытым наружное отверстие, забивает ход пробкой земли. В этом случае вода наполняет норку, но зверек не появляется. Определить присутствие тушканчика в норе можно, опустив в нее прутик, при этом обычно слышно ворчание зверька.

Гребнепалый тушканчик (Paradipus ctenodactylus) при раскопке его горы старается спастись, зарываясь в глубину, слышатся характерные правильно чередующиеся двойные удары «тук-тук». Песок он роет главным образом передними лапками, очень редко резцами, а отбрасывает его назад длинными задними лапами. Если нору большого тушканчика раскапывать со стороны главного входа, зверек обязательно воспользуется запасным выходом. Чтобы этого не произошло, ловец каблуком затыкает его. Трехпалый карликовый тушканчик (Salpingotus crassicaudata) при раскопке его убежища также почти всегда выскакивает в один из отнорков, доведенный почти до поверхности песка, но оставленный закрытым. Малого тушканчика (Allactaga elater) при раскопке его норы очень редко удается обнаружить в гнезде: зверек уходит из него при первом же появлении опасности.

Изгнанный из норы туркменский тушканчик (Jaculus turkmenicus) обычно отбегает на 200—300 м, быстро выкапывает небольшой поверхностный ход длиной 50—60 см и сразу же закрывает его изнутри земляной пробкой. При попытке вскрыть это временное убежище зверек проламывает тонкую корочку грунта в конце хода и убегает [97].

ДРУГИЕ ГРЫЗУНЫ. У некоторых грызунов при затаивании наблюдается снижение сердечного ритма, у *ондатры*, например, в

1,5—3 раза, до 100—150 ударов в минуту. Это явление возникает на несколько минут в ответ на шорохи вблизи гнезда, топот, появление человека, скота [81]. Запах дыма от зажженного пучка тростника и горящей таблетки сухого спирта, внесенных в хатку ондатры через проделанное отверстие, почти не пугает ее. Из норы зверя выпугивают, стуча палкой по земле. При вскрытии ондатровой хатки ее обитатели стараются уйти в воду, первыми покидают убежище взрослые особи, вторыми молодняк первого помета и последними малые ондатрята. Во время половодья эти животные спасаются на плотиках, сделанных человеком. С его приближением они прыгают в воду, но как только лодка удалится, вновь забираются на спасательный плот.

Любые нарушения своих подземных ходов (образовавшиеся при их раскапывании, в результате выпаса скота и т. д.) *цокор* (Myospalax) быстро забивает землей. Зверек, не доходя до образовавшегося отверстия, нагребает землю и, проталкивая ее перед собой головой, закрывает пролом, а затем уплотняет пробку. Эту особенность поведения цокора используют при его добывании: на расстоянии 1,5—2 м от места вскрытия ставят в подземный ход ловушку; спешащий к месту аварии зверек попадает в нее. Правда, иногда, заделывая отверстие, цокор зарывает и капкан, поэтому применяют и другой способ: делают не одно, а два отверстия и капкан ставят между ними. Осторожно подойтя к первому отверстию и успешно закупорив его, ко второму зверек идет смелее и попадает в ловушку. Из-за сложной и длинной норы ни выкуривание, ни выливание водой цокора не достигают цели. При гололедице зверьки, чтобы не задохнуться под ледяным панцирем, вылезают наружу и беспомощно ползают по льду.

Так же как и другие землерои, *слепыш* (Spalax) следит за исправностью своих подземных коммуникаций и, обнаружив отверстие, забивает его землей. Иногда, прежде чем исправить повреждение, зверек появится в проделанном отверстии, понюхает воздух, высоко подняв голову, а затем исчезнет под землей, чтобы приступить к работе.

Однажды поверхностный ход норы слепыша был перерыт траншеей шириной в 80 см и глубиной в 100 см так, что наружное отверстие хода оказалось в стене канавы на высоте 78 см от ее дна. Зверек стал заделывать отверстие, но выталкиваемая им земля падала на дно ямы. Время от времени слепыш высовывал из норы морду, нюхал воздух и снова продолжал работу. Только после того как траншея была заполнена землей до уровня хода, слепышу удалось заделать его. В течение 55 мин он выбросил более 0.5 м^3 земли. Зверек, занятый закапыванием отверстия, проделанного в его норе, продолжал свою работу даже тогда, когда в него пускали дым от папиросы [72].

Бурундук, сидящий на дереве, дает охотнику возможность надеть на его шею петельку, привязанную к тонкому шесту. Когда петля задевает мордочку зверька, он иногда сам засовывает в нее голову. Можно поймать бурундука небольшим капканом, привязанным к шесту,— зверек не проявляет большого беспокойства, пока самолов не схватит его. Когда бурундук сидит высоко и

человек вынужден лезть на дерево, зверек, как ни странно, чаще всего остается на месте и не пугается. Завидев собаку, он немедленно издает трель и влезает на первое попавшееся дерево. Лезет по стволу и ветвям довольно ловко, но редко забирается высоко (обычно не выше 4—5 м), может быть, потому, что короткие передние ноги при прыжке с большой высоты не могут предохранить его от удара мордочкой о землю. Однако некоторые особи в крупном лесу в ряде случаев залезают довольно высоко, где, прочно уцепившись за ветви, продолжают неподвижно сидеть, несмотря на все попытки сбить их камнем или палкой. При попадании в него он спрыгивает вниз и тут же, понуждаемый собакой, лезет на соседнее дерево или возвращается на старое, или пытается юркнуть в первую попавшуюся норку.

Соня-полчок (Glis glis) забирается в дупла деревьев, и нередко там собирается по многу особей. Если потревожить их, засунув внутрь палочку, зверьки по одному начинают осторожно выбираться наружу, показывая сначала головку. Потревоженная в гнезде, соня-полчок бежит вверх по дереву, а *лесная соня* (Dryomys nitedula) спрыгивает на землю и быстро скрывается. При прыжке она распластывает лапы, вытягивает хвост и летит вниз немного наклонно, приземляясь на все четыре лапы. Голые и слепые новорожденные лесной сони при осмотре гнезда и при взвешивании всегда мелодично пищат.

Дикобраз при выкуривании его из норы пытается преградить доступ дыму, нагребая в проход землю. Наблюдали, как дым от костра, разложенного у входа, уходил внутрь норы. Через час обнаружилось, что два дикобраза, сидевшие в убежище, нагребли в нору в 2 м от входа земляной вал, недостававший до верхнего свода всего лишь 15 см, тогда как диаметр норы был 0,5 м. Звери были живы, о чем свидетельствовали сопение и чиханье, глухо слышимые из глубины норы. Дикобразы не покинули убежища и в течение последующих 10 ч наблюдений за ними.

Если выкопать из норы взрослую песчанку, то через некоторое время из неразрушенной части начинают выглядывать и тут же выскакивать молодые зверьки. *Большая песчанка* (Rhombomys opimus), будучи побеспокоена или спасая детенышей от эктопаразитов, иногда перетаскивает их из одних нор в другие.

ВЫХУХОЛЬ (Desmana moschata). Чаще всего она сидит в норе крепко. Известен случай, когда зверек выскочил лишь при полной раскопке его убежища. Иногда же, наоборот, выхухоль чутка и покидает нору с приближением к ней человека или после нескольких ударов колотушкой по земле. При выстукивании выхухолевой норы первым из нее всегда выбегает самец. Если выстукивание прекратить, затаившаяся самка может не выйти, но при настойчивом выстукивании она появляется вслед за самцом. Когда в норе находится целый выводок, молодые зверьки выскакивают одновременно со старым самцом, старая же самка выходит и в этом случае позднее, выдерживая выстукивание в течение нескольких минут. Иногда в норе оказывается до 8 особей. Если перед входом

в нору поставить сачок, зверьки попадут в него. Легко выгнать выхухоль из норы дымом.

КРОТ (Talpa europaea). При нарушении части кротового хода зверек в скором времени прибегает для его восстановления. На этом основан один из способов отлова крота: возле затоптанного участка кротового хода втыкают лопатку и, как только зверек приблизится (что видно по приподнимающейся земле), выбрасывают его наружу. При раскапывании гнезда самка крота, не обращая внимания на человека, хватает зубами детенышей и растаскивает их в неразрушенные ходы, прячет в рыхлую землю.

КОПЫТНЫЕ ЗВЕРИ. Площадка, где встает на отстой *кабарга*, зачастую не превышает размера варежки и к тому же имеет наклон. Поэтому зверю приходится стоять, сильно наклонившись головой вниз и, чтобы сохранить равновесие, приседать на задние ноги.

Облаивающая кабаргу собака находится зачастую в 2—3 м от нее, но не пытается схватить зверя (такая попытка наверняка кончилась бы падением пса со скалы). Кабарга, несмотря на беснование врага, не проявляет никаких признаков волнения и стоит, не шелохнувшись, лишь изредка быстро поворачивает голову в сторону переместившейся собаки или подошедшего охотника.

В теплую безветренную погоду осажденный врагами зверь может стоять на отстое, не падая с него, сутки и даже двое. Иногда, встав на отстой, убегает с него, если собака зазевается. При отлове кабарги на отстое иногда касаются и даже ударяют ее удилищем, на которое привязана петля, и все же зверь не решается прыгнуть с утеса. При определенной сноровке удается надеть кабарге на шею веревочную петлю и с ее помощью снять животное со скалы, но редко удается подойти к нему на столь близкое расстояние.

Отстои *изюбров* в отличие от отстоев кабарги не всегда бывают недоступны для собак и волков. Встав на изолированную площадку в скалах, изюбр активно обороняется от врагов, пытающихся проникнуть к нему через узкий перешеек, по которому проник сюда он сам. Мне пришлось наблюдать, как сопротивлялся собакам вставший на отстой молодой бык без отростков на рогах. Площадка, на которую он забрался, была меньше 1 м. Двум собакам удалось подобраться почти вплотную к зверю. Разъяренные, они кидались на него, стараясь вцепиться зубами в морду. Бык вставал на задние ноги, пытаясь передними ударить собак, а промахнувшись, нагибал голову, стремясь подцепить врага рогом. Иногда на отстои встают сразу по нескольку изюбров. Если на отстой становится самка с теленком, последний находится позади нее у края обрыва и чаще всего лежит. В Забайкалье охотничьи собаки зачастую сами добывают себе пропитание, уходя из дому на несколько дней и возвращаются домой сытые, с раздувшимися животами от парного мяса. Тактика их такая же, как у волков,— загнать изюбра на отстой и ждать, пока он не замерзнет или голод не вынудит его рискнуть прорваться через кольцо врагов. Наблюдали, как самка марала, ушедшая на отстой, при близком подходе

к ней собаки прижимала уши, сильно топала ногами, бросалась на нее, гнала 15—20 м, а затем вновь возвращалась на отстой [95].

Обычно *лось*, останавливаясь на отдых, ложится головой по ходу предшествовавшего движения, но, потревоженный преследованием, ложится головой под ветер, где-нибудь на возвышенном месте, иногда за выворотом или у дерева. В тихую морозную погоду он обнаруживает опасность за 100—200 м и более. Поднявшись с лежки, этот зверь обычно стоит несколько секунд неподвижно, пытаясь сориентироваться в отношении опасности, и лишь затем убегает. Предельное расстояние, на которое лоси подпускают человека: лосиха с плохо передвигающимся детенышем — на 45—60 м, взрослый самец с рогами «в бархате» — на 30—35, самец перед гоном в августе — на 20—27, самки и самцы в период гона — на 3—5, а осенью в открытое для охоты время — на 60—90 м (Филонов, 1983).

С приближением человека лосиха редко пытается защищать своего новорожденного детеныша, чаще покидает его. Иногда она проявляет признаки беспокойства. Наблюдали, как с подходом людей самка, нервно потоптавшись возле лосенка, подошла на несколько метров к ним. Ноздри ее раздувались, бока ходили, как меха, голова была высоко поднята. Затем самка отошла к лесу и оттуда наблюдала за людьми, которые вплотную приблизились к еле двигавшемуся однодневному или двухдневному лосенку.

Лосиха с лосенком, застигнутая половодьем на островке суши, с приближением человека испуганно шарахнулась в воду, а вслед за ней зашел по горло и беспомощный детеныш.

Реакция на беспокойство у *кабанов* в своем убежище зависит от защитных свойств последнего. В Закавказье излюбленным местопребыванием этих зверей служат заросли колючих кустарников лавровишни, ежевики и других растений, а также непролазные камыши на болотах. В этих крепях собирается много кабанов, но выгнать их оттуда чрезвычайно трудно. Крики охотников, лай собак не пугают зверей, и они лежат, не убегая, иногда в нескольких метрах от вооруженных людей.

Если кабаны не подвергаются регулярным преследованиям, то стадо, распуганное во время облавной охоты, быстро возвращается к местам своих постоянных укрытий. На лежках звери не всегда соблюдают тишину, но при своевременном обнаружении опасности кабан может передвигаться бесшумно, скрываясь от человека без единого шороха. Степень настороженности характеризуется положением хвоста. В спокойном состоянии зверь держит его опущенным, а при тревоге — горизонтально. Если кабаны замерли на месте и начали постепенно поднимать хвосты вверх, это значит, что через несколько секунд стадо обратится в бегство. Особенно осторожны и пугливы одиночные молодые особи, отбившиеся от табуна.

Перед родами самка устраивает гнездо, состоящее из углубления и крыши из наломанных в ближайшей округе веток и молодых деревцев. Если оно сделано заранее и на нем случайно побы-

вал человак, потрогав руками крышу, свиньи бросают укрытие. Маленькие поросята, оставленные в гнезде самкой на время поиска пищи, при поднимании навеса продолжают лежать, закрыв глаза, и не пытаются убежать, даже если их берут в руки. Однако на четвертый — пятый день после рождения, заметив человека, они уже выскакивают из-под крыши и стараются спрятаться под валежником (Бромлей, 1964).

Кабаны наиболее активно охраняют тот участок, где они отдыхают и выращивают потомство. При появлении человека на таком участке в гурте кабанов наблюдаются последовательные действия, направленные на оповещение об опасности, организацию обороны, выявление намерений человека и запугивание его вожаком, увод стада. На «чужих» участках стадо лишь собирается в компактную группу и уходит [47]. Когда человек приближается к гнезду кабанов, самка чаще всего покидает детенышей и тихо уходит, стараясь отвлечь человека. Иногда она подбегает к нему на близкое расстояние, издавая особые звуки, но бросается на человека редко.

При появлении людей в районе кабаньего гнезда секач демонстрирует угрозу: морда низко опущена, уши прижаты, загривок вздыблен, изо рта капает пена. Зверь ходит вокруг человека, постепенно приближаясь к нему и выбирает момент для нападения. Последнее не обязательно и зависит от многих причин, определяется рядом факторов, но в случае бегства человека секач устремляется за ним и может, догнав, атаковать. Если человек остается неподвижным, кабан чаще отступает. В некоторых случаях, отступив, он затаивается, находясь поблизости, и, выбрав момент, внезапно атакует: мчится к человеку, но, подбежав на 10—15 м, сворачивает в сторону и снова удаляется. При появлении в районе гнезда двух и более человек звери могут разбежаться, остаются лишь секач и затаившиеся поросята. Через некоторое время малыши разбегаются, а секач, показавшись, исчезает в зарослях.

* * *

Колониальные животные, например, сурки, суслики, при подходе к норе человека издают звуковые и зрительные сигналы, сообщая сородичам об опасности. Очень многим животным свойственно после посещения человеком их логова перетаскивать или переводить щенков в новое убежище. Среди них мы видим волка, лисицу, медведей, барсука, росомаху, норок, горностая, белку, большую песчанку и др. Дальность переноса пропорциональна размеру зверей. Как отмечалось, волки могут переносить детей на расстояние 10 км и более, а лисицы и росомаха до 4 км. Активная защита (от человека) проявляется у родителей редко, чаще зверь ограничивается угрозами. Устрашающие действия свойственны, например, кабану. Нападения на разорителя единичны. Более или менее последовательны в этом отношении самки медведей. Месть за унесенных детей свойственна только волкам, но и у них она проявляется весьма редко.

Некоторые звери, например песцы, пытаются отвлечь, отвести человека от логова, гнезда. При разрушении гнезда мелкие зверьки (горностаи, кроты, песчанки и др.) нередко на глазах человека

пытаются перетаскивать и прятать своих детенышей. Попытку сохранить щенят чаще делают животные, силы которых несоизмеримы с силами человека, однако отчаянная храбрость имеет в ряде случаев положительный результат: не столько напуганный, сколько пораженный и восхищенный безрассудной смелостью маленького зверька человек оставляет свои намерения.

Запах, наносимый человеком при взятии в руки найденного звереныша, нередко служит причиной неприятия его родителями и даже гибели. Поведение детенышей в гнезде при посещении его человеком зависит от их возраста. Наиболее характерные поведенческие реакции — укрытие в убежищах и затаивание. Повзрослевшие детеныши иногда затаиваются, предварительно разбежавшись. Щенки некоторых животных пытаются защищаться уже в раннем возрасте.

Реакция зверя на внесенный в его убежище посторонний предмет зависит от «поведения» этого предмета, размера, запаха, от сопровождающих его явлений. Движущийся объект вызывает ответные действия. Неравномерное движение усиливает реакцию. Схватывание зубами прута, засунутого в нору, свойственно почти всем хищникам, а также грызунам, отличающимся агрессивностью, например хомякам. У ряда животных введение прута вызывает голосовые реакции угрожающего характера, не сопровождающиеся агрессивными действиями. Извлечение из убежища животных, вцепившихся во внесенный предмет, удается главным образом в отношении некоторых зверьков семейства куньих. Небольшие размеры этих хищников, ограниченные силы и частые нападения на жертву крупнее себя делают «мертвую хватку» для них жизненно необходимой.

Если животному наносят каким-то предметом удары и толчки, то поведение зверя во многом зависит от размеров и конфигурации убежища, определяющих возможности уклонения от этих воздействий. Надевание палкой петли на зверя, находящегося в убежище, вызывает у него, и это относится к большинству видов, отрицательную реакцию, затрудняющую это действие. Успешнее данная операция удается в отношении бурундуков и других грызунов и менее эффективна в отношении хищников. Внесение предмета, не сопровождающееся дополнительными, вызывающими страх действиями, не вызывает ухода животного из убежища. Однако осторожные звери, например волк и лисица, при внесении посторонних предметов, особенно обладающих сильным специфическим запахом, покидают логово.

Для мелких зверей семейства куньих (колонков, хорьков, горностаев) свойственна защита от собаки своего убежища и потомства, находящегося в нем, путем демонстрации агрессивных действий, «стрекотания» и выбрызгивания содержимого прианальных желез, имеющего неприятный резкий запах. Отгоняя собаку угрожающими звуками и выпадами, зверек, однако, решается на схватку с врагом лишь в безвыходной ситуации, при непосредственной опасности для собственной жизни или своего потомства.

Зверь, преследуемый собакой в норе, обычно использует различные тактики: обороняется на одном месте, маневрирует, перемещается по ходам, закапывается в землю или выскакивает наружу. Выход из норы может быть осторожным или стремительным в зависимости от напора собаки. Обороняясь в осажденном убежище или пытаясь убежать из него, животное действует в соответствии со своими анатомическими особенностями и физическими возможностями. Обладая необычайно сильной мускулатурой, вомбат (Vombatus ursinus)—зверь из отряда сумчатых, резко упираясь короткими лапами в стену, с силой прижимает спиной собачью голову к потолку или противоположной стене, при этом нередко ломаются у собаки челюсти [15].

Находясь в осажденном убежище, зверь в ряде случаев предпочитает многие дни голодать, чем попытаться вырваться. Крайний случай — надвигающаяся гибель от истощения — заставляет зверя выйти из укрытия. Сроки пребывания в норе достигают полумесяца и более.

Эффект выпугивания зверька из убежища ударами по дереву пропорционален силе удара. Чем толще и выше дерево, тем хуже результат. Поведение зверьков различных видов при выживании их водой зависит от ряда факторов: глубины и степени разветвления нор, водопроницаемости и влажности грунта. Из временных, более мелких нор зверька выгоняют с меньшими затратами воды и времени. Обычно он постепенно продвигается к выходу норы по мере заполнения ее водой. Выливание водой и выкуривание как способы изгнания из нор диких животных все же малоэффективны: до 50% зверей не покидают нору. Спасаясь от воды и дыма, многие животные (суслики, барсуки, сурки и др.) прибегают к затыканию норы земляной пробкой или задней частью тела — эти приемы в ряде случаев приводят к спасению. Возможно, они выработались у вида в связи с проникновением в убежища воды при таянии снега, а дыма — при лесных и степных пожарах.

Зверям-землероям (в частности, цокорам, слепышам, кротам) свойственно стремление незамедлительно устранять повреждения, наносимые их подземным коммуникациям. Они осуществляют ремонт, даже если это связано с большими затратами энергии. Проникновение света в разрушаемое убежище заставляет многих животных, не решившихся на прорыв или агрессию, уходить в темноту или в тупике спрятать голову в темное место, повернуться к врагу задом. Падение вместе с поваленным деревом почти никогда не наносит зверю увечья.

Существующие способы изгнания зверя из убежища основаны на разных принципах: создания в норе дискомфорта и условий, препятствующих нормальной жизнедеятельности (выливание, выкуривание, газация); выпугивания, т. е. использования оборонительной реакции (сотрясение убежища, громкий звук, внесение постороннего предмета); использования ориентировочно-исследовательского рефлекса, любопытства (когда зверь добровольно покидает убежище); применения длительной осады, влекущей за собой

чувства голода и жажды; разрушения убежища, а также применения силы (когда зверь извлекается из норы собакой или человеком, иногда с помощью предмета, облегчающего схватывание животного).

Применение каждого способа (кроме использования любопытства) влечет за собой стрессовую реакцию, сдвиг физиологических показателей, приводящих иногда к шоковому состоянию и даже смертельному исходу. Интересно, что физиологическая реакция животного на беспокойство, пугающие стимулы в убежище и вблизи него может отличаться от реакции, наблюдаемой у зверька в неволе. Например, у сурков, находящихся в норе или возле нее, лай собаки или крик человека, радио или звук горна вызывали брадикардию — замедление работы сердца (пульс становился реже). У сурков, находящихся в клетке, данные раздражители вызывали обратную реакцию — тахикардию, т. е. учащение пульса [213]. Следует учитывать, что жизнь дикого зверя постоянно связана с опасностью, борьбой и стрессовые воздействия являются для них естественными. Поэтому хозяйственно оправданное беспокойство зверей в убежище (с целью отлова, переселения и т. д.) не должно быть исключено из арсенала биотехника.

Эффективность способов выпугивания зверей из убежища зачастую определяет степень их соответствия естественным экологическим раздражителям. Иногда имеют успех воздействия, ничтожные по своей разрушительной силе или вообще не имеющие таковой. Нередко животных изгоняют из убежища не сильные и резкие звуки, а тихие, имитирующие царапанье когтей, шипение змеи и другие подобные сигналы животного происхождения. Жердь, засунутая в берлогу, оказывается неэффективной, а палочка, пахнущая слюной человека, заставляет медведя выдать свое присутствие. Порой резкий выдох в нору оказывается более результативным, чем громкая речь или даже выстрел. Возможно, фырканье, уханье, шипение являются филогенетически более древними сигналами тревоги и угрозы и более свойственны млекопитающим, чем крики.

Известен случай, когда соболь, загнанный человеком и собакой на сухой кедр, вдруг стремглав винтообразно спустился вниз, и в это же время большой ястреб рванулся вверх, уселся на дерево, а затем перелетел на соседний пень. Видимо, страх перед хищной птицей заслонил страх перед собакой и человеком.

Всякий зверь, загнанный на дерево, большее внимание обращает на собаку, а не на человека. Очевидно, в процессе филогенеза инстинктивный страх перед хищником сформировался раньше. Человек — сравнительно недавнее явление в природе, и реакция на него, возможно, еще не сделалась наследственной. Экологически адекватные раздражители — не использованный полностью резерв средств управления поведением животных.

При беспокойстве зверей в убежище следует учитывать их видовые особенности. Барсуки и еноты-полоскуны служат примером стойкости в этом отношении. Упорнее держатся животные в убе-

жищах, которые наиболее прочны и надежны. В то же время дупла, в которых спасаются полоскуны, не прочнее дупел, в которых прячутся соболи, куницы и другие звери, однако еноты более непреклонны. С видовыми особенностями связано и противостояние зверей отдельным видам беспокойства. Способ выкуривания, например, наиболее успешно используется в отношении соболя и хомяков, тогда как для других видов он в большинстве случаев малоэффективен. Кошачьи, по-видимому, чувствительны к сотрясению убежища, сопровождаемому звуком. Внесение посторонних запахов в логово особенно эффективно по отношению к волку и лисице — видам, имеющим чуткое обоняние и повышенную осторожность. Бобр не делает попыток выскочить в прокопанный над гнездом шурф, тогда как барсук, например, часто прибегает к этому пути, ища спасения.

Стойкость вида к тому или иному способу выживания его из убежища сочетается со стойкостью и к другим способам. Различия в поведении при беспокойстве в убежище свойственны даже близким видам. Например, соня-полчок, потревоженная в гнезде, бежит вверх по стволу, а лесная соня прыгает вниз. Соболь, выскакивая из дупла, стремится чаще всего, если к тому нет препятствий, убежать по земле, лесная же куница, покидая дупло, взбирается обычно по дереву и при опасной ситуации уходит ве́рхом.

Последовательность выхода животных разных половозрастных групп при выпугивании их из норы тоже связана, по-видимому, с видовыми особенностями.

При проникновении в нору собаки молодые лисицы в сравнении со взрослыми менее стойки. У ондатры же из убежища сначала выходят, как уже говорилось, взрослые зверьки, потом молодняк первого помета и последними малые ондатрята. При вливании воды в норы сусликов первыми тоже выходят взрослые зверьки. Очевидно, действия молодняка определяются степенью физических сил, т. е. степенью повзросления. У выхухоли первым покидает убежище самец, затем молодняк и последней самка. У соболей также активнее самец, самка же склонна к затаиванию, однако в период размножения соболюшка в осажденном убежище ведет себя более нервно, чем соболь. Фрагментарность имеющихся наблюдений не дает возможность сделать определенные выводы. Но можно полагать, что первоочередной выход взрослых самцов характерен для большинства видов.

В поведении животных, выживаемых человеком из убежища, наблюдается и значительная индивидуальная изменчивость. Прослеживаются все варианты тактики: от немедленного побега до упорства смертника. Это связано с тем, что большинство используемых воздействий экологически не адекватно, и у зверей не выработалось в процессе эволюции инстинктивной биологически целесообразной реакции. Ни резкое сотрясение, ни посторонний предмет, вводимый в нору, и многие другие применяемые воздействия не характерны для естественных коллизий. Реакция же с использованием рассудочных способностей, сообразительности затруднена сложностью складывающихся ситуаций. Любой избранный вариант спасательных действий связан с риском, и результат

его труднопрогнозируем. Попытка неожиданного стремительного побега из осажденного убежища может принести как спасение, так и смерть. Упорное затаивание в надежной норе часто сулит свободу, когда у врага не хватает сил или терпения.

Поведение животных, выживаемых из убежища, в значительной степени зависит от того, насколько убежище может служить крепостью. Если нора капитальна, выкопана в каменистом грунте, имеет многочисленные ходы на различных уровнях, то изгнать зверя из нее чрезвычайно трудно. Выгнать каменную куницу из дупла значительно проще, чем из каменистых россыпей или расщелины скал. В эфемерном убежище изгоняемый зверь не упорствует. Если грунт мягок, сурок, суслик или барсук закапываются глубже, при твердом же грунте такие попытки ими не предпринимаются.

Находясь в разрушаемой норе и при беспокойстве иного рода, звери ведут себя в отношении человека и собаки более решительно и смело, чем вне укрытия. Временное или чужое укрытие покидается ими быстрее, чем собственное, постоянное. Во временной норе зверек сидит после ухода человека не столь долго, как в жилой. Животные-новоселы при выживании их покидают убежище быстрее, чем аборигены. Но звери, которым несвойственно использование убежища, забравшись в случайное укрытие или чужую нору, сидят в ней прочно. Примером могут служить зайцы русаки и беляки, при случае скрывающиеся в подснежных пустотах. Понимание спасительности убежища доступно, по-видимому, и животным тех видов, которым вообще несвойственно использование его.

Существенным фактором, определяющим поведение зверя при его выживании из убежища, является исходное эмоциональное состояние. Если зверь был предварительно напуган или преследуем собакой, он особенно упорствует. Скрывшаяся в норе раненая особь не расстается с ней до последнего. Время пребывания в убежище зверя в основном пропорционально продолжительности испугавшего его шума, силе пугающих воздействий. Глубина ухода в нору тоже зависит от степени испуга. Если зверь решился выбраться из осажденного убежища, но, не прорвавшись, успел вторично скрыться в норе, все последующие попытки изгнать его оттуда бесполезны.

Реакция зверей на выпугивание из убежища и степень затаивания в нем колеблются по годам. При высокой численности зверьки обычно ведут себя менее осторожно, а при низкой наблюдается обратное явление, например, белкам затаивание в такое время более свойственно. Поведение зависит и от количества зверьков в убежище, одиночные звери более осторожны.

Использование убежища для спасения от врага колеблется по сезонам. Из 40 найденных летом с помощью собаки соболей ни один не был загнан в убежище, а осенью каждый десятый соболь был добыт из дупла. Чем ближе к зиме, тем выше процент обнаруженных в дупле соболей. Это связано, очевидно, с тем, что зимой у

соболя понижается активность, тогда как летом он возбужден в связи с гоном (Раевский, 1947).

Выживаемый зверь покидает убежище, учитывая защитные свойства биотопа. Полуводные животные уходят в воду, и поведение их при этом зависит еще от уровня воды. Если водоем глубок, бобр легче покидает нору, чем когда он мелок: в мелководье зверь, убежав, имеет мало шансов остаться незамеченным. Белка, спасаясь от преследования собакой на дереве, упорно сидит на нем, если оно оказалось старым кедром, и быстро уходит с легко просматриваемой лиственницы или сушины.

Возврат в разрушенную нору изгнанных обитателей зависит от степени ее разрушения. Повреждение нежилых сооружений зверей (например, бобровых плотин) не вызывает у них особого усиления осторожности. Некоторые животные проявляют значительную консервативность в пользовании логовом, например бобры, барсуки, волки. Если в отношении барсуков и бобров можно предположить, что это связано с прочностью и надежностью убежищ, то к поведению волков это объяснение не подходит. У них многократный вывод щенков в одном и том же логове, несмотря на регулярные разорения их человеком, связан, видимо, с дефицитом подходящих для этого укромных мест.

У диких животных прослеживаются два противоположных направления адаптаций, позволяющих спастись при нападении врага. Они имеют место и в поведении зверей, выживаемых из убежища. Первый путь — оказание сопротивления, т. е. активный путь борьбы. Второй путь имеет противоположный характер и заключается в снижении сопротивления до впадения в каталептическое состояние, что снижает агрессивность врага и в ряде случаев также позволяет сохранить жизнь. Если адаптации первого направления широко распространены, то приспособления противоположного характера встречаются редко. Примером их может служить поведение енотовидной собаки и корсака.

Как отмечалось, корсак почти не оказывает сопротивления при извлечении его из раскопанной норы, а отдельные особи выглядят при этом мертвыми. Возможно, этот зверек может впадать в сон, сходный со сном енотовидной собаки. В литературе нет сведений об этом. Однако во время наблюдений на биостанции ВНИИОЗ, проводившихся нами совместно с Ю. С. Заболотских, мы столкнулись с интересным фактом, подтверждающим данное предположение. Начиная с октября у корсака наблюдался резкий спад активности. В последний месяц года он проводил большую часть времени в норе и почти не притрагивался к корму. Показавшись 18 декабря на несколько минут из норы, зверек ушел в нее и не подавал никаких признаков жизни более трех месяцев и лишь 26 марта вышел оттуда. Прожить без пищи такой длительный срок, не впадая в сон, было невозможно. Пассивное отношение зверя к беспокойству в убежище, заторможенность, возможно, имеют отношение к способности впадать в сон и каталептическое состояние.

Поведенческие адаптации некоторых видов зверей основаны на использовании непрочности их убежищ. Например, у многих тушканчиков, как отмечалось, конец норы или одного из отнорков близко подходит к поверхности земли и при опасности зверек,

проламывая тонкую корочку почвы над головой, выскакивает наружу там, где его не ожидает враг. Эффект неожиданности способствует спасению беглеца. Суслик-песчаник быстро зарывается в глубь песчаной почвы, что нередко спасает его от преследователей.

Даже осторожное посещение во время половодья островов, на которых концентрируются спасающиеся животные, приводит к тому, что многие из них уплывают и гибнут в воде, не достигнув суши. Работы по снятию зверьков имеют смысл лишь при их умелом исполнении и высокой организации в годы особенно сильных разливов.

Зверь одного и того же вида ведет себя по-разному в зависимости от защитных свойств укрытий. Находясь на отстое, животное, возможно, понимает, что падение со скалы влечет за собой гибель и поэтому позволяет чуть ли не вплотную приближаться собаке или надевать на себя петлю, хотя в другой ситуации эти действия врагов вызвали бы у него паническую реакцию. Таким образом, животные способны дифференцировать степень опасности.

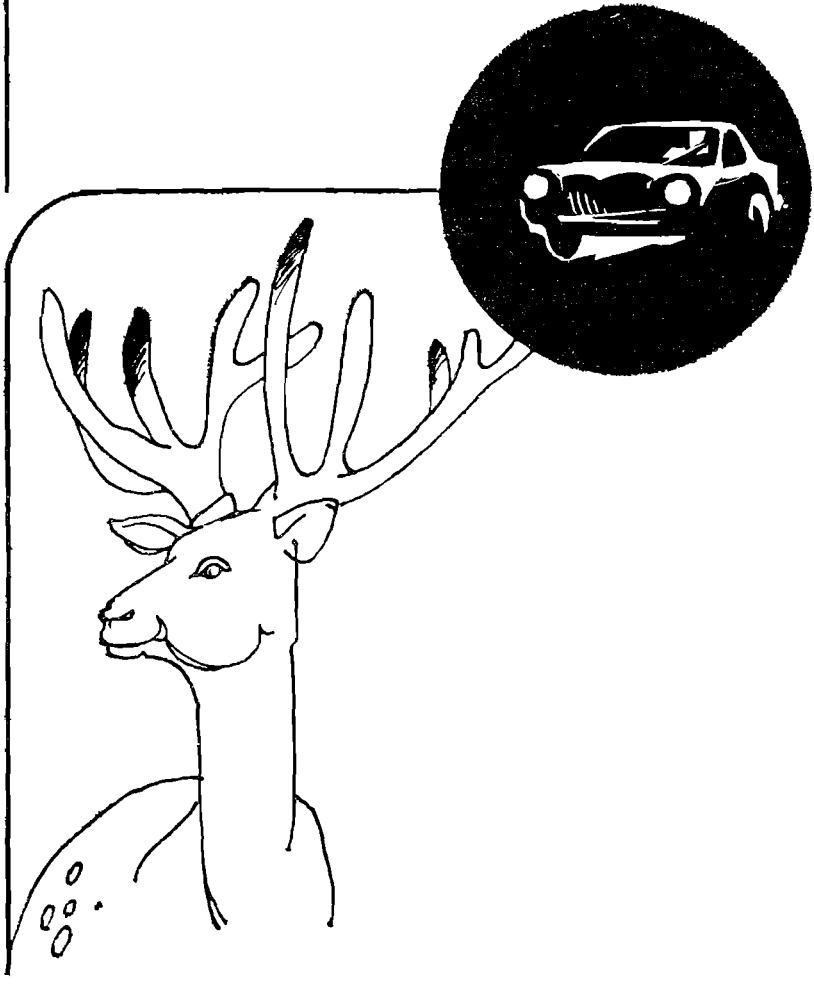
Выглядывая из убежища, зверек имеет возможность уловить обстановку и ведет себя в соответствии с ней. Двух собак соболь боится больше, чем одну, человека боится меньше собаки. В животном заложена способность правильно оценивать поведение своего врага. Зверь улавливает, видят его или нет, сосредоточен противник или отвлекся. Чаще всего побеги из убежища осуществляются именно в эти мгновения, исчисляемые секундами. Затаившийся зверь недвижим, пока его глаза не встретились с глазами врага. Очевидно, животные усвоили эмпирическое правило: пока мои глаза не встретились с глазами врага, есть надежда, что я останусь незамеченным.

Попадая в критическое положение, звери большинства видов предпринимают отчаянную попытку спастись, когда становится ясным (очевидно, и для зверя тоже), что дальнейшая пассивность бесполезна, и пытаются прорваться сквозь окружение. Действия зверя, покинувшего осажденное убежище, почти всегда целесообразны, способствуют его спасению и направлены на исчезновение или укрытие в другом убежище. Если ход в нору засыпан снегом или землей, животное не роет новый ход, а раскапывает имеющийся.

Некоторые особенности поведения зверя, осажденного в убежище, позволяют предполагать наличие у него некой сообразительности. Особенно часто она может усматриваться в наиболее экстремальных условиях, когда спасение жизни зависит от единственного правильного действия и зверька от поимки или гибели отделяют минуты или секунды. Возможно, именно в таких критических ситуациях возникает обострение рассудочной деятельности. Именно перипетии непосредственной, конкретной борьбы служат катализатором разумного поведения.

3

ПОВЕДЕНИЕ ПРЕСЛЕДУЕМОГО ЗВЕРЯ



Цели преследования зверя могут быть различными: догнать, чтобы поймать живым или застрелить, сделать с него фотоснимок, обессилить животное или поставить в условия, исключающие эффективное сопротивление, а затем окольцевать его. Преследуют, чтобы направить стадо или отдельную особь к определенному месту. Натуралист занимается троплением (что нередко представляет собой преследование в медленном темпе) с целью исследовать поведение и образ жизни зверя, а иногда, чтобы приучить к себе и тем самым облегчить дальнейшие наблюдения. Подчас преследуют стадо, чтобы сосчитать в нем количество особей. Иногда преследование возникает случайно: при совпадении направлений движения животного и транспортного средства, при одновременном использовании дороги. В зависимости от этих целей и от особенностей поведения животного преследование может вестись пешком, на лошади, с использованием собаки, автомобиля, самолета или моторной лодки и других средств передвижения.

Независимо от целей и способов существо преследования остается тем же. Большей частью это погоня. В. И. Даль дает следующее определение данному слову: «гоньба вслед за кем-то, для догнанья, для настиженья, для поимки». В нашем случае преследование и погоню не всегда представляется возможным разделить: темп движения преследователя не может быть четким признаком, поскольку скоростные возможности и выносливость зверей различны. Поэтому слова «преследование» и «погоня» мы употребляем в качестве синонимов.

Если существо преследования всегда остается единым, то его характер может быть разным в зависимости от способа реализации. Например, различна скорость погони (всадник движется быстрее человека на лыжах, а самолет — автомобиля), есть разница и в способности преодолевать препятствия (пеший человек может двигаться, как и зверь, по бездорожью, для лыжника глубокий снег не препятствие).

Повадки зверей, преследуемых разными способами, имеют не только сходство, но и существенные различия. Например, реакции на автомобиль и самолет неоднозначны, так же как отношение зверя к собаке и человеку. Знание различий важно в практической деятельности людей, имеющих дело с дикими животными, поэтому мы рассматриваем поведение зверей, разделяя его в зависимости от метода преследования.

РЕАКЦИЯ ЗВЕРЕЙ НА СРЕДСТВА СУХОПУТНОГО ТРАНСПОРТА

К сухопутному транспорту мы относим (применительно к нашей теме) легковые и грузовые автомобили, мотоциклы, вездеходы, снегоходы и аэросани, а также сельскохозяйственные машины, мотовозы и паровозы. Кроме поведения зверей во время преследования и их реакции на сухопутный транспорт, мы рассматриваем также влияние на эти показатели некоторых факторов

(биоритмов, эмоционального состояния, возраста, половой и видовой принадлежности диких животных, ландшафта и т. д.), эволюцию и характер отношения зверей к тому или иному виду транспорта, их естественные повадки и поведенческие адаптации.

МЕДВЕДИ. Как правило, бурые медведи избегают встреч с автомашинами. Расследование случая наезда «Москвича» на этого зверя, происшедшего в Ленинградской обл., показало, что медведь долго ждал, когда прервется поток машин, прежде чем решился пересечь шоссе, поскольку его следы у дороги были глубокими, а земля основательно утрамбована.

Однако немало примеров, когда медведи бесстрашно относились к средствам моторизованного транспорта и даже вели себя по отношению к нему агрессивно. Во время прокладки дороги в Магаданской обл. в середине 70-х годов медведи иногда сопровождали работающие автогрейдеры и бульдозеры. Можно было встретить медвежонка, расположившегося на обочине и наблюдавшего за дорожными работами.

Подъехав утром, дорожники однажды обнаружили медвежонка, сидевшего на гусенице бульдозера и пытавшегося крутить заводную ручку. В Сельпинском лесничестве Кировской обл. лесники встретили медведя, попавшего в волчью петлю, затянувшуюся посредине его туловища. Подогнали трактор ТДТ-40, сбросили щит и им оттеснили зверя, а затем перекусили стальной трос петли. Медведь, обретя свободу, не уходил. Когда тракторист снова включил заднюю скорость, чтобы попугать зверя, тот проворно забрался на щит, норовя добраться до заднего окошка кабины, в которой находились люди. Тракторист сбросил щит вместе с медведем на землю. Однако спустя минуту зверь снова забрался на трактор, и пришлось вторично сбросить его. Ухватившись передними лапами за щит, он шел еще за трактором с десяток метров и лишь затем выскочил на дорогу и скрылся в лесу.

В Тюменской обл. медведь, выйдя на овсяное поле, бросился на работавший там комбайн и повредил жатку.

Оголодавшие медведи-шатуны ближе к зиме сильнее ожесточаются и преследуют все, что движется. На БАМе наблюдали случай нападения зверя на работавший трактор, а на Памире — на автомобиль ГАЗ-63. Маньчжурский бурый медведь иногда остервенело бросается на проходящие автомашины. На Южном Алтае была обнаружена медвежья берлога, находившаяся в километре от лесоучастка, где постоянно работали тракторы, бензопилы, падали с шумом деревья.

При обилии транспорта и отсутствии браконьерства медведи могут совершенно терять страх перед автомобилями. Вот как описывается поведение одного из зверей, встреченных на дорогах США [64, с. 184]: «На задних лапах шел к машине огромный медведь, убеждался в отсутствии дани и резво шел к следующей. Шоферы спешили задрать окна, дамы в машинах визжали. А медведь был спокоен. Там, где окошко не успели закрыть, он стремился просунуть в автомобиль голову или лапу. Заглянул он и к нам, на сиденье сзади, пытаясь лапой достать бумажный комок. В отличие от медведицы, ожидавшей подачки сидя, этот предпочитал двигаться сбоку дороги параллельно идущим машинам. Автомобили шли медленно, и он ковылял вперевалку. Быстрее пошли — и мишка выжимал нужную скорость. Образовался затор — медведь принимался делать досмотр. Он хорошо помнил, где уже побывал и, если не было новых автомашин, начинал заниматься

делами, какие приняты у медведя в лесу: нюхал землю, скреб лапой по стволам сосен или чесался».

Напуганный трактором или вездеходом белый медведь убегает рысью или галопом со скоростью до 25 км/ч. Начав уставать, он переходит на шаг, а если преследование затягивается, садится и, рявкая, сам пытается испугать врага (Успенский, 1973). Выскочившая из берлоги медведица с медвежатами бежит медленнее — со скоростью 15 км/ч.

Наблюдали, как с приближением вездехода к убегающему семейству на несколько десятков метров самка бросала медвежат и мчалась обратно, подбегая почти вплотную к машине, которая была вынуждена останавливаться, чтобы разъяренный зверь не попал под гусеницы или не вскочил на капот и не разбил кабину. Как только медвежата отбегали на несколько сотен метров, медведица бросалась их догонять [11]. Другой случай: еще издали приметив вездеход, белая медведица оставила попавшего в капкан медвежонка и, подгоняя другого детеныша, торопливо пошла к морю.

Преследование белого медведя на вездеходе возможно лишь на ровных ледяных полях или на суше. Обычно этот зверь при опасности стремится уйти во льды с торосами, где его не может нагнать не только вездеход, но и собака.

ВОЛК. Об изначальном отношении этого зверя к автомобилю говорит следующее наблюдение, описанное А. А. Слудским: «В феврале месяце в Прибалхашье, проезжая около песчаных барханов, мы заметили лежащего в 30 шагах волка, который даже не поднялся. Когда мы остановили машину и начали собирать ружье, он встал и с любопытством смотрел на машину, пока в него не выстрелили» (Волк и борьба с ним в Казахстане.— Алма-Ата: Казгосиздат, 1937, с. 10). Еще в 1954 г. в Казахстане, в низовьях р. Чу, в степи нередко можно было видеть стоящего в 200—300 м волка, спокойно наблюдавшего, как за его собратьями гоняются на машине. В настоящее время зверь, чуть завидев автомашину или даже услышав издалека отдаленный рокот автомобильного мотора, сразу старается скрыться.

Преследуемая автомашиной стая волков обычно разбегается. Убегая, зверь часто оглядывается на шум мотора. На просторах Волжско-Уральской полупустыни только отдельные особи бежали первые 3—5 мин со скоростью 40—45 км/ч, но и они через 5—10 мин сильно утомлялись и снижали скорость до 20—30 км/ч. Только два волка сумели выдержать скорость преследования более 50 км/ч на расстоянии 20 км. В Бетпак-Дале отдельные взрослые самки и реже самцы мелкого пустынного волка были способны в начале погони бежать со скоростью до 60 км/ч. В основном же волки, в том числе переярки и прибылые, обычно лишь первые 20 мин бежали со скоростью 45 км/ч. Более выносливы звери с пустым желудком. На такие высокие показатели способны волки крупной разновидности предгорий Заилийского Алатау, охотящиеся за джейранами. Монгольский волк лишь накоротке показывал скорость более 55 км/ч. По всей вероятности, на боль-

шей части ареала сайгака, джейрана и дзерена волк способен бежать значительное расстояние со скоростью 45 км/ч.

При спасении бегством волки прекрасно ориентируются на местности, безошибочно направляясь к ближайшему укрытию — зарослям высокотравья или кустарников. Спасают их также кочкарники и солонцы, где движение автомобиля затруднено. На солонце они обычно останавливались, не забегая далее 100—150 м, очевидно, чувствуют себя в безопасности. Стремление волка, преследуемого на автомобиле, уходить по пересеченной местности не является результатом выучки, так как проявлялось при самых первых опытах уничтожения этих хищников. Преследуемые в 1929 г. по степи на автомобиле волки старались больше бежать по кочкам, канавам, около тарбаганьих нор и т. д.

В Каракумах после нападения на отару овец волк обычно уходит в сторону русла Западного Узбоя, где невозможно преследовать его на транспортных средствах [31]. Чувствуя погоню, он бежит по средней части склона, где труднее ехать по его следу на мотоцикле. С этой же целью переходит с одного склона на другой, а перевалив через бархан, нередко отбегает в сторону и прячется за кустом. После того как преследователь проскочит мимо на мотоцикле, хищник начинает скрытно удаляться в обратную сторону и, таким образом, нередко остается живым. Спасаясь от преследования, он часто использует в Каракумах свои норы или норы дикобраза, имеющие там камеры диаметром до 3 м и высотой до 70 см, позволяющие ему развернуться и лечь мордой к выходу. Известен случай, когда зверь пытался спрятаться в нору сурка, которая оказалась ему не по росту.

В Кировской обл. охотник, преследуя волчицу на аэросанях собственной конструкции, легко ранил ее. Зверь выскочил на тракт и пустился по обледенелой дороге, не обращая внимания на идущие по дороге автомашины и автобусы, которые не давали возможности охотнику выстрелить. Гонка продолжалась несколько километров, после чего волчица свернула на заснеженную поляну. Преследование волка на машине по зимней дороге иногда облегчается наличием высокой снежной бровки, которая затрудняет попытку зверя сойти с тракта. Выходу зверей на дорогу способствует выпадение глубокого снега. В январе 1955 г. во время больших снегопадов в Эстонии эти хищники могли передвигаться только по дорогам.

Застигнутый в открытой степи волк, стремясь оторваться от машины, перескакивает мелкие водомоины, перед которыми шофер вынужден тормозить. Изменив при этом направление движения, зверь значительно выигрывает в расстоянии. Убегая на облесенной местности от снегохода, волк часто встает, по звуку мотора определяет его местонахождение и все время меняет направление бега. Стрелку приходится повторять путь зверя, и лишь видя хищника, он направляет его в удобную для преследования местность.

Отдельные, вероятно, наиболее опытные волки при настижении их машиной делают резкий рывок и перебегают перед ней на левую

сторону, с которой невозможно стрелять (здесь сидит водитель). Переметнувшись, зверь обычно меняет направление и, пока машина разворачивается, успевает убежать далеко [7]. Обессиленный погоней, повернувшись, он садится в снег и щелкает зубами, огрызаясь на преследователей. Иногда зверь оказывает сопротивление, пуская в дело челюсти, например впивается зубами в шину.

Ухватка у волка сильна: челюстями он прогибает железные крылья легковой автомашины.

Несмотря на уловки преследуемых волков, охота на них с помощью моторизованного наземного транспорта очень эффективна. В сезон 1956/57 г. отдельные охотники в Казахстане добывали путем преследования на легковых автомашинах до 200 волков за промысловый сезон.

Реакция волка на транспорт зависит от характера угодий: на открытой местности зверь более осторожен, чем в лесу, особенно, если чувствует, что остался незамеченным. В 1960 г. в открытых степях Хакасии к волку можно было подъехать на тракторе на расстояние 200—150 м. Как только глушили мотор, звери уходили. На расстоянии 300 м они оставались на месте и при выключении машины. Там же наблюдали случай, когда волк, находившийся на лежке в зарослях, не тронулся с места, хотя в 20 м от него по лесной дороге прошел трактор. Отмечен случай, когда зверь не сошел с лежки, находившейся в 12 м от места, где прошел трактор с возом. Современные волки зачастую не боятся в лесу звука трактора или бензопилы, автомашины или мотоцикла, но, услышав осторожный шорох лыж, снимаются с лежки. Увлеченные погоней, а также в период гона они нередко становятся легкой жертвой автомашины.

Самки волков осторожнее самцов. Они все время придерживаются пересеченной местности или находятся вблизи какого-либо укрытия. Самцы чаще выходят в открытую степь и ближе подпускают к себе автомашины, в степи обычно удается заметить волка на расстоянии 3—4 км.

Не раз замечали волков, терпеливо дожидающихся в нескольких метрах от полотна, когда пройдет длинный состав поезда, чтобы продолжать свой путь. Нередко волчьи выводки обнаруживают невдалеке от железной дороги. В Рязанской обл. волчица устроила свое логово в сточной трубе под полотном железной дороги, по которому часто проходили поезда. Можно представить, какой дикий грохот и вибрацию выдерживали волчата, жившие непосредственно под полотном стального пути.

Неоднократно наблюдались случаи, когда на поле выходил волк и, держась в некотором отдалении от тракторного плуга, вылавливал в бороздах из вывернутых гнезд полевок. Иногда хищник приближается к работающей машине на несколько десятков метров.

ЛИСИЦА. В недавнем прошлом красные лисицы в Семиречье вместо того, чтобы убегать от автомашины, подбегали на 30—40 м

и наблюдали за ней. Подобное явление имело место и в других регионах. В настоящее время отношение зверей к моторизованному транспорту, который иногда незаконно используется для охоты на них, в большинстве районов изменилось, причем реакция животных подвержена сезонным изменениям. Летом и осенью лисица относится к автомобилю менее опасливо (шкурка добытых в это время зверей негодна к использованию), но позже осторожность постепенно нарастает, достигая максимума к концу зимы.

В первые годы появления легких снегоходов охота с их помощью на лисиц была сравнительно легкой, и во многих равнинных регионах, в частности в Западной Сибири, особенно в поймах рек, этих зверей добывали интенсивно. Теперь положение резко изменилось: лисицы далеко не отходят от леса и зарослей тростника и при появлении «Бурана» скрываются. На открытой местности снегоход, развивая по плотному снегу скорость до 50 км/ч, легко догоняет лисицу. Преследование красной лисицы на снегоходе «Буран» в окрестностях пос. Анадырь в течение 20 мин по насту не дало результатов. Зверь держался на расстоянии примерно 150 м и двигался, меняя направления, в сторону торосов. Создавалось впечатление, что лисица при этом выбирала дорогу похуже. Встречавшиеся неровности снижали скорость преследования и совершенно не мешали зверю.

На Чукотке наблюдали лисицу, бесстрашно относившуюся к людям, которая пыталась копать снег у гусеницы остановившегося вездехода в том месте, которым была чуть раньше случайно раздавлена куропатка. Когда зверька стали отгонять, он заскочил на вездеход и стал хватать зубами ветровое стекло. Известен случай, когда лисица, преследуемая людьми на вездеходе, пыталась скрадывать встретившихся ей на пути белых куропаток.

В некоторых западноевропейских странах, где густая сеть дорог и обилие мототранспорта, лисица часто попадает под колеса. Анализ костяков 331 лисицы, добытой в окрестностях Лондона, показал, что 27,5% из них имели по крайней мере по одному зажившему перелому. Причина большинства повреждений (60%) — наезды транспорта [121].

Лисица — постоянный посетитель полей, но под сельскохозяйственные машины она попадает редко. Имеются наблюдения, что, выбрав момент, зверь специально проникает на еще не скошенный участок поля, где концентрация дичи непрерывно нарастает, и охотится там под грохот работающих комбайнов, а при последнем заходе машин покидает остатки посева и по стерне на глазах комбайнеров спешит к ближайшим зарослям. Нередки случаи, когда лисица охотится на мышевидных грызунов, следуя за работающим трактором на некотором расстоянии.

Пищевые отбросы, выбрасываемые пассажирами проходящих поездов на полотно дороги, привлекают лисиц. Прохождение поезда служит для них сигналом, сзывающим на подкормку.

Зимой 1948 г. А. Н. Формозов обратил внимание из вагона поезда близ ст. Кандагач Актюбинской обл. на обилие следов лисиц, слившихся в торные

тропы вдоль железнодорожного полотна по обеим его сторонам. Он пишет [98, с. 68]: «Заинтересовавшись таким необычным скоплением следов, я, как только поезд тронулся в дальнейший путь, начал осматривать степь и за каких-нибудь полчаса насчитал 9 лисиц, бежавших к поезду или уже сидевших в ожидании метрах в 100—150 от дороги. Секрет необычайной дневной активности степных лисиц было нетрудно разгадать: на станцию Кандагач привозят много копченой и вяленой рыбы с низовьев Урала... Во время остановки поездов возникает бойкая торговля рыбой и, как следствие, после прохождения пассажирского состава у полотна появляется «прикормка» — рыбьи головы, кожа, кости, выброшенные пассажирами. Здесь у лисиц, видимо, уже выработался условный рефлекс: они дружно вышли к полотну, заслышав гудок и грохот поезда».

В журнале «Охотник Сибири» (1936, № 4, с. 36) сообщалось, что при разгрузке в Одесском порту багажа, прибывшего из Свердловска, была обнаружена прятавшаяся в вагоне живая лисица. Когда открыли вагон, она выскочила и бросилась бежать.

ТИГР. В последние годы при запрете охоты на тигров эти животные стали терять осторожность. Если вновь проложенная дорога на отдельных участках совпадает с регулярными маршрутами тигров, они пользуются ею, пропускают идущие машины, скрываясь в лесу у обочины, и снова выходят на дорогу и продолжают путь в прежнем направлении. У автотрассы Терней — Пластун прижилась самка тигра с двумя детенышами. С июля 1977 г. в течение 9 мес зверей видели неоднократно; тигрица вела себя агрессивно и несколько раз пыталась преследовать автомашины и мотоциклы [76]. На одном из лесоучастков в верховьях Алчана крупный самец тигра ходил по лесовозной дороге не только ночью, но и днем, спокойно уступая дорогу автомашинам,— сходил на обочину.

В районе Сихотэ-Алинского заповедника в последние годы зафиксировано 53 случая, когда люди сталкивались в тайге с тиграми, причем в четырех случаях звери пытались приблизиться к человеку, находящемуся на автомобиле или мотоцикле [54]. В Приморье бывали случаи, когда тигр вскакивал на работающий трактор или в кузов едущего автомобиля. Такое действие зверя может быть вынужденным. Как-то машина наткнулась на сидевшего в одиночестве посредине дороги тигра, который, предвосхитив неизбежное столкновение, прыгнул на автомобиль и разбил переднее стекло. На большой скорости зверь не смог уцепиться когтями за твердую и гладкую поверхность капота и после нескольких секунд балансирования соскользнул на землю [71].

Не исключено, что зверем, приближающимся к автомашине, чаще руководят не агрессивные намерения, а любопытство. Заметив индийского тигра, занятого трапезой, водитель легковой автомашины остановился, выключив внутри свет. Оставив убитое животное, тигр подошел к автомобилю и тщательно его обследовал. Прислушиваясь и присматриваясь, он обошел вокруг, дошел до выхлопной трубы и, когда ему в нос ударили газы, подпрыгнул, после чего, повернувшись, медленно удалился в джунгли. Преследование автомобиля может иметь иногда просто характер игры. Тигрица, побежавшая вприпрыжку за медленно идущим автомоби-

лем, была спокойна и так держала голову, что не оставалось сомнения в ее мирных намерениях.

ДРУГИЕ ЗВЕРИ СЕМЕЙСТВА КОШАЧЬИХ. В Индии и Африке они иногда нехотя уступают дорогу автомашине. *Львы* и *леопарды* могут при этом недовольно рычать. Обнаружив в свете фар двух львов, сражающихся с носорогом (Ceratotherium simum), обходчик африканского заповедника поднял шум, стал нажимать на клаксон, хлопать дверцей автомобиля, громко кричать. Неохотно оставив свою жертву, хищники исчезли в темноте, а носорог встал на ноги. Но стопло обходчику развернуть машину, как один из львов вновь бросился на носорога. Безразличное отношение к автомобилю наблюдается в заповедниках или там, где машина не используется для охоты. За 15—20 лет заповедного режима животные настолько привыкают к автомобилям и к фотографам, что охотятся, едят и спят, не обращая на них внимания.

Пищевая заинтересованность у зверей возникает чаще всего искусственным путем, после подкормки. В 30-е годы в Африке практиковался способ убивать зебру вне границ заповедника, а затем волочить ее на привязи за автомобилем, чтобы привлечь львов и сделать хороший снимок, пока те заняты едой. Хищники быстро усвоили этот способ получения пищи: заслышав шум мотора, снимались со своих лежек, настигали машину и требовали пищи. *Гепарды* заповедников Амбосели и Найроби (Кения) так привыкли к автомобилям, что запросто вскакивали в машины и даже позволяли себя гладить.

Прирученные дикие звери охотно ездят на автомобилях. Львица, воспитанная Д. Адамсон [2], встретив попутную машину, вскакивала на брезентовую крышу и ехала домой. Когда старая машина была заменена новой, совсем не похожей на старую, львица, как всегда, уверенно заскочила и поехала на ней. Тигренок, привыкнув кататься на автомобиле, продолжал это делать и когда подрос. Как только открывали дверцу, он прыгал внутрь и усаживался на заднее сиденье, как собака, не обращая внимания на собиравшуюся вокруг толпу любопытных.

В Эфиопии и Кении наблюдали *сервалов* (Felis serval), которые использовали свет фар проходящих машин для охоты за мелкими грызунами и ящерицами. Схватив добычу, сервалы быстро покидали дорогу; охотились поодиночке и реже в паре. При разгрузке в Ферганской долине эшелона с лесом, который пришел из Забайкалья, обнаружили рысенка. Вероятно, он забрался в вагон на каком-нибудь сибирском полустанке.

Зафиксирован случай, когда *рысь* успела прыгнуть на капот наехавшего на нее «Запорожца» и спрыгнула, когда автомобиль остановился.

ХИЩНЫЕ ЗВЕРИ ДРУГИХ ВИДОВ. Часто на посевах сельскохозяйственных культур *енотовидная собака* устраивает лежки со своим выводком. При подходе машины она скрытно удаляется в глубь нивы. Уходят обычно взрослые особи, а щенята иногда попадают под ножи комбайна или косилки. При этом они, затаиваясь, впадают в каталептическое состояние. Комбайнеры с удив-

лением наблюдают живого зверька иногда с отрубленной лапой, не пытающегося убежать. Искалеченные енотовидные собаки в районах с теплым климатом нередко выживают. На Кубани были пойманы две взрослых особи без задних ног. Культи хорошо заросли, зверьки были хорошо упитанны. Они питались на рисовых полях, где много лягушек и другой пищи.

Корсак, убегая от автомобиля, часто меняет направление. При попытках догнать дикую собаку *динго* (Canis dingo) она сворачивает от машины в сторону.

При троплении *росомахи* выяснили, что она более километра шла по следу, оставленному снегоходом «Буран».

Собаки, которых подвозили на прицепе вездехода к следу *соболя*, довольно часто настигали зверька на расстоянии всего 100—200 м от места остановки. Возможно, что шум мотора не только не пугал соболя, а даже вызывал у него интерес.

Местные власти швейцарского кантона Цюрих в 1979 г. открыли охоту на *каменных куниц* в связи с тем, что эти зверьки начали прогрызать покрышки автомашин, мотоциклов и других видов транспорта. Проезжая по степи, иногда можно наблюдать на курганах силуэты *степных хорьков*, провожающих взглядами автомобиль или повозку. В районе с. Узловая в Закарпатье при строительстве насыпной дороги сняли автокраном одну из многотонных железобетонных плит, положенных три дня назад, и под ней обнаружили пять детенышей *горностая*, которых он на глазах отошедших людей перетаскал в трещину грунта поодаль, несмотря на постоянный шум людей и техники строительного отряда.

Убегая от автомобиля, *гиена* оглядывается на него. Используя бесстрашное отношение некоторых животных к автомобилю, изучают их поведение и экологию: машина постоянно следует за ними. Таким способом супруги Лавик-Гудолл [46] исследовали полосатых *гиен* (Hyaena hyaena), *шакалов* и *гиеновых собак*. Когда автомашина возвращалась вместе со стаей гиеновых собак после удачной охоты, она становилась как бы членом стаи, нередко некоторые особи, приотстав, с туго набитыми животами, бежали следом за ней. При постоянном наблюдении за логовом гиеновых собак они так привыкли к автомашине, что едва поднимали головы при ее приближении. Щенки до возраста трех недель боялись автомобиля, но потом и они привыкли, даже упорно кусали различные части: фары, провода, выхлопную трубу — все, за что можно было зацепиться зубами. Этим же занимались и взрослые звери.

ЛОСЬ. Встреча с этим животным на дорогах, пересекающих лес,— явление не редкое. Обычно лоси переходят шоссе в определенных местах. Для обозначения таких мест автоинспекция устанавливает особый дорожный знак. В Кировской обл. был случай, когда перебегавший дорогу лось брюхом оказался на капоте автомобиля и некоторое время ехал таким образом, пока машина не остановилась. Тогда зверь встал на ноги, прыгнул и ушел в лес, оставив две вмятины на капоте «Москвича».

Гибель лосей на автомобильных магистралях и железных дорогах наблюдается в основном ночью и рано утром; 90% столкновений происходит с мая по октябрь, т. е. в бесснежный период. Столкновение лосей с автомашинами и мотоциклами часто сопровождается гибелью людей.

Переходя дорогу, лоси обычно не проявляют торопливости, иногда даже задерживаются на ней. В августе 1972 г. лось-самец вышел на автодорогу к райцентру Тужа Кировской обл. и стал пить воду из лужи, образовавшейся в колее, не обращая внимания на рокот мотора остановившейся в двух метрах автомашины. Затем он подошел к машине, обнюхал передние колеса, радиатор и неторопливо обошел вокруг. Он удалился лишь при появлении второй автомашины. На дороге Киров — Татаурово произошел затор транспорта. Больше десятка автомашин и два автобуса скопились у места, где дорогу преграждал лось, стоявший поперек пути и не обращавший внимания на попытки людей согнать его с пути.

Услышав человека, лось часто поворачивается в направлении шума, некоторое время стоит, стараясь определить причину опасности, а затем убегает. Услышав шум вездехода, зверь поворачивается к нему реже, стоит в прежней позе, лишь повернув в его сторону голову, иногда подпускает машину на расстояние до 15 м (Глушков, 1980). Нередко лоси устраиваются на лежки невдалеке от железнодорожного полотна, по которому мчатся поезда через каждые 10—15 мин. Я знал охотника, который использовал эту особенность поведения лосей и, подбираясь к зверю, дожидался очередного поезда, под грохот которого он шел без опасения спугнуть чуткое животное.

В подавляющем большинстве случаев столкновения транспортных средств с лосями происходят случайно, однако возможны и агрессивные намерения со стороны животного. В Кировской обл. зафиксирован случай, когда лось «пошел на таран»: разбил боковое стекло, помял дверцу и столкнул «Запорожец» в кювет. Не исключено, однако, что зверь был ослеплен фарой встречной машины и, перебегая дорогу, просто наткнулся на автомобиль. И все же в ряде случаев агрессию невозможно отрицать.

В Белохолуницком р-не Кировской обл. в 1968 г. произошел такой случай. Водитель мотовоза увидел на полотне узкоколейной железной дороги крупного лося и, подъехав ближе к нему, дал продолжительный сигнал. Зверь повернулся и побежал навстречу мотовозу. Казалось, он готов идти на таран, но, не добежав примерно 30 м, повернулся и спокойно пошел по узкоколейке обратно. Мотовоз медленно двинулся вслед за ним, давая гудки, а потом остановился. Неожиданно лось снова повернулся и, разбежавшись, головой ударил по тендеру мотовоза. Удар был столь силен, что оказался смертельным: пробив голову, зверь тут же свалился с полотна узкоколейки. Лось этот весил более 200 кг.

Дикие лосята, воспитанные на лосеферме Печоро-Илычского заповедника, в противоположность лошадям не испытывали никакого страха перед самолетами и автомобилями. В санной упряжке на них можно было вплотную подъезжать к этим машинам за доставленными в заповедник грузами. В период гона, когда осторожность диких лосей ослабевает, они, не делая попыток к бегству, зачастую с любопытством рассматривают автомашины и людей.

Преследуемые хищниками, звери готовы искать защиты даже у трактора. Сообщается о случае, когда в Верхошижемском р-не Кировской обл. лосиха, выскочив из лесной чащи, быстро пристроилась за трактором, ведшим предпосевную обработку почвы. Она тяжело дышала, мотала головой и сильно вздрагивала. Почти тотчас на опушке показались преследователи — волки. Тракторист решил не останавливать машину. Более получаса лосиха неотступно следовала за трактором, а затем побежала вдоль просеки и скрылась из виду.

САЙГАК (Saiga tatarica). На автомашину, приближающуюся со скоростью 50 км/ч, эти звери начинали реагировать с расстояния до 2 км. Если недалеко от стада сайгаков остановить мотоцикл или автомобиль, звери успокаиваются.

В конце 60-х годов сайгаки научились бояться автомашин, с которых их стреляли, однако от трактора они отбегали недалеко, примерно на 100 м, что давало возможность браконьерам легко добывать их.

Заметив приближающуюся опасность, сайгаки, прежде чем убежать, частично освобождают мочевой пузырь и прямую кишку, своеобразно приседая. Проезжая на автомобиле вблизи стада этих зверей, часто можно наблюдать, что они вместо того, чтобы убежать в сторону, сближаются с ним, затем, напрягая все силы, несколько километров бегут с машиной рядом и, в конце концов обогнав ее, круто поворачивают, чтобы пересечь ей путь, нередко в нескольких десятках метров от радиатора. Такой маневр иногда повторяется дважды. Этой особенностью поведения часто пользуются браконьеры и стреляют животных, перебегающих дорогу быстро едущей машине. Если миграционный путь сайгаков пересекает шоссейная дорога, животные, встретив автомобиль, резко меняют направление и начинают бежать вдоль дороги, соревнуясь с автомашиной. При замедлении хода машины, сайгак перебегает перед радиатором дорогу и уже потом по степи бежит в том направлении, в каком ему нужно. Среди охотников бытует мнение, что скорость бега сайгаков после того, как их стали преследовать на автомашинах, повысилась.

Если в первые годы использования машин для охоты на сайгаков они доверчиво относились к транспорту, то сейчас у них выработались поведенческие адаптации, позволяющие в ряде случаев избежать гибели. При появлении автомобиля сайгаки, пасущиеся возле песчаных барханов, моментально уходят в пески, где становятся недосягаемыми. Во время засух 1974 и 1975 гг. эти звери стали встречаться в горах Казахского нагорья. Вспугнутые машиной около гор, они скрывались чаще в глубину их по склону, реже убегали на равнину [32].

С помощью моторизованного транспорта можно управлять направлением бега сайгаков. С недавнего времени на промысле сайгака стали применять метод «кольцевого нагона», когда мотоцикл, отрезая группу зверей от стада, заворачивает ее и гонит по кругу большого диаметра, поджимая к машине, которая идет по

кругу меньшего диаметра. Однако попытки загонять с помощью автомашин и мотоциклов сайгаков в сети не всегда успешны. Например, на о. Барсакельмес из стада в 500 зверей удалось поймать только 6, остальные на большой скорости поворачивали от сетей прямо на машины и уходили буквально из-под колес. Во второй раз не удалось даже подогнать стадо к ловушке: сайгаки разбились на мелкие группы и разбежались.

Во время массовых перекочевок на места зимовки тысячными стадами сайгаки менее чутко реагируют на появление автомашины, чем постоянные стада и группы сайгаков из числа зимующих животных. Родительский инстинкт также тормозит реакцию: при мечении сайгачат самка услыхала крик своего детеныша и подбежала на 2 м к грузовой автомашине, у которой работал мотор и были включены фары.

Максимальная скорость сайгака около 72 км/ч. Преследование этих зверей на автомобиле в жаркую погоду ведет зачастую к их гибели. При отлове в первые недели чаще погибают те особи, которых ловили путем загонивания. Ягнята же, отловленные не обсохшими, малоподвижными, в большинстве случаев выживают. С увеличением интенсивности движения транспортных средств гибель сайгаков на дорогах возрастает.

ДЖЕЙРАН (Gazella subgutturosa). Первое время стада этих животных уходят от преследующей машины внешне спокойно, подняв торчком черные хвостики (опускают они их лишь в момент крайней опасности), иногда делают большие прыжки. Молодые особи на бегу лягают в сторону преследователя, играют, перепрыгивают друг через друга. Когда машина настигает животных, они испуганно грудятся, мешая друг другу, но при этом постоянно следят за вожаком, который бежит отдельно от стада. Убегают джейраны почти по прямому направлению, не делая резких изгибов, стремятся обогнать автомашину и пересечь ей дорогу. Прежде чем убегать, оставляют экскременты и мочу.

Первые 15—20 с преследуемый джейран скачет очень быстро, а затем снижает темп. Автомобиль со скоростью 80—90 км/ч догоняет это животное не ранее чем через 4—6 мин погони, т. е. на протяжении от 6 до 9 км; отдельные особи выдерживают преследование в течение 15—20 мин. Более слабые звери, задыхаясь, останавливаются, иногда падают на землю. Молодые джейраны менее выносливы в беге, чем взрослые.

Одной из главных причин резкого сокращения численности джейранов явилась охота с преследованием их на транспортных средствах. Эти звери приспособлены к жизни на открытых пространствах пустынь. Сейчас джейраны при преследовании их на автомобилях стали использовать обманные движения, а также чаще укрываться в солончаках. При появлении автомашины стадо рассредоточивается: животные разбегаются в разные стороны небольшими группами [24].

СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ. Использование снегоходов значительно облегчило промысел северных оленей в Мурманском госпромхозе.

Охотник на «Буране» подъезжает к стаду с наветренной стороны, и звери подпускают его на 100—70 м. Почуяв опасность, они, как ни странно, начинают двигаться не вперед, а навстречу снегоходу, обходя его с одной или с обеих сторон. Пока стадо оленей проходит мимо, стрелок успевает сделать до 5 выстрелов. Северные олени не боятся следа мотонарт, они охотно пользуются им как тропой, несмотря на следы крови ранее убитого здесь собрата. Неразумное, бесконтрольное в прошлом использование снегоходов и авиации на промысле привело к тому, что численность кольской популяции северных оленей, восстановленная за годы Советской власти, была за несколько лет в значительной степени подорвана.

При обследовании стада домашних оленей в местечке Миттадален на севере Швеции у каждых четырех оленей из пяти была обнаружена язва желудка. Специалисты-ветеринары полагают, что причина болезни — нервное истощение, вызванное постоянным воздействием техники. Если в былые времена оленеводы объезжали свое стадо на лыжах, то теперь они это делают на мотоциклах и снегоходах. Опыты на карибу (Rangifer tarandus) показали, что преследование зверей в течение 25 мин влияет на 6 из 22 показателей их крови: у только что пойманных оленей в крови содержится больше эритроцитов, глюкозы, выше гематокрит, но меньше среднеклеточный объем эритроцита и содержание натрия. Концентрация гемоглобина, летучих жирных кислот, холестерола, протеина, азота мочевины, мочевой кислоты, кальция, калия, магния под влиянием отлова не изменяется.

КАБАН. Этот зверь относится к автомобилям с большей осторожностью, чем лось. При облавных охотах в Кировской обл., выйдя на автомашину, оставленную охотниками на просеке, кабан обычно не сворачивает с выбранного пути, как лось, а чаще поворачивает обратно. Преследуемый автомашиной, он убегает со скоростью 20—30 км/ч, при этом весь бывает в пене. Бежит, изредка отрывисто поворачивая слегка голову и взглядывая на автомашину. Известен случай, когда преследуемый секач остановился и, развернувшись, бросился на автомобиль, но был убит при подходе.

На железнодорожной ветке, по которой к сахарному заводу возили на переработку свеклу, был раздавлен кабан, искавший на полотне потерянные корнеплоды. По следам установили, что, увидев мчащийся с горящими фарами из темноты состав, кабан повернулся к нему, очевидно, для обороны, но потом, развернувшись, побежал между рельсами; состязание между зверем и паровозом длилось на протяжении 2 км [63]. Спасительный поворот с рельсов не был сделан кабаном, вероятно, потому, что за полотном лежал глубокий снег.

В посевах с хорошими защитными условиями, например во ржи, кабан после ночной жировки часто остается и на дневку. Если путь отхода с посевов отрезан подошедшей сельскохозяйственной машиной, зверь затаивается, ничем не выдавая своего присутствия, а когда возможность отступать и таиться иссякает, стремительно убегает. Поросята следуют за матерью и ведут себя в соответствии с ее поведением. Зафиксирован случай, когда под

оставленным в лесу автомобилем с включенным мотором обнаружили семерых трехнедельных поросят дикого кабана, безуспешно искавших на днище машины соски матери.

ДРУГИЕ КОПЫТНЫЕ ЗВЕРИ. Однажды американский ученый Эндрюс преследовал в Монголии на автомашине со скоростью 48 км/ч *кулана*, который пробежал 50 км. Наконец, животное остановилось и подпустило к себе. Эндрюс решил, что зверь обессилен и накинул на него лассо, не закрепив конец веревки. Тот рванулся, задними копытами разбил радиатор машины и умчался прочь со скоростью более 60 км/ч. Недельный куланенок бежит со скоростью 40 км/ч и выдерживает преследование в таком темпе на протяжении 1,5—3 км. Жеребец кулана, убегая от медленной экспедиционной машины, все время возвращался, подгоняя отстающих самок и молодых животных, которые неохотно следовали за ним. Преследование куланов на автомашине во время отлова молодняка привело к тому, что звери в возрасте 8—10 лет покинули район, где люди ловили жеребят.

В прошлые годы, когда моторизованный транспорт только стал появляться, стадо *дзеренов* (Procapra gutturosa), заметив автомобиль, снималось с места и бежало вдоль пути машины, стараясь обогнать ее. Если на несколько секунд машина уменьшала скорость, дзерены огромными прыжками пересекали путь автомобилю в 10—15 шагах перед его фарами. Самцы дзеренов, участвующие в размножении, ведут себя менее осторожно, чем остальные животные,— подпускают автомашину на 60—80 м. Гаремы держатся весьма компактно и не распадаются даже при интенсивном преследовании на автомашине (Львов, 1982).

В 1978 г. наблюдали, как *пятнистые олени* из Мытищинского лесопарка под Москвой ежедневно выходили на автостоянки кольцевой автомобильной дороги, где собирали подачки у автотуристов и водителей грузовых автомашин. Детеныши косули, благородного и пятнистого оленя способны передвигаться за матерью с первого дня жизни. При выходе оленухи на жировку в сельскохозяйственные посевы они следуют за ней. При опасности самка убегает с поля, а не способные к быстрому бегу оленята затаиваются, но при подходе машины вскакивают и нередко сами бросаются под нее.

Благородные олени в парках на северо-западе Англии подпускают автомашину на 28—36 м. На заповедной территории Южного Урала *косули* убегали от автомашины ГАЗ-69 в среднем с расстояния в 42 м. В Монголии *маралы* начинают подниматься при подходе машины на 200 м, а уходят при подъезде ее на 40 м.

В Приморье, как, впрочем, и во многих других местах, звери зачастую мало боятся автомобилей: *кабарга* и *изюбр*, например, лишь отскочат в сторону и смотрят на проезжающую машину.

Преследуемые на мотонартах по глубокому снегу *овцебыки* быстро устают и останавливаются. Стадо пытается использовать круговую оборону — обычный прием защиты от волков. Однако с приближением мотонарт оборона либо распадалась, и звери тяже-

лым галопом бежали дальше, либо стадо продолжало стоять на месте, не пытаясь активно сопротивляться. Ловцы-эскимосы безбоязненно и безнаказанно въезжали на мотонартах в глубь стада и расчленяли его на мелкие группы, отделяя животных, предназначенных для отлова и переселения в Советскую Арктику. Три-четыре человека, используя мотонарты, могли управлять поведением стада.

Овцебыки, содержавшиеся на Таймыре в загоне площадью 470 га, панически боялись шума транспорта, в частности звуков мотонарт. Убегая, они развивали скорость до 35 км/ч, сохраняя ее на протяжении 3—4 км. В реакции на мотонарты, на которых подвозили подкормку, у овцебыков наблюдалась сезонная изменчивость. В полярную ночь при сильных морозах животные далеко не убегали и не проявляли признаков сильного беспокойства, но в марте, апреле, с появлением солнечных дней и повышением температуры воздуха, овцебыки стали более осторожны: пугаясь шума мотонарт, часто уходили даже от выложенной подкормки на излюбленные ими сопки.

Наблюдения показали, что у *снежных баранов* при появлении автомобиля или самолета на расстоянии ближе 200 м изменялась частота сердечных сокращений. В то же время преследование на мотоцикле *архаров* (Ovis ammon) на протяжении 15—18 км не отражалось на их здоровье.

В Беловежской пуще *зубры* порой не освобождают дорогу автомашине, не любят мотоциклы и могут пускаться в погоню за ними. Местные мотоциклисты, зная это, не решаются ехать навстречу этим зверям, идущим по дороге.

При подходе машины группа *хаптагаев* (Camelus bactrianus) как по команде вскочила. Несколько мгновений животные смотрели на машину, высоко подняв головы и вытянув шеи. Затем первым прыгнул самец, а за ним остальные. Животные прошли от автомашины в одном направлении 30 км. Обычно дикие верблюды обнаруживают машину на расстоянии 2—3 км, а уходить начинают не менее чем за километр.

ЗАЙЦЫ. Поведение русаков по отношению к сельскохозяйственным машинам специально изучали в средней полосе [51]. У этих зверьков имеются постоянные лазы, которыми они пользуются. Будучи потревожен комбайном или косилкой, заяц пытается уйти одной из своих обычных троп в глубь посевов. С появлением на поле громыхающей машины взрослый зверек поднимается с лежки. Если он кормится, то прекращает при этом жировку и настораживается, а пообвыкнув, продолжает насыщаться, не ослабляя, однако, внимания к работающей машине. Обычно заяц подпускает ее не ближе 15 м, а затем убегает. Если отступать по посевам нельзя, он выскакивает на жнивье или скошенный участок луга и бежит в направлении возможного укрытия.

Зайчонок до недельного возраста редко пытается спастись бегством от надвигающейся машины и обычно затаивается в углублении почвы, за кочкой и погибает. Двух-трехнедельные ру-

сачата отступают по освоенным ранее лазам, стремясь не выходить на открытое место. Выгнать их трудно: неосторожно вбежав на скошенную полосу, зайчонок тут же возвращается обратно. Передвигается он в высокой траве плохо. Даже взрослый зверек в ней не способен делать прыжки. В густых посевах зайцы затаиваются чаще, чем в редких и низкорослых. В последних, когда нескошенная площадь становится небольшой, и взрослые особи и подросшие зайчата отходят от машины по кругу. В последнем заезде комбайна или косилки взрослые русаки уходят, а молодняк обычно гибнет.

Наблюдения показывают, что в условиях интенсивного земледелия размер гибели зайцев-русаков в процессе различных сельскохозяйственных работ достигает $^2/_3$ их общего поголовья, причем наибольшее количество зверьков гибнет при уборке многолетних трав. Чтобы избежать этого, кошение рекомендуется начинать не с края поля, а с середины, постепенно, кругами все увеличивая площадь скошенного участка, при этом гибель зайцев и другой дичи снижается до минимума.

Зайцы-беляки иногда выходят на дороги, чтобы покупаться в пыли для избавления от эктопаразитов. С приближением мотовоза они лишь сбегают с полотна узкоколейной дороги. На территории пункта заправки машин лесокомбината в окрестностях г. Игарки был обнаружен заяц, лежка которого находилась под плоской цистерной с бензином, мимо которой шел бесконечный поток автомашин и тракторов, днем и ночью приходивших для заправки.

ГРЫЗУНЫ. Если движение автомашины не направлено на находящегося вне норы *сурка*, он не пугается, но если автомашина остановилась, зверек тут же прячется. Поэтому при учетах численности этих животных с автомашины не рекомендуется останавливать ее. При прохождении автомашины по касательной вблизи сурочьей норы все кормящиеся возле зверьки, в первую очередь самки, скрываются в убежище. Оставшийся снаружи самец-байбак (Marmota bobak) при виде автомашины сильно возбуждается, взмахивает хвостом, иногда свистит. Самка же никогда не бьет хвостом по земле; если самец сидит у входа, самка или другие члены семьи могут выглядывать из норы (Машкин, 1983). Вблизи автомобильных дорог сурки привыкают вылезать из нор сразу же после того, как проедет машина. Считают, что учет численности сурков точнее, если он произведен не верховым или пешим наблюдателем, а с автомобиля, которого эти зверьки боятся меньше.

Суслики свыкаются с шумом поезда, и часто их можно видеть из вагона спокойно сидящими у норы. Тонкопалый суслик, застигнутый в колее дороги медленно идущей автомашиной, некоторое время, соревнуясь в скорости, бежит впереди нее и, лишь начав утомляться, на быстром бегу резко изменяет направление и соскакивает с дороги. Одна из хаток *бобров*, поселившихся в Тюрлюковом болоте в Рязанской обл., находилась в 10 м от узкоколейного железнодорожного полотна, и звери не покинули своего убежища,

несмотря на то, что по полотну за день проходит более 15 раз мотовоз с вагонетками. В охотхозяйстве «Нерусса» Брянской обл. бобры уже много лет обитают в районе охранной зоны железнодорожного моста. Звери живут, не обращая внимания на шум поездов и сотрясение почвы.

В Западной Сибири во время уборки хлебов многочисленные *водяные крысы* по мере скашивания посева уходят от машины в центр несжатого поля, где накапливаются в большом количестве. Момент докашивания поля используют охотники, умерщвляя зверьков с помощью собак. Водяная крыса при вспашке, видя, что ей не спастись, нередко кидается на трактор и делает прыжки в его сторону; так же она реагирует на автомобиль, наезжающий на нее.

Начальная скорость бега *тушканчика Северцова* (Allactaga severtzovi) при погоне за ним на автомашине составляет около 40 км/ч, но с такой скоростью он может бежать не более 2—3 мин, затем быстро устает и пытается укрыться [72].

В холодное время различные грызуны нередко забираются под капоты автомобилей и при этом не только греются, но и пожирают изоляцию электропроводов и резиновые шланги.

НЕКОТОРЫЕ ЗВЕРИ АФРИКИ. Довольно легко привыкают к автомобильному транспорту *слоны*. В африканских национальных парках туристы без затруднений фотографируют из автомобилей этих гигантов возле дороги или пересекающих ее. Случай, когда группа слоних в течение 4 ч не уступала шоссе автомашинам, несмотря на гудки, произошел в связи с родами: беременная самка легла прямо посреди дороги, а сородичи окружили ее и стояли так до тех пор, пока она не родила и не смогла встать и уйти вместе со слоненком. В отдельных случаях возможна агрессивная реакция этих зверей на автомобиль. Благодаря своим размерам и силе слон может нанести значительные повреждения машине.

В 1965 г. в Национальном парке Крюгера (ЮАР) самец из группы слонов, пересекавших шоссе, набросился на один из остановившихся перед животными легковых автомобилей, поддел его бивнями и подбросил вверх, сильно помяв при этом кузов. Опрокинутую вверх колесами машину он сдвинул с дороги в кювет и оттащил на 5 м в сторону. Атакуя автомашину, слон подворачивает хобот под подбородок, прижимает уши и низко наклоняет голову [14].

Причиной нападения может быть агрессивное возбуждение внутривидового происхождения. В национальном парке Вирунга (Восточная Африка) машина с туристами остановилась, потому что им захотелось понаблюдать за дракой двух слонов. Неожиданно один из дерущихся отвернулся от своего противника и бросился на автомобиль. Водитель сразу дал газ и стал лавировать. Слон продолжал бежать следом, но, снова поравнявшись со своим соперником, возобновил битву. Нападения слонов возможны, когда ловцы этих животных пытаются, разогнав на автомашине стадо,

оттеснить намеченного для отлова молодого зверя (маленькие слонята, изолированные от матерей, добровольно жались к автомашине, принимая ее за слона).

Объектом для нападения слонов может быть и паровоз. Г. Бауэр в «Книге о слонах» (М., 1964) приводит факт, происшедший в Бирме. Машинист паровоза на перегоне дал свисток. Слон-самец, находившийся поблизости, воспринял этот звук как вызов к бою и атаковал паровоз, который машинисту не удалось остановить вовремя. Результатом были сошедший с рельсов поврежденный паровоз и раздробленный слоновий череп.

В принципе возможна ситуация, когда не зверя преследуют на автомашине, а зверь преследует ее. О подобном случае сообщает Б. Гржимек [15]. Автомашина наткнулась ночью на дороге на двух *белых носорогов*, которые стали наступать. Пришлось, включив задние фары, отступать со скоростью 30 км/ч. Несколько раз расстояние между раздраженными животными и машиной сокращалось до 2 м, но потом они все же отставали. Однако когда автомобиль останавливался, а водитель выключал фары в надежде, что преследователи прекратили погоню, они с новой яростью бросались догонять своего врага. В общей сложности носороги преследовали машину на протяжении почти 6 км. Этот случай не характерен, однако имел место. Случалось, носороги переворачивали автомобиль, и люди, находившиеся внутри, получали тяжелые увечья. Один носорог за несколько дней опрокинул на дороге три легковые и две грузовые машины: животное упрямо дежурило у обочины, поджидая следующую жертву. Был случай, когда самец-носорог, наблюдая за рывками самки, привязанной канатами к грузовику, нагнул голову, разбежался и ударил ею в радиатор машины. Известен и такой факт: когда перед машиной, проезжавшей по узкой дороге между ущельем и крутым склоном, появился носорог, она, прижавшись к склону, остановилась. Подошедший зверь ткнул рогом ниже бампера, а затем пытался протиснуться между машиной и склоном. Это ему не удалось, и он пошел обратно [2].

Во многих местах Африки носороги привыкли к автомобилям. Лишь самки с сосунками не позволяют приближаться к себе и нападают на машину, если она вторгается на их территорию. Однажды наблюдали, как самка носорога в период брачного возбуждения проявляла в отношении автомобиля формы поведения, присущие ей в общении с самцом.

В африканском заповеднике Хлухлуве машины «контролировала» стоящая на дороге жирафа: подходила к остановившемуся автомобилю, заглядывала внутрь и постепенно уничтожала взятый пассажирами в дорогу запас конфет. Если наступала заминка в поступлении очередного леденца, жирафа дергала дарителя за воротник.

В парке Крюгера наблюдали стадо павианов, подстерегающих автомашины на перекрестках. Вскочив на подножки и радиаторы, обезьяны выпрашивали подачки.

В Африке павианы обычно подпускают автомобиль вплотную, отходят в сторону в самый последний момент, громко выражая при этом свое недовольство, а затем еще некоторое время преследуют движущуюся машину.

* * *

В отношении диких животных к автомобилю прослеживается широкий набор вариантов реагирования: от панического страха до полного бесстрашия, игровой, пищевой и даже половой заинтересованности. Можно выделить наиболее распространенные типы реакции: безразличную, пассивно-оборонительную, паническую, ориентировочно-исследовательскую, пользовательную и агрессивную. Наиболее часто встречаются первых два.

К идущему человеку или всаднику звери относятся с большей осторожностью, чем к движущемуся автомобилю. С машин удается легко добывать лосей, оленей и других животных, в том числе рысей. Звери способны дифференцировать транспортное средство, например автомобили и трактора. Относятся к ним с различной осторожностью, определяемой, видимо, тем, что из тракторов по ним меньше стреляют. Звери, содержащиеся в загонах, различают и марки автомобилей, применяемые для их обслуживания с разными целями.

Отношение диких животных к дрезинам, поездам, которые редко используются для охоты за ними, по-видимому, менее осторожно, чем к автотранспорту. Дикие млекопитающие легко свыкаются с постоянным грохотом идущих поездов, не приносящим конкретного вреда. Их убежища нередко находятся в непосредственной близости от полотна железной дороги, под мостами.

Звери, обитающие в местности с густой сетью автомобильных дорог и развитым автотранспортом, пугаются не столько самой автомашины, сколько изменений в ее «поведении». Резкое снижение скорости движения, остановка, прекращение рокота мотора, изменение направления движения машины, особенно в сторону самого животного, влекут повышение его осторожности. Овладевающим профессией шофера рекомендуют при встрече лосей и других крупных копытных зверей, переходящих дорогу, не сигналить им, так как сигнал может вызвать агрессивную реакцию.

Реакция животных может зависеть от цвета и формы транспортного средства. Экспедиционная автомашина Б. Гржимека, раскрашенная «под зебру», меньше пугала зверей саванн. След машины, оставленный в виде проборонованной или продискованной полосы, прокоса на сельскохозяйственном поле, участка свежей пахоты, вызывает у животных усиление осторожности. Однако следа на снегу вездехода «Буран» соболь, росомаха, белка и другие звери не боятся и часто ходят по нему.

Самцы большинства видов относятся к автотранспорту менее осторожно, чем самки. Молодые звери при погоне за ними на автомобиле оказываются слабее в сравнении со взрослыми особями.

Молодняк на пути сельскохозяйственных машин чаще затаивается и гибнет, чем взрослые животные. Будучи незаметными, пребывая в укрытии, звери менее осторожно относятся к звукам и виду транспортных средств, чем когда они находятся на открытой местности.

Общность, сходство животных, обитающих в одинаковых ландшафтных условиях, в отношении к сухопутным транспортным средствам дополняется видовыми особенностями. Имеются не только качественные, но и количественные различия, выражающиеся, например, в скорости бега зверей, стойкости животных к экстремальным условиям преследования. Одни звери меньше страдают от автомобильной гонки, другие больше. К первым могут быть отнесены архары и куланы, ко вторым сайгаки.

Дистанция бегства от автомашины зависит от степени преследования диких животных, в частности с использованием автотранспорта, в данном регионе, а также от таксономического положения животного, степени осторожности, присущей особям данного вида.

Реакция зверей на автомашину подвержена сезонным изменениям. Сезонное распределение опасливости в отношении автотранспорта также зависит от вида животного. Осторожность понижается в периоды инстинктивных действий, связанных с продолжением рода и добыванием пищи, внутри- и межвидовыми отношениями, миграциями. Отношение к автомобилю зависит от эмоционального состояния зверя в момент встречи с ним. Половое возбуждение, азарт, связанный с преследованием жертвы, злоба во время драки с соперником или врагом, родительские чувства подавляют страх перед машиной. Всецело поглощенные важными событиями данного момента звери как бы перестают замечать ее или ведут себя агрессивно. Однажды для выручки двух людей, попавших в центр котикового лежбища во время гона, был использован вездеход. Самцы котиков (Callorhinus ursinus) встретили наступавшую на них машину агрессивно, делали угрожающие броски, хватали зубами за траки.

При наличии в автомобиле пищевых запасов, при раздаче пассажирами корма зверям, потерявшим страх перед человеком, они пытаются проникать внутрь машины, стимулировать своими действиями эту подачку. Такое поведение возможно среди представителей обезьян, копытных, хищников и других систематических групп животных. Наличие в автомашине собаки или другого животного, каким-либо образом проявляющего свое присутствие, может влиять на отношение к ней зверей.

Под пользовательной реакцией понимается заинтересованное отношение животного, когда оно извлекает из самой машины или ее положения, движения какую-либо пользу. В африканских заповедниках не чудо наблюдать льва, почесывающегося о бампер автомобиля (подобным образом иногда действуют свиньи и другой домашний скот). Нередко домашние и дикие копытные, привыкшие к автомашинам, прячутся от жары в их тени. Хищные звери выходят на дороги поживиться задавленными автомашинами животными, кормятся отбросами у железнодорожных путей, ловят грызу-

нов, следуя за тракторным плугом, охотятся в свете фар на дичь, концентрирующуюся в остатках нескошенных трав и посевов.

Копытные, преследуемые хищником, ищут защиты... у трактора. Известны случаи, когда телята диких копытных, потерявшие мать, увязывались за медленно идущей автомашиной. Используют животные в качестве дороги след, проложенный снегоходом. Железнодорожный транспорт и в меньшей степени автомобильный служат нередко средством расселения животных, в первую очередь мелких грызунов. Время от времени появляются сообщения о «безбилетных проездах» более крупных зверей, главным образом хищников.

Отдельные случаи агрессивного отношения к автомашине, преследование и повреждение ее свойственны главным образом крупным и сильным животным. Нападению может подвергнуться даже паровоз. Однако в безвыходном положении и мелкий зверек нередко пытается оказать автомашине сопротивление. Агрессивность выражается в демонстрации угрозы, бодании, ударах головой, рогами, копытами, бивнями, у хищников — в злобном рычании, схватывании зубами шин, крыльев и других выдающихся частей машины, в прыжке на нее. Звери могут повреждать фары и другие световые приборы, радиатор, стекла, дверцы, сделать вмятину на кузове, сталкивать набок и переворачивать автомашину. Причинами нападения зверя на транспортное средство могут быть необходимость в самообороне, ранение, преграждение дороги, гибель самки или детеныша, агрессивное возбуждение, не нашедшее разрядки в отношениях с врагами или собратьями и др.

У сельскохозяйственной техники и различных вездеходов есть нечто общее: эти машины имеют возможность двигаться без дороги, заставая зверьков в привычных местах обитания, что уменьшает у них чувство опасности. Технология машинной уборки посевов и кошения трав не всегда учитывает особенности поведения диких животных, что обусловливает их гибель. Вредное влияние может быть в значительной степени нивелировано при кошении с центра луга или челночным способом, что ведет к постепенному разгону дичи из опасной зоны. Если начинать уборку культуры со стороны, противоположной лазам дичи — выходам ее в лес или овраг, животные переходят в более спокойные места.

Безопасности дичи в угодьях способствуют вынужденные остановки в работе сельскохозяйственных машин: неполадки, задержки, перерывы на обед, на отдых, во время которых животные имеют возможность выйти с участков, подлежащих скосу. Если оставить на ночь нескошенную полосу шириной не менее чем в два захвата косилки, они выходят из нее. Исследования в Чехословакии показали, что от дисковых косилок гибель дичи значительно выше, чем от ножевых.

Много животных погибает от автомашин на автострадах. Столкновения лосей с машинами наиболее часты в период с мая по октябрь, особенно в июне, что связано не только с усилением активности этих животных, но и с повышением интенсивности движения

на дорогах. Максимум столкновений приходится на вечерние и ночные часы, на отдельных участках дороги столкновения происходят постоянно [108].

За два года (1975—1976) на дорогах ФРГ погибло 800 благородных оленей, 700 ланей, 7000 косуль, 1500 кабанов, 15 000 зайцев. С апреля 1967 г. по март 1968 г. в ФРГ погибло на дорогах 107,8 тыс. зайцев-русаков (добыча зайцев на охотах составила в этот период 1 млн. 100 тыс. особей). На дорогах Дании ежегодно погибает более 1 млн. разных птиц, в Нидерландах — несколько тысяч ежей. Ежегодно на шоссейных дорогах США гибнет 365 миллионов позвоночных животных, из них около 1,5 млн. крупных млекопитающих. В одном только штате Небраска с 1969 по 1975 г. под колесами транспорта погибло 5359 американских кроликов и зайцев, 3978 енотов, 2417 скунсов, 1960 опоссумов, 1318 оленей, 928 койотов, 615 барсуков, 472 ондатры. Потери значительны при более высоких скоростях автомобилей.

Максимальная среднемесячная гибель ондатры приходится на март, кроликов на апрель, опоссума на май, оленя на июнь, барсука на август, енота, скунса, койота на октябрь. Анализ 2566 случаев столкновения белохвостых оленей с автотранспортом в Южном Мичигане показал, что большинство случаев происходило на рассвете и в течение 1—2 ч после захода солнца. Наиболее часты подобные происшествия осенью и в начале зимы, пик — в середине ноября, что связано с гоном у белохвостого оленя и открытием охоты; второй, менее выраженный пик отмечен в мае. В основном столкновения определялись повышенной активностью зверя и в меньшей степени интенсивностью движения. За исключением осенне-зимнего периода, самки попадали под автомобиль в целом вдвое чаще, чем самцы. Обычно страдали одиночные особи, реже пары. Наиболее часто наезды на оленей происходили при скоростях свыше 80 км/ч [112]. В Австралии на отрезке дороги длиной 496 км под машиной, двигавшейся в течение двух дней со скоростью свыше 80 км/ч, погибло в общей сложности 84 животных, из них 27 млекопитающих.

При густой сети дорог и обилии мототранспорта он становится истинным бедствием для диких животных. Много зверей гибнет, еще больше особей получают увечья. При столкновении зверя с автомашиной, даже если оно не повлекло ранения или сильного ушиба, животное обычно убегает и нередко вскоре погибает (известно, что возбуждение тормозит восприятие боли, и даже смертельно раненный человек некоторое время еще может «сгоряча» двигаться). При невозможности избежать столкновения с наезжающей машиной крупные хищные звери стремятся запрыгнуть на кузов или в кабину.

Длительное преследование на автомашине пагубно действует не только на копытных, но и на хищников. Отмечены отдельные случаи внезапной смерти загоняемых волков. У собак, подвергавшихся в эксперименте значительным беговым нагрузкам, отмечалось выделение изо рта розовой пены, отмечены случаи смертельного исхода во время и после бега «до отказа».

В настоящее время скорость 70 км/ч у грузовых и 100 км/ч у пассажирских поездов на многих железных дорогах стала нормой. Само нахождение вблизи поезда, проходящего с такой скоростью, стало опасным. Бушевание вихревых потоков, вибрация почвы и грохот отрицательно действуют на зверей. Шум мотора на животных при определенных обстоятельствах тоже действует отрицательно. Например, при содержании выхухоли в неволе

наблюдали гибель зверька, находившегося вблизи мотоцикла в момент его запуска. Остаются живы звери, если звук мотоцикла приближается постепенно.

Даже при отсутствии внешнего проявления реакции дикого животного на сухопутный транспорт происходят сдвиги физиологических показателей: учащение или замедление пульса, изменения в частоте дыхания и др.

Уловки животных, спасающихся от преследования автомашины, сводятся в основном к использованию своих преимуществ в маневрировании и преодолении неровностей пути, ограниченности сектора обстрела из автомобиля; применяются также дезориентация врага путем рассредоточения стаи или стада, укрытие в убежище. Спасаясь от автомашины, зверь зачастую бежит к укрытию, которое затрудняет или делает невозможным передвижение машины, но не всегда обеспечивает маскировку животного. Например, волки забегают в кочкарники и солонцы, где, находясь на виду, чувствуют, однако, себя в безопасности на расстоянии 100—150 м и не пытаются уходить глубже, что указывает на некую рассудочность их действий и подтверждается наличием данной повадки у зверей, не имеющих опыта спасения от автомобиля. Животные усваивают, что их маневренность выше маневренности преследователя «на колесах».

Спасаясь от автомашины, звери нередко опорожняют кишечник и мочевой пузырь, а также желудок, срыгивая пищу. Дзерены, джейраны и сайгаки, уходя от преследования хищника, делают прыжки, которые сигнализируют сородичам об опасности. Точно такие же прыжки эти звери демонстрируют, будучи преследуемы на автомашине. Арсенал повадок животных, противопоставляемый хищнику-преследователю, сходен с применяемым при бегстве от автомашины. В последнем случае он дополнительно обогащается оригинальными приемами. Уход антилоп в биотопы, непроходимые для автомашины, едва ли эффективен при их спасении от волков, которые обладают не меньшей проходимостью. Приемы же убегающих от машины волков не могли сформироваться под влиянием хищников, так как практически ни один из крупных хищников не использует длительное преследование, свойственное волкам.

Волчьи повадки частично возникли в процессе преследования человеком, пользовавшимся для этой цели лошадью и собаками. А часть приемов, очевидно,— «изобретение» современных волков, которых с борзыми и гончими практически уже не добывают, так же как и не преследуют на конях.

Скорость бега зверей, преследуемых на автомобиле, меньше, чем преследуемых на самолете. Очевидно, быстрота передвижения жертвы определяется не только естественными возможностями, но и скоростью преследователя. Резервы организма реализуются в соответствии со степенью опасности.

Спасаясь от автомашины, сайгаки, джейраны, дзерены и остальные виды антилоп, а также куланы, северные олени и многие дру-

гие копытные стремятся обогнать ее и пересечь дорогу. Подобная реакция наблюдается у этих животных и по отношению к другим движущимся объектам. Антилопы обгоняют всадника или караван верблюдов и в нескольких метрах перебегают дорогу, как бы приглашая поиграть в догонялки. Сайгаки пересекают дорогу преследователю лишь в том случае, если при этом они двигаются в сторону повышения местности, на плато, где ровная твердая поверхность дает им возможность максимально использовать свои скоростные возможности и бежать с максимальной быстротой, обычно превышающей скорость хищника,— так поступали даже больные и ослабленные животные [67]. Это простое объяснение целиком подходит к условиям о. Барсакельмес, где проходили наблюдения.

Сходное поведение других копытных и сайгаков в иных частях ареала не всегда поддается объяснению с помощью данной гипотезы. Вероятно, биологический смысл повадки «лезть под колеса» более широк. Можно предположить, что она возникла благодаря естественному стремлению животных к соревнованию друг с другом, в результате чего в процессе эволюции формировались популяции, способные к быстрому длительному бегу. Возникнув случайно, данная особенность поведения могла закрепиться в ходе естественного отбора и стала врожденной. Несмотря на инстинктивный характер, она не имеет в своем проявлении абсолютного автоматизма.

Там, где за сайгаками, джейранами часто охотятся на автомашинах, они бросают свою манеру и сразу же стремятся уйти в сторону от дороги.

Если у многих неохраняемых диких копытных наблюдается постепенное нарастание осторожности к автотранспорту, то в отношении домашнего скота выявилась обратная картина: имевшая место в период появления автомобильного транспорта опасливость в отношении к нему со временем сменилась полным равнодушием. Подобная реакция постепенно формируется у ряда тщательно охраняемых диких животных, а также обитающих на заповедных территориях. Они теряют осторожность в отношении средств сухопутного транспорта. Спокойно относясь к привычному шуму моторов, звери, однако, не теряют осторожности по отношению к естественным, экологически адекватным раздражителям, ничтожным в сравнении с параметрами раздражений, исходящих от транспортных средств.

Возможности управления поведением животных (перегон в нужное место, загон в ловушки и т. д.) с использованием автомашин ниже, чем при использовании воздушного транспорта, не имеющего преград на путях своего передвижения.

Автомобиль, трактор, поезд и все, что связано с ними, постепенно «вживается» в экологию, жизнь зверей. Дикие животные медленно адаптируются к сухопутному транспорту, однако вырабатывающиеся у них приспособления все же не компенсируют ущерб от него.

РЕАКЦИЯ ЗВЕРЕЙ НА СРЕДСТВА ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА

Значение авиации в жизни человечества неуклонно возрастает. Все шире используется она и в охотничьем хозяйстве. Успешное применение вертолетов и самолетов для учетных работ, сокращения численности волков и для других целей в значительной степени зависит от наших знаний поведенческих реакций животных на эти средства транспорта. Сведения такого рода собраны специалистами главным образом в отношении крупных зверей, причем обитающих на открытых пространствах.

МЕДВЕДИ. При учетных работах, проводившихся на Кавказе, бурые медведи убегали от вертолета в различных направлениях. Звери, находившиеся в берлогах и других убежищах, по-видимому, не покидали их (данные авианаблюдений оказывались намного заниженными в сравнении с результатами наземного учета). Отмечен факт, когда медведь, потревоженный во время авиаучета, заломал большое количество берез, стоявших вокруг берлоги [29]. Бурый медведь, настигаемый вертолетом, иногда встает на дыбы и как бы переходит к активным оборонительным действиям.

На том месте, где лежал застреленный сутки назад лось, бродил медведь. Несмотря на то, что самолет дважды низко пролетал над ним и при этом наблюдатель на борту стрелял из винтовки, зверь не убегал, более того, как только самолет приближался к нему, поднимался на дыбы с явным намерением отпугнуть «большую птицу». Медведь оказался старым исхудавшим самцом. Известен также случай, когда на севере Красноярского края посадке вертолета МИ-6 помешал стоящий на задних лапах медведь с раскрытой пастью. Экипаж развернул вертолет и сбил хищника струей воздуха от несущего винта. Это охладило пыл зверя, и он убежал. Когда вертолет снизился, оказалось, что медведь успел опустошить две бочки с рыбой из восьми оставленных рыбаками. В тундре Ненецкого автономного округа наблюдали, как медведь, увидев вертолет, резко снижавшийся над ним, бросился в реку и стал лапой бить по воде, видимо, брызгами пытаясь отогнать его от себя.

Иногда медведи пугаются самолета. Наблюдали, как медведь, увидя самолет, быстро побежал к нескольким оставшимся на вырубке деревьям и встал, взявшись за ствол одного из них. Когда самолет пролетел, он обежал ствол и, став с другой стороны, смотрел, вытянув шею, вслед ему.

В ряде случаев бурые медведи спокойно относятся к воздушному транспорту. В Кроноцком заповеднике медвежата двух самок, приходившие в Долину гейзеров, вели себя совсем бесстрашно и даже паслись в 200 м от приземлившегося самолета. В Магаданский аэропорт как-то забрел бурый медведь.

Гризли в сравнении с другими крупными животными Северной Америки на самолет реагируют наиболее сильно и пускаются наутек задолго до его приближения. Когда самолет нагонял бегущего медведя, он резко менял направление бега, стремясь уйти с открытого места.

Белый медведь, увидев самолет, зачастую останавливается и, подняв голову, рассматривает его. На Аляске когда-то про-

цветала охота на белых медведей с помощью самолета, иногда выполнявшего роль загонщика (нагоняли зверя на стрелка). Белый медведь, преследуемый вертолетом, бежит прямолинейно, не оглядываясь. Задние лапы у него при прыжках заходят за передние. Попадая в овраг, он иногда кубарем скатывается вниз. Самки медведя, преследуемые самолетом или вертолетом, ведут себя более спокойно, чем самцы. Пролетающий самолет заставляет покинуть берлогу белого медведя, залегшего в нее летом при недостатке корма или спасения от кровососущих насекомых [90].

ВОЛК. В первые годы применения аэропланов для истребительных работ волки довольно спокойно относились к воздушному транспорту. Исследователи отмечали, что при приближении самолета звери почти всегда вначале на него не реагировали. Они медленно и неохотно поднимались, а после того, как машина проходила над ними на высоте 100—200 м, лишь смотрели ей вслед и вновь ложились. Только после второго захода, когда расстояние между самолетом и волками сокращалось до 15—20 м и с его борта раздавался выстрел, звери бросались врассыпную и на махах уходили в ближайший лес или овраг. Молодые волки в отдельных случаях проявляли интерес к вертолету и шли на сближение с приземлившейся машиной, останавливаясь примерно на расстоянии 100 м. Наблюдая пролетающий самолет, волки стоят, как правило, к нему боком, повернув головы. Весьма редки случаи, когда зверь стоит к вертолету грудью или задом.

В Канаде волки менее всех других крупных млекопитающих реагировали на самолеты, которые весьма часто пролетали над угодьями, в которых они обитали. В Северной Америке в штате Мичиган в течение нескольких зим в феврале и марте патрулировали волков на легком самолете с целью изучения. Звери привыкли и не боялись его. Биолог-охотовед Г. И. Чувашов наблюдал в южной тундре Гыдана, когда при подлете вертолета пять волков (двое матерых и трое молодых) сбежались вместе и, став звездообразно, сомкнули головы, касаясь друг друга плечами. Хвосты их были вытянуты. Через несколько секунд, словно «посовещавшись», звери разбежались в разные стороны. Подобное поведение волков зафиксировал североамериканский зоолог Д. Мич, который писал: «Однажды я наблюдал, как волки длинной вереницей трусили вдоль замерзших берегов острова Айл-Ройал на озере Верхнем. Внезапно они остановились и повернули головы навстречу ветру — там в отдалении виднелась фигура большого лося. Через несколько секунд волки сбились в кучу, повиливая хвостами и соприкасаясь носами. Затем снова гуськом они двинулись против ветра в сторону лося» [89, с. 58]. Возможно, описанный ритуал связан с принятием решения и способствует сплочению в группы зверей для совместной охоты и взаимной защиты.

Реакция на самолет зависит от периода года и эмоционального состояния животных. Наблюдали, как, увлекшись любовными играми, пара волков не обращала внимания ни на летавший над ними самолет, ни на проходившее в километре от них стадо до-

машних оленей. Известно, что, если в паре волков убита волчица, оставшийся в живых самец долго не уходит из района отстрела.

Еще в самом начале преследования волка на самолете зверь отрыгивает из желудка избыток пищи — это дает возможность бежать налегке, развивая большую скорость. Отрыгивают пищу примерно 3% особей из числа настигаемых самолетом. Для этой процедуры волк должен остановиться. Он подгибает под себя голову, горбится и опускает хвост, уши торчат в разные стороны — вид у зверя виноватый. Одна особь может отрыгивать до 3 раз. Извергаются крупные куски мяса, которые вкупе похожи сверху на толстую колбасу, перевязанную веревочками. Максимальный объем одноразовой отрыжки достигает 1,5 л. Отрыгнув, волк в первые мгновения находится в какой-то нерешительности и не пытается сразу бежать, что облегчает его добывание. Примерно 10% преследуемых на самолете волков извергают жидкие каловые массы черного цвета, хорошо заметные на снегу. Расстройства не возникает, если самолет не преследует волка по следам, а подлетает к следу сбоку.

В условиях тундры по твердому насту, облегчающему движение, волк способен бежать 5—6 км со скоростью до 80 км/ч. Чаще всего зверь мчится от вертолета по ветру, что облегчает бег. Утомившись, он переходит на рысь и лишь с приближением вертолета — вновь на галоп. Настигаемый волк стремится выскочить на твердый снег, чтобы облегчить бег. В госохотхозяйстве «Смоленское» волки часто убегают от самолета в ельники, используя кабаньи тропы. При непосредственной близости вертолета волк делает рывки в стороны, но при этом тело его остается параллельным избранному направлению движения, даже если впереди населенный пункт. Был случай, когда убегающие волки перепрыгивали через бегущих кабанов. С приближением самолета ближе 30—40 м зверь начинает резко менять направление, что затрудняет стрельбу. Среди матерых волков чаще такой тактики придерживаются самки. Броски в стороны достигают 30°. Нередко преследуемый волк уходит под правый борт вертолета, скрываясь из сектора обстрела. Даже неопытные звери соединяют представление об опасности со стрелком, ведущим стрельбу через проем слева.

На открытых местах волки с приближением самолета на 300—500 м убегают в сторону леса [42]. Поведение волка в пустынных районах Казахстана, например, различно. Некоторые особи мало обращают внимания на самолет, другие обращаются в бегство уже на расстоянии километра. На льду Северного Каспия волки, заслышав шум мотора и увидев самолет, пытаются уйти, но, убедившись в бесполезности своей попытки, резко останавливаются и стараются скрыться в торосах или камыше и лежат там довольно плотно. Убегают от вертолета лишь хищники, застигнутые врасплох на открытом месте; волки же, лежащие в укрытии, вообще не встают с лежек [69].

В центральных районах страны, где сеть авиатрасс наиболее густа, животные привыкли к самолетам и зачастую не реагируют

даже на грохот, возникающий в момент преодоления звукового барьера.

При преследовании волков на вертолете в светлохвойных лиственничных лесах на севере Хабаровского края они затаивались, уходили в чащу, прятались в завалах, береговых нишах, поэтому раненых и затаившихся хищников приходилось выслеживать по следам. Чем сомкнутее полог леса, тем сильнее затаиваются звери, поэтому авиаучет волков в Бурятии, например, оказался неэффективным.

Тундровые волки при преследовании их самолетом рассредоточиваются, но бегут чаще в одну сторону, что облегчает их добывание. Волки же лесной части тундры действуют в этой ситуации «умнее»: разбегаются в разные стороны. При рыхлом снеге звери семейной группы следуют друг за другом, не сходя с тропы, однако некоторые особи имеют нестандартное поведение и отделяются от стаи.

Чтобы изменить направление движения волков, надо снизиться до предела, обеспечивающего безопасность полета, и лететь им навстречу. Обычно этого бывает достаточно, чтобы звери пошли в противоположную сторону. Лишь единичные особи не бегут от самолета, а сидят и скалят на него зубы. В таком случае выстрел из ружья или ракетницы заставляет их все же бежать в нужном направлении. Устрашающим действием самолета можно отрезать волков от облесенных участков, направив их к открытому месту. Это особенно хорошо удавалось в первые годы охоты на волков с самолета. В последующее время они стали менее «послушными» и при погоне за ними нередко стремятся к укрытию. Иногда звери проявляют удивительное упорство. В Якутии был случай, когда волка, бежавшего руслом реки, не могли «вытолкнуть» на чистое место, преследуя его на самолете АН-2 около 50 км и сделав по нему 90 выстрелов.

С развитием охоты на волков с самолета поведение их становится менее стереотипным, перечень уловок, позволяющих спастись, возрастает. Иногда зверь скрывается в нору. Известны случаи, когда, спасаясь от самолета, волки прятались в хлев к овцам, прыгали в воду, забегали в селения и крестьянские хаты. Однажды испугавшийся самолета волк забежал в деревню и спрятался в густом палисаднике, где скоро был обнаружен и выгнан крестьянами. После безуспешного выстрела по нему с самолета он снова кинулся к избам, показываясь то там, то здесь в закоулках. С трудом людям удалось выгнать его на огороды, где он и был настигнут с воздуха. Часто забежавшего в селение волка выгоняют на открытую дорогу собаки.

Ранее преследовавшиеся с самолета волки обычно уходят с места отдыха задолго до того, как самолет приблизится к ним, и удаляются за это время на 10—15 км. В последнее время у волков, обитающих в тундре и степи, стало формироваться новое приспособление — звери, заслышав издалека гул самолета не спасаются бегством, а ложатся, маскируясь в тени от незначительных

неровностей рельефа. Иногда они прячутся под деревьями, прижимаясь к стволу, или под стогами. Раненые звери, особенно самки, закапываются в снег.

Чувствуя безуспешность попытки убежать, некоторые волки поворачивают обратно и с открытой пастью, вздыбленной на загривке шерстью идут навстречу самолету. Хвост у них при этом стоит торчком или поднят выше линии спины, иногда зверь вертит им. Зверь прыгает в сторону самолета (прыжки достигают 2 м в высоту), щелкает зубами. Изменение направления бега волка на противоположное ведет к сложению скоростей зверя и самолета, в связи с чем стрельба затрудняется. Агрессивное поведение в отношении самолета наблюдается у взрослых зверей обоего пола, а иногда у переярков и даже прибылых. Зафиксированы два случая, когда весной (в мае) из пары преследуемых волков отделялся самец и шел, оскалив пасть и вращая хвостом, навстречу самолету. Приняв огонь на себя, самец давал самке убежать на 7—8 км вперед, что, правда, не спасло ее. Обе отстрелянные волчицы были беременны (Чувашов, 1984).

В Северной Америке был случай, когда волк, подпрыгнув, вцепился зубами в лыжу самолета, что повело за собой аварию и гибель машины. Зафиксирован факт, когда раненый волк, оскалив пасть, пошел на приземлившийся близко от него самолет.

Волки, застигнутые вертолетом у добычи, иногда делают попытку защищать ее. Один из трех волков, найденных у туш забитых оленеводами северных оленей, держась за пределами снежного вихря, образованного зависшим вертолетом, принял угрожающую позу: стал вращать хвостом и щелкать челюстями. Когда вертолет развернулся, матерый зверь снова появился перед кабиной и таким же образом угрожал видневшимся через стекло кабины людям. При выключении мотора он присоединился к собратьям, стоявшим в сотне метров, и группа скрылась за холмом. Возможна реакция и иного характера. Волчица, преследуемая на вертолете, вынужденно свернула к реке, где снег был рыхлым. Почувствовав, видимо, невозможность дальнейшего бегства, она неожиданно повернула назад, навстречу вертолету. При этом виляла хвостом и вела себя так, как это делает ищущая примирения собака.

ЛИСИЦА И ПЕСЕЦ. Реакция на самолет лисицы, находящейся на лежке, зависит от степени привыкания ее к этому объекту. Работы в Смоленской обл. весной 1957 г., проводившиеся на ПО-2, показали, что авиаучет лисицы проще, чем волка: с приближением самолета она встает, волк же ограничивается лишь небольшим поворотом головы. В то же время наблюдали, как лисица вблизи аэродрома лежала на копне, не поднимая головы под низколетящим со страшным ревом самолетом, но тут же вскочила, как только скрипнули лыжи охотника. Если она не была застигнута на открытом месте, то с приближением вертолета затаивается, в ряде случаев убегает от самолета зигзагами и часто оглядывается, а иногда, быстро развернувшись, бежит обратно, попадая под

фюзеляж. Часто лисица, как и песец, принимает позу обороняющейся кошки. Подчас она встречает самолет, перевернувшись на спину. На аэродроме возле г. Кызыла не раз замечали лисицу. Однажды ее хвост мелькнул прямо на взлетно-посадочной полосе перед приземлившимся ЯК-40 (позже выяснилось, что нора зверя находилась неподалеку от аэродрома). В ИЛ-18 лисята после пуска моторов и взлета с испуганным видом забились в угол клетки, но после набора высоты постепенно привыкли к шуму и вели себя спокойнее, поедали корм, пили воду.

В 30-х годах, пролетая над тундрой, можно было видеть, как песцы стремительно убегали от самолета или прятались в норах. Теперь же в полете хорошо заметно, что эти зверьки не обращают внимания на вид и гул самолета, спокойно следуя своим маршрутом или отдыхая. При сильном близком реве моторов самолета песец прижимается к земле и оглядывается, а когда самолет удалится, встает, иногда некоторое время сидит и, наконец, следует своим путем. Наблюдали, как песец, евший приваду, лишь поднял голову, оглянулся на близко пролетевший реактивный самолет и, даже не приседая, продолжил трапезу. При преследовании этого зверя на вертолете он начинает беспорядочно метаться, бег же лисицы в данной ситуации более направлен.

ДРУГИЕ ХИЩНЫЕ ЗВЕРИ. Со скоростью вдвое меньшей скорости волка, примерно 30—40 км/ч, убегает преследуемая на самолете *росомаха*. Чаще, чем волк, она меняет направление бега на обратное и пробегает под фюзеляжем. При наличии мягкого снега четыре росомахи из десяти прячутся в него и проходят до 10 м внутри толщи, причем погружаются неглубоко, примерно на 50 см, используют при этом снежные надувы. В последний момент погони звери переворачиваются на спину и как бы пытаются защищаться от вертолета когтями. Росомаха менее, чем волк, осторожна по отношению к пролетающему самолету, но более опаслива, чем лисица. Часто зверь убегает от самолета по кромке леса, тем самым не позволяя снизиться над ним. В районе Салехарда был случай, когда росомаха подбежала к одиночному дереву и бегала вокруг него, сообразуя свое положение с направлением полета самолета; она всегда оставалась прикрытой деревом, и это сулило ей спасение.

В 1976 г. в Приморье вертолет, преследуя *тигра*-людоеда, неожиданно потерял его из виду. Оказалось, что зверь встал к стволу дерева, приняв вертикальную позу, и благодаря этому стал невидим с воздуха.

Первая реакция ручного *гепарда* на низко летящий самолет была панической, но впоследствии при отсутствии стрельбы и иных отрицательных воздействий она затухла. Услышав впервые самолет, маленькие гепарды разбежались от матери, но в последующем перестали обращать на него внимание.

СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ. При авиаучетах диких северных оленей на Таймыре было замечено, что на виражах или круговых полетах над группой или стадом животных последние начинают группиро-

ваться более плотно и при случае сразу же уходят в противоположную от самолета сторону, вытягиваясь иногда неширокой лентой, что дает возможность вести более точный подсчет. При пересечении пути стремительного бега оленей звери иногда останавливаются и поворачивают в другую сторону. Однако имелись случаи, когда они старались все же пересечь линию движения самолета, уходя все время в одну и ту же сторону. В редких случаях стадо разбивалось на мелкие группы. При умелом маневрировании стадо оленей можно направить в нужную сторону.

С приближением самолета АН-2 дикие олени, пасущиеся на безлесных слегка возвышенных местах с неглубоким снежным покровом, иногда бросались в лес, но, попав в глубокий снег, тут же возвращались на открытые участки. Учеты этих зверей в Ханты-Мансийском автономном округе с помощью вертолета МИ-1 на высоте 90 м и скорости 100 км/ч показали, что те из них, которые находились на закрайках боров, заслышав шум моторов, сразу же старались укрыться в глубине зарослей. С приближением вертолета звери обычно затаиваются и только в случае прямого налета на них слегка отбегают или разбегаются в стороны. Выгнать оленей для пересчета на редколесья, поляны или окраины боров удается лишь направленным маневрированием или, что более надежно, продуванием зарослей воздухом от несущих винтов при зависании вертолета. Во многих случаях стронутые таким образом звери, отбежав, сразу же затаиваются в соседних зарослях. Замечено, что отдельные группы животных, находящихся по соседству с выпугнутыми, затаиваются особенно сильно, их удается выпугнуть, лишь снижая вертолет до высоты 20—30 м. Поэтому разовый учет дает заниженные результаты, и для получения объективных сведений необходим двух- или трехразовый облет угодий.

Ранее уже отмечалось, что безограничительное применение авиации и снегосходов отрицательно сказалось на кольской популяции диких северных оленей, что должно послужить уроком на будущее.

Реакция северных оленей на самолет зависит от количества животных в группе. Группы, включающие менее 10 особей, реагировали на самолет слабее, чем более крупные, а группы, состоявшие из важенок, телят и сеголетков, наоборот,— острее, чем группы из одних быков. Однако с приближением самолета оторвавшиеся от основной массы одиночные особи карибу поднимали головы и спешили присоединиться к стаду. Теленок, находящийся на расстоянии нескольких метров от матери, с появлением самолета почти всегда стремится к ней.

Наблюдения, проведенные в Канаде, показали, что реакция на вертолет взрослых и молодых карибу различна. Если вертолет не пытался преследовать и летел на достаточной высоте, то взрослые звери на него не реагировали. У молодых особей появление вертолета стимулировало игровое поведение, что, очевидно, служило проявлением общего возбуждения [129]. Если на самолете

лететь навстречу стаду северных оленей, реакция последнего зависит от того, кто во главе стада — бык или важенка. Если во главе бык, он поворачивает обратно и врывается в стадо, создавая панику, а если важенка, она чаще всего сворачивает в сторону и уводит за собой стадо.

Реакция оленей на самолет зависит от сезона года. Тундровые карибу Юкона и Аляски меньше реагируют на него при миграциях весной и осенью, чем в другие сезоны. На машину, летящую выше 150 м, мигрирующие карибу почти не реагируют. Еще более спокойно эти олени относятся к самолету во время отела и зимовок [116]. В Таймырском национальном округе во время осенних авиаучетов наблюдались случаи, когда спокойно лежащие самцы северного оленя не реагировали на пролетающий вблизи самолет, однако бывают случаи, когда и летом животные, одолеваемые кровососущими насекомыми, относились к самолету довольно безразлично.

Реакция зависит и от высоты полета. Бег или паника наблюдались у карибу лишь при высоте менее 60 м, при высоте более 150 м эти реакции у зверей отсутствовали. На Таймыре при полетах на высоте 200—250 м встреченные дикие северные олени вели себя по-разному. Большинство зверей, только услышав приближающийся шум самолета, заранее убегали в сторону. Те же олени, что находятся большую часть летнего времени в местах прохождения линий авиатрасс, почти не реагируют на шум самолета. Встречаются также особи, спокойно пасущиеся вблизи летящего самолета. Однако в большинстве случаев реакция диких и домашних северных оленей различна: первые сбиваются в группу, вторые не обращают на него внимания.

Северный олень, преследуемый на вертолете, при истощении сил останавливается и делает попытки обороняться рогами (у лосей подобные действия наблюдаются значительно реже). Преследуемый зверь при ранении уходит на большее расстояние, чем стоявший перед выстрелом неподвижно, а раненный на бегу даже со смертельной раной успевает убежать на 1,5—2 км. На Камчатке при отстреле северных оленей с вертолета до 30% раненых зверей уходят, не попадая в руки охотника.

Существовавшая в нашей стране в течение ряда лет практика сбора домашних оленей в стадо с помощью самолета прекращена из-за вредных влияний, которые испытывают при этом животные.

Выяснилось, что преследование животных на самолете ведет к потерям их массы, ослаблению и повышенной восприимчивости к болезням (особенно обычны заболевания эмфиземой в холодную погоду), выкидышам, смещению плодов при отеле, затрудняющему роды, физическим повреждениям во время бега, оставлению или затаптыванию новорожденных.

В тундрах Якутии во время летнего массового отстрела северных оленей при помощи авиации (и вообще после полетов малой авиации) наблюдалось абортирование у стельных важенок. Существует три степени вреда оленям от авиатранспорта. При панике может наступить мгновенная смерть или могут быть нанесены увечья. При длительном преследовании имеет место чрезмерная трата энергии или происходят резкие изменения физиологиче-

ского состояния, понижающие успех размножения или выживаемость. В третьем случае могут произойти долговременные перемены в поведении, использовании пастбищ. При панике в первую очередь гибнут самки на поздней стадии беременности и телята. Потеря энергоресурсов от воздействия самолетов особенно опасна зимой при недостаточном питании и летом, когда животных беспокоят насекомые. При изучении внутренних органов северных оленей, добытых с самолета, обнаружилось, что около половины животных имели значительные кровоизлияния в легких, а масса этих органов была увеличена иногда вдвое. Очевидно, что уцелевшие после длительного преследования животные обречены на скорую гибель [44]. При преследовании северных оленей на самолете или вездеходе нарушается пространственная и стадная организация популяции, что отрицательно сказывается на численности этих животных.

Для безопасности оленей следует соблюдать минимальную высоту полета в 150, а в период миграций — 300 м.

ЛОСЬ. Во время авиаучетов не раз отмечали, что эти звери слабо реагируют на самолет, зачастую с лежек не встают, лишь поднимают головы. Нередко поведение лося остается неизменным даже с приближением самолета на 150—200 м. На более близком расстоянии животные перестают кормиться, поднимаются и убегают в сторону. После вьюги только второй или даже третий проход самолета над животным заставлял его подняться, причем часть лосей обнаруживали лишь тогда, когда они взламывали над собой и стряхивали слой маскировавшего их снега [27]. Если вертолет снижается до 10 м и летит со скоростью 60—80 км/ч, лось обычно не выдерживает и, поднявшись с лежки, бежит, скорость его при этом бывает 30—32 км/ч.

На вырубках пуганый лось бежит в недоруб, даже если там всего 3—4 дерева, и останавливается. При использовании вертолета для отстрела лосей в Кировской обл. через несколько дней количество обнаруживаемых самцов резко уменьшилось. Предполагается, что они скрывались в недорубах. Выгнать лося из чащи на чистое место не просто и удавалось лишь в пойменных угодьях.

Реакция на самолет и его звук зависят от опыта зверей. Например, при учетах на Камчатке от поселка Аянка и до устья р. Кургучана, где часто появляются вездеходы, тракторы и другие машины, лоси очень пугливы. Услышав звук самолета, они стремятся к укрытию, в густые насаждения, зачастую даже выходят из пойменных лесов в каньоны, где заросли особенно густы. Убегая от звука самолета, они иногда переходят на несвойственный им аллюр — галоп. В отдаленных угодьях эти звери с приближением самолета часто даже не встают с лежек, чаще спокойно стоят или медленно уходят в заросли кустарников [96].

Лоси, преследуемые вертолетом, по глубокому плотному снегу бегут цепочкой след в след, прямо, без зигзагов. Когда вертолет их настигает, поворачивают в сторону, разбегаются, а затем вновь бегут цепочкой один за одним. Если преследовать лосей на высоте 30—50 м, некоторые особи проявляют агрессивность: прижимают уши, выбрасывают передние ноги, бегут в сторону летящей машины. Из 23 лосей, преследуемых на вертолете в Кировской обл. в 1964 г., три развернулись и побежали в обратную сторону, а

одна самка встала на задние ноги, как бы пытаясь напасть на вертолет.

Лучшие из прирученных лосей на лосефермах не испытывают страха к самолету, автомашине и спокойно подходят к ним вплотную. Известен случай, когда лось пожаловал на летное поле Внуковского аэродрома Москвы. Не боясь шума винтов запускаемых двигателей, он от рулевой дорожки прошел на стоянку вертолетов, затем к зданию аэровокзала и прошелся по перрону. Снимок этого лося на фоне самолетов был опубликован.

КАБАН. При учете этих зверей в пойме р. Чу с использованием вертолета МИ-1 наблюдались различия в их поведении при разной высоте и скорости полета. При полете со скоростью 40 км/ч кабан, заслышав шум приближающегося вертолета, заблаговременно отбегал в сторону и затаивался, видны были лишь свежие лежки и следы. При скорости 120 км/ч и высоте полета 50 м зверь часто оставался незамеченным, так как «не успевал испугаться» и пребывал на месте. Оптимальной оказалась высота в 100 м, при которой кабан не выдерживал шума вертолета и убегал, легко обнаруживая себя [109].

На открытых пространствах Казахстана эти животные ведут себя по-разному в зависимости от характера угодий. Например, с обрывистых берегов кабаны стараются уйти от налетающего самолета к речкам. В тростниках звери убегают с приближением самолета на 300—400 м и, отбежав в сторону на 20—30 м, останавливаются. Убегают плотной цепочкой, впереди взрослые особи, за ними молодняк. Если кабанов преследовать на самолете в лесистой местности, они сразу табунятся, затаиваются под пологом леса, но при повторном прохождении над местом затаивания при высоте 30—50 м не выдерживают и выбегают из укрытия.

В лесных угодьях звери, жирующие на открытом месте, весьма осторожны. Они активно реагируют на приближающийся самолет с расстояния 300—400 м и стремятся убежать в «крепкие места». В то же время на лежке под пологом леса, в тростнике, в кучах соломы они поднимаются очень неохотно, даже если самолет приблизился на 50—100 м. В Кубанских плавнях зимой 1965/66 г. кабаны с приближением вертолета оставались на лежках, лишь иногда звездообразно разбегались. Взрослые секачи в отдельных случаях останавливались и, присев, делали попытки оборониться.

При отстреле с вертолета МИ-1 в Приазовских плавнях кабаны, заслышав его рокот, вели себя по-разному: одни затаивались, прижавшись к земле, другие убегали в заросли. Поросята с приближением вертолета сбивались плотной кучкой возле самки, так что сосчитать их сверху было невозможно. Преследуемые кабаны покидали свои обжитые места (например, два зверя пытались переплыть покрытый тонким льдом лиман, но выбились из сил, переохладились и погибли). После отстрела взрослых особей много молодняка погибало. При проведении авиаучетов в горной местности кабаны с приближением вертолета уходили вверх по тропам, поднимаясь до высоты 2000 м. На Кавказе они убегали от

вертолета всем стадом, но при встрече с другим стадом не смешивались с ним.

ДРУГИЕ КОПЫТНЫЕ ЗВЕРИ. С приближением вертолета в паническое бегство обращаются *серны и туры*, и в угодьях с наличием скал они быстро прячутся. При повторных заходах вертолета эти животные не обнаруживаются.

В горах Армении *безоаровые козлы* с приближением вертолета стремились как можно скорее укрыться в ближайшем убежище и бежали к нему напрямик даже тогда, когда вертолет настигал и перегонял их. При этом крупные группы часто разбивались на более мелкие, каждая из которых пряталась самостоятельно. Если избранное животными убежище оказывалось недостаточно надежным, то при повторном приближении вертолета козлы перебегали в другое. *Муфлоны* (Ovis ammon) почти не реагировали на появление самолета: продолжали пастись или лежать. Однако при его приближении звери спасались вскачь, а когда он настигал их, кидались в сторону или даже в противоположном направлении, но не стремились к убежищу.

На Камчатке *снежные бараны* обычно спасались от охотников в скалах. После того как стала практиковаться охота с вертолета, они, заслышав звук его мотора, стремглав спускаются с альпийских и субальпийских лугов в зону густых кустарников, где и затаиваются (Язан, 1970).

В Якутии при наблюдениях в сентябре напуганные чем-либо снежные бараны, когда они обычно находятся на высоте 1200—1500 м и реже 700—800 м, всем табунком быстро двигаются вверх, добираются до гребня и поднимаются по нему. Добравшись до самой высокой точки, самки с ягнятами после короткой остановки начинают спускаться вниз. Взрослые самцы, добравшись до верха, пытаются «нападать» на вертолет. Вниз звери идут неохотно и бегут к скальным выходам, где можно отстояться. Пустившиеся в кочевку самцы снежного барана при появлении вертолета разбиваются по одному, а также табунками в 4—6 особей и разбегаются, а самки продолжают стадно идти в одном направлении. Беспокойство, причиняемое авиатранспортом, пагубно сказывается на популяциях снежного барана. Если несколько раз разогнать на вертолете стадо, к весне оно сокращается наполовину.

Взрослые самцы *джейранов* в ряде случаев не убегают и, опустив голову, ждут приближения самолета. Когда он подлетит на бреющем полете, подпрыгивают вверх, чтобы ударить рогами. На Устюрте наблюдали, как самцы джейрана, пытаясь защищать табунок самок, прыгая, делали попытки бодать низко пролетающий самолет. Подобные случаи неоднократно отмечали в разных районах Казахстана. Самки *сайгаков* с детенышами прыгают вверх, стараясь ударить самолет головой или передними ногами. Так же они защищают детенышей от хищных птиц. Сайгаки на расстоянии 700—1000 м от самолета (при высоте 500 м) перестают кормиться, поднимаются с лежек, всматриваются, а затем, если самолет приближается, стараются большей частью убежать. Во время

переходов на отел стада сайгаков, как известно, растягиваются. При полетах вдоль направления движения стада животные некоторое время не меняют направление своего хода [42], что намного облегчает проведение учетных работ. Если курс самолета проходит поперек движения стада, то при его приближении животные скучиваются и разбегаются. Поэтому в концентрациях сайгака на местах отела учетный маршрут самолета целесообразно прокладывать по краю скопления. При этом звери уходят от самолета широким фронтом в одном направлении.

Испуг, вызванный самолетом, затормаживает оборонительную реакцию сайгака на хищника. Во время авиаучета в Южно-Казахстанской обл. наблюдали волка, бежавшего в середине табуна сайгаков, бок о бок с напуганными зверями (он, видимо, только что задавил сайгака, так как с высоты 50 м была видна его окровавленная морда). Учет *горалов* с самолета не применялся, так как напуганные животные затаиваются, и обнаружить их трудно.

При авиаучетах в Омской обл. *косули* слабо реагировали на шум летящего самолета, с лежек поднимались лишь некоторые. Находившиеся на кормежке особи останавливались и прислушивались, лишь в редких случаях пугались и убегали. Выслеживая косуль по следам вблизи большого города в месте, где пролегала воздушная трасса и большие самолеты помногу раз в день пролетали здесь на небольшой высоте, наблюдали, как эти животные реагируют на оглушительный шум. Оказалось, никак: лишь иногда постоят немного, потопчутся на одном месте и снова пойдут в прежнем направлении, с лежки не встают. В Якутии эти звери, преследуемые вертолетом, уходят прыжками, резко меняя направление. Обычно косуля, убегая от самолета или вертолета, в отличие от *благородного оленя* чаще затаивается под кронами деревьев, уходя из укрытия лишь при повторном прохождении самолета на высоте 50—100 м. Однако при учете в пойме р. Чу на вертолете МИ-1 косули в противоположность *кабанам* не пытались прятаться в зарослях, а, наоборот, выскакивали на открытые места и сбивались в табунки, чем легко себя обнаруживали. Для их учета оказалась пригодной скорость 120 км/ч на высоте 200—250 м.

Если самолет, летящий на высоте 150 м, приблизился на 300—400 м, благородные олени поднимаются с лежек и стоят. На более близком расстоянии табунки разбегаются, и звери уходят галопом, придерживаясь открытых мест. При преследовании они обычно не затаиваются. Акклиматизированные *пятнистые олени* в сильнопересеченной местности с приближением вертолета вели себя по-разному: некоторые останавливались и смотрели, большинство же разбегалось, при этом отдельные особи нередко отбивались от своей группы и присоединялись к другой.

Звук летящего самолета *куланы* слышат раньше человека и точно определяют, с какого направления исходит шум. В заповеднике «Барсакельмес» самолетов эти звери не боятся (от приземлившейся машины куланы отбежали и, остановившись, смотрели на нее, а один из самцов подошел вплотную, обнюхал самолет и

снова ушел к табуну [67]). *Овцебыки* улавливают звук самолета в тихую погоду за 2—3 км. С приближением вертолета они группируются и уходят на ближайшую сопку, где занимают круговую оборону. Направить с воздуха бег стада в нужную сторону удается редко.

ЛАСТОНОГИЕ, ЗАЙЦЕОБРАЗНЫЕ, ГРЫЗУНЫ. Изучение отношения *моржей* (Odobenus rosmarus) к различным факторам беспокойства показало, что они, находясь на берегу, реагируют на пролетающие самолеты, но не обращают внимания на проплывающие мимо суда. *Тюлень акиба* (Pusa hispida) реагирует на самолет, идущий даже на высоте 500—600 м; самцы *крылатки* (Histriophoca fasciata) от шума самолета обычно не уходят в воду, а мечутся по льдине; *лахтак* (Erignathus barbatus), почувствовав опасность, не останавливаясь, спешит на край льдины и уходит в воду. При появлении вертолета детеныши *серых китов* (Eschrichtius gibbosus) перемещались ближе к матери и всегда в сторону, противоположную от летящей машины. При снижении машины на 4 м самки начинали яростно бить хвостами по воде и поднимали тучи брызг, что заставляло вертолет набирать высоту [88].

В. К. Эверт, используя вертолет в пойме р. Чу с разными режимами полета для учетов *зайцев*, пришел к выводу, что такой учет не эффективен [109], однако при применении самолета ЯК-12 на высоте 50 м зайцы-беляки вскакивали с лежек и разбегались. Преследуемый заяц-беляк убегает вперед, и когда самолет пролетит над ним, продолжает бежать в том же направлении. Такое же наблюдается иногда в отношении лосей и других зверей.

Учет *сурков* с самолета невозможен, так как они, заслышав шум мотора, скрываются в норы раньше, чем наблюдатель успеет их заметить. Звук самолета, шум автомобиля, резкий крик, одиночный всплеск вызывали у *ондатры* кратковременные снижения сердечного ритма на 20—40 ударов в минуту [81]. Учет *домовых мышей* путем мечения на поле аэродрома и вдали от него не показал различий в численности зверьков, однако масса надпочечников у мышей, пойманных на аэродроме, была достоверно выше, чем у тех, которых ловили в окрестных полях.

* * *

Можно различать пять степеней реакции животных на самолет: паника; стремительное бегство; спокойное бегство; реакция без перемещения; отсутствие видимого реагирования. Паника часто сопровождается спотыканием животных и столкновениями их друг с другом. Обычно с появлением самолета двигательная активность зверя переключается на более интенсивную ступень: лежащие животные поднимаются, жующие перестают кормиться, стоящие отбегают на несколько шагов в сторону, отделившиеся животные бегут к ядру своей группы, бегущие рысью ускоряют темп. Двигательная реакция зверей обратно пропорциональна расстоянию от самолета.

Находясь в безвыходном положении, почти все крупные звери пытаются активно обороняться от самолета. Сайгаки, джейраны, снежные бараны, северные олени подпрыгивают вверх, демонстрируя рога. Волк прыгает с оскаленными зубами, медведь встает на задние лапы с раскрытой пастью, росомаха, лисица, песец принимают позу обороняющейся кошки или бросаются на спину с готовностью защищаться когтями, кабан-секач садится и щелкает клыками. Эти действия, очевидно, наследственно детерминированы и являются вариантом естественных приемов сопротивления нападению крупных хищных птиц.

Животные открытых пространств реагируют на приближающийся самолет или вертолет сильнее, чем звери, связанные с лесом [42]. В степи или тундре копытные животные на расстоянии 700—1000 м от самолета при высоте полета 500 м перестают кормиться, поднимаются с лежек, всматриваются и затем, если самолет приближается, стараются убежать. Копытные, связанные с лесом, в аналогичной ситуации слабее реагируют на воздушные транспортные средства, лишь прислушиваются и перестают кормиться, но с лежки не поднимаются. Животные лесных угодий, находящиеся в момент приближения самолета на открытом пространстве (поляне, вырубке, гари), более осторожны, чем те же звери, находящиеся под пологом леса, в укрытии. Чем плотнее укрытие, надежнее убежище, тем сильнее затаиваются звери. Животные одного и того же вида в различных экологических и ландшафтных условиях могут вести себя по отношению к самолету по-разному. В горной местности шум вертолета при вертикальных полетах, заглушаемый гребнями гор, меньше пугает зверей, находящихся вне зоны видимости пилота.

Авиаучет кабана и кабарги на маршруте протяженностью 4 тыс. км над Витимским плоскогорьем, несмотря на заведомо высокую численность этих животных, не дал результатов: по всей вероятности, звери чувствовали себя в безопасности и затаивались. Благодаря затаиванию животных показатели их численности, установленные с помощью авиаучетов, бывают значительно ниже показателей, полученных с помощью наземных методов. Сравнение, проводившееся при подсчете оленей в США, показало, что с самолета было учтено в январе 34% животных от числа учтенных способом прогона, в феврале — 49, а в марте — 45%.

Систематические особенности реагирования на летательные аппараты обусловлены прежде всего экологическими условиями обитания вида, различиями среды. Морские млекопитающие при появлении самолета спешат в воду, норные прячутся в убежища и т. д. Варьирует степень осторожности у родственных видов. В лесных угодьях слабее других реагирует на вертолет лось, бараны менее опасливы, чем козлы. Загону с помощью вертолета в огороженные территории хорошо поддаются зебры импалы (Aepyceros melampus), водяные козлы (Kobus ellipsiprymnus) и куду (Tragelaphuz strepsiceros). Антилоп ньяла (Tragelaphus angasi) и бородавочников (Phacochoerus aethiopicus) таким способом загнать в

ловушку трудно [140]. В Африке для сокращения численности слонов успешно использовали легкий самолет, с помощью которого их подгоняли к местам селективного отстрела. В отношении антилоп этот же прием не оправдал себя: животные в панике наносили друг другу увечья.

По осторожности в отношении авиации крупные хищники лесотундры располагаются в следующей последовательности: волк, росомаха, лисица, песец.

Напуганные вертолетом стада кабанов не смешиваются друг с другом, тогда как отбившиеся благородные олени охотно присоединяются к другим группам сородичей. Имеют место популяционные различия. Если в европейской части косули нередко затаиваются под кронами деревьев, то в Казахстане они чаще спешат на открытые места. Реакция зверей на самолет связана с их возрастными и половыми особенностями, которые влияют и на поведение животных в группе. Возглавляемое важенкой стадо северных оленей при появлении вертолета может вести себя иначе, чем стадо, возглавляемое быком.

Стадные животные при круговых виражах самолета сбиваются в более плотную группу. Их реакция зависит от числа особей. Более крупное стадо реагирует, видимо, сильнее, чем мелкие группы, но одиночные особи — сильнее животных в группе. При наличии полового, пищевого и агрессивного возбуждения, при миграционной активности, отеле, одолевании гнусом животные слабее реагируют на средства воздушного транспорта. Очевидно, доминантный очаг возбуждения, создаваемый в коре головного мозга естественными ритмами и раздражителями, тормозит возбуждение, возникающее при реагировании на опасность антропогенного происхождения. Находясь у привады или добычи, хищники более смелы, чем обычно, и пытаются защищать свою собственность от «большой птицы». Зверь, убегавший и раненный во время преследования на самолете, уходит дальше, чем получивший рану, стоя на месте.

Реакция животных на средства воздушного транспорта зависит от «поведения» и конструктивных особенностей последних. Существенное значение имеют высота и скорость полета. При высоте более 500 м самолеты и вертолеты не оказывают видимого влияния на поведение животных в любых географических зонах. Полет ниже 100 м вызывает у зверей значительное беспокойство, двигательную реакцию. Мощный звук, возникающий в момент преодолевания реактивным самолетом звукового барьера, несомненно, тревожит животных, как и людей, больше, чем равномерный гул моторов. Воют на звук самолета волки, содержащиеся в неволе. Во время войны во Вьетнаме даже буйволы научились прятаться при звуке приближающегося самолета.

Вертолет — более эффективное средство выпугивания животных из укрытий, чем самолет. На вертолет, летящий на высоте ниже 100 м, животные проявляют более сильную реакцию, чем на самолет, находящийся на такой же высоте. Действует на зверей

не только вид и шум, но и струя воздуха, ветер создаваемый вертолетом. Если при движении струя воздуха далеко отстает от лопастей вертолета, то при его зависании или очень медленном продвижении она с силой раздувает до самой земли кустарники, травяные заросли, даже самые мощные заломы тростника и затаиться зверю при этом невозможно. Если затаившийся зверь выдерживает пролет над ним самолета, то при вторичном облете он чаще всего обнаруживает себя, т. е. наблюдается комулятивный эффект воздействия летательного аппарата.

Несомненно, что животные со временем адаптируются к авиации, если она не используется для их добывания. У зверей нет врожденного, непреодолимого страха перед самолетом, и при первых встречах его на достаточно большом расстоянии они не проявляют паники, а в дальнейшем привыкают и к непосредственной близости. Пребывание зверей возле таежных аэродромов, заходы на них обычны для многих видов.

Поведение же зверей, регулярно преследуемых на средствах воздушного транспорта, постепенно обогащается все новыми и новыми уловками, позволяющими зверю избежать гибели. Особенно это хорошо прослеживается на волках, многие годы истребляемых с помощью авиации. Если в первое время они лишь убегали в неопределенном направлении, то впоследствии при появлении самолета эти хищники стали устремляться к лесу и другим укрытиям. Все больше появляется сообщений о том, что преследуемый самолетом или вертолетом волк скрылся в норе, закопался в снег, спрятался под деревом, стогом, забежал в деревню, заскочил в хлев, сарай, хату, прыгнул в воду. Отдельные особи стали маскироваться в тени неровностей рельефа, маневрировать, сворачивая от стрелка под фюзеляж. Арсенал спасительных приемов все больше расширяется. Они возникали в первую очередь у волков, ранее подвергавшихся преследованию на самолете и оставшихся в живых случайно или в результате использования различных уловок, т. е. адаптация вырабатывалась по линии научения, условнорефлекторного опыта особи, стаи, популяции. По всей вероятности, этому способствовала высокая приспособляемость вида и сообразительность данного хищника. Действия животных, обусловленные воздействием летательных аппаратов, большей частью сообразуются с конкретными условиями среды. Северные олени, застигнутые на открытом месте, ищут укрытия от самолета в лесу, но возвращаются, если снег там слишком глубок.

Летательные аппараты открывают большие возможности в управлении поведением крупных зверей. Вертолеты и самолеты могут использоваться в качестве «пастуха», пригоняющего стадо в нужное место. Например, для вакцинации от туберкулеза лесных бизонов в Канаде с помощью вертолета сгоняют в щадящем режиме в загоны с больших территорий. Однако гнать этих зверей более 15 км не рекомендуется, так как это может отрицательно сказаться на их здоровье. В нашей тундре, ведя самолет на «безвредной скорости», пригоняли северных оленей к местам забоя с рас-

стояния до 50 км. В период истребительных охот на мустангов в Северной Америке эти животные стали спасаться в горах. Охотники применили самолеты. Оснащенный сиреной или просто связкой жестяных банок под крыльями, самолет сгонял лошадей на равнину [64]. При отлове телят овцебыков с целью одомашнивания практикуют с помощью вертолета загон самок в озера, где теленка легко поймать.

Управление с помощью самолета направлением движения зверей в нужную сторону менее эффективно в отношении животных, имевших опыт общения с летательным аппаратом. Успех использования самолета в качестве «пастуха» зависит от знания видовых особенностей реакции зверей на средства воздушного транспорта. Однако следует иметь в виду, что длительное преследование копытных на самолетах ведет к ослаблению их организма, чрезмерной трате ими сил и энергии, к нарушению стадной организации и потере телят, уходу животных из обжитых мест, патологическим отклонениям беременности, нарушениям внутренних органов, часто к увечьям и повышенной смертности.

Антилопы топи (Damaliscus lunatus), которых догоняли на вертолете перед обездвиживанием с помощью наркотиков, погибали в пределах от нескольких часов до 7 дней после отлова. В Серенгети низко летящий самолет или слишком быстро едущие машины обращают порой стадо антилопгну (Connochaetes taurinus) в паническое бегство. При этом часть телят теряет своих матерей. Чужие самки не принимают их, несмотря на обилие молока. В результате потерявшиеся телята слабеют от голода, ложатся и гибнут.

Вред, причиняемый авиацией животным, наиболее существен в открытой местности, где отсутствуют защитные стации. За исключением случаев, когда авиация используется для сокращения численности животных, например волков, применение самолетов и вертолетов для учетных работ, для управления поведением животных и других целей возможно лишь с соблюдением разработанных правил, обеспечивающих для животных щадящий режим.

РЕАКЦИЯ ЗВЕРЕЙ НА ПРЕСЛЕДОВАНИЕ СОБАКОЙ

Общеизвестно, что собаки различных пород отличаются не только обликом, но и манерой работы, что в значительной степени влияет на реакцию преследуемого зверя. В то же время у каждой собаки имеются индивидуальные различия в поведении, перекрывающие иной раз породные. Например, с голосом гонят не только гончие, но и некоторые беспородные псы и даже фокстерьеры. У сельских охотников беспородная собака часто выполняет одновременно функции гончей, лайки и норной собаки. Поэтому в дальнейшем, анализируя поведение зверей, мы чаще не подразделяем собак на породы.

Слова «прием», «способ», «уловка» мы используем в качестве

синонимов; под лазом понимается наиболее удобное место для передвижения зверя, то место, где он должен пройти.

МЕДВЕДИ. Преследуемый собаками бурый медведь редко уходит по прямому направлению, чаще ход его имеет форму дуги, кривизна которой различна. Почуяв за собой свору, медведь всегда прибавляет ходу и может легко таким аллюром пройти 6—10 км. Если зверь сильно торопится, он скачет неуклюжим с виду галопом, держась как-то странно наискось всем корпусом к направлению, по которому бежит. Затем он постепенно сбавляет бег и, как говорят охотники, «принимает на себя собак». Получив несколько укусов, он снова пускается бежать и значительно быстрее псов. Так повторяется несколько раз. Уходя от преследования, медведь идет более или менее чистыми местами, где наст крепче и меньше препятствий к бегу. Начиная уставать, зверь забирается в крепкие места и петляет там. Иногда он обходит собак и снова встает на свой след.

Убегая, медведь оставляет в снегу широкую канаву, облегчающую продвижение преследователей. Все чаще и чаще собаки настигают медведя, и, наконец, усталый и раздраженный, он начинает отсиживаться, кружить на одном месте. Лайки на бегу стараются укусить зверя, и когда это удается, быстро оборачивается, пытаясь поймать собаку, а при очень болезненных укусах ревет и садится на землю. Если медведю удается поймать собаку, он норовит схватить ее за горло или позвоночник, иногда прижимает лапами к земле и рвет зубами. Когда собаки окружают его, медведь старается прижаться спиной к дереву и отбивается с помощью передних лап, действуя ими быстро и ловко. Спасаясь от собак, он иногда взбирается на дерево. Известны случаи, когда хорошая лайка держала бурого медведя на месте до суток и более.

Когда подрастают медвежата, медведица при опасности больше заботится о них, чем в период нахождения в берлоге. Чувствуя преследование, она стремится быстрее и подальше увести за собой детей, но они не всегда повинуются ей. Тогда самка подталкивает их носом, наделяет шлепками передних лап. При появлении собак или человека медвежата обычно залезают на близстоящие деревья и сидят там, пока не минует опасность. Медведицы защищают своих детей, но не всегда нападают при этом на врага. Оставаясь поблизости от медвежат, залезших на дерево, самки ревут и лишь делают выпады в сторону собаки. Пугая пса, гималайский медведь издает короткий и чрезвычайно мощный рев.

Спасаясь от упорного преследования собак, белый медведь всегда стремится к воде. Бежит галопом, но быстро устает. На ровной местности собака легко догоняет белого медведя, но в торосах, где он передвигается с большой ловкостью, ей это не под силу. Когда собака поравняется со зверем, он обычно останавливается. При попытках псов укусить медведь оборачивается, чтобы ударить, но собака увертывается, отскакивает в сторону и снова делает хватку. Так может продолжаться до прихода охот-

ника. Будучи раненым, белый медведь всегда уходит к морю и никогда в тундру.

ВОЛК. В сентябре прибылые волки, преследуемые борзой, бегут недостаточно быстро и зачастую при первой же «доскачке» — настижении собакой — ложатся на спину, как это делают щенки, когда к ним подходит спокойная старая собака. Робко вышедший из леса прибылой волк уже через 5—6 мин оказывается в зубах у борзых. Матерый волк, уходя от борзых, иногда резко останавливается, и преследующие его собаки проносятся вперед. Такой маневр может повторяться.

Как и многие другие звери, волк уходит от гончих собак обычно кругами. Ранней осенью молодые волки, спасаясь от псов, кружат по лесу, не выходя из него, по самым густым местам. Если условия неблагоприятные, прибылые при наличии поблизости другого лесного массива перебираются в него, но не чистым полем, а кустами, заросшим оврагом. Напротив, матерые волки и переярки бегут от гончих из леса резво и чаще всего вырываются на открытое пространство. В конце сентября молодые волки раннего помета также могут уходить полями. Волки же более позднего помета, не чувствуя в себе достаточно сил, в поле никогда не выходят.

С логова потревоженные звери трогаются одновременно. Те волки, за которыми не гонятся собаки, идут осторожно, постоянно прислушиваются и оглядывают местность. Медленно продвигаясь вперед, иногда даже ползком по земле, звери укрываются встречающимися на пути заслонами: пнями, кочками, низкими ветками деревьев и т. д. Они легко обнаруживают впереди себя все подозрительное и сообразуют свое поведение в соответствии с конкретной обстановкой.

При начавшемся гоне волки, находящиеся на логове, никогда не бегут в сторону селения, если оно находится невдалеке от них. Если же выводок находится далеко от логова, волки из-под гона большей частью следуют по направлению к участку, где находилось оно, при этом нередко передвигаются открытыми местами. Если гончие быстро «натекли» на выводок волков, те, застигнутые врасплох, бегут в разные стороны и сразу выходят на многих охотников.

Матерые холостые волки, уходя от собак, никогда не делают кругов. Напротив, матерые, имеющие выводок, идут по кругу, но круг этот огромного размера, иногда в окружности 10, 20 км и более. Когда матерый волк идет напрямик, путь его фактически не прямолинеен, а часто является лишь частью окружности большого диаметра. Отец выводка — матерый волк — стремится принять на себя всю стаю гончих и увести ее как можно дальше (Казанский, 1973).

Если охота на волков проводилась ранней осенью — в августе или начале сентября, то после неудачной облавы выводок остается на прежнем месте или же уходит в другое, но держится там регулярно и поэтому может быть обложен вторично. Чем моложе волчата, тем меньше круг матерых волков, а поздней осенью,

когда молодняк подрастает, круг становится шире ранне осеннего. Зимой волки кругов почти не делают и уходят от гончих напрямик за десятки километров, уводя за собой и собак. Величина круга зависит также от местности. В чистых полях он больше, а по лесу и оврагам меньше. К гнезду матерые волки возвращаются из-под собак, не таясь, иногда на глазах охотников.

Ранней осенью матерые ведут за собой стаю гончих «на полене», т. е. далеко от нее не отрываются. Идут в направлении наиболее глухих мест. Поздней же осенью направление их хода зависит чаще всего от хода стаи гончих — волки уходят от них в противоположную сторону, не придерживаясь своих лазов. Переярки стараются пройти местами, которыми ходили на добычу. Сытые волки идут от собак не так резво, как голодные, круги делают меньшего размера и часто до выхода в поле делают по лесу круг или два. Только что наевшийся волк, преследуемый собаками, отрыгивает проглоченную пищу. Голодный волк идет от собак быстро, далеко и неохотно возвращается туда, откуда был стронут. Догнать старого голодного волка гончим собакам не под силу.

Волк прекрасно ориентируется в количестве и качестве преследующих его собак. Когда стая гончих небольшая и состоит из незлобных собак, волк может оказать сопротивление: бросается в стаю и ловит врагов. Преследование волка одиночной собакой часто кончается плачевно для последней. Зверь, забредший в деревню, нередко имитирует страх, вызывает погоню за собой собаки, а выбежав за околицу, неожиданно оборачивается и давит преследовательницу.

Прием «замапивания» применяется волками и в отношении собаки, сопровождающей подводу. Завидя пса по своим силам, волк бежит тихо, ведет себя как больное животное, даже валяется на снегу и дает возможность осмелевшей собаке догнать себя, а затем, неожиданно повернувшись, хватает и разрывает ее или это делают притаившиеся в кустах, в овражке его собратья.

ЛИСИЦА. Не обладая большой скоростью, лисица, преследуемая борзыми, предпринимает различные увертки. Казахские борзые догоняют самую резвую лисицу на первых 2—3 км. Уходя от собаки, зверь делает круги. Круги лисицы больше по размеру и правильнее по форме, чем у зайцев. Размер и форма круга зависят от нескольких обстоятельств.

От пеших, т. е. тихоходных гончих, лисица бежит тихо и осторожно, делает частые повороты, и ход ее предсказать трудно. Если лисицу преследуют быстроногие гончие, ее путь менее криволинеен, описываемые круги больше и правильнее. Когда гонит одна собака, но ровно и устойчиво, лисица делает круги небольшие, но правильной формы.

Влияет и степень возбужденности зверя. Если он спокоен, круги невелики, когда испуган — диаметр круга увеличивается. Привыкнув к ровному гону собаки, лисица идет спокойно и осторожно, но сильно пугается при появлении новых тревожных факторов (голос человека, выстрел и т. д.), и правильная форма круга

нарушается. Нередко напуганная лисица, ранее подвергавшаяся преследованию, сразу же уходит от собаки по прямой и возвращается обратно, лишь когда минует опасность.

Кругами ходит лисица, живущая в данной местности. Пришлая же уходит от собаки по прямой. Круг обычно описывает участок обитания лисицы, где все ей знакомо. В диаметре он достигает иногда 10—15 км. Как правило, максимальная дальность ухода лисицы из-под собаки не превышает расстояния слышимости человеком собачьего лая. Иногда площадь круга не превышает 5—7 га.

Неопытная лисица, ранее не бывавшая под гоном, на первой четверти круга может растеряться, но потом осваивается, мало обращает внимания на преследующую ее собаку и внимательно следит за всем впереди себя и по сторонам. Там, где ее подняли, лисица дает один-два маленьких круга, а затем большой, чтобы избавиться от гончей. Если это не удалось, зверь снова возвращается в свой район и тут бежит по кругу меньшего диаметра. Постепенно, уменьшая круги, лисица начинает ходить вокруг нор [101]. В сильный мороз и густой туман она ходит на больших кругах, а наименьшего размера круги делает в сильный ветер или в сырые глухие дни поздней осенью, когда голоса гончих собак плохо слышны. В горах ход лисицы неопределенен, так как ее пугает не только голос собаки, но и эхо.

Лисица не может двоить, троить след, делать сметки, подобно зайцам, запутывающим след, но прибегает к различным уловкам, также затрудняющим преследование. Например, пробегает по песчаному обрыву вдоль ручьев, «утопляя» запах, по льду, на котором след неприметен и менее пахуч, или по шоссе, железной дороге, где обилие посторонних запахов мешает работе собаки.

Бывают случаи, когда преследуемая гончими лисица забегает на тонкий лед, где более тяжелые преследователи проваливаются (и даже тонут), или на шоссе, железную дорогу, где собак давит автомашина или поезд. Иногда наблюдаются и более сложные приемы. Например, видя, что собаки еще далеко, лисица бежит своим следом обратно, потом делает прыжок в сторону и скрывается в ложок или кусты. С приближением собаки плотно прилегает к земле и, когда враг пробегает вперед, спешит на его след и уходит в обратную сторону. Заскакивает на пни, в дупла деревьев, в исключительных случаях залезает на дерево, чаще наклонное. Настигаемая собакой лисица может резко изменить направление бега, при этом собака может прозевать удобный момент для хватки. Иногда, если гончие собаки долго гоняют лисицу, она сама начинает лаять, издавая хриплые, короткие звуки.

В Ельнинском р-не Смоленской обл. зафиксирован случай, когда к гончей, преследующей зайца, регулярно присоединялась лисица, шедшая далее рядом с собакой. Когда заяц бывал убит и гончая близко подходила к охотнику, лисица останавливалась на некотором расстоянии и выглядывала из кустов. Собака хорошо гоняла лисиц, но эту добровольную помощницу не трогала и при первой встрече всегда обнюхивала, как принято у собак. Когда гончая преследовала не зайца, а лисицу, лисица-помощница

сопровождала, но не особенно бежала за собакой, часто играя. Такое поведение лисицы наблюдалось около двух недель.

Был случай, когда после многочасового гона лисица, измучившись, села на поляне, пощелкивая зубами на преследователей. Из носа и рта у нее сочилась сукровица. Около зверя, еле дыша, с почти закрытыми глазами легли две гончие.

В период гона лисицы становятся менее осторожными, чем в другое время, и крупный лисовин может вступить в драку с некрупной собакой-преследовательницей.

Ход преследуемой лисицы имеет определенные закономерности. Уходя от собак, она обязательно побывает на норах, как бы проверяя возможность спасения в них. Зверь идет обычно лесными тропинками, предпочитая закрытые места. До последней возможности бежит лесом, в соседний лесок переходит там, где ширина открытого места минимальна. Если лисица вынуждена пересекать поляну, то бежит там, где есть хоть малейшее укрытие или дерево, валежина, стремится идти лощинками, а по болоту серединой или вдоль него, пока не встретится отрожек оврага или мыс перелеска. В болоте она ходит, где суше, стараясь не замочить лапы, переходит воду лишь в крайних случаях, в овраге предпочитает идти косогором. Точно предугадать ход преследуемой лисицы не всегда удается даже человеку, хорошо знающему местность. Однако наблюдательный, опытный охотник, обладающий «чувством лаза», способен предугадать ход зверя и в незнакомом месте.

Молодые лисицы часто уходят от собаки в свои или барсучьи норы. Это случается обычно ранней осенью, когда выводки лисиц держатся невдалеке от выводковых нор. В некоторых районах часто норятся и матерые лисицы. Обычно же они скрываются в убежище лишь в отдельных случаях: при большой опасности, испуге, например после неудачного по ним выстрела. Уйдя от гончих в нору после длительного преследования, лисица обычно отлеживается в ней несколько дней, а раненая — до 10 и более дней. На Кавказе невредимая лисица уходит в нору очень редко, как бы ее долго ни гоняли собаки. Раненая же, наоборот, стремится к укрытию.

ПЕСЕЦ. Бегает он довольно быстро, но собака при благоприятных обстоятельствах чаще всего его настигает. Нередко пес по следу гоняет зверя несколько часов, пока тот не ослабеет. Вначале песец бегает по гривам и укрытым местам и далеко не уходит от своей лежки, но, изрядно устав, выходит на чистое место. Спасаясь, зверек ищет участки с гладким, не занесенным снегом льдом, где поймать его значительно труднее. Как только собака настигает песца, он, делая неожиданный и крутой поворот, увертывается от преследовательницы, которая, скользя, не может так быстро менять направление и поэтому отстает. Иногда на чистом льду песцу удается настолько измучить собаку, что она, обессилев, ложится, а зверь уходит. Нередко убегающий от собаки песец бросается в воду. Наблюдали, как зверек, спасаясь от пса,

в самый критический момент прыгнул в небольшую полынью. Уцепившись лапками за лед, он сидел по горло в воде до тех пор, пока собака не была отозвана хозяином. После этого песец выбрался на сушу, отряхнулся и пустился в дальнейший путь.

Голубые песцы на о. Беринга осторожно относятся к человеку, тогда как зверьки этого вида на соседнем о. Медном доверчивы и смелы, безбоязненно относятся к людям и являются полуручными животными. Можно полагать, что это различие обусловлено наличием собак. На о. Беринга промышленники постоянно разъезжали на собаках, тогда как на Медном их не было.

ДРУГИЕ ЗВЕРИ СЕМЕЙСТВА ВОЛЧЬИХ. С приближением опасности старается незаметно скрыться, убегая преимущественно рысью, *енотовидная собака*. Однако, имея короткие лапы, бежит она небыстро, и лайка легко догоняет ее. Будучи настигнутым, зверь принимает угрожающую позу, напоминая при этом домашнюю кошку, взвизгивает, злобно урчит и делает броски в сторону врага (легавая собака Н. М. Пржевальского в одной из таких схваток поплатилась частью левого уха). Особенно агрессивны некоторые самки, кидающиеся не только на собаку, но и на человека.

Если собака хватает зверя за шею или загривок и начинает сильно трепать, сопротивляться он прекращает и впадает в каталептическое состояние, характеризующееся «восковой гибкостью» мышц и сохранением ненормального положения тела. Если собака неагрессивна и хватает за заднюю часть, зверь продолжает защищаться. Молодые енотовидные собаки впадают в каталептическое состояние быстрее и выходят из него позже, чем взрослые звери. Положение тела при этом может быть различным: на животе, на боку, на спине. Через некоторое время животное пытается занять положение, свойственное ему при затаивании: прижимается к земле, поджав под себя лапы. Зверьки, находившиеся на спине, принимали позу затаивания быстрее, чем имеющие иное положение тела. Болевые воздействия вызывают еще большую пассивность енотовидной собаки. Однако при первой возможности к побегу зверек «оживает» и пускается наутек.

Там, где есть вода, особенно в Кубанских, Приазовских и других плавнях, енотовидная собака, спасаясь от преследования, охотно бросается в воду и плывет. Когда пес в воде догоняет плывущего енота и хватает его за голову, тот, отчаянно защищаясь, кричит «лебединым» голосом. Щенок енотовидной собаки, догнанный собакой, нередко также издает резкий крик (Сизонов, 1983).

Преследуемый *корсак* мчится со скоростью 40—45 и даже 55 км/ч, но так быстро он может бежать 15—20 мин, а затем устает. Если преследователь настигает его, он ловко увертывается, бросаясь из стороны в сторону, и стремится скорее уйти в нору, нередко находя в этом спасение. Пастушьи собаки часто ловят и давят корсаков, особенно успешно преследуют их азиатские борзые — тазы и выборзки.

В Семиречье наблюдали, как корсак, преследуемый собаками

зимой, при глубоком и рыхлом снеге быстро зарывался в снег и проходил в его толще, а затем выскакивал там, где его не ожидали.

При отсутствии густых зарослей собака-лайка легко может догнать молодого *шакала*. Защищаясь от наседающей собаки, этот зверь взлаивает, приседает и старается укусить снизу.

СОБОЛЬ. Преследуемый собакой, этот зверек обычно не делает круга, путь его в основном прямолинеен. Если собака преследует не азартно, он может долго, несколько километров бежать по земле, выбирая наиболее захламленные валежником или камнями участки тайги или мелкие ельники, где бег его преследовательницы наиболее затруднен. На ходу соболь, чтобы оглянуться, на миг заскакивает на дерево и если видит, что собака отстает, с метровой высоты прыгает на землю и продолжает бегство. В конце концов зверек скрывается в каком-либо надежном убежище: в каменистой россыпи, под корнями деревьев или упавшей валежиной.

Соболь бегает быстро. Его движения не кажутся торопливыми, но скрывается он из поля зрения моментально. Когда распластавшаяся над землей в стремительном беге собака, кажется, вот-вот схватит убегающего зверька, он идет зигзагами, и преследовательница все время промахивается. Промешкав полторы-две минуты, собака зачастую уже не может найти убежавшего из обмета соболя. Если зверек застигнут на краю болота или на чистом месте, никакой силой нельзя заставить его бежать прочь от леса. Всегда будет прорываться к лесу, даже рискуя попасть в зубы собаке. Зверек, захваченный на чистом месте, при глубоком снеге иногда бежит туда, где он глубже, а там ныряет в него и пробирается в подснежных пустотах. Метров через 40—60 выныривает на поверхность и бежит в противоположную сторону, стараясь найти убежище. Собаки при этом маневре не скоро отыскивают зверька или теряют его.

Испуганный соболь убегает вначале небольшими, а затем все увеличивающимися прыжками, до 170 см. Старый выносливый самец уходит от собаки за 2 км, прежде чем она догонит его. Молодой или очень жирный зверь выдыхается быстрее. Случаи поимок здоровых соболей лайками крайне редки, особенно когда собака одна, от двух же соболю увертываться труднее. В безвыходных положениях на земле зверь бросается на собаку подобно кошке, фыркает, царапается когтями, стараясь ее испугать и выиграть несколько секунд для отдыха, а потом, воспользовавшись каким-нибудь промахом врага, снова бросается бежать. Обычно же настигаемый собакой соболь заскакивает на деревья, чаще всего на кедры, ели и пихты. На деревья с гладкой корой взбирается редко. С одного дерева на другое перескакивает лишь на небольшое расстояние, сверху вниз, и, по-видимому, на дереве чувствует себя менее уверенно, чем на земле. Ве́рхом он уходит только тогда, когда кроны сомкнуты, а ветви достаточно толсты. Таким способом спасаются главным образом старые самцы.

Убегая от собаки по глубокому снегу, соболь чаще стремится в убежище. Глубокий снег затрудняет преследование зверька.

В годы обилия зайцев соболь может уходить по заячьим тропам и так запутать свой след, что распутать его бывает не под силу даже опытной собаке. На дереве зверек скрывается чаще всего при мелком снеге, когда собака может напористо его преследовать. В скалистых крутых горах он легко перепрыгивает с камня на камень, скрывает свой след, пролезая в щелях, и часто уходит от собаки. В драке норовит схватить собаку за морду. По снегу глубиной не более 40 см в каменистых угодьях на погоню за соболем уходит 57 мин и 70% гонных зверьков обычно настигаются собакой, в мшистых же угодьях эти цифры соответственно равны 30 и 100. При слое снега свыше 50 см в каменистых россыпях 50% соболей и 30% в мшистых угодьях собаки не догоняют; на преследование уходит соответственно 2 ч 24 мин и 1 ч 45 мин (Русанов, 1958). В южной горной тайге соболь, спасаясь от собак, в 54% случаев взбирается на деревья, в 28 — прячется в каменистых россыпях, в 8 — в корнях деревьев, в 7 — в дуплах и в 5% случаев скрывается в валежнике.

Из 5363 загнанных лайками соболей упущено было 4% зверьков, а в густых кедровниках этот процент возрос до 7,6 (Хлебников, 1968).

РОСОМАХА. Преследуемая собакой, она уходит по прямой очень быстро, и редкая собака может ее настигнуть. Утверждают, что застигнутая врасплох на косогоре росомаха свертывается в клубок и скатывается к подножию горы, что дает ей возможность быстро оторваться от преследования. Содержавшаяся в неволе росомаха в возрасте до шести месяцев без всякого вреда для себя падала с высоты 2—3 м.

Окруженный собаками испуганный зверь выбрызгивает содержимое прианальных желез, и неожиданное появление резкого запаха снижает уверенность атакующих преследователей. Иногда росомаха, столкнувшись с собакой, выгибает спину, подобно обороняющейся кошке, хвост при этом бывает опущен. По наблюдениям охотоведа В. В. Веденичева, к семимесячной росомахе, содержавшейся во дворе, собаки относились по-разному: из 36 особей 28% — с интересом, 14% — со злобой и 48% — боялись.

Догнав росомаху, злобная собака вынуждает ее забраться на дерево (оно может быть гладким, без сучков). Влезая, зверь урчит. Замаскировавшись среди веток, перестает урчать и легко может быть потерян из виду. Росомаха способна залезть на дерево с капканом на ноге, перебираться с ним с дерева на дерево. Защищаясь от наседающих псов, она бросается спиной на землю и пускает в дело когти и зубы. Даже очень сильный пес не справляется с этим зверем в одиночку. Убегая, росомаха при возможности прячется в каменистую россыпь.

КОЛОНОК. Спасаясь, этот зверек искусно прячется. Увернувшись от собаки, он часто заскакивает на валежины или пни, затаиваясь там. Собака пробегает мимо, не заметив беглеца, а колонок спрыгивает на землю и бежит в обратную сторону, добираясь до своей норы или другого укрытия. От собаки он провор-

но взбирается даже на высокое дерево, издавая стрекочущие звуки, и прячется в его кроне. Спасаясь от собаки в пойменных угодьях Приамурья, где много разреженных кустарников, зверек заскакивает на куст, а при встряхивании куста охотником спрыгивает на землю. Выгнанный из укрытия колонок, преследуемый собакой, делает резкие броски и повороты из стороны в сторону, пытаясь увернуться и уйти в новое убежище.

При охоте на колонка с собакой чаще добывают самцов, поскольку самки ходят в густых зарослях кустарников, в захламленных и других труднодоступных местах, где преследовать зверей собаке трудно (это является причиной редкого использования собаки, например, в высокогорных темнохвойных лесах и гарях Сихотэ-Алиня). В бесснежный и малоснежный период колонок около трети пути проделывает по валежнику (Михайловский, 1979).

БАРСУК. Застигнув барсука, почему-либо не успевшего убраться в убежище на день, гончие собаки охотно гонят его. Зверь обычно спешит к одной из запасных небольших нор, которые сооружает предварительно на некотором расстоянии от своего постоянного убежища, и скрывается в ней. Скорость бега у барсука невелика и, если нора далеко, собака вскоре догоняет его. Настигнутый, он останавливается и, стараясь прижаться задом к толстому дереву или густому кусту, садится, готовый к обороне.

С собакой барсук грызется отчаянно и, схватив ее, долго не отпускает, челюсти барсука сильны — может перекусить собаке ногу (укусы его болезненны и долго не заживают). Собаке редко удается прокусить и разорвать его прочную кожу. Обороняясь от собак, этот обычно молчаливый зверь иногда громко и неприятно кричит. Задушить барсука может лишь сильная и злобная собака. Не отмечено, чтобы при нападении собак барсук ложился на спину и защищался ударами лап и зубами. Если собака недостаточно агрессивна, зверь сам переходит в нападение и, обратив ее в бегство, гонит 10—15 м.

Преследуемый на крутой и высокой горе, барсук может свернуться в клубок и кубарем скатиться с горы. Застигнутый собакой возле норы, он стремится уйти в нее; редкой собаке удается задержать его длительное время.

ДРУГИЕ ЗВЕРИ СЕМЕЙСТВА КУНЬИХ. Услышав собаку, стремится уйти от погони *лесная куница*. Сначала она долго бежит по земле, делая сметки, и лишь потом заскакивает на дерево и прячется там в кроне, в дупле, сорочьем или вороньем гнезде. Будучи обнаружена, уходит ве́рхом за километр и дальше. Бывает, что быстро пройдя ве́рхом метров сто, зверек затаивается, собака пробегает вперед, а он своим следом обратно, а затем в сторону. Уходя от собаки ве́рхом, куница прыгает с дерева на дерево, с каждым прыжком снижаясь все ниже до самых первых сучьев и только тогда уж взбирается опять наверх (белка после каждого прыжка опять взбирается до вершины, на что теряет много времени). Иногда она спускается до земли, идет метров 50

под снегом и снова выбегает на поверхность. Преследование может длиться до 20 км, пока зверек не засядет под кучей валежника.

Каменная куница при дневной и ночной охоте также обычно скрывается от собаки на деревьях или в зарослях, но в отличие от лесной куницы значительно реже поднимается на деревья. На Кавказе преследуемый зверек чаще стремится уйти в места, где много камней и скал, чтобы скрыться там или в норе другого зверька, но значительно реже в дупле, хотя легко взбирается даже на гладкие деревья. *Харза*, спасаясь от собаки, проворно заскакивает на деревья и уходит по сучьям, подобно белке. Когда собаки находят *черного хорька* около воды и выгоняют из норы, он обычно выскакивает на берег и старается убежать. Скачет небыстро (даже человек может его догнать), поэтому пользуется каждым удобным местом, чтобы спрятаться и затаиться. На прямые и гладкие деревья хорек, преследуемый собаками, залезать не может, но по наклонным взбирается часто, влезает и на те, у которых сучья начинаются от земли. Хорек прекрасно плавает, но нырять, по-видимому, не может, воды избегает, и только необходимость заставляет идти в нее. На суше, видя, что бежать некуда, останавливается, и, приподнявшись на задние лапы, оскалив зубы, приготовляется к защите. Улучив удобный момент, переходит в наступление и повисает на носу своего врага. Не всякой собаке удается задавить хорька. Молодой *хорь-перевязка*, будучи отрезанным от норы, куда скрылась его мать с остальным семейством, при нападении собаки высоко поднимал голову и переднюю часть туловища, принимая почти вертикальное положение, и стрекотал, подобно обыкновенному хорьку.

Горностай верток и проворен. Преследуемый собакой, он выбрызгивает содержимое прианальных желез, запах которого сигнализирует псу, что зверек где-то здесь. Собака начинает искать его, а он тем временем успешно скрывается. Настигаемый собакой, горностай бойко залезает на дерево, даже по вертикальному стволу, но прибегает к этому реже, чем колонок. Воды не боится, однако предпочитает убегать берегом. Вынуждаемый обстоятельствами, он ныряет в воду, но в этом намного уступает норке.

Летом выгнанная из убежища *американская норка* обычно стремится скрыться в воде, зимой же, убегая не слишком открытыми местами, прячется в валежнике, колодах, под корнями деревьев. Настигаемая собакой, она взбирается на дерево. Преследуемая собакой норка быстро бежит, а при попытках той схватить ее, стрекочет или верещит подобно хорьку или перевязке, при этом выбрызгивает содержимое прианальных желез и кусает пса за морду. Извергнутый пахучий секрет не смущает, однако, преследующих собак. Покинув убежище через выход ниже поверхности воды, зверек может проплыть под водой значительное расстояние. Нырнув, он старается не показываться на открытой поверхности и плывет под водой до противоположного берега или вдоль того, с которого соскочил, пока не достигнет какой-нибудь коряги или густого куста, где можно спрятаться. Если норка устала, она плывет, не ны-

ряя, даже если ее настигает собака. При настойчивом преследовании собакой европейская норка так же, как и американская, может взобраться на дерево, но по деревьям лазает довольно плохо.

Выдра сильна, и не всякая собака берет ее. Застигнутая на земле, она ложится на спину и отчаянно защищается зубами и сильными лапами, вооруженными когтями.

Скунс, способный выбрызгивать зловонный секрет подхвостных желез в своих врагов, не ускоряет шага, даже преследуемый стаей гончих собак. Когда преследователи приближаются, зверь дает предупредительный сигнал, топая лапами. Потом поднимает хвост, конец которого полусогнут, что служит показателем готовности выбросить вонючую жидкость. Отдельные собаки, обрызнутые ею, впадают на некоторое время в обморочное состояние.

ТИГР. Большинство собак боится запаха и следа этого зверя. Я был удивлен, когда опытный зверовый пес не захотел вечером перед сном выйти из избушки, хотя ранее регулярно делал это. Утром его поведение стало понятным: возле нашего зимовья проходили следы тигра. Однако есть собаки, которые идут за тигром, но такие редки.

Попав на свежий след тигра, смелая собака устремляется по нему так же, как и по следу другого зверя. Тигр, обнаружив ее издалека, залегает. Когда пес приблизится, зверь в прыжке мгновенно схватывает его и умерщвляет. Если же собака выявила местонахождение этого хищника до того, как он бросится на нее, поймать ее зверю значительно труднее. Несколько собак способны остановить тигра и задержать до подхода охотников. Наблюдали, как тигр, преследуемый собаками, державшимися от него не ближе 60 м, остановился, повернул голову к преследователям и начал их отпугивать рявканьем, обнажая пасть с длинными саблевидными клыками. После каждого рявканья собаки в испуге шарахались. Преследуя молодого тигра, свора собак вскоре настигает его и задерживает до подхода тигроловов.

Тигр, взятый под охрану, изменил свое поведение. Если раньше тигра, встреченного на территории Сихотэ-Алинского заповедника, можно было легко отогнать одиночным выстрелом, то в последние годы это удается сделать лишь пальбой, а когда возле человека находится собака, то не помогают и выстрелы [76]. Были случаи, когда тигр продолжал преследовать собаку, несмотря на выстрелы хозяина. Из домашних животных тигр в поисках пропитания явно отдает предпочтение собаке. Возможно, собачье мясо имеет для него особый вкус, а может быть, в этом случае действует вековая вражда всей кошачьей породы к собачьей.

Охотясь за собакой, тигр теряет страх перед человеком.

В 1981 г. тигр около двух месяцев пребывал возле поселка Терней и задавил там около 30 собак. Поймать непривязанную собаку сложнее, поэтому хищник хватал сидящих на цепи. Иногда вторично извлекал пса из той же конуры, в которой успешно поживился несколькими неделями ранее. Отловленную собаку относил на 300—500 м от жилья человека и в течение суток-двух съедал. Возле поселка натоптал тропы в 100—200 м от ближайших домов. Не раз тигра видели люди, но агрессивности он не про-

являл. Когда пытались отпугнуть выстрелами, исчезал на несколько дней, а потом утаскивал очередную собаку.

РЫСЬ. Поведение преследуемой рыси в значительной степени зависит от злобности собак. Плохая, «неприемистая», как говорят охотники, собака может гонять рысь по нескольку дней и все без успеха, потому что при вялом гоне зверь успевает отдохнуть и, поздно настигаемый, снова уходит от преследователя. Заслышав и увидев лайку, рысь мчится с большой скоростью, делая громадные прыжки, стараясь скакать с камня на камень, с корня на корень, что маскирует ее след, но бежит так быстро лишь 150—200 м.

Поднятая гончими рысь начинает ходить подобно лисице, кругами. Старые звери редко делают более одного круга, после которого уходят напрямую часто за 5—8 км. Ступня рысьей лапы намного больше собачьей, поэтому по глубокому и рыхлому снегу собакам трудно поспевать за ней и тем более остановить. Преследуемый собаками зверь почти не путает своего следа, а настигнутый, останавливается и поворачивается головой к преследовательнице, принимая оборонительное положение. В 40 случаях из 100 рысь забирается от собаки на дерево. Чаще она усаживается на толстых сучьях в середине дерева, иногда поднимается и на вершину. Иногда на дерево заскакивает весь выводок во главе с матерью. На Кавказе рысь подобно дикому коту, уходя от собак, чаще прячется в скалах и норах, реже на дереве; уход в норы имеет место и в средней полосе, но это бывает очень редко.

Убежав от собак, рысь иногда заскакивает на пень, камень или поваленное дерево и стоит, притаившись, пока возбужденные преследованием собаки не пробегут мимо нее. После этого она соскакивает и бежит в обратную сторону по следу собаки, нередко при этом натыкаясь на охотника. Застигнутая собакой, усталая рысь в некоторых случаях, ложась на спину, яростно защищается лапами и зубами. Одна собака не в силах задавить этого зверя, редко удается и нескольким псам задушить рысь, не получив ранений. Точный выстрел крупной дробью обычно кладет зверя на месте. Иногда раненая рысь прикидывается мертвой, но с приближением собаки набрасывается на нее, орудуя когтями и зубами.

ДРУГИЕ ЗВЕРИ СЕМЕЙСТВА КОШАЧЬИХ. Много общего с рысью в поведении *дикой лесной кошки*, преследуемой собаками. После короткой погони она может спрятаться не только на дереве, но и в расщелинах скал, между камнями, в прикорневых пустотах и т. п. При ночном отлове на Северном Кавказе лесная кошка в отличие от шакала и енота-полоскуна никогда не уходила в заросли. Спасаясь от собаки, убегала по открытым участкам, иногда заскакивала на дерево [12]. Забирается эта кошка на вершину, на самые тонкие ветки, которые едва удерживают ее, качаясь под тяжестью. Застигнутый врасплох зверь ложится на спину или садится и отчаянно защищается. *Степная дикая кошка* (Felis libyca) выдерживает более длительное преследование собаками, чем лесная, и обычно скрывается в свою или чужую нору. Собаки

редко отваживаются схватить *камышового кота*. Когда они гоняют его по камышам, он бегает до изнеможения, но сравнительно редко взбирается на растущие там деревья, считая, видимо, это для себя опасным. Уходя от преследования псов, зверь не избегает воды, переплывает протоки.

Каракал (Felis caracal) хорошо лазает по деревьям и спасается на них от собак. Редкий пес берет крупного каракала [74]. *Леопард* при случае расправляется с собакой быстро, нанося ей рану в области затылка или шеи. Загнанный на дерево, он располагается обычно вдоль ветки у главного ствола, прижимаясь к нему задом и может отсиживаться там часами. Спасаясь от преследования собак, *снежный барс* бросался в реку.

ЕНОТ-ПОЛОСКУН. Преследуемый собакой американский енот уходит в норы, в воду, пытается скрыться в густых зарослях, но наиболее часто влезает на дерево. При этом выбирает дерево с дуплом и в нем скрывается. При отсутствии дупла ночью затаивается на дереве и так основательно, что его трудно обнаружить. Енот-полоскун — сильный зверь и справиться с ним далеко не всегда удается даже двум собакам. Застигнутый на земле, он, защищаясь, урчит, присаживается на задние лапы или ложится на спину. Сопротивляется яростно: кусает собаку за морду, а вцепившись зубами, рвет когтями, ударяя задними лапами. При подходе человека нередко уходит в воду или нору.

В осеннее время, спасаясь от преследования собакой, на одно дерево могут забраться сразу несколько енотов-полоскунов, а иногда и целый выводок. Бывает, что зверьки залезают очень высоко и чтобы обнаружить их, человеку приходится забираться на соседнее дерево. На лай собак и выстрелы полоскун не обращает особого внимания. Повышение плотности енотов в Белоруссии привело к потере ими осторожности и учащению гибели от бродячих собак.

Относящаяся к семейству енотовых *носуха* (Nasua nasua) при преследовании собакой с криком бросается на ближайшие деревья. Иногда спрыгивает, пытаясь спастись бегством или взобраться на другое дерево. Застигнутая врасплох, она кидается на собак и, прежде чем погибнуть, может нескольких изранить.

КАБАН. Чтобы установить, есть ли погоня, бегущий кабан мгновенно останавливается и замирает, прислушиваясь к звукам, втягивая воздух. Постояв так две-три минуты, он так же неожиданно бросается бежать в новом или прежнем направлении. Этот зверь никогда не поворачивает круто на бегу. Рыхлый снег глубиной до 30 см почти не затрудняет его бегство. В Кубанских плавнях кабан, если не утомлен, бежит от собак по прямой, но как только устанет, начинает вилять, уходить на тонкий лед по мелководью, где псы изрежут себе все ноги (он страдает в меньшей степени). В Приморье преследуемые собаками кабаны уходят в малоснежные участки гор, в бескормные елово-пихтовые леса, где поросята нередко гибнут от истощения. В густых зарослях эти звери бегают часами, не решаясь выскочить на поляну или пере-

бежать опушку. Измученный кабан старается забраться в самую чащу, затаившись здесь, ждет, когда подбежит пес, и молниеносно кидается на него.

Если кабан, которого гоняли собаки, доберется до лужи, он почему-то становится особенно свирепым и опасным. Спасаясь от преследования псов, кабаны нередко переплывают довольно широкие речки и озера. На Кавказе при охоте вблизи берега преследуемый и теснимый зверь иногда бросается в море и уплывает на километр и более.

В Западном Казахстане свора собак быстро нагоняет кабанов в негустых зарослях. Первыми гибнут поросята, затем нападению подвергаются подсвинки и матки, которых псы, хватая за шею и уши, прижимают к земле и держат так до прихода охотников. Часть свиней спасается, затаившись.

Инстинкт затаивания у кабанов, особенно у самок, сохраняется всю жизнь. Например, кабанята массой 25 кг зимой при опасности нередко ложатся на землю и замирают. Крепко затаиваются взрослые и молодые самки. На огород, расположенный в низовьях р. Или, как-то пришло стадо кабанов, состоявшее из взрослой самки, трех крупных подсвинков и пяти поросят. Заметив работавших людей, свиньи кинулись в тростники и затаились. В результате длительных, в течение нескольких часов, поисков с использованием собак были найдены свинья и три подсвинка. Поросят так и не смогли найти — они ничем не выдали своего присутствия. Лежачая поза при затаивании необязательна. Например, был найден затаившийся поросенок, который стоял на мелководье по плечи в воде, а голову прятал под лист кубышки (Слудский, 1956).

Секачи обычно не поддаются собакам, их удается только остановить, заставляя иногда садиться. В Воронежской обл., куда кабан вселился недавно, собаки успешно останавливают лишь одиночных зверей, а это чаще бывают самцы. В Ульяновской обл., где в последние годы тоже появились кабаны, на них стали охотиться с лайками. Лучше под собаками стоят крупные секачи. Резкими бросками они пытаются отогнать псов, тем самым озлобляя их еще больше. Подсвинки чаще убегают, несмотря на хватки собак. Остановленного, но спугнутого охотником кабана хорошие собаки вновь останавливают через 200—300 м.

Одной собаки, особенно некрупной, кабан почти не боится и большей частью преследует ее, особенно если пес ведет себя робко. Остановленный и окруженный собаками зверь приходит в ярость. Шерсть на нем поднимается дыбом, глаза сверкают, он сопит, пыхтит и «точит» клыки друг о друга. Чтобы обезопасить тыл, кабан часто прижимается задом к толстому дереву, скале и т. д. Страдают собаки чаще от молодых самцов, имеющих небольшие клыки, но более подвижных и увертливых. Трехлетних кабанов псы догоняют с трудом. Считают, что звери более темного окраса, живущие на Кавказе среди высоких крутых гор, более опасны для собак, чем их менее темные собратья, придерживающиеся предгорий.

Раненые секачи, свиньи и даже поросята кричат очень редко. Преследуемые собаками звери ведут себя иначе. Разбегаясь в разные стороны, они громко хрюкают, сигнализируя собратьям о

направлении своего бегства. Самки и поросята, окруженные собаками, «гудят» сходно с домашними свиньями в подобной ситуации, но при хватках издают громкий визг, слышимый за километры. Секач в борьбе чаще безмолвствует, лишь разгоняя собак, он громко сопит.

При длительном преследовании собаками часть кабанов впоследствии погибает. Кабан, которого долго гоняли собаки, становится особо агрессивным при встрече с человеком, а раненый зверь еще опаснее. При подходе охотника секач может броситься на него или наутек, не обращая внимания на укусы собак.

Реакция кабанов на собаку во многом определяется тем, как близко находится их «дом», и вблизи него звери принимают круговую оборону, собираясь в компактную группу, а затем активно нападают и преследуют отступающего противника. Если в схватке с собакой кабан терпит поражение, он не поддается панике: быстро разворачивается мордой к врагу, готовый к отражению новой атаки. Нападение отражают все взрослые члены группы, в том числе и одиночные самки. При нападении собак кабаны не обращают внимания на сохранение индивидуальной дистанции, не реагируют на приближение сородичей [47].

ЛОСЬ. От гончих собак он уходит далеко: делает круг от 5 до 10 км в диаметре. Старый самец убегает от собак не всегда. Бывали случаи, когда лося добывали из-под таксы. Плохо переносят преследование жирные звери. В жаркую погоду они быстро утомляются, часто останавливаются. По осени, когда лоси упитанные и температура воздуха высока, запыхавшийся бык, уходя от лайки, нередко забирается в озеро или речку и стоит там подолгу, пока собака облаивает его с берега.

При частом преследовании быки отходят от групп. Оставшиеся лоси переходят в места, более защищенные, но менее обеспеченные кормами. Лось, поднятый собакой с лежки во время отдыха, уходит далеко. Собаке легче остановить зверя, застигнутого во время кормежки,— тот прекращает кормиться, наблюдает за собакой и время от времени бросается на нее, стремясь ударить копытами, а после броска возвращается на прежнее место.

Реакция лосей на преследование собакой зависит от их возраста и пола. Молодые звери обычно убегают от лайки, останавливаются лишь, когда она облаивает их, находясь на расстоянии не ближе 40—50 м. Трех-четырехлетние лоси уходят небыстро, с остановками. Лосихи с лосятами не спешат убегать, но если теленок побежал, самка следует за ним. Старые самцы менее пугливы, особенно во время гона, и часто при облаивании собакой стоят, не пытаясь бежать, делают выпады, бросаются, стремясь затоптать ее.

Если лайка, обнаружив табун лосей, подходит к ним тихо и начинает облаивать осторожно, редко и ритмично, звери привыкают, остаются на месте, начинают кормиться и даже ложатся в ее присутствии, поскольку некоторые собаки лают на лосей, не прерываясь и не потребляя пищи по двое суток. Если же пес ки-

дается на лося сразу с громким лаем, зверь уходит далеко. Бывают годы, когда лоси плохо стоят под собаками.

Лай собаки сам по себе мало беспокоит лося, но если собака лает пронзительно, лоси убегают чаще. Надежно держат зверя на месте злобные псы, делающие при попытке бежать хватки за морду.

Отношение лосей к псу, как оказалось, зависит и от плотности этих зверей. При охоте с одной и той же собакой в течение четырех сезонов в северных и южных районах Кировской обл. установлено, что в северных угодьях, где численность лосей была низкой, они выдерживали облаивание собакой и не убегали в 44% случаев, а в южных районах, отличавшихся высокой плотностью населения лосей, процент оказался почти вдвое выше [13]. Отношение лося к собаке зависит от степени его преследования. В окрестностях Москвы у этого зверя зачастую отсутствует внешняя отрицательная реакция на собаку. На Дальнем Востоке, в местах зимних стоянок, лось весьма осторожен и при встрече с собакой или даже с ее следами нередко откочевывает в другой район. Летом же, когда на лосей не охотятся с собакой, они не реагируют на ее присутствие. Одомашненные лоси, перестав бояться собак в лесу, подпускают к себе и хищников, становясь их жертвами.

БЛАГОРОДНЫЙ ОЛЕНЬ. При длительном преследовании гончими собаками самцы и самки благородного оленя нередко забегают в более или менее глубокую речку, не покрытую льдом, и становятся в воде по брюхо или несколько выше. Если собака или волк плывут к оленю, их обычно сносит течением или олень чуть сторонится в момент подплывания врага и его проносит мимо. Наблюдали, как по берегу одного из многочисленных островов нижнего Днепра бежал олень, преследуемый одичавшими собаками. Спасаясь от них, зверь кинулся в воду, но собаки не отставали: прыгая по льдинам, они настигли плывущее животное. Капитан проходившего мимо теплохода развернул судно навстречу плывущему оленю. Ухватив обессилевшего зверя за рога, люди вытащили его на палубу.

Убегая по глубокому снегу, олени при отсутствии паники все бегут след в след. Пробежав некоторое расстояние, первый олень, поджав под себя ноги, приседает на скаку и остается в этом положении недвижим. Не встает со снега до тех пор, пока все следующие за ним не перепрыгнут через него. Тогда присевший зверь вскакивает и следует за собратьями. Таким образом, олени чередуются в прокладке тропы, поскольку энергетические затраты бегущего впереди максимальны. Некоторые олени к концу рева делаются настолько слабыми, что теряют способность к бегу: пробежав некоторое расстояние, раскрывают рот и останавливаются.

Оказавшись в безвыходном положении, преследуемый собаками олень оказывает им сопротивление, пуская в ход рога и копыта. Если теленка хватает человек и он начинает кричать, самка подбегает к человеку очень близко и старается ударить его передней ногой сверху, как плетью. Иногда она одним таким ударом убивает собаку. Задними ногами и самец, и самка дерутся редко, а

стараются повернуться головой к врагу и ударить его передней ногой.

Поведение *белохвостых оленей*, преследуемых собаками, изучалось специально в США, в охотничьих угодьях штатов Алабамы, Флориды и Южной Каролины. Движение животных картировали, определяя их местоположение радиопеленгацией (на зверей были надеты ошейники с радиопередатчиками). Путь собак фиксировали по их лаю. Всего провели 65 гонов с шестью белохвостыми оленями. Во многих случаях животные уходили от собак. Выявили 5 типов поведения. Затаивание наблюдалось в тех случаях, когда зверь попадал в чащобы. Эта тактика принесла успех оленям в 3 случаях из 7: трижды собаки «отцеплялись» от затаившегося зверя. Прямой дальний пробег использовался ими 7 раз. Бег по окружности зигзагами применялся в 19 случаях, в 10 из которых оленям сопутствовал успех. Весьма эффективным было отделение оленя от остальных: избавление от преследователей отмечено в 10 случаях из 19. Наибольший успех наблюдался, когда зверь уходил от собак по воде: в 38 случаях из 40 преследование прекращалось. В 78% наблюдений гонный олень выходил за пределы индивидуального участка, но возвращался не позже чем через сутки. Гон продолжался от 3 до 155 мин (в среднем 33 мин). Обычно животные пробегали во время преследования около 4 км, иногда протяженность пути составляла всего лишь треть километра, но в некоторых случаях равнялась 20 км и более.

Изредка гон продолжался в течение 3 и даже 6 ч. Анализ показал, что каждый раз при этом собаки сбивались со следа одного оленя на след другого. Причина тому — высокая плотность оленей: их было от 5 до 14 особей на 1 км^2. При такой концентрации собакам трудно держать след длительное время [136]. Исследования, проведенные в заказнике Миссурийского университета, показали, что преследование оленей собаками не всегда кончается безобидно: из 310 случаев 3 окончились гибелью оленей (в ноябре, декабре и мае).

ИЗЮБР. В благоприятных условиях он выдерживает длительное преследование собак или волков, имея перед ними преимущество в скорости бега. В некоторых случаях уходит от преследователей на отстой — в безопасное место на скалах, но число таких мест ограничено. Далеко не всегда, спасаясь от собак, изюбр идет на ближайший отстой. Особенно широк ход преследуемого зверя во время гона.

По нашим наблюдениям в Хилокском р-не Читинской обл., самцы из района р. Жергей, убегая от собак, в некоторых случаях уходили на р. Ингоду за десятки километров. Во время бега самец иногда кладет рога на спину.

В летний период изюбр часто спасается от собак и волков в реках. После непродолжительного преследования или сразу животное бросается в воду и переплывает на другую сторону. На этом преследование обычно прекращается. На быстрых горных неглубоких реках зверь нередко останавливается в таком месте, где преследователь не достает дна. Если враг делает попытку плыть к изюбру, зверю достаточно чуть посторониться и врага унесет по течению. В реках чаще спасаются самки с телятами и животные в возрасте 1—2 лет. Самки, имеющие телят, бросаются в воду, отвлекая на себя внимание преследователя, а телята в это время лежат, затаившись, на берегу. В воде изюбры иногда активно обороняются передними конечностями. Среди некоторых охотников При-

морья распространено мнение, что изюбр меньше боится белой собаки, чем темноокрашенной.

МАРАЛ. Будучи остановлен собакой, нередко флемирует, т. е., подняв верхнюю губу, обнажает десны и зубы. Бросается на врага, прижав уши. Самка, спасая теленка от незлобной собаки, отгоняет ее и преследует, а от злобной зверовой убегает, самцы же агрессивно обороняются: гоняют ее, пытаясь ударить рогами или ногами [95]. Изюбр и марал чаще, чем лось, пытаются уходить от собаки.

КОСУЛЯ. Она уходит от собаки, как заяц и лисица,— кругами, но круги ее шире. Сначала преследуемый табунок диких коз держится, не рассыпаясь, идет быстро и оставляет собак далеко позади. Пробежав 1—2 км, звери останавливаются и прислушиваются. Увидев подоспевших собак, вновь устремляются в бегство и теперь часто рассыпаются. Если собаки устремились за одной особью, остальные, пробежав некоторое расстояние и не слыша за собой погони, останавливаются. Иногда косули возвращаются на собачий след, обнюхивают его и, убедившись, что собака ушла в другом направлении, успокаиваются окончательно. Обычно поднятая с лежки дикая коза идет 4—5 км и возвращается в изначальное место. Уходя от гончих, косуля делает по чистому месту один или даже два круга очень быстро, но как только устанет, ход ее становится неправильным, и она начинает водить собак болотами и чапыжниками, где преследование затрудняется.

Местные косули, родившиеся в данных угодьях, привязаны к ним и, уходя от собаки, не дают больших кругов. Живут они почти всегда семьями. Если собаки поднимут стадо косуль, в котором есть старый самец, он чаще всего на первом же круге делает огромный прыжок в сторону и продолжает свой путь в одиночку. Собаки же продолжают преследовать остальных животных, среди которых чаще бывает старая самка с одним или двумя детенышами. Одинокие старые козлы часто меняют местообитание и, вспугнутые собакой, убегают без оглядки за несколько десятков километров.

Косуля, как и заяц, обычно никогда не спускается с крутой горы и не поднимается вверх напрямик, а следует наискось. Спускаясь и поднимаясь, огибает вершины гор по спирали. Зверь, стронутый собаками в несвойственных ему угодьях, например в строевом лесу, обычно уходит в одном направлении, не делая кругов. Дикая коза, поднятая с лежки, чаще делает круги меньшего размера, чем особь, застигнутая гончими на ходу. Последняя, сделав круг, бросается по прямой. Старая коза делает лишь 2—3 круга, а потом уходит по прямой.

Поведение преследуемой косули зависит от поведения собак. От пса, копающегося в следах, зверь идет рысцой, часто останавливается, прислушивается и принюхивается, иногда даже пасется на ходу или залегает, давая возможность собаке снова поднять себя. С таксами дикая коза, можно сказать, заигрывает: быстро убегает от них, затем останавливается, ждет, когда они опять

подбегут, делает поворот и, наконец, на больших кругах с множеством различных зигзагов и петель возвращается к старому месту.

В г. Тараще Киевской обл. оставшаяся без щенят собака нашла как-то в соседнем лесу косулепка, привела его во двор хозяев и выкормила. Подросшую косулю выпустили в лес. Потом был случай, когда она в сопровождении сородичей пришла к калитке дома. После того как собака-кормилица выскочила с лаем наружу, косули метнулись к лесу, но та, что была воспитана собакой, осталась на месте.

Быстрых собак косуля боится больше и убегает от них быстрее. Паратый, быстроногий пес не дает дикой козе кружить и отгоняет ее на далекое расстояние. От него она идет не зарослями, как часто от тихоходной, а более открытыми местами: прогалинами, просеками, полянами. Гон косули сходен с гоном лисицы по лесу, но собаки работают азартнее, поэтому темп преследования выше. Раненую косулю собака настигает очень быстро.

В гористых местностях дикие козы спускаются в долины и при возможности прячутся в ямы с водой. Если преследователям, собакам или волкам, удалось загнать косулю на лед, это губительно для нее — животное скользит и падает. Спасаясь от преследования, косули нередко забегают в селения, дворы, раскрытые бани, сени, гумна. Дикая коза, схваченная собакой, издает иногда предсмертный рев. В глубокоснежную зиму 1940/41 г. на Южном Урале собаки догоняли косуль и наносили им раны до тех пор, пока измученные животные не падали. При глубине снега в метр косули в состоянии сделать всего лишь несколько прыжков, после чего они останавливаются, тяжело дыша, и начинают реветь.

КАБАРГА. Бегает она очень быстро и великолепно прыгает, отдельные прыжки могут достигать 10 м в длину. Если собака, идущая по следу, не видит самого зверя и движется не слишком быстро, он начинает запутывать свой след, делать скидки. Отбежав от того места, где была вспугнута, кабарга разворачивается и на той же скорости бежит обратно, точно попадая в свой след. Промчавшись так несколько десятков метров, она делает под острым углом к своему ходу большой прыжок в сторону и дальше скачет по прямой. После этого еще дважды повторяет свой маневр и только тогда начинает кормиться. За 1—2 ч преследования кабарга так запутывает свои следы, что разобраться в них невозможно. Спасаясь от собаки или человека, самцы кабарги перемещаются по участку обитания, форма которого напоминает эллипс. Убегая в обратную сторону, кабарга часто выходит на след собаки и натыкается на следующего за ней охотника.

При высоком снежном покрове кабарга, спасаясь от преследования, пользуется только тропами; 92% ее пути в глубокоснежье проходит по тропинкам [92]. Она бежит, не маскируясь, поскольку такой возможности нет. Путь убегающей кабарги целиком зависит от направления тропы и большей частью идет не от преследователя, а под разными углами к его пути, иногда и поперек. Тропы кабарги, несмотря на их кажущуюся запутанность, всегда соединяют три важных пункта: место кормежки, место отдыха и скалы, на

которых она спасается, если собака или хищник быстры и настойчивы в преследовании. В каком бы месте ни была застигнута кабарожка, она моментально выскакивает на одну из троп и по ним добирается до спасительных скал. Если в бесснежный период зверь, решив уйти на скалу, бежит к ней самым коротким путем, то в глубокоснежье по тропам он добирается до нее зигзагами. Иногда этот путь бывает втрое длиннее напрямик. Упорство в пользовании тропой у кабарги удивительно.

Уходя от преследования на скалы, кабарга выбирает самые труднодоступные участки, куда ни собаке, ни волку, ни росомахе не добраться. Иногда отстой — спасительный пятачок в скалах — расположен невысоко: в 50—100 м от подножия, но, случается, зверь встает на такой высоте, что охотнику приходится добираться вверх до собаки, загнавшей кабаргу, час, а то и два. Крутизна горы, на которой находится отстой, может достигать 80° и более. Не редки случаи, когда преследовавшие кабаргу собаки, пытаясь достать ее, забираются выше находящегося на отстое зверя, но и тут они, беснуясь и лая, не достигают цели.

У интенсивно преследуемой собаками кабарги наблюдается одышка, что, возможно, и заставляет ее уйти на отстой. Самка приучает каборжат заходить на отстой с трех-пятинедельного возраста (Соколов, Приходько, 1980).

САЙГАК. Догнать здорового сайгака собака не может. Даже от азиатской борзой — тазы этот зверь убегает за 1—2 км. Раньше при охоте на сайгаков меняли собак: пускали псов и гнали животных несколько километров в направлении к другим охотникам, которые спускали за поравнявшимися сайгаками свежих собак. Ручного самца, бежавшего рысью, собаки догоняли с трудом, но если он переходил на галоп, они быстро отставали. Известны случаи сопротивления, когда самец сайгака убил преследовавшую табун борзую и когда во время гона у сайгаков собака пыталась напасть на табун, но от него отделился самец и обратил ее в бегство.

Принудить сайгаков бежать против ветра почти невозможно. Спугнутые с пастбищ, они убегают всегда по ветру и вверх, т. е. поперек склона. Согнать сайгаков с водораздельных плоскогорий трудно. Застигнутые на плато, они не идут вниз, а спасаются за счет скорости. Бегущий табунок сайгаков увлекает за собой все встречные мелкие табунки, в результате чего поголовье нарастает, как снежный ком (Рашек, 1969).

Во время джутов, когда животные сильно слабеют, а наст не выдерживает их тяжести, собаки легко догоняют сайгаков. Зимой 1949/50 г. в долине Сырдарьи и в 1950/51 г. в низовьях р. Чу голодные собаки из аулов объединялись в стаи, гоняли и давили ослабленных голодом антилоп. Убегая во время джута, антилопы ранят себе ноги о наст. Собаки особенно успешно охотятся на сайгаков в то время, когда они, толкаемые голодом, близко подходят к селениям, в большом количестве истребляют сайгачат во время отелов.

ДРУГИЕ КОПЫТНЫЕ ЗВЕРИ. В скалах уходит от собаки и волка *сибирский горный козел* (Capra sibirica), однако в равнинной местности они без труда нагоняют его. Поэтому спасающийся от преследования зверь стремится к наиболее скалистым угодьям. Эти животные избегают глубокоснежья: даже при глубине 30—40 см они вязнут в нем и быстро выбиваются из сил. Тропу прокладывают самые сильные звери, самки и молодняк следуют за ними. Принуждаемый обстоятельствами козел идет в воду и легко преодолевает вплавь даже крупные реки [66]. Преследование 36 сибирских козлов в Заилийском Алатау вверх по крутому склону (70—80°) показало, что животные разного возраста преодолевали этот подъем с разной скоростью. Самки с молодняком тратили на подъем от 281 до 308 с, делая в пути 2—4 остановки с максимальной длительностью 9 с. Средневозрастные животные преодолевали подъем за 343—490 с с 8—11 остановками продолжительностью до 14 с. Старые козлы-самцы добирались доверху в лучшем случае за 672—698 с, останавливаясь в среднем 14 раз, отдыхая по 22 с. Таким образом, молодые животные преодолевали путь почти вдвое быстрее старых и меньше тратили времени на отдых и ориентировку. Собака, преследовавшая зверей, быстро отставала от молодых и незначительно от старых (Филь, 1970).

Старого самца *снежного барана* на пологих склонах лайка догоняет легко, однако в местах, где есть скалы и россыпи, это ей бывает сделать непросто. Догнать самку с молодняком собаке значительно труднее. Вверх бараны не бегут, а поднимаются быстрым шагом и с довольно частыми остановками. Даже когда преследователь близко, рывки в передвижении характерны лишь на коротких дистанциях, причем только на ровной местности или вниз по склону. Обычно баран, спасаясь от преследования, уходит по направлению к скалам, где встает на отстой. Чаще всего зверь выбирает место на карнизе в верхней трети обрыва, реже на вершине скалы. Оказывает предпочтение скалам, на которых есть растительность, что дает ему возможность выдерживать длительную осаду. Будучи застигнут собакой вне скал, баран, прижимаясь задней частью тела к камню или кусту, отбивается от нее рогами. Жирного барана собака настигает быстрее, чем худого.

Овцебыки при нападении волков занимают круговую оборону. Некоторые самцы бросаются в «атаку»: пробегают несколько шагов в сторону противника, но затем поворачиваются и занимают свое место в строю. Так же поступают при облаивании собакой овцебыки, переселенные на Таймыр. При этом самые крупные животные постоянно стремятся быть против собаки. Одиночный бык от собак убегает.

Воздействие погони на *сернобыков* (Oryx gazella) изучали на 12 особях. Сначала в течение 2—6 мин их гнали около 2 км на автомашине, а потом 1 мин на расстоянии 300 м гончими собаками. Анализ крови, взятой у животных сразу после поимки, показал наличие ацидоза, грозящего развитием миопатии и, возможно, гибелью [141].

Зубры агрессивно относятся к собакам и бросаются на них даже в присутствии человека. От стаи собак зверь бежит, насколько хватает сил, а затем останавливается и отбивается рогами и ногами.

Джейраны, преследуемые собаками, уходят огромными прыжками далеко вперед и становятся неуязвимыми. Азиатские борзые могут догнать джейрана, но лишь держащегося одиночно или отбившегося во время преследования от табуна. Погоня борзых за антилопами, которые убегают группами, обычно заканчивается неудачей. Дело в том, что в табуне антилопы бегут резвее, возможно, поэтому животные многих видов при появлении опасности сразу же сбиваются в группу, а уже потом бросаются бежать. Убегая, джейран держит хвост торчком, дзерен же его не поднимает.

Преследуемые *горалы* всегда бегут к скалам. Заставить напуганных животных бежать на равнину почти невозможно. В скалах собаке удается догнать лишь новорожденных горалов, а при достижении ими двух-трехдневного возраста это ей уже не под силу. Движения преследуемых горалов неторопливы, и внешне звери кажутся флегматичными; передвигаясь по скалам, они не должны производить резких неосторожных движений, которые могут привести к падению, поэтому и при поспешном перемещении они вынуждены искать прочную опору для ног. Спасаясь от собак и волков, горал становится на отстой часто на площадке размером с блюдечко.

Куланы, увидев собаку, бросаются кусать и бить ее. Акклиматизированных *пятнистых оленей* собаки легко догоняли в период многоснежья или поздней осенью и вынуждали их бежать на лед, где те скользили и даже гибли от увечий. Спасаясь от преследования собак, интродуцированные олени нередко ищут защиты у человека. Зимой 1953/54 г. животные, выпущенные в Окском заповеднике, дважды прибегали к кордону. В Ижевском р-не Рязанской обл. звери не раз забегали в деревни. Однажды преследуемый собаками пятнистый олень перепрыгнул изгородь вокруг телятника и при попытках выгнать его лишь перескакивал через изгороди из загона в загон, но не уходил.

ЗАЯЦ-РУСАК. Ход преследуемого собакой русака не случаен: в местах, где часто охотятся с гончими, охотники знают все наиболее вероятные места, которыми пойдет заяц. Убегающий русак предпочитает места более или менее чистые, в глубину леса не заходит, избегает чащоб и крепей, часто вырывается на опушку и идет вдоль нее, в лес входит в разреженных местах, охотно используя дорожки. Овраг, склоны которого покрыты лесом, зверек стремится перейти там, где он шире, чистого места больше, а подъем менее крут. Из леса выходит обычно в местах, где поле вдается в лес. Если лес расположен по оврагу, выходные лазы вероятнее по отросткам главного оврага, которые более отлоги. В лесу русак идет от собаки чаще всего просеками, по дорогам, дорожкам и тропинкам, но если лес глухой, придерживается всегда опушек, полян

и вырубок. Взрослый русак, поднятый с лежки, стремится сразу же по открытому месту удалиться от преследователя, а затем уж выйти на свою тропу или проезжую дорогу и исчезнуть в какомлибо укрытии. Преимущественно стремится из низких мест в более возвышенные, из болот в суходол.

Преследуемый вязкими и паратыми гончими русак делает большие и довольно правильные круги. Молодые зайцы, спасаясь от собаки, делают круги меньшего размера, чем взрослые и старые особи. Иногда молодой зверек, пробежав 150—250 м, залегает в траве, и собаки пробегают мимо. Лежит, пока не вспугнут снова, потом опять небольшой пробег и затаивание. Молодых зайцев даже опытная собака не в состоянии гонять долго.

Лазы русака по черноторопу и белой тропе одинаковы, но при мелком снеге заяц для сокрытия следа часто переходит по льду ручьев, болот и луж, оголенному от снега ветром. При глубоком и рыхлом снежном покрове русак уходит от собаки по одним и тем же тропам небольшими кругами или по торным дорогам. Выбирает места, где снега поменьше, поэтому идет уже не опушками, а крепью. Имея длинные задние ноги, он гораздо резвее бежит на гору, чем под гору. В первом случае его не может догнать никакая собака, а во втором — догоняет почти каждая. Обычно заяц старается бежать в гору, избегая спусков, но, вынуждаемый преследователями, нередко скатывается кубарем до самой подошвы горы. Воды он избегает и даже нагоняемый собакой не всегда решается переплывать хотя бы небольшую речку.

Замечены географические различия в поведении преследуемого русака. В Кировской обл. этот зверек никогда не идет от гончей в глубь леса, а в Московской иногда поступает так. Эта особенность, возможно, связана со снежным покровом: в Кировской обл. он обычно рыхлее и глубже. В южных областях встречаются русаки, которые, уходя от гончей, предпочитают, подобно беляку, держаться опушки леса, но отличия в поведении этих зверьков все же имеются: русак чаще придерживается открытых мест, троп, опушек.

Каждой особи свойственны свои особенности поведения при преследовании собакой. Они могут повторяться: зверек часто дублирует приемы запутывания следа, возвращаясь снова в то же место. Поэтому успех охотника зависит от умения подметить эти индивидуальные особенности поведения особи в конкретном участке местности [101].

Зайцы, уходя от гончей собаки, часто используют дороги и шоссе, по которым движется транспорт. Из 63 опрошенных охотников на данный прием зверьков указали 35. Вот характерные действия русака при этом: он устремляется к растущим возле шоссе елочкам, делает «вздвойку» (возвратный ход навстречу собаке), а потом «скидку» (сильный прыжок под прямым углом к предыдущему) через елочки, выскакивает на шоссе и, пробежав по нему около 1,5 км, спрыгивает в кустарник и там затаивается. Отмечен случай, когда русак, преследуемый гончими, забрался в барсучью

нору. Чаще, чем беляк, русак забегает от собак в населенные пункты — на данный прием указала четверть опрошенных гончатников. При этом нередки и курьезные случаи. Заяц догнал трактор «Беларусь», тянувший сани с зерном, вспрыгнул на мешки и «приехал зайцем» во двор заготовительного пункта, откуда убежал в поле. Однажды заяц заскочил даже на крышу избы.

Используют зайцы и такой прием. Преследуемый зверек уходит как можно дальше, потом резко поворачивает и бежит своим следом или параллельно ему навстречу собаке примерно 400 м, а при сближении с ней делает большую сметку в сторону и западает. Собака пробегает мимо него и теряет след. На этот прием указали 26% опрошенных охотников (Груздев, 1967). Он свойствен русакам, но используют его и беляки. Обычно зверек делает свои первые «вздвойку» и «скидку» не сразу, а пробежав порядочное расстояние, на преодоление которого гончей требуется 6—12 мин. Скидывается заяц чаще всего в сторону принятого им общего направления движения. В среднем расстояние между гончей собакой и зайцем равно 500—600 м. Даже по мелкому снегу зверь из-под гона предпочитает бежать по ранее проделанному им следу.

Зайцы-русаки часто путают свой след, пробегая через стадо насущегося скота, вблизи ферм, скотных загонов. Используют также различные сооружения, построенные людьми, чтобы избавиться от преследователей. (Кролик в отличие от зайца никогда не бежит прямолинейно. Он мчится зигзагами на большой скорости. Кролики, выпущенные для акклиматизации в Средней Азии, спасаясь от собаки, крутились вокруг кустов или бежали зигзагами к вольеру, в котором жили до выпуска на волю, и пытались проникнуть сквозь отверстия внутрь него.)

Ход зайца-русака из-под гончей более прост, чем ход беляка. Русак старается выйти на поле, на дорогу и оторваться от собак. Если собаки настойчивы, он, сделав круг в 3—4 км, снова возвращается в исходное место, к лежке, и здесь, запутав след, затаивается. При обнаружении собаками он делает второй круг, но меньшего диаметра, затем третий, после чего начинает путать след, не уходя далеко от гончих. Особенно благоприятны для русака автодороги, на них его труднее преследовать.

Убегая от собаки, русак делает прыжки до 5 м. Преследуемый борзыми, попадает в их зубы в среднем после 3—5 крутых угонок. Спасаясь по торной дороге от борзой, так же как и от гончей, заяц бывает настигнут ею, что говорит о неэффективности и инстинктивно слепой основе приема зверька. Для борзой, преследующей лишь видимую жертву, заяц, выбежавший на дорогу, лишь облегчает задачу. Зверьку выгоднее было спрятаться под куст или в бурьян, что скрыло бы его от собак и заставило их прекратить преследование. В не очень глубоком, но рыхлом свежем снегу травля зайцев борзыми бывает затруднена. Русак, ныряя в снег, брызгает им в глаза собакам, и они часто промахиваются, летят кувырком. Иногда настигаемый собакой заяц делает скачок в сторону, и собака пробегает мимо. В степях русак нередко спасается

от борзой в сурчиных норах, расположение которых хорошо знает. Несмотря на то, что сурчина занесена снегом, зверек делает прыжок вверх и, с размаха бросаясь вниз головой, скрывается в ней.

Чем медленнее гонит собака, тем меньшего размера делает круги заяц. При преследовании медленно передвигающейся таксой он кружится почти на одном месте — на территории, иной раз не превышающей гектара,— и относится к таксе с явным пренебрежением: то лениво сделает сотню прыжков, то отсиживается, дожидаясь, когда собачка распутает следы и доберется до него. Иногда такса проходит от зайца в трех шагах, а он не убегает.

Если собака еще довольно далеко, русак, убегая от нее, на некотором расстоянии от покинутой лежки иногда садится по-собачьи, на лапы, и, более того, поднимается на вытянутые задние ноги и даже пробегает так несколько шагов, осматриваясь по сторонам. В среднем самки русаков выскакивают из-под собаки на меньшем расстоянии, чем самцы. Неполноценные особи затаиваются чаще здоровых.

ЗАЯЦ-БЕЛЯК. Он уходит от собаки по кругу, но меньшего размера, чем русак, и больше петляет. Характерны зигзагообразные движения, благодаря которым беляк дольше задерживается в участке, из которого его выгоняют. Уловки убегающего от собак беляка более разнообразны, чем таковые русака,— это увертки, броски в сторону, прыжки вверх или даже бег в обратную сторону. На бегу этот зверек более ловко делает быстрые и неожиданные повороты и ближе, чем русак, подпускает к себе собак и человека.

Если преследуемый гончей русак бежит полем по касательной к выступу леса, то беляк проходит лесом по касательной к открытому месту. Уходя от гончих, он делает не менее одного круга, а чаще 2—3 и больше. Круги эти обычно неправильной формы и следующий почти всегда больше предыдущего. Круги пересекаются между собой, места пересечения — главные лесные лазы беляка. Только после кружения по лесу заяц, поджимаемый гончими, бежит в поле или к соседнему лесному массиву. Ранней осенью беляк держится в лесу более упорно, чем поздней, особенно в листопад. В мелких хвойных лесах, а также в можжевеловых зарослях держится одинаково крепко всю осень, поскольку здесь вероятность его спасения от собак максимальна: он может петлять, делать скидки и даже иногда проскальзывать назад мимо преследующих его гончих.

Нередко беляк затаивается на высоких муравейниках, пнях, кочках, поленницах, стогах сена или соломы, полуповаленных деревьях. Маскирует след, пробегая по угольной пыли на гарях, по старым заячьим тропам, лисьим и собачьим набродам. Иногда обнаруживают, что заяц бежит сзади за преследователем. Прерывает свой след, пробегая по мелкой воде или болоту. Может броситься в воду.

На р. Ямбукан в Заполярье молодой беляк, спасаясь от собаки, забежал в воду и сидел там в прибрежных зарослях, так что были видны только его

уши. Как-то заяц, выгнанный собакой на морское побережье, прыгнул в воду и поплыл. Собака бросилась вслед за ним, но зверек круто изменил направление движения и запрыгнул ей на спину. Собака с «пассажиром» повернула к берегу: за несколько метров до суши косой спрыгнул с собаки и исчез в лесу.

Поведение зайца, преследуемого гончей, зависит от многих причин: от погоды, состояния снега, от того, лежал ли заяц на случайном месте или привычном, от опыта зверька (был или нет раньше под гоном). Чаще всего зверек стремится идти излюбленными, привычными путями, а не куда глаза глядят.

Из одного лесного массива в другой беляк переходит в основном в тех местах, где они сходятся ближе всего. Чаще идет низиной или вдоль нее. Нередко выскакивает из какого-нибудь выдающегося угла леса (имеются наблюдения, что беляк, как и лисица, из-под гончей уходит главным образом влево, однако они нуждаются в проверке). Среди беляков встречаются особи, уклоняющиеся в своем поведении от характерного для вида в целом стереотипа: например, уходят от гончей не кругами, а по прямой или не покидают во время гона кустарников. Один из зверьков в зарослях бежал примерно в 30 м от собаки, не торопясь, но прогалы между кустами пересекал молниеносно. По всей вероятности, такие особи формируются из числа наиболее опытных, ранее подвергавшихся преследованию гончатников.

Уходя от собаки, беляк спускается с горы и поднимается на нее не прямо, а наискосок и в наиболее отлогом месте. Действия зверька зависят и от поведения преследующей его собаки. Спасаясь от борзой, заяц делает крутые повороты, зигзаги, а иногда и прыжок вверх, благодаря чему быстро мчащаяся собака проносится мимо. От «пеших» гончих, т. е. ведущих преследование неторопливо, заяц уходит не спеша, часто приостанавливается, слушает. Паратые, быстрые в работе гончие не дают ему возможности вести себя так. Некоторые охотники охотятся на зайцев с таксой, которая, как и гончая, гонит с голосом. Уходя от коротконогой собачки, заяц делает малые круги, как бы играет с таксой в прятки, часто затаивается, петляет почти на одном месте, близко (на 30—50 м) подпускает преследователя. Отвлекаясь на тихоходную таксу, заяц менее внимательно следит за обстановкой, и был случай, когда его поймала лисица.

Поведение преследуемого беляка зависит и от его возраста. Матерый заяц ходит большими кругами ровно и широко, причем поздней осенью он старается быть особенно далеко от собаки. Прибылой заяц постоянно западает и движется как бы толчками. Особенно неравномерно идут от собаки зайцы последнего помета — «листопадники». Беляк, поднятый с лежки во время дождя, стремится вновь забраться в густые заросли.

(Вспугнутый с лежки *заяц-толай* (Lepus tolai) бежит по кругу, а потом западает. Измерение обогнутого круга в 15 наблюдениях показало, что у взрослого зайца площадь его равна 2,1 га, а у молодого — 1,7 га. Убегая от преследования, толаи делают прыж-

ки до 3 м длиной; для этих зверьков не характерны сметки и петли [73].)

Поведение преследуемого беляка зависит от периода суток. Заяц, поднятый в первой половине дня, чаще всего приходит на лежку, а во второй обычно не возвращается к ней. Когда собака приостанавливается, он старается запутать след, западает, после каждой задержки собаки как бы идет по новому кругу, при этом правильность кругов теряется. Заяц бежит впереди собаки в 100—300 м, а иногда уходит вперед и на 500 м; особенно значителен разрыв в конце осени и в начале зимы. При высокой численности зайцы ходят небольшими кругами, а при малой круги увеличивают, что, по всей вероятности, связано с размерами индивидуальных участков.

Затаившегося неуставшего зайца собаки легче чуют, чем уставшего,— его не обнаруживают и в непосредственной близости. Поэтому затаивание зайца успешнее по прошествии некоторого времени, чем в начале гона. Если зверек ранен, картина иная: чем больше его гоняют собаки, тем лучше его чуют.

Уходя от собаки, заяц пользуется в основном слухом, а не чутьем (видит он плохо, но реагирует на движение). Животное, слыша лай собаки, представляет степень ее опасности для себя. Наблюдали, как заяц сидел под кустом в 50 м от места, где собака яростно облаивала медведя, который время от времени рявкал. Заяц выскочил, лишь когда его вспугнул человек. В другом случае заяц находился в 10 м от дерева, под которым стояли две собаки, облаивающие белку.

Зайцы-тумаки (гибриды русака и беляка), которых в последние годы немало появилось в Сибири, бегут от собаки, как и обыкновенный русак, но обладают значительной увертливостью, благодаря которой борзые собаки ловят их с трудом. Тумаку приписывают и особую резвость бега. С. Т. Аксаков писал, что лихой тумак бывает резвей самого резвого русака.

ГРЫЗУНЫ. Представители этого отряда при преследовании их собакой ведут себя по-разному. *Тарбаган* западает в ямки, как бы скрываясь в нору, и прилегает в густой траве. Застигнутый собакой до ухода в нору, он мгновенно становится на задние лапы, защищается передними, царапает большими когтями и кусается. Скорость бега зверька невелика: его нагоняет и человек. Охота на тарбагана с собакой наиболее добычлива, когда последняя белого цвета: он наблюдает ее с большим вниманием, что дает возможность подойти охотнику на выстрел.

В Поволжье наблюдали, как при появлении пастушьих собак *байбаки* бежали к своим норам, вставали «столбиком», тревожно свистели, но в норы не уходили, если собака не преследовала зверьков. В последнем случае сурок подпускал пса на 4—5 м, скрывался в норе и выходил из нее через 30—60 мин.

Сусликов собаки легко догоняют и давят без труда.

Спасающийся от собаки *хомяк* чаще уходит в свою нору по вертикальному ходу, чем по идущему наискось. Атаковавший соба-

кой, зверек вступает в бой и, кидаясь ей в морду, издает пронзительный визг. Преследуемый собакой *дикобраз* иногда во время бега резко останавливается, и та налетает на его иглы.

Ондатра, по наблюдениям в условиях неволи, спокойно относилась к человеку, даже позволяя ему отрывать от сосков ондатрят, но приближение собаки вызывало у самки беспокойство и стремление обезопасить детенышей. Преследуемая *нутрия* бежит быстро, но скоро устает. Загнанная, она останавливается и принимает оборонительную позу, защищаясь резцами и когтями.

Белка, застигнутая собакой на земле, спасается на дереве. Двигается по стволу дерева с одинаковой быстротой и вниз, и вверх. Когда спускается вниз, задние ступни обертываются когтями назад, и зверек повисает на них, как на крючках. Вершины дерева достигает в несколько мгновений. Уходя ве́рхом, делает прыжки длиной до 5—6 м. Во время таких прыжков сильно расставляет в стороны лапки и вытягивает хвост, что помогает ей планировать в воздухе, подобно белке-летяге. Замечено, что в октябре белка более осторожна и чаще таится, чем в декабре. В ясные теплые дни зверек реже затаивается, чем в пасмурные и морозные, особенно сопровождаемые ветром и снегом.

Бурундук, убегая, делает молниеносные повороты, зигзагообразные движения, благодаря которым собака теряет его на поворотах, и зверьку нередко удается скрыться.

Поймать *тушканчика* собаке бывает не просто, так как эти зверьки обладают способностью резко менять направление бега. Даже во время стремительного бегства тушканчик точно учитывает расстояние до преследователя. Уходя от опасности, он скачет по прямой, не развивая максимальной скорости. Подпускает врага на метр-полтора, после чего внезапно прыгает в сторону. Ни собака, ни один наземный хищник не способен так резко изменять направление бега, как тушканчик. Гребнепалый тушканчик так резко прыгает из стороны в сторону, что за его «полетом» невозможно проследить. Иногда за прыжком вперед тут же следует прыжок в обратном направлении, и в первый момент грызун летит «задом наперед», лишь в воздухе принимая нужное направление [97].

Когда собака преследует *лемминга*, он убегает, но если та его настигла и готова схватить, зверек переворачивается на спину и кричит, пытаясь укусить пса за морду.

* * *

Способы спасения зверей от собаки можно разделить на пассивные, активные и основанные на использовании бегства (схема реакций жертвы, преследуемой собакой, хищником, приведена на форзаце в начале книги). Последних абсолютное большинство. К типично пассивным способам можно отнести затаивание, а в еще большей степени каталепсию (зверек, притворяясь мертвым, отдает себя на милость победителя). Такое поведение снижает агрессивность пса и способствует спасению животного. Наиболее

ярко эта особенность поведения выражена у енотовидных собак, очевидно, в связи с их неспособностью к быстрому бегу. Каталептическое состояние связано со снижением реакции на болевые воздействия, но оно обратимо, и глубина его меняется в зависимости от сложившейся обстановки. Если предоставляется возможность побега, зверек оживает. Неподвижность, затаивание — эффективный прием снижения агрессивных намерений противника. Некоторые собаки не трогают затаившихся животных и даже не облаивают их. И. П. Павлов рассматривал животный гипноз как самоохранительный рефлекс.

Если каталепсия встречается довольно редко, то затаивание — распространенное явление. Чаще оно проявляется, когда активные способы избавиться от преследователя невозможны по тем или иным причинам (усталость животного, страх, неожиданно возникшее препятствие и т. д.). С меньшим основанием можно отнести к пассивным способам укрытие зверей в различных убежищах — в норах и каменистых россыпях, на деревьях, неприступных скалах-отстоях, в чаще. Укрывшись в убежище, животное не прилагает усилий к дальнейшему спасению и пассивно дожидается дальнейшего развития событий. Следует отметить, что пассивные способы почти никогда не встречаются в чистом виде. Обычно уход в нору или затаивание предваряется бегством или даже стычкой с преследователем.

Как отмечалось, большинство способов избавления от преследования включает бегство. Эти приемы составляют три четверти всех спасительных уловок. Характер последних зависит от того, как близка собака. Если она настигает зверя, могут быть эффективны (хотя бы на некоторое время) такие маневры, как бег с максимальной скоростью, скатывание клубком с косогора, изменения направления движения: резкий поворот, бег зигзагом, прыжок вверх. К подобным уловкам может быть отнесено и выбрызгивание содержимого прианальных желез. Известно, что для мелких зверьков семейства куньих эта уловка может принести спасение: собака, почувствовав резкий запах, начинает искать горностая в этом месте, а он тем временем скрывается. При непосредственном настижении собакой стадные копытные могут рассредоточиться, что приносит спасение одной или многим особям.

Если при настижении зверя собакой все действия его в значительной степени вынуждены и в основном состоят из увертов от зубов пса, то при отставании собаки большинство приемов зверя направлены на запутывание следа. Сюда можно отнести сметки и скидки, наиболее характерные для зайцев, но имеющие место в поведении и других животных. Иногда зверь сбивает с толку собаку, пройдя обратно некоторое расстояние своим следом и сделав скидку в сторону. Распространен также иной прием (в условиях леса), когда зверь, сделав круг, выходит на след преследователя и, соблюдая некоторый интервал, движется за ним. Маскирует животное свой след и когда пробегает по мелководью или бесснежному участку, где собаке легче потерять след.

Несколько приемов бегства связано со сменой среды, субстрата. К ним можно отнести уплывание зверя, ускользание от собаки в толщу снега или подснежные пустоты, а также уход ве́рхом деревьев (последнее возможно лишь для искусных древолазов). В сущности, к этой группе можно отнести и приемы, связанные с использованием антропогенного фактора, антропической среды: животному иногда удается спастись, забегая в населенные пункты или отдельные строения (сараи, бани и т. п.), выходя на железнодорожное полотно, шоссе. К данной группе приемов могут быть отнесены и такие довольно редкие, правда, уловки, как пробегание сквозь стадо домашних животных, запрыгивание в транспортные средства и т. д.

В некоторых случаях преследуемый зверь избавляется от собаки благодаря преимуществу в своей массе или иных параметрах. Например, тонкий лед выдерживает пробежавшего по нему зайца-беляка и проваливается под собакой. Олень, забежавший в воду по колено, получает преимущество перед псами, лапы которых не достают в этом месте дна. Если вскочивший с лежки русак юркнет в отверстие плетня, он становится неуязвим для собаки, которой не пролезть в отверстие.

Активные способы включают оборонительные и агрессивные действия. Это угрожающие выпады с использованием рогов, копыт и зубов. Возможно и активное нападение на преследователя, чему может предшествовать подкарауливание. При удобном случае преследуемый собакой волк сам делается ее преследователем. Выскочив за околицу деревни, зверь оборачивается, и увлекшийся погоней пес оказывается в его зубах. Эта уловка (заманивание) — обычное средство в арсенале охотничьих приемов волка. Сумеет ли собака остановить зверя, зависит от его пола. У кабанов псу чаще удается останавливать самцов. Однако свора собак способна задержать любого зверя, кроме тигра.

Животные оказывают сопротивление настигшей их собаке, используя свои морфологические и иные видовые особенности. Дикобраз, имеющий колючки, резко останавливается, тем самым раня пса, еж сворачивается клубком. При настижении собакой все звери стремятся обезопасить свой тыл: зверь прижимается задом к дереву, скале, густым зарослям или ложится на спину. Последнее свойственно, например, росомахе, выдре, рыси. Некоторые звери (енот-полоскун, лесная кошка и др.) используют для обороны и ту, и другую позу. Для мелких куньих при сопротивлении характерно вертикальное положение тела. При настижении собакой, а также при оборонительных действиях многие звери подают голосовой сигнал, например, енотовидные собаки, шакалы, медведи, соболи, барсуки, хорьки. Среди мелких животных крик более свойствен молодым особям.

Рассматриваемый перечень тактических приемов избавления от преследования включает почти все, что присуще классу млекопитающих в целом. Перечни приемов, свойственных систематическим единицам внутри класса, значительно беднее. Возможности

в этом отношении каждого вида определяются особенностями экологии, морфологическим строением, средой обитания и другими факторами.

Лишь два способа доступны всем видам: бег с максимальной скоростью и затаивание.

Интересно, что пассивные приемы спасения распространены в гораздо меньшей степени, чем активные. Дилемма между «непротивлением злу» и принципом «око за око, зуб за зуб» решена дикой природой в пользу последнего. Однако наибольшее распространение имеют приемы, при которых животное не пытается оказать сопротивление или отдать себя на милость врагу, а стремится избежать преследования путем бегства и различных уловок. Только после того, как всевозможные приемы такого рода будут исчерпаны, животное прибегает к активным способам — прямой борьбе с врагом или (реже) капитулирует, пытаясь тем самым погасить агрессивные инстинкты и действия преследователя.

Поведение зверей, преследуемых собаками, несмотря на обилие разнообразных приемов, в большинстве своем стереотипно, стандартно. Это позволяет считать его в основе инстинктивным, что подтверждается наблюдениями. Заяц-русак, спасающийся от борзой по дороге, лишь ускоряет свою гибель. Однако опыт, приобретаемый животным после нескольких спасений от преследования собаками, сказывается на его поведении, которое становится более адаптированным и способствует выживанию животного. Стреляный беляк медленно идет от гончей по зарослям и быстро пробегает открытые пространства, что не позволяет человеку сделать прицельный выстрел.

Спасаясь от собак, кенгуру (Macropus rufus) забегает по пояс в воду и ждет, когда пес в азарте преследования подплывет к нему. Упершись о дно хвостом и двумя задними лапами, животное хватает собаку передними лапами за голову и начинает топить: держит ее под водой. Собака в этой ситуации прекращает агрессивную борьбу, стараясь вырваться и выскочить на берег. Бывали случаи, когда она не решалась заплыть в воду, а лаяла с берега. Тогда кенгуру выскакивал на сушу, хватал пса и тянул в воду. В этих действиях австралийского животного можно, согласитесь, усмотреть некую сообразительность.

Логический анализ применяемых зверями способов избавления от преследователя показывает, что они включают почти все, что можно было бы придумать в этой ситуации человеку, не имеющему оружия, инструментов и не умеющему пользоваться ими. Более того, некоторые из приемов недоступны людям, например, уход ве́рхом деревьев.

Частота использования деревьев для спасения от собаки у разных видов различна. Рысь, лесная кошка, каракал довольно часто взбираются на них, камышовый же кот прибегает к этому лишь в исключительных случаях, лесная куница чаще, чем каменная или соболь. Уход от собаки ве́рхом деревьев свойствен, кроме белки, лесной кунице, харзе, иногда соболю и росомахе.

Звери, преследуемые в глубокоснежье, прибегают к ряду специальных приемов: уходу след в след, смене направляющего, использованию старого следа и торных троп. Если для крупного зверя глубокий снег является препятствием при бегстве, то для мелкого зверька данный фактор может быть спасительным: при рыхлом и глубоком снежном покрове, унося ноги, он ныряет в снег и, пробравшись в его толще или подснежных пустотах некоторое расстояние, выныривает в неожиданном для преследователя месте и бежит, иногда в противоположную сторону (такая уловка отмечена у корсака, соболя, куницы).

Если погоня за зверем ведется в щадящем темпе, он стремится постоянно следить за преследователем. Медведь и росомаха, звери с короткой шеей, бегут, несколько скашивая тело по отношению к избранному направлению бегства, соболь на миг заскакивает невысоко на дерево, чтобы оглянуться, кабан на мгновение останавливается, заяц-русак иногда встает на задние лапы. Газель уходит зигзагами, чтобы не терять преследователя из виду. Эта особенность дает возможность собаке или хищнику, обрезая зигзаги, двигаться по прямой, выигрывая расстояние и время.

Поведение преследуемого собакой зверя соответствует его экологии. Тишично лесного зверя почти невозможно выгнать на открытое пространство. Газель Томсона (Gazella thomsoni), обитатель открытых пространств, никогда не ищет спасения в зарослях кустарников и погибает в поле. Если стадные животные леса при энергичном преследовании могут разбегаться, то обитатели пустынь и полупустынь стараются не отделяться друг от друга, а, наоборот, группируются, что способствует успешному бегству от собак, так как скорость группы обычно выше скорости одной особи. Горные животные, спасаясь от собак, не нарушают естественных правил безопасности передвижения по горам.

Сухопутные звери, настигнутые собакой в воде, стремятся к суше, а полуводные, застигнутые на суше,— к воде. Однако в безвыходных ситуациях и те, и другие могут действовать наоборот. Скрывшись от преследования собаки в воду, полуводные звери, например норка, часто ныряют, тогда как сухопутные звери при данных обстоятельствах не делают этого. Уставший зверь не прибегает к нырянию. Среди сухопутных животных есть охотно идущие в воду и прибегающие к ней лишь в безвыходных ситуациях.

Направление бега зверя, преследуемого собакой, не бывает случайным. Он бежит в избранную сторону и упорно выдерживает курс, иногда и с риском попасть псу в зубы. Большей частью идет привычными, хорошо известными лазами. В то же время прослеживаются определенные общие для видов тенденции. Многие звери при наличии склона стремятся уходить вверх по нему. Так поступают не только обитатели гор, но и, например, сайгаки, зайцы-беляки. Играет определенную роль и направление ветра. Сайгаки стараются бежать по ветру.

Уходя от погони, молодые звери тяготеют к месту расположе-

ния логова, нор, взрослые же особи, имеющие потомство, чаще стараются отвести преследователей от гнезда. Однако животные лишь немногих видов проявляют достаточную заботу о своем потомстве и при форсированной погоне покидают детенышей. Самка кенгуру, спасаясь, вытаскивает детеныша из сумки и бросает.

Преследуемые собакой все звери, поднятые в районе своего постоянного места обитания, уходят по кругу, радиус которого специфичен для каждого вида и равен примерно радиусу участка обитания. По прямой идут пришлые и мигрирующие звери, старые отбившиеся от стада самцы. Радиус круга зависит от характера преследования и местности, погоды, периода года, возраста и пола зверя, степени его сытости и накопления жира, эмоционального состояния. Обычно молодые звери делают из-под собаки круги меньшего размера, чем старые. Движение по кругу характерно для зверей летом и осенью. Зимой для некоторых видов, например волков, движение по кругу необязательно.

Убегание по кругу, с одной стороны, выгодное приспособление, так как дает возможность животному следовать по своему участку обитания, использовать наиболее удобные места, обеспечивающие наибольшую скрытность передвижения. С другой стороны, эта особенность поведения таит в себе и определенную опасность, так как дает возможность преследователю неточно повторять путь жертвы, а, «срезая углы», укорачивать его. Наибольший эффект срезание дает при кругах малого диаметра, которые свойственны небольшим по размеру животным. Одичавшие собаки, преследуя жертву, разделяются на две группы: одни, срезая, забегают вперед жертвы, а другие следуют за ней по пятам.

Реакция зверя на собаку зависит от ее злобности, роста, голоса, манеры поведения, цвета опушения; имеет значение и количество собак. Животное имеет представление о скоростных возможностях преследователя, которые выявляются во время погони, и действует с учетом их. Тихоходная собака не вызывает страха. Чем моложе зверек, тем дальше он старается быть от преследующего пса. Реакция животного зависит от того, обнаружено оно собакой или нет. Замаскировавшийся зверек может пропустить собаку мимо себя, не реагируя на нее движением.

Поведение преследуемого зверя зависит от ряда факторов, часть которых определяется индивидуальными, популяционными и видовыми особенностями. К первым можно отнести эмоциональное состояние животного, степень его усталости, упитанности, особенности темперамента, пол и возраст. Чем моложе зверь, тем больше он тяготеет к глухим местам. К ним стремится также усталое, измученное животное.

Играет роль при преследовании численность популяции. Чем выше плотность зверей, тем меньше индивидуальный участок одной особи и тем меньше диаметр круга, по которому бежит зверь. У каждого вида животных есть излюбленные уловки спасения от собак и предпочитаемые виды убежищ. Ход зверя из-под гончей имеет видоспецифические особенности и может быть прогнозируем.

В то же время в уловках, применяемых для избавления от преследования собаки, у животных разных видов имеется много сходства, что объясняется сходством ситуации и задачи, стоящей перед животными. Зачастую видовая специфика характеризуется лишь частотой использования тех или иных приемов. В отдельных случаях индивидуальные особенности могут выходить за рамки видового стереотипа. Имеются и другие причины. Например, реакция на собаку зависит от периода суточного цикла: поднятый с лежки зверь уходит дальше, чем застигнутый во время кормежки.

Вредное влияние на организм животного погоня собаки оказывает в том случае, если последняя по стечениям обстоятельств имеет преимущества. Например, наст выдерживает собаку и проваливается под ногами лося. Обычно же в таких случаях погоня кончается быстро, не успев оказать вредоносного воздействия на здоровье. Многочасовое преследование гончих доводит до изнеможения как зверя, так и самих собак, однако сообщения о заболеваниях и смертельных исходах животных редки.

В условиях неволи дикие животные и собаки хорошо уживаются.

Собранные мною факты показывают, что для большинства видов диких млекопитающих, не говоря о домашних, имеется хотя бы по одному примеру дружественных отношений или мирного сожительства пса со зверем в одной клетке, в одной комнате. В период выкармливания щенков собака проявляет поразительную терпимость к детенышам других видов. Собаки выкармливали не только хищников, в том числе и своих исконных врагов — тигров и волков, но и чрезвычайно далеких в систематическом отношении животных — детенышей обезьян, крыс и т. д.

В природных условиях отношение диких зверей к собаке иное. В заповедниках некоторые животные, например куланы, лоси, зубры, проявляют агрессивное отношение к ним. Все крупные хищники при случае не брезгуют поживиться собакой, особенно пристрастны к ней тигр и волк. Если у первого — ярко выраженный пищевой интерес к собаке, то у второго — мотивы агрессии не всегда ясны: нередко волки давят пса без видимой надобности.

Негативное отношение большинства зверей к собаке понятно. Этот одомашненный хищник, находясь под опекой человека, оказывает отрицательное воздействие на фауну. Собаки пастухов, например, будучи предоставлены самим себе, зачастую не только давят зверей и птиц для своего пропитания, но делают это из развитого в них охотничьего азарта. Огромный вред оказывают одичавшие собаки, объединяющиеся в стаи. Поведение животных, преследуемых собакой, имеет значительное сходство с их поведением во время преследования хищником. В сущности, это удобная модель для изучения особенностей повадок спасающейся жертвы; причем использование собак при добывании животных ведется испокон веков, и накоплено большое количество наблюдений в этом направлении.

Реакция зверя на собаку является моделью реализации агрессивной и оборонительной активности. Для зверя собака тот

же хищник, отличающийся лишь способностью регулярно подавать голос, облаивать жертву. Очевидно, лай является дополнительным средством устрашения и психического угнетения преследуемого зверя.

В Национальном парке Крюгера один из лагерей рабочих по ночам беспокоили дикие животные. Рабочим разрешили завести собаку. Слоны первое время пытались убить облаивающего их пса, но он остался жив. Впоследствии все слоны обходили лагерь за 100 м, не пытаясь приблизиться к нему [14]. Когда в зоопарке в загон к слонам выпускали таксу, они издали забрасывали ее песком и камнями, топали ногами, но та не пугалась огромных животных и заливисто лаяла на них. Наличие собак препятствует синантропизации диких животных.

РЕАКЦИЯ ЗВЕРЕЙ НА ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКОМ

Мы рассматриваем поведение зверей при преследовании их пешим человеком или лыжником, а также цепью людей. Большое количество наблюдений накопилось при осуществлении охот нагоном, прогоном, облавой. Все эти способы предполагают прочесывание местности загонщиками с целью выгнать зверей, поэтому в данном разделе анализируется и реакция животных, уходящих от загонщиков, на опасность, встреченную впереди (стрелки, сети, ловушки).

БУРЫЙ МЕДВЕДЬ. Преследуемый, он редко выбирает прямое направление, чаще путь его бывает в виде дуги, уходящей в наиболее предпочитаемые места. Стронутый из берлоги медведь идет в направлении другой, известной ему берлоги, а если та занята сильным и крупным зверем, направляется к следующей. С новой лежки потревоженный зверь склонен возвращаться в первую берлогу. На горных лугах Кавказа этот хищник старается уйти в лес, даже за несколько километров.

Бурый медведь, как и белогрудый, при медленном его преследовании часто заскакивает на дерево, вероятно, осмотреть местность, а осмотрев, быстро с него соскакивает.

От загонщиков медведь неохотно идет под гору. Спускаясь, он убегает неуклюжим, но размашистым и быстрым галопом, и в этот момент зверь этот особенно опасен для человека. При бегстве он чаще всего уклоняется от направления гона в левую сторону. Цепью загонщиков медведь бывает поднят обычно с первого раза.

Если медведица первой вышла на стрелков и убита ими, медвежата продолжают бродить по окладу, отыскивая мать, и при этом часто возвращаются к берлоге. Если же от берлоги их отпугивают, они в конце концов отыскивают след матери и по нему выходят на стрелка, застрелившего ее. Когда на стрелков выходят одновременно медведица с лончаком, стрелять в последнего опасно: известен случай, когда самка из-за убитого при ней детеныша пришла в ярость, рвала его когтями и зубами, а затем, схватив в зубы, бросилась на стрелка. Только что ощенившаяся

самка очень неохотно выходит на цепь стрелков и продолжает плутать по окладу, при этом часто направляется к берлоге, но не заходит в нее даже слыша визг начинающих мерзнуть медвежат. Самцы же в окладе никогда не возвращаются к берлоге. Медведь, выгнанный на стрелка, иногда ревет.

Медведь своенравно выбирает свой путь из-под гона. Когда в России процветала барская охота и за найденного медведя платили тем больше, чем он крупнее, организация удачной охоты на большого зверя была трудным делом. Большой медведь приобретал опыт, так как почти всю зиму был на ходу (ему не давали облежаться) и, попав в кольцо облавы, не шатался внутри ее (это позволяло стрелкам улучить удобный момент для выстрела), а без промедлений шел прямо и прорывался сквозь цепь людей.

Раненый медведь имеет обыкновение залезать в самые труднопроходимые заросли, в расселины скал и пещеры. На идущего по следу охотника он всегда нападает неожиданно и, в ожесточении схватив его, грызет и рвет. Бывает, что преследуемый человеком раненый зверь с ревом поднимается на дыбы, делает несколько шагов в сторону охотника, стараясь напугать его, а потом снова отступает; если это самка и к ней в это мгновение подбегает медвежонок, она с озлоблением бросается на него и начинает кусать.

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ. В спокойном состоянии он обычно передвигается медленным шагом, низко опустив голову и раскачивая ее слегка из стороны в сторону. Когда перейдет на рысь, скорость увеличивает до 8—12 км/ч, а убегающий от преследования сильно напуганный бежит галопом со скоростью до 15 км/ч, но недолго. Человек, хорошо развитый физически, в состоянии загнать крупного, особенно жирного медведя на расстоянии 10—15 км. Первое время зверь намного уходит вперед, но через 5 км непрерывного бега переходит на скорый шаг и расстояние между ним и преследователем начинает быстро сокращаться. Попробовав еще 1—2 раза пробежать по полкилометра рысью, хищник окончательно переходит на шаг и идет все медленнее. Особенно он устает, если приходится бежать в гору. Молодые особи намного выносливее. В тяжелых торосах медведя не могут догнать и собаки. Он легко прыгает с 4-метровой высоты, а в воду и с 6 м. Получив даже несколько ран, белый медведь может уйти в воду. Однажды преследовали самку белого медведя с четырьмя медвежатами. Трое медвежат бежали несколько сзади, а самый маленький, длиной не более 40 см, сидел на спине у матери. Самка, забегая вперед, постоянно оглядывалась на бегущих за ней детенышей. Когда преследователи оказывались близко от них, она, возвратившись, отгоняла их и бежала вслед за убежавшими вперед детьми.

Белый медведь, будучи сыт, при виде бегущего к нему человека или собак чаще всего сам обращается в бегство, и наоборот, видя убегающего человека, он нередко следует за ним. Бросаемые человеком вещи на некоторое время останавливают зверя.

ВОЛК. При первых криках загонщиков волки покидают свои убежища и бегут в ту сторону, где не слышно никаких шумов. Уходят большей частью «крепкими местами» (по грядам леса, между мелким лесом и кустами), используя свои привычные лазы. По мелкому снегу из-под гона зверь идет обычной трусцой, особенно в первый период зимы, а по глубокому снегу передвигается короткими прыжками, предпочитая двигаться старым следом. Обнаружив близкую опасность, он мчится карьером. Если зверь не напуган, он идет не слишком быстро, останавливаясь, чтобы просмотреть пространство впереди, вовремя обнаружить человека. При этом слух, обоняние и зрение зверь использует максимально. Если же волк идет быстрым ходом, способность его к ориентации снижается, и он часто не замечает стоящего на номере стрелка.

Стропутые волки нередко идут друг за другом — цепью. Впереди старые волки, чаще волчицы, они часто останавливаются и осматриваются. За ними движутся прибылые и переярки. Последние более самостоятельны и часто придерживаются своего направления, а прибылые иногда таятся. Волки движутся охотнее, если направление гона избрано в соответствии с их устремлениями, т. е. правильно угадано направление их естественного хода. Одним из факторов, определяющих выбор направления движения волком, является ветер. Уходя от загонщиков, зверь стремится использовать его для получения информации. Если хищника гонят по ветру, его возможности в этом смысле ухудшаются, поэтому взрослый волк уклоняется от движения вперед, норовит идти в сторону. Молодых волков по ветру гнать проще. Разумнее преследовать волка не по ветру, а так, чтобы он дул зверю в бок. К просекам и полям зверь подходит осторожно, прислушиваясь.

Не всегда поведение преследуемых волков стереотипно. Наблюдали поведение в окладе волчицы, названной охотниками «Неуловимой». Она, направляясь навстречу загонщикам, выбирала наиболее скрытый путь, а когда до загонщиков осталось 25 м, сместилась с направления одного загонщика, приблизилась на 15 м к другому и затем свернула в сторону. Дальнейший путь ее к густому ельнику выдавали лишь качнувшиеся кое-где травинки (Бологов, 1982).

Уходу волков сквозь цепь загонщиков способствует широкий интервал, случайно образовавшийся между ними, куда и устремляются животные. При толарах (облавных охотах с помощью загона) на песцов иногда добывают и волков, но эти звери обычно не дожидаются конца загона, а пытаются прорваться между фланговыми охотниками. Сходным образом ведут себя волки в условиях эксперимента. Когда на биостанции ВНИИОЗ зверя, жившего в большом вольере, цепь людей пыталась шумом загнать в ловушку, стоявшую в открытой двери на противоположной стороне, он не только не уходил, а, наоборот, подбегал к сетке именно там, где гуще стояли люди, и, морща нос, щелкал зубами. В другом вольере волк с приближением цепи людей неожиданно угрожающе побежал навстречу им, а потом, развернувшись на 180°, разбежался и, сделав гигантский прыжок, зацепился локтями за верх огра-

ды. Данный случай показывает, что волк не слепо уходил от цепи людей, а действовал в соответствии с намеченным планом спасения.

Человек на лыжах по глубокому снегу может загнать волка до изнеможения. Преследуемый зверь стремится выйти на дорогу. Если он наелся до отвала, то сначала идет тихо, но, видя следующего за ним по пятам охотника, изрыгает съеденное мясо и после этого бежит быстро и долго. Волк, несущий добычу, при стойком преследовании бросает ее, однако при возможности старается все же не расставаться с поживой.

В Белоруссии волки в связи с усилением их преследования стали значительно чаще переходить р. Сож даже тогда, когда нужды в этом, казалось бы, и нет. Переходят через реку и осенью по льдинам в период ледостава, и весной по битому льду, и в половодье. Охотники, идя по следам зверей, доходят до реки и, чтобы продолжить преследование, вынуждены добираться до единственного на 60 км реки моста [70]. На только что замерзшей одной из проток Волги в районе Астрахани охотники на коньках загнали двух прибылых волков на кромку тонкого льда, дальше которого шла вода. Когда звери убедились, что не могут уйти от преследования, они при подходе людей издали вой, напоминавший крик. В других подобных ситуациях молодые волки, сидя на задних лапах, щелкают зубами и с приближением человека прячут голову в снег. Матерый волк способен броситься на человека.

Наблюдали, как преследуемый волк, раненный в лапу, несколько раз оборачивался, с остервенением грыз перебитую конечность и вновь бежал. Другой раненый зверь, преследуемый людьми, был загнан на территорию винокуренного завода, где спрятался в пустую печь кочегарки. Содержавшиеся в просторном вольере на биостанции ВНИИОЗ два прибылых волка в возрасте 6 мес при попытке человека отловить их обычно начинали бегать от него. Когда же в вольер зашли сразу несколько человек, звери, убежав в дальний угол, «затаились»: самка легла на снег, а самец рядом с ней, частично прикрыв ее тело (самка спрятала голову под брюхо самца, а самец — под ногу самки). Лежали они неподвижно, даже когда люди подошли вплотную.

ЛИСИЦА. Когда ее преследуют по степи, она сначала убегает, но в дальнейшем замедляет ход, начинает отвлекаться. Если далее следовать не точно за лисицей, а метров 50 стороной, она еще более замедляет шаг, ложится или начинает мышковать, иногда поглядывая на человека. Когда лисица видит преследователя на достаточно далеком расстоянии, она уходит, умело заслоняясь встречной растительностью, используя при этом пересеченность рельефа, выемки, выпуклости, различные предметы на пути. Эта маскировка не случайна, а результат выбора пути. Например, наблюдали, как при погоне лисицы на стрелка она скрылась в низине и больше не появилась. Оказалось, что зверь поднялся к номеру с низины незаметно и прошел сбоку в 40 шагах по мелкой борозде пашни. По ребру борозды образовался небольшой карниз, невидимый человеку при однообразной белизне снега.

Поведение лисицы, уходящей от цепи загонщиков, изменчиво. Некоторые особи продвигаются медленно, мелкой рысью, соблюдая, однако, расстояние, обеспечивающее скрытность передвижения. Другие таятся, подпускают загонщиков метров на 30, прячась за стволами деревьев, кустами, а затем кидаются на-

утек. Есть и такие, которые, маскируясь, наблюдают загонщиков и пропускают их. Иногда, только заслышав человека, лисицы пускаются галопом, чередуя его с рысью, и следуют своим лазом. Наиболее осторожные звери выскакивают, а затем идут на широких махах, раскрыв слегка пасть и держа голову приподнятой. Те, что уходят рысью, движутся с опущенной головой, время от времени неожиданно останавливаются, внимательно смотрят вперед и, не обнаружив ничего опасного, поворачивают голову в сторону загонщиков, а затем продолжают движение в избранном направлении. Лисица, заметив впереди себя стрелка, иногда начинает ходить по лыжне вслед за загонщиком.

Существует мнение, что лисицы разных типов окраса ведут себя во время преследования по-разному. Желто-рыжая, без белесоватых кончиков на волосах лисица, идя из-под гона, легко пугается, переходит на скачки, а успокоившись, следует дальше рысцой, зорко разведывая путь. Огневка, имеющая ровный красный цвет меха, уходит из-под гона на коротких скачках, высоко подняв голову (в этом отношении она похожа на гонного волка; благодаря быстрому ходу может прорываться сквозь линию флажков). При наличии в окладе самца и самки первым с лежки в начале гона поднимается обычно самец.

Преследуемые загонщиками лисицы иногда уходят, преодолевая водные преграды: отмечен случай, когда 5 особей в одном загоне ушли через ручей. Преследуя лисицу в одиночку, человек может управлять ее движением, т. е. выгнать в намеченное место, если будет делать вид, что не обращает на зверя внимания (создавать впечатление, что идет своей дорогой). При изменении направления целесообразно останавливаться, поправлять крепления лыж или делать что-то еще.

Лисица, жившая в просторном вольере с участком леса, при подходе человека залезала на высокие ели, у которых ветви начинались с земли, двигаясь по спирали вокруг ствола, забиралась наверх и на высоте 6—7 м ложилась на толстые ветки. Когда человек приближался, она не двигалась и только чуть поворачивала голову, следя за ним. Лазила на деревья лишь в бесснежный период и не делала этого зимой.

Вырвавшийся из клетки зверь детренирован и не может выдержать длительное преследование. Если снег глубок, человек на лыжах быстро догонит беглеца. Выбившись из сил, лисица ложится и иногда прячет голову в снег. Когда человек приблизится вплотную, она угрожающе раскрывает рот и делает попытки сопротивляться. В эксперименте лисица, съевшая приманку со спотворным веществом, во время преследования пыталась уходить, преодолевая шаткость походки, падая и вставая, но постоянно выдерживая расстояние между нами 5—10 м. Когда я делал рывки, чтобы ее настигнуть, она ускоряла движение, а когда я приостанавливался для отдыха, это же делала и она. Движение зверя было в основном зигзагообразным. Так же себя вели и другие сонные лисицы, которых мне приходилось преследовать.

ПЕСЕЦ. Во время преследования этот зверек, находясь на безопасном расстоянии и несколько привыкнув к ситуации, иногда на время ложится, и человек неторопливым круговым обходом может подойти к нему на расстояние выстрела; один охотник из

130 добытых песцов отстрелял таким способом 45. При таларийном промысле песцов сгоняют в центр постепенно сужающегося круга. Загонщики останавливаются, когда интервал между ними становится не более 20—30 шагов. Окруженные звери бегают по кругу или лежат, притаившись в снегу. Нередко какая-то часть из них прорывается из круга во время самого загона, а некоторые уходят в последнюю минуту. Всего спасается 10—20% зверьков.

Если песцов много, они кружатся в кольце, напоминая стадо баранов, почуявших опасность, а когда их меньше, они скорее пытаются прорваться сквозь линию загонщиков и чаще прорываются в тех местах, где стоят женщины и ребята без ружей. Песцы, попавшие в круг, стремятся укрыться в кустарниках, если таковые есть. Этим пользуются ненцы-охотники, оставляя за куртинами кустарников свободное место, которое затягивают сетями,— в них и запутываются зверьки. К весне песцы становятся более осторожными и чаще выходят из круга. В «урожайный» на песца год за одну талару-облаву нередко добывают по 15—20, а иногда и по 30 песцов.

Мигрирующие песцы идут вдоль рек, повторяя все их изгибы и заходя при этом нередко на косы, вдающиеся в реку. В этом случае преследуемые зверьки, которым путь назад отрезан, попадаются в руки людей или бросаются в воду, вплавь достигая берега.

ЕНОТОВИДНАЯ СОБАКА. Имея короткие лапы, она не способна развивать большую скорость, и при благоприятных обстоятельствах человек может догнать ее. Настигнутая человеком енотовидная собака сопротивляется менее агрессивно, чем настигнутая собакой. Молодые зверьки часто затаиваются и притворяются умершими. Застигнутый мною у болота зверек представился мертвым и при попытках перевернуть его с живота на спину сопротивлялся, но пассивно. Старался плавными незаметными движениями тела вернуться в прежнее положение, которое позволило ему некоторое время спустя мгновенно вскочить на ноги и пуститься наутек. Убегая при преследовании и затаиваясь потом, енотовидная собака остается обращенной к преследователю задней частью туловища или чуть наискось, чтобы следить за происходящим.

При отлове 208 енотовидных собак выяснилось, что молодые самки затаиваются в 4,3, а самцы в 2,6 раза чаще соответственно разнополых взрослых особей. В сравнении с самцами самки затаиваются чаще в 1,2 раза. Реакция затаивания у взрослых животных обычно менее продолжительна, чем у молодых, однако здесь весьма сильна индивидуальная изменчивость (Сизонов, 1984).

При преследовании в Приазовских плавнях енотовидных собак, убегающих парой, одна из них нередко бросается в воду, тогда как вторая продолжает бежать по суше. С приближением человека или собаки плывущий зверек замедляет движения, а затем вообще перестает двигаться и при этом не тонет, так как густой мех намокает не сразу (содержит многочисленные пузырьки воздуха);

поза затаивания на воде такая же, как на суше, но лапы опущены вниз, а не поджаты. Если человек начинает отклоняться в сторону, животное начинает медленно отплывать.

ТИГР. Преследуемый людьми, этот зверь уходит не спеша, стараясь получить информацию о своих врагах. Для этого он иногда садится на задние лапы, прислушиваясь, а когда преследователи останавливаются на отдых, он ложится. Уйдя вперед, тигр иногда сворачивает в сторону и выходит на тропу позади преследователей. Зная это, опытные охотники в отдельных случаях подкарауливают полосатого хищника на своем же следу. Н. М. Пржевальским описан случай, когда тигр, преследуемый группой охотников, перешел через р. Уссури на остров, заросший ивняком. Люди отправились туда за ним. Зверь, которому было тяжело ходить по глубокому снегу, не уходил с острова, а переходил с одного его конца на другой, следуя по пятам казаков, которые, боясь разделиться, ходили гурьбой.

Если преследование идет медленно и тигр на пути наткнулся на человека, он незаметно обходит его, но если преследование напористо, зверь может сбить человека с ног и поранить. Когда охотники уже близко, хищник залегает в скрытом месте и, близко подпустив их, бросается на того, кто стоит на следу. Эта общая схема может нарушаться в зависимости от различных обстоятельств. Если загонщики при охоте на тигра излишне шумят, повышается вероятность прорыва зверей сквозь цепь и их нападения; спокойный зверь медленно выходит на открытое пространство. Обычно в горной местности тигр, услышав людей, затаивается в скалах, а когда цепь загонщиков пройдет мимо него, уходит в обратную сторону. Выгнать зверя на линию стрелков удается лишь с хорошо натасканными собаками.

Преследуемая тигрица бросает своих детей, и, оставшись одни, детеныши затаиваются. На этой особенности поведения основан способ отлова тигрят живыми. Найдя зимой по следам тигриный выводок, охотники стремятся подойти к нему как можно ближе, а затем поднимают шум, кричат, стреляют. Тигрята, не поспевая за матерью, затаиваются в лесной чаще и становятся добычей тигроловов.

Особенно опасно преследование тигра с добычей.

Как-то, собирая валежник, двое индийских крестьян услышали вопль девушки, находившейся от них в нескольких метрах. Ее сбил с ног тигр. На глазах у людей он схватил жертву и потащил в кусты. Один из крестьян побежал за ним, крича и кидая в него камни. Зверь, двигавшийся сравнительно медленно, поскольку держал в пасти девушку, обернулся, выпустил свою ношу, прыгнул на юношу и убил его ударом передних лап. Затем снова подобрал девушку и исчез в джунглях [71].

В условиях населенного пункта уверенность зверя снижается. Однажды в одной из деревень в Приморье тигр утащил крупного поросенка. Услышав визг, хозяйка выбежала из избы и погналась за зверем с криком: «Кинь! Кинь!» И тот бросил поросенка.

ДРУГИЕ ЗВЕРИ СЕМЕЙСТВА КОШЕК. Медленно уходит от людей при облавах *рысь*. Зверь часто залегает в буреломе и старается прорваться назад через линию загонщиков. Облава на небольшом пространстве иногда длится более часа. Нередко рысь, ушедшая с капканом, при преследовании выходит на след охотника. *Дикая лесная кошка*, уходя от загонщиков, приближается к линии стрелков быстрее, чем лисица, а идя по черпотропу, она, как и лисица во время гона, иногда останавливается и оглядывается. *Манул* при преследовании старается спастись бегством, но так как бегает довольно плохо, при возможности заскакивает в камни или нору. Будучи настигнут, он садится или ложится и смело обороняется, часто переходит и в нападение. При неожиданном появлении человека зверь затаивается. Ручной самец массой 4 кг в подобной ситуации распластывался на земле, разбросив лапы, и в траве высотой 5—20 см становился незаметным. Даже зная место, где затаился зверь, найти его было трудно, и выскакивал он обычно не в том месте, где его ожидали найти [74]. Известен случай легкой поимки манула, преследовавшегося по глубокому снегу близ с. Пури в Забайкалье.

Спасаясь от человека, *леопард* влезает на дерево и выбирает такой сук, который приходится против его следов на земле и, следовательно, против глаз преследователя. Он как бы учитывает, что со стороны головы его тело, прижатое к суку, менее заметно, чем сбоку. *Лев* с приближением преследователей злобно рычит. Если бросить камень в то место, где он укрывается, зверь рычит еще громче и яростнее, что может предшествовать его нападению.

ДРУГИЕ ХИЩНЫЕ ЗВЕРИ. Относительно спокойно и бесстрашно ведет себя молчаливо преследуемая человеком *росомаха*. Она выдерживает безопасную дистанцию, не меняя при этом свой обычный стиль передвижения. Сделав вначале 30—50 прыжков при слегка повернутом вбок туловище, зверь останавливается и смотрит на преследующего его человека, а затем пускается в дальнейший путь. Если обстановка спокойна, росомаха делает 5—10 прыжков, остановку и снова то же число прыжков. При быстром и длительном преследовании она останавливается реже. Если преследователь идет за росомахой на широких подбитых камусом лыжах, на первых 200 м он может поравняться со зверем, но затем тот незаметно уходит вперед. В низовьях Индигирки эвенки два дня гнали на лыжах по глубокому снегу росомаху с капканом и безуспешно.

Почувствовав напористое преследование, *соболь* никогда не идет к своему постоянному гнезду, более того, не забирается даже во временные укрытия, не залезает на деревья. Поэтому охотник с обметом, встретив свежий след, не торопится догнать зверя, а идет не спеша, с остановками, чтобы дать ему возможность забраться в убежище и затем уже неслышно подойти. При многодневном преследовании поведение соболя меняется: то он уходит в дальний район, то слишком часто петляет по труднопроходимым угодьям, а иногда, наоборот, быстро заканчивает охоту и уходит в

россыпь или начинает охотиться ночью. Во время длительного преследования он успевает добывать себе пищу.

Преследуемая человеком *лесная куница* сначала долго бежит по земле, а потом делает прыжки в стороны, заскакивает на деревья, прячется в ветвях и долго сидит там, близко подпуская охотника.

Преследуемый человеком *горностай* чаще всего заскакивает в норку. Если отойти и затаиться, беглец высунется из убежища, но, заметив охотника, скроется и вторично выглянет не скоро. Убегая, зверек легко взбирается на дерево. Однажды застигнутый мною на дороге горностай с водяной крысой в зубах не бросил ее и при погоне за ним. Лишь в последний момент, когда я был готов на ходу схватить зверька, он оставил свою жертву, резко заскочил до середины тонкой березки, а затем быстро спрыгнул с нее, сделав попытку вновь завладеть добычей, лежавшей на снегу. Однако мне удалось схватить крысу, и горностай скрылся в зарослях. Сильно напуганный самец горностая при бегстве по очень рыхлому снегу делал прыжки длиной 67 см; следы окольцованного и выпущенного горностая отстояли один от другого на 40—44 см; по плотному снегу крупные самцы делают прыжки длиной 60—65 см.

Известен случай, когда *черный хорек* схватил подстреленную утку и поволок ее, пятясь задом. Охотник побежал за ним, почти догнал, но хорь юркнул в норку. Птица в нее не пролезала. Тогда человек нагнулся, чтобы поднять птицу, но почувствовал, что зверек держит зубами свою добычу. Началась борьба...

Настигаемая человеком *норка* может уйти под снег. При благоприятных обстоятельствах человек способен догнать убегающую *выдру*. Как и норка, она обладает способностью уходить в толщу снега. Ручные зверьки, жившие на биостанции ВНИИОЗ, многократно демонстрировали свое умение в этом отношении. Пройдя под снегом некоторое расстояние, выдра высунет голову наружу, посмотрит вокруг и снова нырнет, как в воду.

Калан, застигнутый на суше, бежит довольно быстро, и успеть за ним человеку трудно. Когда зверь видит, что путь к морю отрезан, он останавливается, выгибает спину дугой, как кошка, делает выпады в сторону врага и шипит, урчит. В прошлом наблюдали, как загнанные людьми в тесное место каланы при отсутствии нападения на них ложились, осматриваясь кругом, а затем очень медленно, по-собачьи прижимаясь к земле, ползли между людьми и, как только проползали, бросались к морю большими скачками.

Увидев скрытно подошедшего человека, *енот-полоскун* обращается в бегство, проворно взбирается на первое попавшееся дерево и оттуда, быстро успокоившись, очень внимательно и долго смотрит на того, кто вспугнул его. Догнать енота легко, так как бежит он небыстро. При безвыходном положении зверь «пугает» человека: привстает на задние ноги, раскачивается из стороны в сторону, делает шажки и броски вперед, издает звуки, резко выдыхая воздух.

ЛОСЬ. По рыхлому снегу высотой в 70—80 см преследуемый лось способен пробежать рысью, почти не снижая скорости, до 40—50 км, но если зверь касается брюхом снега, он не способен пробежать и более 5 км.

Однажды преследуемые по снегу глубиной 110 см с полусантиметровой коркой наста два крупных лося-самца выбились из сил через 200—300 м от места лежки. Звери остановились и даже прикосновения лыжными палками не могли их заставить двигаться дальше. Не пытались они и ударить преследователей ногами, лишь прижимали уши и угрожающе фыркали (Кнорре, 1956).

Уходя от преследования, лось чаще идет из года в год по одним и тем же местам. В Зуевском р-не Кировской обл. в охотничьем хозяйстве ВНИИОЗ есть место, с которого за 12 лет охоты было убито 18 лосей. В глубокоснежье лоси становятся особенно пугливы. Когда зверей преследуют длительное время, они покидают свои участки обитания и не возвращаются к ним до весны (вероятно, этим объясняется скопления лосей в глухих урочищах). С приближением весны, когда снег осядет, звери начинают возвращаться в угодья, где они обитали прошлым летом. По насту лося можно догнать через 1—5 км, а то и не догнать, в зависимости от глубины снега, местности, силы животного, умения человека ходить на лыжах и т. д. Мощные, так называемые конские насты выдерживают тяжесть лося, и он легко уходит от преследования человеком и хищниками.

Если преследовать зверя по ветру, то опытный лось отклоняется в сторону, так как не получает информации с помощью обоняния, а лишь частично улавливает ее с помощью слуха. Против ветра зверь идет охотно, поскольку это оптимальное направление для получения сведений об окружающей среде. Обычно при облавных охотах стараются гнать животных в «полветра». При этом они не противятся воле загонщиков и в то же время не могут обнаружить расположенных впереди них стрелков. Выгодно гнать зверя в ту сторону, в которую он предположительно пошел бы сам, например туда, откуда лоси пришли или куда тянутся леса. При неопределенной ситуации зверь может зайти под ветер, чтобы уловить запах человека.

При тихом поведении загонщиков лоси обычно избегают днем переходить по открытым местам: полям, лугам, широким поймам. Не идут они и в очень густые, высокосомкнутые леса, в хвойные молодняки и загущенные лесокультуры, особенно при наличии в них кухты. С большей охотой звери уходят по низинам с ивой и ольхой, с куртинами подлеска, по большим вырубкам между участками старых лесонасаждений. Это наиболее характерная картина. В то же время встречаются особи, поведение которых отклоняется от стереотипного. Одни, как уже отмечалось, идут по наиболее защищенным участкам (перемычками между лесными островами, недорубами и т. д.), другие же по открытым местам: полянам, вырубкам, иногда прямо полем. Изучение поведения лосей в Кировской обл. показало, что отношение к открытым пространст-

вам у этих зверей при преследовании обусловлено в основном характером угодий, в которых они обитают. У лосей, живущих в северных районах области, где лесистость высокая (87%), боязнь открытых мест была свойственна почти всем особям. В южных районах области, где лесов мало (лесистость угодий 35%), боязнь открытых мест у лосей почти отсутствует [13].

Уходя от погони, лоси обычно придерживаются какого-либо определенного направления. В Зуевском р-не Кировской обл. они чаще уходят в северном направлении.

Преследуемый человеком зверь может забежать в деревню. Это происходит не так уж редко, о чем свидетельствует обычай, существовавший у крестьян Волжско-Двинского водораздела: охотник получал лишь долю добычи, если зверя убивали в деревне до его прихода.

При тихом загоне поднятые лоси идут спокойно, привычными ходами, часто останавливаются, прислушиваясь и принюхиваясь, иногда обходят загонщика по кругу, но затем все-таки следуют в прежнем направлении. Во многих случаях звери, подойдя к просеке или дороге, останавливаются для ориентации, а потом ускоренно пересекают опасное место. Обычно они идут почти на виду у следующих за ними людей, иногда возвращаются и прорываются сквозь цепь. Поэтому в Окском заповеднике при учете кабана способом загона расстояние между загонщиками увеличивали до 50—100 м, а при учете лося его сужали до 50—100 м в зависимости от полноты лесонасаждений [100]. При быстром загоне лоси мечутся, идут необычными переходами, рысью, а то и галопом, при этом группа может распадаться. Попадавшие ранее в облаву животные, особенно быки, уходят в сторону или навстречу загонщикам, прорываясь между ними. При больших облавах, когда гул стоит кольцом, лоси, зайдя в плотное насаждение, затаиваются.

Лосям свойственно прорываться сквозь цепь загонщиков. Например, в одной из охот все 4 лося пошли в обратную сторону, несмотря на то, что одного из них загонщик ударил палкой. При попытках человека отрезать зверя от тропы, проложенной в глубоком снегу, последний не старается скрыться от преследователя, а идет прямо на него.

Поведение преследуемой особи зависит от плотности зверей данного вида. В угодьях, где плотность лосей была низкой, напуганный охотниками зверь пробегал в среднем 1100 м (до первой остановки и перехода на шаг), а в угодьях с высокой плотностью — всего 150 м. С каждым повторным преследованием одного и того же зверя дистанция отбегания увеличивалась [13].

Исследованиями в Кировской обл. установлено, что степень интенсивности промысла определяет размещение лосей по урочищам. Преследуемые звери чаще переходят из лучших участков в более удаленные, с худшими кормовыми условиями. Поведение преследуемых лосей зависит и от их пола. Сильно напуганные и даже раненые самки с телятами вскоре возвращаются в те места,

откуда они были изгнаны. Самец же по мелкому снегу часто бросает своих сородичей, преследуемых людьми, и уходит самостоятельно, часто дальше, чем самка и, как правило, не возвращается в прежнее место. Уходя от линии загонщиков, лоси-самцы идут обычно позади самок и поэтому реже попадают под первые выстрелы.

При медленном, но непрерывном многодневном преследовании человеком лось подпускает его, теряя осторожность, на второй-третий день.

К загнанной лосихе или молодому лосю можно подойти вплотную, подходить же к старому самцу всегда опасно. Обессилевший в результате быстрой погони зверь способен, однако, оказывать сильное сопротивление при попытке добить его. Отелившиеся лосихи обычно не защищают своих лосят от людей и не способны оборонять от хищников и собак.

СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ. Если от стада отделить небольшую группу оленей, чтобы заставить их бежать без тропы по снегу, животные устают быстрее. Согнанные человеком с тропы по глубокому снегу звери кидаются в снег цепочкой. Когда первый обессилеет и опустится, следующие за ним скачут через него, и олень, шедший первым, оказывается позади. Так повторяется несколько раз. Преследование северных оленей по снегу охотниками на лыжах может продолжаться до двух суток. При наличии наста развязка наступает скорее. Измученный зверь останавливается и смиренно ждет своей участи. Иногда животные, спугнутые с тропы, убегают снежной целиной не цепочкой, а веером, что способствует спасению некоторых особей.

Напуганные олени уходят обычно вверх по склону или назад по своему следу. Интересно, что участок, который пройден, почему-то считается зверем менее опасным, чем тот, которым он должен еще пройти. Пройдя безлесный участок и войдя в лес, стадо после испуга поровит бежать обратно на открытое место. И наоборот, выйдя из лесу, встревожившиеся звери вновь стремятся в лес. Наглядно эта особенность прослеживается на границах разных сред. Очень трудно, например, загнать оленей в широкий водоем. В то же время переплывшее реку стадо, будучи напугано чем-либо, вновь кидается в воду. Однако если передовые олени, идущие впереди, уже миновали источник испуга, остальные следуют за ними, хотя реальная опасность при этом явно возрастает (Линейцев, 1981).

Поведение преследуемого дикого северного оленя отличается от поведения домашнего: первый убегает значительно дальше (домашний останавливается, как только перестает видеть преследователя, начинает пастись) и продолжает уходить, даже когда преследование закончилось.

Жители Севера саамы различают домашних северных оленей, приставших к диким, с помощью следующего приема. Охотник стреляет одного из дикарей в брюхо. Раненый зверь начинает отставать от бегущего стада, а домашние олени не стремятся забегать вперед и равняются по последнему

отстающему дикому оленю. При преследовании табунов диких северных оленей, находившиеся там домашние северные олени иногда покидали стадо и спокойно ожидали подъезжающего к ним человека. За пятитысячным стадом диких северных оленей, к которому присоединилось стадо домашних заполярного совхоза «Момский», расположенного в безымянной долине хр. Черского, устремились работники хозяйства. Несмотря на 45-градусный мороз и метели, преследование длилось 20 дней, до тех пор, пока домашние олени, менее выносливые и не умевшие на ходу щипать ягель, не стали отставать, что позволило отбить часть беглецов, а затем и все стадо.

Загнанный или больной олень теряет осторожность и иногда подпускает человека вплотную. Известно, что ездовые олени хорошо реагируют на сигналы человека в начале пути и безразличны к уколам и ударам в конце его.

Поведение преследуемых оленей зависит от их возраста. Если погнать молодого зверя, он стремится бежать на ветер и вверх по склону, а когда ему преграждают путь, он лишь обогнет человека и вновь бежит в избранном направлении. По-другому действует взрослый олень. Его можно направить в любую сторону. Он правильно ориентируется, откуда грозит опасность, и в соответствии с этим выбирает направление бегства. Эти различия в значительной степени обусловлены тем, что в поведении молодого зверя в большей степени проявляются врожденные черты, а взрослое животное руководствуется и приобретенным опытом [5]. У взрослых северных оленей стремление к плотному скоплению наблюдается в момент тревоги или когда они собираются на отдых.

ИЗЮБР. Загнать изюбра преследованием по снегу гораздо легче, чем лося, так как он идет на прыжках и стремится уйти в густую тайгу, а там снег рыхлее, и зверь глубоко проваливается. При этом немало зверей погибает от трудного бега или от испуга при подходе человека. В глубокоснежье табун изюбров не сразу узнаешь: видны лишь рога, спины и частично бока животных. С приближением человека звери начинают тяжело прыгать, взметая тучи снега. Прошлогодние телки, зарываясь в снег, отстают от взрослых, хотя и повторяют их прыжки. Через 15—20 шагов табун останавливается и смотрит в сторону человека. Если он неподвижен, изюбры идут дальше шагом и вскоре снова останавливаются. Обессилевший зверь подпускает человека вплотную.

Поведение преследуемых изюбров было изучено при отлове этих зверей живыми для содержания в неволе с целью получения пантов. По глубокому снегу зверя можно поймать за один день, но он погибнет через 5—6 сут от «запала». Опытные ловцы в первый день гоняют изюбра до тех пор, пока он при виде охотника уже далеко не убегает. На второй день преследование продолжается. Усталое животное теперь подпускает ловца еще ближе, и только на третий день его ловят.

МАРАЛ. В старое время в Туве маралов отлавливали (для разведения в неволе) путем преследования, которое иногда затягивалось на неделю, поскольку в данной местности глубокие снега бывают нечасто. Обычно этот зверь бежит вдоль хребта с укло-

ном в долину. Через несколько дней он устает так, что останавливается сразу же, как только останавливаются охотники, но снова продолжает свой бег, как только тронутся преследователи. Настигнув зверя, охотники, накинув аркан, валят его на землю, после чего для безопасности спиливают рога и привязывают на специальное кольцо, благодаря которому марал может бегать вокруг дерева, не закручивая привязь. Зверя подкармливают, и через несколько дней он так привыкает к человеку, что нередко берет корм из руки и дает увести себя на аркане.

КОСУЛЯ. Если загонщики подвигаются вперед медленно, не крича, а изредка посвистывая, ударяя палками о деревья, то косули, услышав шум, осторожно, часто останавливаясь, продвигаются по прямому от них направлению. По плотному глубокому снегу животные идут одно за другим, прыгая в лунку, образованную ногами впереди идущего. Идут спокойно, сохраняя силы, чаще всего лесом и редко открытым местом (его перебегают скачками). Старый самец, идущий в паре или в группе, всегда следует позади табунка. То же самое и у встревоженных с лежки косуль: всегда последним идет самец.

Уходя от преследования, зверь действует в соответствии с окружающими условиями. На Саянах ближе к весне косули во время наста собираются на «мысах» — небольших местах, хорошо освещаемых солнцем, ранее других освободившихся от снега. Уходя от загонщика, косуля всегда идет вдоль мыса, не сворачивая в снег, где наст режет ей ноги. Дойдя до конца мыса, она стремится перебраться кратчайшим путем по седловине на другой обнаженный мыс. Если же пошел теплый дождик или пригрело настолько, что наст размяг, преследуемые звери не идут вдоль мысов, а разбегаются, что срывает намеченную охоту.

Косули не отклоняются от избранного направления, когда их гонят по ветру, но в ветреную погоду, когда порывы ветра бывают неопределенны, они из-под гона идут зачастую не туда, куда нужно людям. Преследуемые цепью людей косули и олени зачастую стремятся бежать в обратную сторону и упорно прорываются сквозь цепь загонщиков. Это явление так распространено, что в практике охот нередко предпочитают делать не загон, а контроблаву, т. е. гнать зверей не на стрелков, а от них. Часто этот прием оказывается более эффективным, чем обыкновенный способ загона. Косуля, прорвавшись сквозь цепь загонщиков, бежит опрометью и налетает на линию стрелков.

Территорию, на которой постоянно делают загоны, некоторые звери покидают, уходя в несвойственные им стации. Среди оставшихся есть особи, постоянно прорывающиеся через линию загонщиков, и такие, что устраивают дневные лежки в труднопроходимых чащах, откуда их бывает трудно выгнать. Был случай, когда взрослый самец косули не встал с лежки при трехкратном повторении гона, но при подходе к нему по следам не подпускал даже на расстояние ружейного выстрела.

При медленном преследовании человеком европейские косули

не выходят за пределы своих участков обитания. Летом самцы придерживаются в основном центральной зоны. Звери используют свои следы, возвращаются к местам лежек. Поведение самок разнообразнее: они чаще затаиваются, обходят преследователя. При троплении не уходят вперед более чем на 400 м. Летом дистанция тропления равнялась 40—150 м, а зимой и весной — 120—250 м. Летом при затаивании они подпускают человека на расстоянии от 3 до 40 м, зимой и весной — на 12—80 м. Чаще затаиваются стоя, реже лежа. Преследуемые особи стремятся к соединению с другой группой косуль, но при выходе за пределы участка, отделившись, возвращаются. Взрослые самцы при их троплении маркируют свои участки, лают на преследователя [16].

При активном преследовании, применявшемся гольдами, когда охотник, спускаясь с горы на лыжах вслед за уходящими козами, громко кричал и размахивал копьем или палкой, животные бежали не цепью, а беспорядочно. Проваливаясь, бились из последних сил, порывистые скачки их делались все реже и меньше. По обледенелому насту косули, спасаясь от преследования человеком, то и дело скользят, нередко проламывают корку и ранят ноги, а иногда, пробежав всего несколько шагов, ложатся.

Раненая косуля искусно запутывает свой след: перед тем как лечь, она то возвращается назад прежним следом, то делает круг или петлю и снова выходит на свой след, то спрыгивает в сторону, заходит в кусты, идет по камням вдоль ручья и т. д. При ранении зверь расширяет копыта, поэтому на следу видны отпечатки задних пальцев. С переломанной ногой идет, не отставая от других. Иногда раненый самец приходит в ярость и, увидев человека, обороняется.

КАБАРГА. Длительное преследование, не сопровождающееся агрессивными действиями, ведет к тому, что животные привыкают к человеку. Для ускорения этого процесса при подходе к зверю нужно вести себя противоположно поведению хищника во время подкрадывания к жертве: целесообразно создавать постоянный, равномерный, негромкий шум, идти не торопясь, давать возможность зверю отбежать и успокоиться. При соблюдении этих правил удавалось в некоторых случаях приучить кабаргу к человеку за несколько часов [23]. При этом наблюдалось постепенное уменьшение длины пробегаемых кабаргой отрезков и увеличение отрезков, пройденных шагом. Привыкшие к человеку особи при его появлении делали лишь один-два прыжка, изредка пробегали до 30 м. Зимой дистанция вспугивания кабарги была равна 54 м. Большинство привыкших зверей соблюдали эту дистанцию лишь при первом подходе человека, а затем она последовательно снижалась и в среднем была близка к 7 м. С каждым днем это расстояние достигалось все быстрее, однако к одному самцу удалось подойти на 10 м лишь на пятый день. Привыкание к человеку у отдельных кабарог сохраняется в течение нескольких месяцев.

ЗУБР. По глубокому снегу, по которому с трудом пробивается лошадь, зубр скачет легко и быстро. Одиночный зверь идет от

цепи загонщиков не спеша и осторожно, часто останавливаясь, а испуганный бежит почти всегда под гору, не обращая внимания на кручи и валежины. Человека зубр может подпустить близко и подолгу смотреть на него, если тот стоит неподвижно. При близком подходе человека животное принимает угрожающий вид: опускает голову, мотает ею и злобно сопит, но от нападения обычно воздерживается. Самки большей частью бросают своих телят при подходе людей и нападают редко.

Движение стада зубров слышно издалека: топот, хруст сучьев. Пока звери не слишком напуганы, они часто останавливаются, прислушиваясь и втягивая воздух, а затем вновь пускаются вскачь. Вначале идут, выстроившись в линию и следя за вожаком. Натолкнувшись на загонщика или флажки, быстро скучиваются и скачут вместе.

В условиях неволи зубры быстро привыкают к месту обитания и неохотно покидают его, сопротивляясь всякому насилию. Попытки перегона зверей в другой загон через открытые ворота кончаются неудачей. Вначале зубры, повернувшись головами к загонщикам, занимают позицию выжидания, а когда люди подходят ближе, неожиданно срываются с места и, прорвав цепь людей, галопом уходят в лес, в противоположную сторону (Заблотский, 1976).

КАБАН. Он уходит от загонщиков по самой густой чаще, зарослями, стараясь придерживаться излюбленных переходов, избранного направления. Повернуть этого зверя трудно. В гористом рельефе, убегая от людей, кабан старается идти в гору. Если загон идет с горы вниз, кабаны все равно идут в гору и прорываются сквозь цепь загонщиков. Чаще всего звери идут туда, откуда пришли.

Идут быстро, прямо, далеко впереди загонщиков, если направление гона совпадает с их намерениями. Уходят группой. Первой обычно идет самка, за ней цепочкой следуют поросята и подсвинки. Если самка убита или убежала, молодые кабаны выходят на линию стрелков очень неохотно и вертятся под самыми ногами загонщиков. Старые одинцы зачастую бросаются в сторону, особенно при шумном загоне, сопровождаемом стрельбой. Убегающий от преследователя испуганный кабан держит хвост вертикально.

По снегу глубиной в полметра могут двигаться только взрослые особи, за ними убегает молодняк. По такому снегу кабана удается настигнуть на лыжах на расстоянии 2—3 км. При снеге глубиной в 80 см зверь становится малоподвижным, и его легко догнать на лыжах. По глубокоснежью преследуемые охотником кабаны длительное время бегут гуськом. Если прокладывающий дорогу зверь утомился, он прижимается к земле и весь табун пробегает по нему, как по валежине. Пропустив вперед сородичей, кабан бежит за ними по проторенной тропе, отдыхая. Понимание собственного бессилия в глубоком снегу, особенно при наличии наста, очевидно, доступно кабанам, и они, несмотря на прибли-

жающуюся опасность, предпочитают рисковать, но не сходить с тропы, где еще имеют какую-то возможность к сопротивлению. Это можно проиллюстрировать наблюдением С. П. Кучеренко [45, с. 132]: «Вдруг передо мной с громким уханьем взметнулась темная кабанья туша и ринулась вниз. Своим старым следом секач бежал быстро, но на крутом повороте врезался в снежную целину и после трех прыжков остановился. Крепкий наст перекрыл все пути, как шлагбаум. С трудом развернувшись, кабан вернулся на старый след и потрусил дальше. Я присмотрелся и заметил впереди себя, в дубняках, закопошившийся табун. Свиньи двигались взад-вперед в наторенных траншеях, не делая попыток уйти от человека. Не делая потому, что эти попытки стали бесполезными».

Преследуемый раненый кабан может далеко уйти, но если его оставить в покое, он скоро ложится. Обычно ложится за каким-либо прикрытием, мордой в пяту своего следа, что дает ему возможность напасть на преследователя неожиданно. Раненая самка иногда, как и секач, бросается на человека. Она или сильно толкает его носом, или сбивает с ног, хватает и рвет зубами, или бьет рылом, как это делает самец. Крупные поросята тоже могут броситься на человека, сбить его с ног и пустить в дело зубы. Разъяренный секач производит сильное впечатление на человека вздыбленной щетиной на загривке, перекошенным оскалом, сверкающими клыками и клекочущим рыканьем. Раненые кабаны редко упорно затаиваются, при подходе человека на 30—40 шагов они начинают ворочаться, выдавая себя.

ДРУГИЕ КОПЫТНЫЕ ЗВЕРИ. Уходя от преследования, всегда идут открытым местом *сайгаки*. В Прибалхашских степях в старое время киргизы, пользуясь этим, загоняли их большими табунами в ямы между кустиками. Если бы звери прыгали через кустики, они имели бы возможность избежать гибели, но этого не происходило, так как они всегда шли чистыми местами. При загонивании сайгаков в сети стараются преследовать животных шагом, чтобы они шли как можно медленнее. Постепенно, когда становятся видны линии загонщиков, звери начинают тревожиться и увеличивают скорость. При сближении загонщиков стадо убыстряет шаг. Когда до сетей остается 1—1,5 км, стараются гнать сайгаков как можно быстрее.

Движение друг за другом при преследовании свойственно лишь животным, в местах обитания которых выпадают глубокие снега, препятствующие бегу. *Джейраны*, живущие в местах, где снега мало, уходят по нему не цепочкой, а порознь. Если преследователи отказались от погони, то, проскакав с четверть километра, останавливается и джейран. При охотах нагоном эти звери часто уходят в сторону или прорываются назад. Умелое преследование стада джейранов пешим человеком позволяет гнать животных в любом направлении. Главное условие при этом: не дать джейранам понять, что их гонят. Молодые звери более склонны к затаиванию, чем взрослые. Ягненок джейрана в возрасте 3—4 дней с приближением человека вскакивает и убегает на рас-

стояние нескольких сотен метров, а отбежав, падает и вновь затаивается. Еще через пару дней его уже трудно догнать на лошади.

Непуганые *горалы* при виде человека уходят не сразу. Часто они останавливаются и рассматривают преследователя, насторожив уши. Удаляются шагом, осторожно переступая в опасных местах. Состояние испуга наступает, очевидно, с большим опозданием, и тогда горалы бросаются бежать, но не стремительно, а плавно и неторопливо. Через россыпи звери перебегают прыжками, при этом камни и земля обычно осыпаются после того, как горал успел достичь противоположной стороны. Самец обычно первый реагирует на замеченную опасность и молча уходит. Самка с молодыми ведет себя более спокойно и идет вслед за самцом несколько позже. Взрослые горалы издают фыркающие звуки, ударяя передними копытами о землю, как бы стараясь испугать этим человека. Такой звук животные издают много раз подряд, уходя в скалы и часто при этом останавливаясь и оборачиваясь к наблюдателю. Молодые горалы при их преследовании издают крик: чек-чек-чек...

При отлове *пятнистых оленей* на о. Аскольд испуганное шумом загонщиков стадо в 300 голов почти целиком прорвалось сквозь цепь людей и ускакало. При втором загоне люди старались вести себя тихо, охватили цепью 600—700 зверей и остановились в 500 шагах от животных. Олени начали волноваться, стремительно напирали всей массой на людей то в одном, то в другом месте, и загонщики вынуждены были отступить. Стадо вскачь устремилось в образовавшийся прорыв. Отдельные испуганные звери делали отчаянные прыжки, падали на плотную массу стада, и их «выносили» на головах и спинах скачущие олени. При этом опрокидывали и топтали слабых животных и молодняк. Из второго загона прорвалась более 600 голов, осталось лишь 60 особей.

Поведение оленей изучалось при учетах методом прогона [110]. Работу проводили на площади 200 га, в прогоне участвовали 58 человек. Было учтено 45 оленей, из которых два были помечены радиодатчиками. Положение зверей и линии загонщиков картировали. Один из оленей с транзистором дважды приближался к линии загонщиков, в третий раз он прорвался между ними, пробежал 1,5 км и остановился за пределами участка своего обитания. Второй олень, видимо, внезапно нарвался на загонщиков, рывком преодолел их цепь и вместе с другими прорвавшимися животными остановился в пределах своего индивидуального участка. Известны случаи, когда прорывавшийся сквозь загонщиков олень ударил грудью преградившего ему дорогу крестьянина, а другой выбил лесника из седла. Беспорядочное движение загонщиков дает лучшие результаты, но лишь до той поры, пока цепь не разорвалась. Если у благородного оленя перебиты ноги или парализован зад, то при близком подходе охотника он бросается на него на одних передних ногах.

Лани от цепи загонщиков сначала идут группами, но после первого выстрела рассыпаются и мечутся в загоне поодиночке.

Во время преследования по холмистой пагорной степи *архар* обычно бежит рысью и часто останавливается, осматриваясь. Рысь сменяется шагом, затем баран снова бежит и вновь останавливается, оглядываясь. Лишь при внезапном появлении преследователя зверь бросается вскачь. Реакция на приближающегося человека у архаров зависит от размеров группы. В крупном скоплении не сразу выявляется вожак, и животные дольше мечутся в поисках выхода из создавшегося положения, к ним легче подойти, чем обычно [24]. Спасаясь от преследования по карнизам скал, самцы с крупными рогами, задевая ими за выступы камней, могут в отдельных случаях терять равновесие и срываться вниз.

Снежные бараны камчатской популяции обычно уходят от преследования, не торопясь. На быстрый аллюр или галоп переходят редко, только чувствуя явную опасность. Чаще замечают охотника задолго до подхода к ним и начинают постепенно удаляться в неприступные скалы. Идут цепочкой. Вожак двигается медленно, осторожно, постоянно осматриваясь. Когда он идет, табун стоит на месте и внимательно смотрит по сторонам. Как только вожак остановился, осматриваясь, начинается шествие стада. Когда пройдет последняя особь, он продолжает путь. Такой порядок переходов имеет место и при сравнительно близкой опасности.

Туры, уходя от цепи загонщиков, стремятся в горы, поэтому самые верхние номера стрелков оказываются наиболее удачливыми. Эти звери хорошо знают свои ходы и в случае опасности предпочитают уходить старыми тропами, а не бросаться врассыпную. Легко загнанный по глубокоснежью зверь становится беспомощным, даже не пытается ударить рогами, лишь зарывает голову в снег. При преследовании самка *кавказского тура*, если козленок у нее так мал, что не может спасаться бегством, прячет его между камнями или в трещинах скал, а сама скрывается.

Поведение *куланов* при преследовании отличается от поведения лошадей и ослов тем, что звери убегают гуськом. Время от времени, как по команде, они выстраиваются фронтом и разворачиваются грудью в сторону опасности. Вспугнутые и преследуемые *дикие верблюды* (хаптагаи) всегда уходят, не останавливаясь, на много десятков километров. Быстрота бега у хаптагая и его выносливость превышают скорость и выносливость домашнего верблюда, поэтому догнать его охотник не может.

ЗАЙЦЫ. Преследуемый человеком русак обычно ходит по кругу. Летом круг длиннее, зимой, по снегу,— короче. Часто зверек возвращается на свой след, и если поставить петлю, попадает в нее. Бежит обычно по таким местам, где его меньше видно: по лощинам, кустам и т. п. По характеру бега можно судить, как скоро русак ляжет. Если он убегает с прижатыми к туловищу ушами и «стелется» по земле, развивая большую скорость, значит, сильно напуган и ляжет не скоро. Если же уходит с поднятыми ушами и прыжки его умеренны, значит, скоро должен остановиться для осмотра местности. В местах, где постоянно охотятся с гончей или где охотники тропят русаков, последние соскаки-

вают с лежек на большом расстоянии от человека, убегают с большой торопливостью, делают значительное количество скидок (сметок), затрудняющих правильное определение протяжения и направление их концевого хода. Однажды на пути такого русака было насчитано перед лежкой более 11 сметок и свыше 700 обычных прыжков.

Русак, находящийся на лежке, гораздо ближе подпускает человека, если тот идет не прямо на него, а подходит кругами. С приближением человека заяц вскакивает и первое время бежит в направлении, максимально его маскирующем. Пробежав несколько метров и не чувствуя за собой преследователя, он, сориентировавшись, бежит дальше. Детали поведения русака при подходе к нему человека варьируют. Одни особи убегают, когда загонщик еще далеко, другие вскакивают из-под самых ног. Но, убегая, такой заяц не пойдет в сторону замеченного им раньше стрелка, вставшего на номер. В то же время зайцы своевольны в выборе направления бегства. Особенно последователен зверек в движении по избранному пути на быстром ходу: встретив человека, он лишь слегка скашивает в сторону глаза и прибавляет ходу. Обычно, заметив или заслышав стрелка, заяц скачет под самой опушкой параллельно линии стрелков, а если в поле имеется изгородь и нет другого заслона, скачет вдоль нее. Благодаря своеволию немало русаков прорывается сквозь цепь загонщиков. Чаще это бывает, когда выбранное направление гона неприемлемо для зайца. Когда снег глубокий, русак, поднятый загонщиками, старается выбраться на дорогу. Зафиксирован случай, когда преследуемый охотниками заяц, убегая по снежной целине, вдруг метнулся к гидротехническим сооружениям у колхозного пастбища и пропал из виду. След привел к водонапорной трубе, в которой зверек скрылся. Для русака характерна скидка с дороги в глубокий снег. След от скидки похож на брошенный или упавший с дерева ком снега, так как зверек, прыгнув, ставит все четыре ноги близко друг от друга.

Одного человека русаки подпускают ближе, чем цепь людей. Самки более склонны к затаиванию, поэтому их отстреливают чаще. По наблюдениям биолога-охотоведа В. М. Синицы, в декабре самцы подпускают человека на 45, а самки — на 25 м. Выскочив, самка бежит, пригибаясь, а самец — подняв голову и подпрыгивая. При наличии выводка самка далеко не убегает, делает попытки отвлечь человека: ложится, встает, ползет по земле, изредка фыркает, стучит лапами. Как только человек уходит, она снова возвращается к выводку.

Поведение зайцев зависит от погоды. Иней и кухта в лесу заглушают шум, производимый загонщиками, и звери меньше пугаются. Кроме того, в метель и ветер они плотнее лежат на лежках, а в солнечный день и легкий мороз поднимаются с них легче. Загон на русаков бывает успешнее в сухую и ясную морозную погоду с хорошей видимостью. Зверьки поднимаются далеко и не делают попыток прорваться сквозь линию загонщиков, поэтому

расстояние между людьми может быть 50—60 м. В сырость и туман русак близко подпускает человека и часто идет через цепь загонщиков. В отдельных случаях через загон уходят 60% зверьков и более. Чаще всего зайцы прорываются вблизи сетки, и возле нее дистанцию между людьми уменьшают с 25 до 10 м. Русаки больше реагируют на движение людей, чем на шум, поэтому препятствовать прорывам зверьков можно резкими взмахами рук. Если в момент подхода зайца к сетке громко крикнуть, он кидается в сеть и прочно запутывается в ней (Львов, 1963).

При троплении зайцев-беляков замечено, что они, как и русаки, ведут себя по-разному: иногда плотно затаиваются, а иногда, наоборот, убегают, чуть заметив приближение человека. Затаивание служит предвестником близкой и очень резкой перемены погоды. Потревоженный на лежке беляк, отбежав 50—70 м, останавливается и, сев на задние лапы, принимает позу «столбиком». Лишь определив, с какой стороны идет гон, он бежит дальше. Если преследователь приотстал, через 500—600 м зверек вновь останавливается, может легко менять направление передвижения. Обычно не все зверьки пугаются одинаково. Например, в ивняках по берегам р. Чепцы (приток р. Вятки) из 5—6 поднятых загонщиками зайцев с участка длиной 200—400 и шириной 50—70 м выскакивают лишь 1—2 зверька, остальные не покидают его (Козлов, 1976). Бесполезно гнать беляка в чистое поле из прилегающего большого леса. Зверек, застигнутый у воды, бросается в реку и переплывает ее; у плывущего зайца голова, верхняя часть шеи и холка находятся над водой, уши прижаты назад.

Вспугнутый человеком с лежки *маньчжурский заяц* (Lepus mandshuricus), останавливаясь и прямо уходя от опасности, часто издает хорошо слышимый звук, похожий на короткое резкое чиханье, но, убегая по рыхлому снегу, молчит. Заяц-толай при встрече с человеком в горной местности не убегает, как он это делает в степи, а ползет, прижимаясь к земле, и добирается таким образом до какого-либо укрытия, подлезает под валежину и т. д. (Относящиеся к мелким зайцеобразным пищухи, например малая, при преследовании их человеком придерживаются главным образом дорожек, протоптанных ими ранее. Быстро перебегают по ним с одного места на другое и затаиваются в густых зарослях. Зверек не сходит с тропы, даже если его преследуют сразу 2—3 человека.)

ГРЫЗУНЫ. Сурок, убегая от преследователя, ведет себя уверенно лишь в том случае, если бежит к норе. При отсутствии норы впереди себя зверек мечется и может быть быстро настигнут. Пользуясь этим, люди на распахиваемых землях легко ловили сурков руками. В Таджикистане *длиннохвостый сурок* (Marmota caudata) весьма подвижен весной, когда лишен жира. Убегает он сообразно с рельефом местности. Если не удается добежать до своего убежища, прячется среди обломков скал. Во время бега хвост держит в горизонтальном положении и двигает им вверх и вниз, в такт прыжкам. При близости преследователя он мчится до места укрытия без остановки, иногда же через 20—30 м останавливается и

осматривается. Весной длиннохвостые сурки подпускают человека не более чем на 30—40, а летом — на 60—100 м.

Бобр, застигнутый человеком на суше и преследуемый им, стремительно бежит к воде. Белка на Колыме бегает по земле, по-видимому, быстрее, чем европейская: человек не может догнать ее. *Бурундук* с приближением человека прячется на дереве, издавая звуки «цвик-трри». Высоко не забирается, пользуется часто первым сучком, на молодую сосну забирается в крайнем случае, так как скользит на гладкой коре и часто второпях срывается на землю. В дупло зверек не спешит уйти, даже если вход в него рядом. С ветки на ветку перескакивает, но при этом часто срывается и падает на землю.

Наблюдали, как загнанный *хомяк*, сброшенный преследователями в воду, выскочил на берег и, проскользнув между ногами людей, юркнул в одну из нор на ближайшем бугре. Не имея возможности уйти от преследования, обыкновенный хомяк, издавая своеобразные звуки, смело бросается на человека или собаку, при этом высоко подпрыгивает, пытаясь укусить.

Убегая от погони, *тушканчик Северцова* (Allactaga severtzovi) скачет, резко меняя направление; длина его прыжков достигает 2 м. Пеший человек догоняет зверька, если утомит его. *Пятипалый карликовый тушканчик* (Cardiocranius paradoxus) при преследовании не удаляется далее 10—30 м от места обнаружения, пытается поскорее затаиться и очень редко делает попытки спрятаться в убежище. *Тушканчик Житкова* (Pygerethmus zhitkovi) в сравнении с другими представителями своего рода при погоне менее поворотлив, с места развивает меньшую скорость, долго бежать не может и быстро устает. *Большой тушканчик* отличается не только значительной величиной, но и очень быстрым бегом: пеший человек догнать его не может. Загнанный зверек ложится, задыхаясь от усталости. В случае преследования *жирнохвостые тушканчики* стараются скрыться в зарослях злаков или солянок либо затаиваются, сжавшись в комок и припав к земле. Наблюдали, как *гребнепалый тушканчик*, убегая от бегущего за ним человека, держал резцами и лапками большой побег саксаула [97]. У *трехпалого карликового тушканчика* детеныши, вышедшие из норок, при преследовании быстро убегают, а взрослые особи при этом зарываются в песок или затаиваются.

Селевиния (Selevinia betpakdalensis) с приближением человека большей частью не пытается убежать, но иногда потревоженный зверек перебегает от куста к кусту. При этом он никогда не приводит преследователя к месту, где ранее отдыхал или где остались новорожденные. Соня-полчок, убегая, способна ловко взбираться по гладкой наружной стене каменного здания. *Джунгарский хомячок* (Phodopus sungorus), будучи обнаруженным, редко пытается убегать и чаще ложится на спину, издавая своеобразные скрипучие звуки.

ЛАСТОНОГИЕ. Котики, отрезанные от воды цепью людей и теснимые ими в глубь суши, делают попытки прорваться к морю,

но потом сбиваются в кучу и начинают отступать. По ровному месту они двигаются сравнительно быстро и время от времени останавливаются для передышки. Подъемы затрудняют движение животных. Иногда котик опрокидывается и своим падением увлекает по склону нижеследующих животных. Обессилевший зверь останавливается — «отказывается» идти дальше. Старые секачи ведут себя при отгоне беспокойно. Огромными прыжками прямо по телам скученных зверей бросаются или на людей, или к отдельным маткам, или к другому секачу, иногда пытаясь затеять с ним драку. Свое метание по стаду секач прерывает частыми, через 2—3 прыжка, остановками, во время которых трясет головой с раскрытым ртом и угрожающе кричит на людей.

Отгоняемые сивучи ведут себя подобно котикам. На человека бросаются главным образом раненые животные. Иногда сивучи не подчиняются людям, толпятся на одном месте и, установив по запаху направление к морю, прорываются к воде. Остановить их в этот момент сложнее, чем котиков.

Отгон ларги, по наблюдениям научного сотрудника С. В. Маракова, наиболее труден. Зверей не просто отрезать от воды, так как они обнаруживают подкрадывающихся людей по тревожным крикам чаек (сивучи не реагируют на крики чаек). Однако зимой в лунные ночи удается забежать между залежкой и водой, хотя отогнать ларгу все равно не удается: звери, не обращая внимания на людей, упорно катятся или ползут к морю.

Тюлени, например крылатка, ларга, лахтак, убегая при преследовании, когда остается несколько метров до человека, пытаются сопротивляться, схватить зубами. Но сила их челюстей незначительна. Обычно укусы слабы и не вызывают кровотечения, хотя зубы довольно крупны.

Каспийские тюлени (Pusa caspica) на зимних залежках группируются по краям трещин и разводий во льду, у кромок подвижного льда, располагаясь головами к воде, и при опасности моментально ныряют. Такие залежки, называемые «косячными», образуются молодняком, яловыми самками и взрослыми самцами. На детных лежках в глубине ледового покрова, где располагаются самки с детенышами, при опасности самки, бросая детеныша, устремляются к лунке и ныряют под лед, а затем периодически выныривают, наблюдая за источником опасности и оставленным потомством.

Защищать детенышей пытаются очень немногие самки. Бельки, вплоть до прекращения молочного кормления, боятся воды, и поэтому, когда самке удается затолкать детеныша в лунку, он тут же пытается вылезти на лед [69].

* * *

Поведение зверя при преследовании можно разделить на три периода. Первый, начальный, связан с появлением загонщиков, второй охватывает саму погоню, третий, кульминационный —

это повадки загнанного зверя, попавшего в безвыходное положение. Последний период не всегда имеет место.

В начале погони для зверя характерно стремление к получению максимальной информации о преследователях. Отбежав, животное останавливается, прислушиваясь, принюхиваясь, используя все свои анализаторы для выяснения сложившейся обстановки, намерений преследователей и действий других членов группы. Характер аллюра при убегании от человека чаще всего наиболее свойствен данному виду. Хори, норки, горностаи, ласки при активном преследовании убегают от охотника, изгибая спину; для стадных животных период ориентации неразрывно связан с сигнализацией сородичам об опасности путем демонстрации особых прыжков, белого подхвостья, выделения секретов специальных кожных желез.

Уходя от цепи загонщиков, звери, обнаружив впереди себя опасность (цепь стрелков, расставленные сети, ловушки и т. д.), предпринимают одно из следующих действий: меняют направление движения, уходя вправо или влево; затаиваются, пропуская загонщиков; очертя голову прорываются сквозь цепь стрелков или устремляются на ловушки; пытаются незаметно проникнуть сквозь линию загонщиков и выйти им в тыл или прорываются открыто; иногда останавливаются, не маскируясь, и ждут дальнейшего развития событий. При наличии в окладе убежищ мелкие животные спасаются в них. Стремление идти вспять, прорываясь сквозь цепь загонщиков, свойственно всем видам крупных хищников, копытных и других промысловых зверей. Выйдя в тыл преследователю, некоторые звери идут его следами. Более всего это характерно для кошачьих.

Уходя от преследования, молодые животные руководствуются поведением самки, а в стаде — действиями вожака, которые служат примером и для взрослых особей. Индивидуальные отклонения в поведении преследуемых зверей в большом стаде проявляются реже, чем в малом. Характер передвижения стада и местонахождение вожака видоспецифично и зависит от экологических условий существования популяции.

Большинство зверей при преследовании человеком бросают своих детенышей. Попытки спасать потомство чаще наблюдаются среди представителей отечественной фауны у некоторых хищников, китообразных и ластоногих. Некоторые хищные звери, отступая от преследователей, стремятся унести с собой добычу, но, если опасность возросла, бросают ее.

Под затаиванием понимается стремление зверя остаться незамеченным. Оно всегда связано с неподвижностью, чаще с лежачим положением тела и присуще не только копытным, но и хищникам, зайцеобразным, грызунам и другим представителям класса млекопитающих. Затаивание чаще используется, когда другие способы спасения (бег, укрытие в убежище, сопротивление и др.) не эффективны. Наиболее свойственно затаивание молодняку, но иногда к этому прибегают и взрослые особи, особенно самки.

Поза зверя при затаивании не случайна и отвечает трем критериям: максимально способствует маскировочному эффекту, получению информации и быстрому переходу к обороне или бегству. Большинство затаившихся животных, будучи обнаруженными, пытаются убежать, но некоторые притворяются мертвыми, и такая имитация может перейти в состояние настоящей каталепсии. В каталепсию впадают некоторые животные (например, енотовидные собаки) при опасности и мучениях. Затаивание может возникать на всех стадиях преследования, но более характерно для начальной и конечной. Чем интенсивнее преследуются животные в данной местности, тем заблаговременнее они прибегают к соответствующему способу спасения и меньше к затаиванию.

Безвыходная ситуация возникает из-за потери сил убегающим животным, при попадании его в глубокий снег, на участок, изолированный водой, скалами, обрывом и т. д. Животное, не имеющее возможности отступать далее, может оказывать сопротивление подоспевшему человеку и при наличии достаточных сил и злобы переходить к активной обороне, проявлять агрессию. Существуют виды, которым свойственна постоянная агрессивность в безвыходном состоянии (это крупные хищники, хомяк и др.), и виды с робким поведением (корсак, отчасти песец и др.). Совершенно безобидных зверей практически нет. В безвыходном положении все они так или иначе сопротивляются или пытаются сопротивляться. Большинство видов зверей могут быть отнесены к средней группе. Чаще активное сопротивление присуще крупным самцам, но бывают агрессивны и взрослые самки. Взрослые звери более стойки и мужественны, чем молодые. Для молодых зверьков, обессиленных погоней, характерно прятанье головы, когда человек приближается вплотную. Ранение способствует ожесточенному сопротивлению.

Уходя от преследования, животные пользуются приемами, имеющими в основном инстинктивный, врожденный характер, и способствующими сохранению вида в обычных условиях. В то же время иногда эти приемы содействуют гибели зверя, например при использовании человеком охотничьих способов, в частности, основанных на преследовании животного. Инстинктивное поведение, связанное с естественной, привычной средой обитания, становится зачастую неэффективным при возникновении нового элемента среды, в частности антропогенного. Как отмечалось, житель пустынных степей сайгак бежит открытым местом между кустов, где его подстерегает ловушка-яма, и не пытается перепрыгнуть рядом стоящий кустик, что принесло бы ему спасение.

Поведение преследуемого зверя несет печать не только инстинктивных врожденных реакций, но и предыдущего опыта животного, а также приобретаемого в течение самой погони. Звери, ранее попадавшие в облаву, обычно скорее прорываются сквозь цепь загонщиков. Если преследование ведется медленно и длительное время, наблюдается постепенное привыкание зверя к ситуации и самому загонщику. Адаптирование выражается в том,

что зверь соразмеряет скорость своего передвижения с быстротой хода человека, ведет себя спокойно и даже успевает при этом добывать корм. При этом дистанция между преследуемым зверем и преследователем постепенно сокращается.

Приблизиться к зверю легче, если не выказывать открыто свое стремление и создать у животного впечатление случайности своих действий: применяют круговой обход, избегают встреч глазами, резких движений и т. д. Привыкание происходит у зверя не только к человеку, но и ко всей ситуации в целом, включая и характер биотопа, в котором происходит действие. Участок, уже пройденный преследуемым зверем, считается им менее опасным, чем впереди лежащий, отличающийся от предыдущего.

В отдельных случаях в поведении преследуемого зверя могут наблюдаться действия, целесообразность которых определяется конкретной, нестандартной ситуацией, и потому они могут быть отнесены к разряду элементарно-рассудочных. Животные быстро усваивают, где человек не может их достать. Наблюдения показывают, что степная косуля, маралы, волки и другие крупные звери при преследовании бегут в сторону государственной границы и останавливаются на нейтральной полосе. Возможно толкование этих действий и на основе обучения: животные приобретали опыт избавления от преследователей на границе, который передавался последующим поколениям благодаря подражанию старшим особям и вожакам. Поведение преследуемых зверей, отклоняющееся от стереотипного, чаще наблюдается у самцов, нежели у самок.

Выбор пути следования, характер движения у зверей, теснимых загонщиками, их поведение зависят от многочисленных факторов, которые можно разделить на две группы. Первые связаны с самим животным, а вторые со средой обитания. Повадки убегающих зверей имеют популяционные, видовые, половые, возрастные и индивидуальные особенности. Оказывают влияние степень ожирения, насыщения, усталости, эмоциональное состояние животных, их численность, размер преследуемого стада, господствующий биоритм, уровень знакомства с местностью, особенности экологии, размер тела. Уходя от преследования, звери некоторых видов предпочитают уходить в гору, другие — под гору. В экспериментальных условиях выяснилось, что для мелких животных движение вверх по наклонной поверхности требует относительно меньшего увеличения энергетических затрат, чем для крупных. Имеются различия в повадках при преследовании доместицированных и прирученных животных в сравнении с их дикими сородичами. Влияют на поведение преследуемых зверей и факторы внешнего характера: ландшафтные особенности, характер биотопа, погода, направление ветра, глубина снежного покрова, степень антропогенного пресса, поведение загонщиков и т. д.

Глубокие снега — главный фактор, препятствующий спасению животных при преследовании. В связи с этим у обитателей глубокоснежных регионов выработались специальные адаптации: уход в глухие урочища в период рыхлых снегов, хождение цепочкой,

поочередность в протаптывании тропы, вторичное использование своих и чужих следов и т. д. Изобретение человеком лыж послужило мощным толчком развития способов охоты, в основе которых лежало преследование зверя.

Формирование спасительных адаптаций такого рода не происходило у обитателей бесснежных широт. Уже отмечалось, что джейраны, например, при случайном выпадении глубокого снега в местах их обитания убегают, спасаясь от преследования, не цепочкой, а врассыпную. Понимание собственной беспомощности в глубоком снегу доступно многим видам зверей, и они зачастую предпочитают подвергать свою жизнь риску, но не сходить с проложенной тропы.

Среди видов семейства куницеобразных звери, обитающие в лесах (куница, соболь, харза, колонок и др.), относительно хорошо бегают и во время преследования человеком чаще стремятся убежать от него. Прячутся в убежища или взбираются на деревья они лишь в случае крайней необходимости. Звери, живущие в околоводной среде (выдра, норка, калан), при преследовании человеком и другими врагами обычно уходят в воду. Полуводные звери, например норка, при погоне способны «нырять» в снег. Типично сухопутные животные предпочитают уходить по суше, но в ряде случаев прибегают к переправам через реки и озера.

Мелкие звери открытых пространств при погоне скрываются в убежищах. Так поступают в первую очередь большинство норных животных: сурки, суслики и др. Иногда к убежищу стремятся и звери, которым это несвойственно. Большинство животных при погоне избегают прятаться в убежище, где находятся их детеныши, и стремятся отвести человека от укрытия с потомством. Горные животные, для которых неверно сделанный шаг может стоить жизни, спасаются от преследования, несмотря на угрожающий характер ситуаций, создавшихся при охоте на них, соблюдая обычные приемы передвижения по горным кручам, обеспечивающие безопасность.

Поведение преследуемого животного имеет видовые особенности. Особенно они заметны при сравнении повадок зверей во время погони в одинаковых условиях и ситуациях. На севере Верхне-Камского р-на Кировской обл. лось и северный олень встречаются иногда в одних и тех же угодьях. Попытки охотников «скрадывать» северного оленя редко бывают успешны. Этот зверь, будучи спугнут, уходит не медленно и с остановками, как это делает в подобной ситуации лось, а быстро, бегом. При облавах, устраивавшихся в Беловежской пуще, первыми выходили на стрелков лисицы и волки, затем лоси и последними зубры. Кошачьим свойствен медленный уход от цепи загонщиков. Шакал, убегая от погони, никогда не раскрывает пасть, как это делают волк и лисица. Значительны различия в повадках убегающих тушканчиков, близких друг другу в систематическом отношении.

Австралийским скотоводам известно, что при погоне страус эму без труда перепрыгивает через ограды из колючей проволоки

вместо того, чтобы с размаху в них кидаться, как это делают убегающие и объятые страхом кенгуру [15].

Видовые особенности поведения зверей при их преследовании связаны с их способностями к бегу, скоростью передвижения, особенностями экологии.

Есть ли в реакции диких зверей на человека и его преследование какие-либо специфические особенности, отличающиеся от реакции на преследование хищником? Несомненно, есть. Корсак, преследуемый охотником, добегает до ближайшей норы и около нее затаивается. С приближением человека он подпускает его на 30—50 м и не идет в убежище, а вскакивает и бежит до следующей норы. Так он перебегает несколько раз, не скрываясь в попадающиеся на пути норы. Подобным образом ведет себя при преследовании и раненый зверек. В то же время известно, что, если за корсаком гонится орел или волк, собака, он заскакивает в первую попавшуюся нору, даже если в ней живут сурки.

При благоприятных обстоятельствах человек способен догонять и на коротких дистанциях выдру, енота-полоскуна и других зверей. Из хищников росомаха, возможно, наиболее приспособлена к уходу в глубокоснежье от преследователя на лыжах благодаря своей выносливости и большой площади лап. В равных условиях человек не способен догнать зверей большинства видов, однако при длительном преследовании он может оказаться выносливее. Важную роль играют тактика и скорость преследования.

На открытой местности бушмены безостановочно преследуют антилопу на протяжении 30—40 км. Животное часто останавливается, чтобы оглянуться, и снова бросается вперед. Когда оно разгорячится и устанет, бушмены на некоторое время прекращают погоню. Антилопа ложится, отдыхает, мускулы ее становятся менее послушными. При возобновлении преследования животное, нередко не успев подняться, бывает поражено копьями.

Немалое значение имеет характер гона, например, шумят ли загонщики или идут молча. Молчаливый гон вызывает бóльшую настороженность зверя. Особенно эффективен молчаливый гон для животного, имеющего опыт и предпочитающего явную опасность тайной. Продвижение загонщика не абсолютно бесшумно. Шуршание лыж, задевание одежды за ветки, щелканье сломанных сухих сучков не всегда, но доносится до слуха зверя. Такое преследование, возможно, ассоциируется у него с подкрадыванием. В результате при молчаливом загоне уменьшается количество случаев, когда звери прорываются сквозь линию загонщиков.

При умелом поведении преследователя-загонщика возникает возможность управления поведением зверя. На этом основан один из методов охоты, при котором загонщик или несколько загонщиков своими действиями «выставляют» зверя точно в намеченное место, где его ждет стрелок. Сущность приемов заключается в маневрировании преследователя в зависимости от хода зверя, в изменении местоположения центра надвигающейся на животное опасности. Если, скажем, лисица или волк начали отклоняться влево, загонщик, ускоряя свой ход, выдвигается левее зверя и заставляет его следовать старым направлением. Если загонщик не один, а с помощниками, он дает сигнал находящемуся слева и тот усиливает крик, а загонщик справа

в это время затихает. Заслышав более громкий крик, волк, по-видимому, считает, что с этой стороны опасность близка и удаляется туда, где опасность кажется ему меньшей.

Успех управления поведением зверя зависит от ряда факторов: направления ветра, характера местности, намерений животного. Звери лучше исполняют волю загонщика или цепи загонщиков, если направление гона избрано в соответствии с их устремлениями, т. е. правильно спрогнозирован их естественный ход. Управлением поведения стада домашних животных в совершенстве овладели пастухи. Направляя спокойно пасущееся стадо животных, пастух старается меньше их беспокоить. Он поджимает стадо то с одной стороны, то с другой, осторожно подгоняет отставших особей.

При появлении человека или другой опасности стадные дикие животные стремятся к скучиванию. На этой особенности основан главный прием пастухов. Если стадо северных оленей пугнуть, оно неудержимо стремится к мирно пасущимся соседям. При этом животные бегут прямо к цели, не замечая даже пастухов с арканами наготове. Если яков собрать в одно место, они успокаиваются, ложатся. Наоборот, если пастухи хотят чтобы животные продолжили кормежку, они разгоняют стадо пошире [5].

В жаркие дни, когда много жалящих насекомых, северные олени в стаде ведут себя беспокойно, иногда выходят из повиновения и бегут против ветра по тундре или по долине реки. В такие моменты пастухи-оленеводы заворачивают стадо и начинают его кружить, что успокаивает и удерживает животных. Такой способ применяют и монгольские араты: перед остановкой на ночлег в степи собирают лошадей и гонят табун, а затем с разбегу заворачивают его и заставляют кружить. Считают, что животных в стаде или табуне легче закружить в направлении против солнца, а не наоборот. Чтобы притупить бдительность дикого животного, охотники, как известно, начинают обходить его по суживающимся кругам, т. е. кружить, что дает возможность приблизиться на расстояние выстрела.

РЕАКЦИЯ ЗВЕРЕЙ НА СРЕДСТВА ВОДНОГО ТРАНСПОРТА

Под средствами водного транспорта мы понимаем все виды кораблей, катера и яхты, моторные лодки, весельные шлюпки и челны. Нами учитывалось поведение разных групп животных во время их преследования с использованием этих средств — водных млекопитающих, полуводных, а также сухопутных во время переправ через водные преграды и в половодье.

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ. При первых проникновениях кораблей в Арктику белые медведи относились к ним с большим любопытством. Во время остановок ледокола «Садко» звери почти ежедневно подходили к борту корабля, а одна медведица с двумя годовалыми медвежатами несколько часов следовала за ледоко-

лом, пытаясь догнать его. Особенно доверчивы были медвежата, они подходили к борту «Садко» и обнюхивали его. Некоторые медведи подходили к судну медленно и наискось, как бы невзначай, часто останавливались на торосах, рассматривая подолгу судно, но не пугались раздававшихся с ледокола шумов, даже взрывов аммонала.

Подошедший к судну зверь не всегда довольствуется только подачками, но иногда предпринимает и активные попытки получения пищи. Во время путешествия Ф. Нансена белый медведь влез на палубу шхуны, отодвинул в сторону стоявший на пути ящик, схватил первую попавшуюся собаку и удалился, а съев ее, возвратился и повторил свой маневр.

Доверчивое отношение белых медведей к судам послужило одной из причин значительного сокращения их численности в Арктике.

Преследуемый в воде людьми на шлюпках белый медведь, встретив преграждающую путь льдину, взбирается на нее, перебегает и вновь кидается в воду. Так может повторяться несколько раз. Раненный в воде зверь нередко ныряет и плывет под водой.

БУРЫЙ МЕДВЕДЬ. Увидев моторную лодку, появившуюся из-за мыса, медведь, стоявший на берегу Телецкого оз., бросился вверх на скалу высотой более 10 м, но с середины ее сорвался. Лодка в это время подошла совсем близко. Быстро вскочив, зверь громко рявкнул, стремительно бросился вверх, будто взлетел, и убежал [77].

Бурые медведи, если их не преследуют, быстро привыкают к шуму моторов. В Баргузинском заповеднике на моторной лодке иногда удается подъехать к зверю на суше очень близко, однако если мотор вдруг заглохнет, тот немедленно убегает.

В июле 1960 г. в Приамурье наблюдали, как медведь плыл за лосем-самцом более километра и, лишь заметив лодку, вернулся обратно. Если лодка окажется вблизи плывущего зверя, он бросается на нее стремглав, стремится залезть в нее и часто переворачивает. Известен такой случай. Вокруг плывущего через р. Лену небольшого медведя три человека в моторной лодке стали описывать круги. Возникшая волна захлестывала зверя, мешала плыть, и он стал беспокоиться, фыркать, крутить головой, а при очередном приближении лодки с расстояния в метр бросился на нее. При этом медведь выбросился из воды на две трети, тогда как на плаву была видна лишь голова. Ударом лапы он сломал борт, и лодка стала тонуть. В осеннее время не раз наблюдали, как бурые медведи переплывали р. Уссури. Местные жители раньше пользовались этим моментом для добывания зверей: подбираясь к плывущему медведю на легкой лодочке, человек наносил раны копьем и ловко увертывался с помощью весла от попыток разъяренного зверя напасть на лодку.

ДРУГИЕ ХИЩНЫЕ ЗВЕРИ. Шум моторной лодки заставляет *каланов* (Enhydra lutris) рассредоточиться, чтобы укрыться в

морских водорослях. Калан ныряет неглубоко (на 8—9 м) и не уходит при этом далеко в сторону. Данной особенностью пользовались японцы-браконьеры, проникавшие раньше на Командоры. Окружив калана на шлюпках, они громом выстрелов заставляли его нырнуть, а как только он появлялся на поверхности, вновь пугали его и так до тех пор, пока вынырнувший зверь не подпускал к себе на верный выстрел. Под водой без дыхания калан может находиться не более 2 мин.

При внезапном появлении человека в лодке плывущая *европейская норка* обычно ныряет, а затем, выставив поверх воды только кончик носа, уходит.

Отношение *горностая* к моторной лодке характеризует случай, наблюдавшийся 9 мая 1975 г. в пойме Оби. Бежавший по берегу навстречу движению лодки горностай, увидя ее, остановился, сел столбиком, посидел и кинулся обратно широкими прыжками. Отбежав примерно на 150 м, зверек зашел в воду и поплыл поперек течения, преодолев около 40 м. Когда от лодки до него оставалось около 60 м, он повернул обратно и выплыл на берег. Пробежал вперед еще примерно 70 м и снова повторил попытку переплыть протоку. Лодку остановили и стали наблюдать. Зверек плыл быстро и вскоре преодолел водную преграду шириной 120 м [43].

Попытка убить плывущего горностая нередко кончается безрезультатно: зверек взбирается по веслу в лодку и начинает с яростью бросаться на человека.

Четыре *волка*, застигнутые разливом, были атакованы четырьмя рыбаками, вооруженными лишь палками. Звери кинулись на людей, но последних спасла лодка. Тогда волки бросились за ней в воду, и это их погубило: в воде рыбаки добили зверей.

Был зафиксирован случай, когда волк преследовавшийся людьми в половодье, начинал «кричать» каждый раз, как только лодка настигала его. *Песец* может иногда некоторое время следовать по берегу за весельной лодкой.

КОПЫТНЫЕ ЗВЕРИ. Подошедшие к месту переправы через реку мигрирующие *северные олени*, заметив лодку, могут повернуть обратно, но если зверь, возглавляющий стадо, перебрался на другую сторону, то следующие за ним собратья идут в воду даже при нападении на них охотников в лодках. На этом был основан один из видов промысла юкагиров, ламутов и якутов. Самцы оленей в воде так лягались и бодались, что иногда разбивали утлые лодчонки. Важенки и телята, случалось, выскакивали из воды прямо в челн и топили его.

Ныне при добывании северных оленей на переправе через р. Пясину моторной лодкой удается направить стадо плывущих животных поближе к населенным пунктам [5]. Для мечения плывущего зверя на переправах подтягивают крючком за шею к лодке, однако фиксировать таким способом удается лишь самок, молодняк прошлого и текущего года. Взрослых же самцов держать

у борта лодки для мечения ушными метками очень трудно—они оказывают сопротивление.

Лось, выходя к берегам таежных рек, нередко подпускает весельную лодку на несколько метров. Знаю случай, когда рыбаки, заметив переплывающего лося, подъехали к нему на лодке и набросили на рога петлю. Зверь доплыл до берега, буксируя людей, и, как только ноги его коснулись дна, быстро поволок лодку за собой по суше. Пришлось срочно перерубить веревку, лось ушел невредимым. Лосиха с теленком, увидев лодку, начинает плыть быстрее, хребет ее выше поднимается из воды, отставший же теленок продолжает плыть с жалобным криком.

Стадо *горалов*, заметив человека на расстоянии 100—150 м, продолжает спокойно пастись, если он не подходит ближе, но стоит на море показаться катеру или пароходу, как звери тут же бросаются бежать.

ГРЫЗУНЫ. На рыболовецких судах, плавающих в северных и восточных морях, поселяется в основном *черная крыса*, хотя в портовых береговых популяциях зверьков этого вида не обнаружено. Черные крысы заселяют суда, проникая с других судов при стоянках борт к борту, во время ремонтных работ, а также из береговых популяций в портах Азии и Африки. Освещение площадок и трапов судна в ночное время для защиты от проникновения черных крыс не дает существенного результата, так как зверьки привыкают к круглосуточному освещению рабочих помещений судов. Многие стандартные приманки для грызунов не привлекают черных крыс. Зверьки проникают не только на рыболовецкие траулеры, но и на суда китобойных флотилий, даже на пассажирские теплоходы и катера.

Водяная крыса при преследовании спасается вплавь, постоянно ныряя и глубоко погружаясь в воду, но довольно скоро утомляется.

Осенью 1927 г. наблюдалась массовая перекочевка белок через Каму возле Перми. Зверьки тысячными стадами плыли по реке. Если в том же направлении двигались рыбаки, белки вскакивали в лодки. Когда до берега оставалось недалеко, зверьки выпрыгивали и вплавь добирались до суши. Переправляясь во время миграции вплавь с левого берега Амура на правый и встречая на своем пути корабли, белки забирались по якорному канату на палубу. При попытках поймать зверьков они спрыгивали за борт.

На оз. Окунь в Белоруссии один из живших здесь бобров подпускал к себе лодку на 2—3 м. Неоднократно наблюдали, как бобры плавали в 10—20 м от удильщиков. Молодые звери не могут находиться под водой более 2—3 мин, после нескольких нырянний преследуемый бобр утомляется, к нему легко подплыть на лодке и вытащить из воды.

Нутрия, преследуемая на лодке, ныряет, а потом плывет под водой, и только на несколько мгновений из воды показывается часть головы. Под водой этот зверек может находиться до 2 мин.

ЛАСТОНОГИЕ Не раз в бухту Прончищевой заносило на льдинах *моржей*. Самцы и самки с детенышами мало обращали внимания на людей, на стучащий мотор катера, находившегося в непосредственной близости. Они очень неохотно покидали лед.

Иногда среди моржей встречаются особи, предпочитающие моллюскам и ракообразным иную пищу: они охотятся на нерп, лахтаков и нападают даже на шлюпки с людьми. Таких моржей чукчи называют келючами, узнают их издали и очень боятся. Бивни у них желтые, иногда обломаны или сильно расходятся на концах в стороны, кожа покрыта царапинами и порезами, а мясо имеет прослойки жира. По мнению чукчей и эскимосов, келюч вырастает из моржонка, рано потерявшего мать и вынужденного питаться случайной пищей.

Приемы нападения моржей разнообразны: зверь подплывает под лодку и подпирает ее спиной, стараясь перевернуть, упирается ластами в борт, пытаясь его сломать, иногда делает попытки пробить клыками дно или зацепить край борта, а потом перевернуть лодку. Иногда на лодку нападает морж, раненный гарпуном или пулей.

Реакция *тюленей-хохлачей* (Cystophora cristata) на судно зависит от наличия во льду прогалин. Когда их нет, животные, не имея возможности уйти в воду, вынуждены уходить по льду.

Встреченное в Беринговом море в декабре 1961 г. стадо сивучей на сплошном торосистом льду с приближением парохода стало уступать ему дорогу: неуклюже переваливаясь на торосах, звери удалялись. Самки подгоняли ластами детенышей, поминутно оглядывались на судно. А огромный самец-секач, подняв голову, оставался на месте в ожидании, пока все стадо отползет с дороги судна. И даже когда пароход проходил всего в 15—20 м, секач только повернул голову в его сторону, испуская гортанные тревожные сигналы.

Сивучи могут доверчиво относиться к средствам водного транспорта. 28 сентября 1960 г. за мысом Матвеевским (о. Медный) наблюдали, как группа молодых сивучей стала приближаться к вельботу, а затем нырять и плавать возле него. Днище и борта вельбота были окрашены под цвет шкуры сивуча и, возможно, это привлекало зверей.

Зафиксирован случай, когда сивуч в течение месяца сопровождал траулер «Созвездие» Охотского рыбного порта, промышлявшего в районе о. Св. Павла. Зверь кормился остатками пищи моряков и бросаемой ему рыбой. При появлении косаток сивуч следовал за судном у самого борта. Долго находясь под охраной государства, сивучи стали менее осторожны.

В районе рыбного промысла отдельные особи ночью иногда забираются на палубы небольших судов, видимо, с целью отдыха. Лишь в отдельных, очень редких случаях сивуч может проявить агрессивность.

Однажды крупный зверь массой более тонны в 1966 г. «атаковал» в Охотском море научно-исследовательское судно «Аме-

тист». Он появился вечером, когда траулер лег в дрейф, и в течение нескольких часов, сердито фыркая, кружил вокруг судна. В два часа ночи сивуч пошел на таран: с оглушительным ревом с разгона бил грудью в борт траулера. Приподнявшись над водой, он зацепился ластами за фальшборт, подтянулся — и треть его туловища оказалась на судне. Но затем оттолкнулся и ушел в воду.

Котики к проходящей мимо их лежбища шлюпке иногда подплывают очень близко. В Горле Белого моря в местах залежек тюленя проходят караваны морских транспортных судов, возглавляемые ледоколами. Взрослые звери при подходе ледокола днем довольно спокойно ныряют в воду и уходят в сторону. В такой ситуации самка во время щенения карабкается по льдинам, уползая от опасности. Так же поступают оказавшиеся под бортом бельки.

Если же вертолет ледовой разведки, сопровождающий караван, зависает над лежкой, тюлени ныряют прочь от судна, но бывает, что попадают и под киль судна, и под винты. Животные северных морей мало пугаются шума, поскольку привыкли к треску ломающихся льдов.

Сон *тюленей-крабоедов* (Lobodon carcinophagus) очень крепок. Порой судно подходило вплотную к льдине и даже толкало ее носом, но звери не просыпались.

Следование за плывущими лодками наблюдается не только у *дельфинов* (Delphinidae), но иногда и у ряда ластоногих: *ларги* (Phoca larga), *нерпы* (Pusa) и редко у *лахтака* [87].

КИТООБРАЗНЫЕ. Им свойственно следование за судами. Знаток китообразных профессор А. Г. Томилин [86] сообщает о ряде таких случаев, имевших место в прошлом веке. Группа этих животных сопровождала пароход от мыса Горн в Южной Америке до Ливерпуля. Молодой кит-горбач (Megaptera novaeangliae) шел за паровым корветом «Челленджер» несколько дней, не отставая, а другой горбач неотрывно двигался за кораблем от острова Св. Павла до берегов Бразилии свыше 1000 км.

В ноябре 1851 г. в Тихом океане близ Калифорнии синий кит (Balaenoptera musculus) подплыл к паруснику «Плимут» и сопровождал его в течение 24 сут, причем все попытки команды отогнать преследователя были безуспешны.

В 1861 г. стайка малых косаток (Pseudorca crassidens) проплыла за кораблем от побережья Бразилии до входа в Ла-Манш.

Нападения китов на шлюпки и корабли не так уж редки. Иногда «торпедированное» судно лишается хода, набирает полные трюмы воды и идет ко дну.

Осенью 1965 г. в результате столкновения с китом в Атлантике затонул французский торпедный катер. Той же осенью, по сообщению ТАСС, в северной части Тихого океана пострадало китобойное судно «Циклон». События развивались следующим образом. С «Циклона» заметили крупного кашалота (Physeter catodon), и судно пошло на сближение. После выстрела гарпунной пушки

двенадцатиметровое животное сделало разворот и бросилось на судно. Сильнейший удар массивной головы зверя пришелся в борт. Судно дало крен, вышли из строя двигатели. Попытка отремонтировать их в море не увенчалось успехом. Пришлось возвращаться во Владивосток на буксире.

В декабре 1968 г. четырнадцатиметровая новозеландская гоночная яхта «Матуну» при встрече с китом в Тасмановом море была разнесена им в щепы. Потерпевшие крушение семеро моряков пять дней дрейфовали на спасительном плоту, прежде чем были подобраны поисковым судном.

Подобно сухопутным животным, киты при преследовании могут освобождать желудок, отрыгивая пищу, но делают это не все особи: из 895 преследовавшихся китов от содержимого желудка освободились только 3,6%. Чаще всего прибегают к этому кашалоты, реже финвалы (Balaenoptera physalus) и сейвалы (Balaenoptera borealis) [122].

Однажды, чтобы спасти стадо китов, выбросившееся на берег бухты Маккуори на западном побережье о. Тасмания, люди в течение трех дней вручную снимали с песчаных отмелей десятиметровых животных. Рыбацкое судно взяло на буксир вожака стада, и тогда 50 китов последовали за ним и ушли от берега.

В районе Гавайских островов размножающиеся здесь горбатые киты в связи с постоянным беспокойством от моторных лодок и катеров изменили свое поведение. Они перестали показывать хвостовые лопасти при нырянии и стали зависать на глубине 15—20 м. Самки остаются в таком положении на 12—15 мин, а их детеныши через 3—5 мин выныривают на поверхность и затем возвращаются к зависшей самке. При разрешении охоты на серых китов они спасались от китобойных судов в мелководных лагунах, соединенных с морем каналами, где скоплялось иногда свыше 20 кормящих самок с сосунками. При отлове животные, пренебрегая опасностью обсыхания, спокойно лежали на мели, ожидая прилива [88].

В прошлом веке отмечен факт «сотрудничества» косаток с рыбаками при добывании горбатых китов у восточных берегов Австралии в заливе Туфолд. Когда горбатые киты, возвращаясь из Антарктики, заходили в залив, появлялись косатки и блокировали выход в море, привлекая внимание людей сильными прыжками из воды. На лодках срочно выезжали китобои и, пользуясь тем, что косатки задерживали горбачей, гарпунили кита и оставляли его тушу на некоторое время хищникам.

Косатки нередко сопровождали китобойное судно, буксирующее убитого кита к китобойной базе для разделки.

Синие киты и малые полосатики (Balaenoptera acutorostrata), глубоко проникая во льды Антарктики, в трудных ситуациях пользуются проходами, которые оставляют в ледяных полях корабли.

В водах Северо-Западной Исландии малый полосатик, морда которого была опутана рыбацкой сетью, подплыл к катеру с людь-

ми и осторожно, несколько раз двигаясь по спирали, подныривал под него. Потираясь о киль, он освободился от сети. Потом кит, выставившись по вертикали из воды, прошелся на хвосте, опрокинулся на спину и последующие три часа сопровождал катер.

Успех загонивания белух в невод зависит от поведения «головы» косяка, за которой следует вся остальная масса животных. Если головные звери сорвут стенку невода с якорей, за ними уходит вся стая.

В некоторых случаях загоняемые звери бросаются перед входом в ловушку врассыпную. Но часть животных все-таки удается сбить в группу и повернуть в невод.

Если для крупных китообразных характерно длительное преследование кораблей, то мелкие представители этого отряда животных следуют за идущими судами короткое время: от нескольких минут до получаса. Стремительные дельфины с ходу пристраиваются к пароходу, чаще возле его носа, играют, иногда двигаются строем, а затем внезапно скрываются.

Один из серых дельфинов (Grampus griseus) в водах Новой Зеландии в течение 24 лет регулярно сопровождал все появляющиеся суда на постоянном 11-километровом отрезке. Если одновременно шло два судна, дельфин выбирал более быстроходное. После гибели животного ему поставили памятник на набережной г. Веллингтона [87].

На протяжении ряда лет у берегов о. Мэн и п-ова Корнуэлл наблюдали одинокого самца афалины (Tursiops truncatus), который отличался необычным поведением: периодически подолгу буксировал буи, а также суда, которые тянул за якорную цепь. Судно водоизмещением до 10 т он буксировал до 500 м и далее, проявляя признаки сильного возбуждения.

Представители девяти родов китообразных — кашалот (Physeter catodon), обыкновенный дельфин (Delphinus delphis), иния (Jnia geoffrensis), афалина, косатка, гринда (Globicephala melaena), морская свинья (Phocoena phocoena), бутылконосы (Hyperoodon), китовидные дельфины (Lissodelphis) и белокрылая морская свинья (Phocoenoides dalli) — оказывают помощь взрослым сородичам при их ранении или недомогании. Они быстро плавают вокруг недомогающего, иногда рвут гарпунный линь, толкают пострадавшего от лодки с охотниками или атакуют лодку, а иногда становятся между раненым животным и атакующей лодкой [114].

С 1963 г. отмечаются новые приемы ухода белух (Delphinapterus leucas) при отлове: звери стали нырять и затаиваться, пропуская над собой суда-загонщики, а потом разворачиваться под водой и уходить в открытое море. В поведении стаи или стада преследуемых животных большую роль играют вожаки, которым подражают другие члены группы.

Афалины в морской вольере на Карадагской биологической станции в 2—3 раза увеличивали свою дыхательную паузу, когда мимо них с шумом проносились катера [88].

С давних времен отмечена склонность некоторых дельфинов вступать в контакты с рыболовецкими судами для совместного рыболовства. Аналогичные факты фиксируются и в настоящее время: пристроившись к тральщикам, афалины сопровождают их и своим поведением помогают обнаружить скопления рыбных косяков.

* * *

При первых встречах со средствами водного транспорта звери не проявляют особого страха перед ними. Преобладает ориентировочно-исследовательское отношение, которое иногда при получении подачек от членов судовой команды дополняется пищевым. Могут иметь место и активные попытки добыть корм, с проникновением на корабль. Грызуны проникают на суда, нередко достигая там значительной численности. Черная крыса, видимо, более приспособлена для жизни на средствах водного транспорта, чем серая.

Среди китообразных, в частности дельфинов и иногда ластоногих, встречаются особи, проявляющие стремление к контактам с лодками и судами, которое выражается в следовании за ними, буксировке, указании фарватера. Следование за лодкой в течение небольшого времени может иметь место и у сухопутных животных, движущихся по берегу.

Очень длительное и упорное следование китов за кораблями некоторые специалисты рассматривают как рецидив реакции следования за матерью, предлагая называть такую запоздалую реакцию «парамиринтингом» [86].

В отдельных случаях между судном и животным могут возникать неожиданные положительные связи.

В африканском национальном парке Вирунга на о. Эдуарда возле стоянки моторного катера поселился старый бегемот (Hippopotamus amphibius), не имевший гарема. Его постоянно преследовали два бегемота, участки которых и гаремы находились справа и слева от катера. Оба они, однако, боялись катера, а старый бегемот чувствовал себя возле него в безопасности. Прижимаясь к катеру, он как-то погнул лопасть винта, а в другой раз руль. Когда люди чинили катер, бегемот отплывал на 20—30 м в сторону [15].

Среди китообразных встречаются особи, проявляющие агрессивное отношение к средствам водного транспорта, причины которого неясны.

Подобное поведение возможно и у ластоногих. Моржи при этом используют клыки и ласты, ударяются о судно туловищем, киты прибегают к удару головой.

Ряду китообразных свойственна активная защита раненого собрата.

Весельную лодку звери на берегу реки подпускают ближе, чем моторную. При опасности со стороны шлюпки или судна ластоногие сходят с льдины, суши и ныряют, а затем плывут некоторое время под водой.

Полуводные животные (бобр, ондатра и др.) при появлении лодки также уходят в воду. В зависимости от ее близости зверек ныряет или отплывает, уходит в убежище, а когда минует опасность, через какой-то промежуток времени вновь появляется на старом или новом месте.

Во время половодья сухопутные звери, застигнутые водой на островках суши, также кидаются в воду с приближением лодки. В иных случаях наземные животные при опасности со стороны шлюпки или судна уходят с берега. При отсутствии воды ластоногие отступают, передвигаясь по льду с помощью ласт.

Если типично водные животные при преследовании их на средствах водного транспорта прибегают к нырянию, то сухопутные, преследуемые в воде во время переправ или в безвыходном положении, стремятся запрыгнуть или забраться на лодку. Так поступают бурые медведи, горностаи, северные олени, белки и др.

Подобно сухопутным животным, преследуемые киты могут освобождать желудок, отрыгивая пищу, но делают это лишь некоторые особи.

Максимальное время пребывания под водой преследуемы млекопитающих (калана, бобра, нутрии) примерно 2—3 мин.

При лове сетями у некоторых видов китообразных могут в рабатываться поведенческие адаптации, способствующие их сп сению: затаивание, пропуск загонщиков и последующее изменени направления движения, приемы, свойственные и преследуемы сухопутным животным.

Реакция на лодку мигрирующих стад копытных животных при форсировании рек зависит от поведения животных, возглавляющих стадо, которым подражают все остальные.





Бурый медведь, пожирающий приваду.
Фото В. Пажетнова и Е. Арбузова

На овсах.
Фото В. Пажетнова и Е. Арбузова



Медведь пришел на пасеку.
Фото В. Нетисова



Белый медведь на приваде.
Фото Е. Арбузова

Реакция медведя на приваде
на приближающегося человека.
Фото Е. Арбузова









Кабаны на подкормке.
Фото И. Мухина

Прикормленные песцы не пугаются человека.
Фото С. Макарова

Выяснение отношений.
Фото Е. Арбузова









Ссора у привады.
Фото Е. Нивина

Реакция туркменского архара на труп собрата.
Фото Г. Левенштейна

Туры на солонце.
Фото В. Котова







Кабарга на отстое



Добираясь до соли, зайцы-беляки раскапывают снег. *Фото В. Агафонова*

На подкормочный столик могут собираться по нескольку десятков нутрий



Обездвиживание медведицы с помощью «летающего шприца».
Фото Е. Арбузова

Медведица выглядывает из берлоги на подошедших людей.
Фото Е. Арбузова







Суслики вблизи убежища.
Фото В. Нетисова

Цокор, изгнанный из норы водой.
Фото В. Нетисова



Характерная поза горностая — «столбик».
Фото В. Нетисова

Затаившийся детеныш джейрана.
Фото Г. Левенштейна





Реакция северных оленей на самолет зависит от высоты, на которой он летит.
Фото В. Зырянова

Хорек готовится покинуть убежище.
Фото И. Турова

В раскопанной норе лисята прячутся друг за друга

Побеспокоенная летяга.
Фото А. Пупавкина









Морской лев, попавший с тралом на судно



Медведь, подошедший к ледоколу, обследует гостинец.
Фото Ю. Назаренко

Северные олени, убегающие от вертолета.
Фото Е. Арбузова





Олень пересекает автомобильную дорогу.
Фото А. Шеголева



Вероятно, этот лось воспитывался у людей.
Фото С. Четверева

Корсак, укрывшийся от преследования.
Фото Г. Левенштейна

Велосипедист вызывает меньше опасливости, чем автомобиль.
Фото И. Мухина











С приближением людей непуганые моржи лишь сошли с залежки в воду.
Фото Ю. Назаренко

Спасаясь от человека, самки гренландского тюленя спешат к лунке, в воду.
Фото Ю. Назаренко



Реакция маралов
на лай собаки.
Фото В. Нетисова

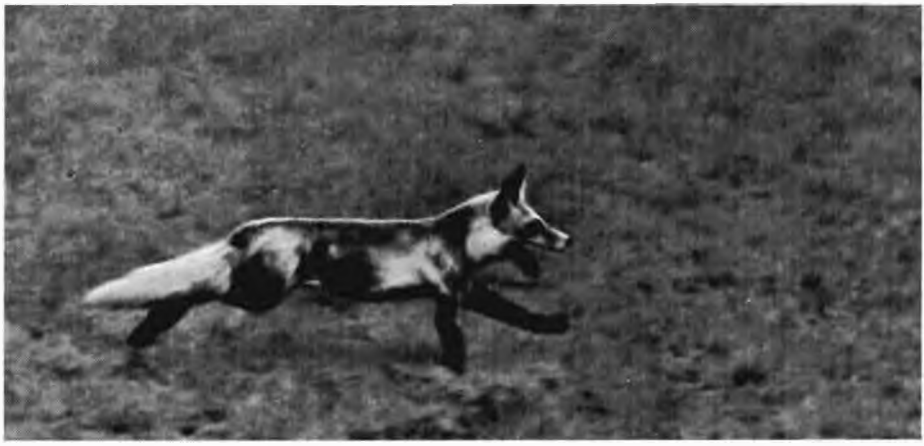


Взрослые енотовидные собаки способны оказывать яростное сопротивление псу.
Фото С. Корытина и Н. Ефимовых

Лисица, настигнутая собакой.
Фото С. Корытина и Н. Ефимовых

Сурок, наблюдающий за человеком.
Фото В. Нетисова

Лисица, убегающая от людей.
Фото В. Нетисова









Светлый хорь против боксера.
Фото В. Машкина

Волк в капкане

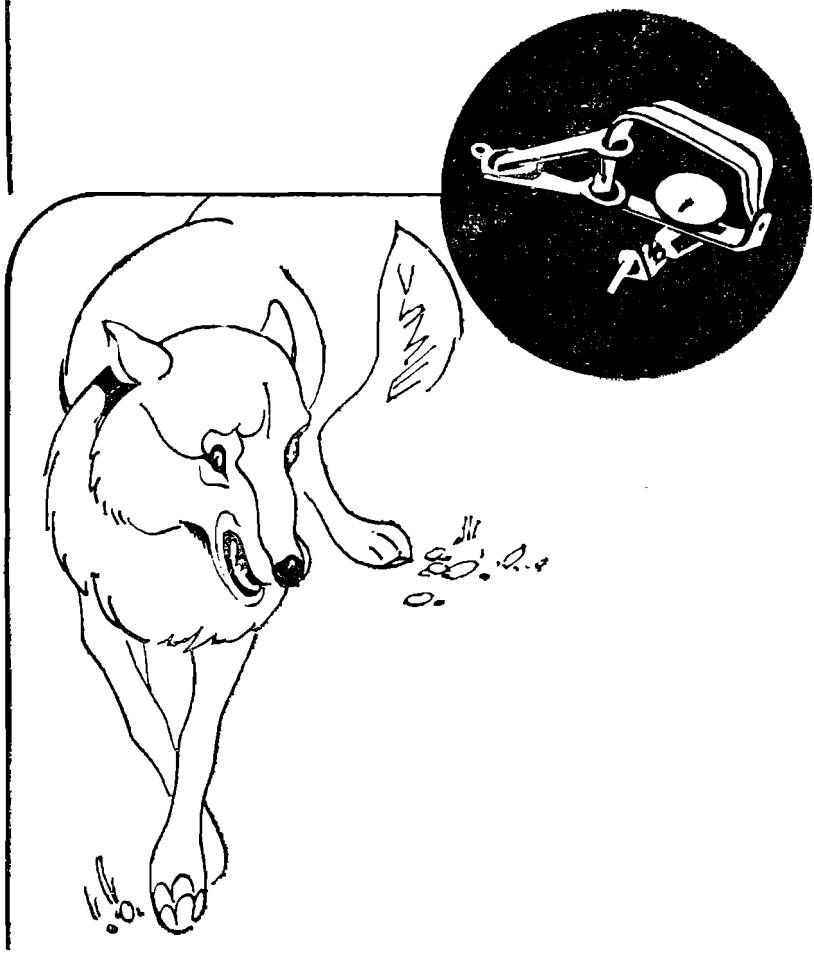




Самцы белого медведя обследуют ловушку, в которую попалась самка.
Фото Е. Арбузова

4

ПОВЕДЕНИЕ ЗВЕРЕЙ И САМОЛОВНЫЕ ОРУДИЯ



В этом разделе мы рассматриваем степень осторожности разных видов по отношению к капкану, поведение зверька при попадании в западню, уловки, с помощью которых животному удается миновать капкан, поведение животных в ловушке при подходе человека, реакцию зверей на собрата, угодившего в капкан, на живого или замерзшего в нем, на особей других видов в подобной ситуации. Перечисленные вопросы рассмотрены и в отношении зверей, попавших в петлю, ящичную западню, стационарные ловушки-загоны и другие самоловы, а также в ловчие ямы, рыбацкие снасти. Нами принимались во внимание также случаи, когда звери случайно запутывались в проволоке, оставленной в лесу человеком, попадали в ямы, выкопанные не для отлова зверей, а в процессе хозяйственной деятельности.

Тенетами называются сети для отлова крупных зверей. Слово «удавка» мы используем в качестве синонима слова «петля», а слово «западня» — как синоним слов «живоловушка» и «капкан».

МЕДВЕДИ. К капкану бурый медведь не осторожен. Попав в капкан, грызет его зубами, бьет о пни и валежины, ходит на задних лапах, влезает на деревья. Обычно зверь с капканом кружит и петляет самыми непролазными местами, круги небольшие, диаметром 100—200 м. Пройдет круг и ляжет, потом опять пойдет. С капканом идет легко. Днем такой медведь лежит, а ночью ходит в поисках пищи, роет муравейники. Редко откочевывает далее 3—5 км от места поимки. Но бывает, что уходит далеко, и найти его без собаки невозможно. На Урале, в районе Кушвы, медведь ушел с капканом за 18 км. Зафиксирован случай, когда медведь, попавший в капкан, двигался, отыскивая пару деревьев, растущих близко друг от друга, чтобы, пройдя между ними, зацепить их капканом. Когда такая пара деревьев нашлась, зверь пролез сквозь них и сломал одну из пружин, но от капкана избавиться не смог. Вырыв яму, он лег в нее, и здесь был найден охотником. В холодное время зверь иногда пытается грызть защемленную ногу, но никогда не отгрызает ее.

Если цепь капкана привязана к бревну, медведь старается освободиться и от него. Наблюдали, как медведь, попавший в капкан, прикованный цепью к увесистой чурке, затаскивал последнюю на обрывистый берег реки и бросал ее вниз, а затем с ревом катился вниз, увлекаемый ею. Как-то зверь, попавший в капкан на пчельнике, раскидал несколько колод, оттуда вылетели пчелы. Тогда медведь схватил бревно, прикованное к капкану, и с ревом бросил его в реку. Цепь сдернула со скалы и медведя: он разбился о камни.

Обычно собаки с трудом останавливают медведя, но когда он в капкане, это им удается легче. На атакующих собак зверь кричит так, что у человека невольно «мороз продирает по коже». Медведь в капкане агрессивен и бросается на каждый шорох в кустах, первым нападает на человека. Рявкнув, бросается, прижав уши, ломая сучья и лязгая капканом. Молниеносно пробегает 10—15 шагов. Известен случай, когда зверь убил человека, уда-

рив его лапами, на одной из которых был двухпудовый капкан. Однако некоторые особи с капканом при подходе человека убегают в чащу, прячут голову за дерево, хотя туловище остается открытым. Если же охотник подходит близко, то и эти робкие звери бросаются на него.

В Северной Америке черные медведи, пойманные в капканы или ножные петли, ведут себя спокойнее и менее агрессивно, чем гризли.

Медведь в петле после начального периода буйства несколько успокаивается. Может жить в удавке до трех недель, нередко даже ухитряется освободиться и уходит. Медведь, попавший ногой в стальную петлю, привязанную намертво к дереву, разрушает все вокруг себя на длину петли, ломает деревца, сучья, обгрызает кору, сдирает мох и почвенный слой. Если рядом есть водоем, он лезет в воду. Медведь грызет и дерево, к которому прикреплена петля, поэтому ее привязывают свободно, чтобы она могла опускаться по стволу и быть на пеньке ниже прогрызенного места. Известен случай, когда зверь, забравшийся на дерево за колодой с пчелами, при спуске угодил задней ногой в проволочную петлю, и, повиснув вниз головой, он наполовину изгрыз ель, на которой висел. Если медведь попадает лапой в петлю, которая вздергивает его, он длительное время остается живым и редко обрывает тросик.

Попав в петлю, привязанную к бревну, медведь волочит его за собой, не пытаясь, как ни странно, перегрызть веревку. Привязанный к петле кряж в качестве потаска зверь берет иногда передними лапами и бросает, в результате чего дергает себя петлей. При этом он неистово рычит. В петле медведь агрессивен к человеку. На Алтае известен случай, когда, заслышав шаги охотника, зверь притаился, подпустил его на длину троса и, внезапно набросившись, убил.

На Саянах иногда ловят медведей, делая охотничью избушку ловушкой, куда этот зверь часто заходит, если она потемнела от времени и проветрилась от запаха человека. Попавший в тесное помещение медведь буйствует. В старое время в Приморье копытных животных ловили с помощью ям глубиной до 4 м. Помехой при этом были медведи, которые доставали попавших зверей и съедали. Иногда медведь сам спускался в яму, часто до половины наполненную водой, и ел там косулю или оленя, и как бы ни глубока была яма, он всегда выбирался из нее.

На шум медведя, сидящего в капкане или петле, нередко приходит его собрат, который давит пострадавшего, а потом пожирает. Медвежонок не покидает попавшую в самолов мать. Зафиксирован случай, когда белый медвежонок размером с собаку попал в капкан на песца. С приближением людей мать покинула его. У медвежонка на лапе были обнаружены следы зубов медведицы, а лоб поклеван полярной совой.

В Якутии медведь не трогал зайцев-беляков, попавших в петли, хотя и проходил возле них, в то же время зафиксирован слу-

чай, когда он догнал зайца и съел его, а другой съел корову (телку), попавшую в охотничью петлю. Наблюдали, как медведь-шатун, идя по путику охотника, подходил к каждому капкану и рассораживал его. Капканы были мелкие, хватали его за когти и шерсть, и медведь отбрасывал их так, что находить не удавалось. Известен также случай, когда в период бескормицы медведь поедал ондатр из капканов и ночью подходил к стану ондатроловов в поисках корма.

В Карелии и других местах иногда медведь, заметив в воде торчащий кол мережи, вытаскивает ее из воды и съедает рыбу.

Наблюдали реакцию белой медведицы на ножную петлю, поставленную у привады. Зверь подошел к туше и начал кормиться, изредка оглядываясь на самолов. Вдруг он отскочил в сторону, как бы внезапно увидав и испугавшись петли. Несколько секунд внимательно смотрел на нее, а затем вновь приблизился к приваде и стал кормиться. Петля сработала, но неудачно, и медведица покинула тушу. В другом случае петля была прикреплена к железной бочке, наполненной гравием. Крупный медведь-самец, попав ногой в петлю, протащил бочку на 70 м до первых торосов, где она застряла. При появлении людей лежащий зверь поднялся, оттащил бочку еще на несколько метров и снова лег. Далее он вел себя спокойно, не проявляя признаков агрессии, и был обездвижен с помощью летающего шприца [6].

Благополучное избавление от петли не служит зверю уроком. Как-то белый медведь повадился ходить на станцию к зимовщикам. Чтобы отучить его, возле туши тюленя на двух лыжах укрепили петлю из толстого каната, конец которого прицепили к трактору. Когда петля опоясала медведя поперек живота, он взвился на дыбы и принялся прыгать на окружавших его собак. Бегая за ними, он замотался вокруг трактора и вынужден был лечь. Через полтора часа петля ослабела сама собой, и зверь спокойно из нее вылез. Приходил он сюда несколько раз, и вся история повторялась. Прекратил посещения лишь после того, как его, сидевшего в петле, повар ударил палкой [61]. В другом случае медвежонок у полярников быстро научился перегрызать веревку, на которую его сажали.

Ловушка, предназначенная для белого медведя, представляла собой железную трубу длиной 2,5 и диаметром более 1 м, один конец которого был наглухо заварен, а на втором прикреплена рама с опадной дверцей. Самка, обнюхав ловушку, вошла в нее, привлеченная запахом нерпичьего жира, и легла на пол так, что были видны только вытянутые задние лапы. Через некоторое время медведица покинула ловушку, недолго потопталась рядом и вошла вторично. Спустя несколько секунд дверца захлопнулась. Медведица, развернувшись в ловушке, пыталась безрезультатно просунуть лапы и морду в зазор между рамой и стенками бочки. Самец, находившийся невдалеке, подошел к ловушке и начал скрести о стенки когтями, но, испугавшись возникшего звука, отскочил и, отойдя несколько метров, улегся на снег. У обездвиженной затем медведицы была несколько набухшая петля [6]. Белый медведь нередко ломает песцовые пасти, доставая приманку (в 1929 г. на о. Малом Ляховском медведями было поломано около

200 пастей и на о. Котельном — свыше 300; всего более 15% из 3280 самоловов).

ВОЛК. Этот зверь чрезвычайно осторожен к капканам и другим ловушкам. Попадает он только в замаскированные и тщательно очищенные от посторонних запахов самоловы. Прищемленный за лапу зверь мечется, кружит на одном месте, грызет ловушку, стараясь избавиться от нее. Если капкан не прикован, волк тут же уходит, на ходу вырывая полотно. В капкане, где побывал волк, обычно недостает обеих металлических частей насторожки, и от волчьих зубов он бывает в зарубках и вмятинах, как будто по нему ударяли зубилом. Особенно ожесточенно, ломая зубы, грызут капкан матерые волки. У зверя, просидевшего в капкане 2—3 дня, целыми остается всего несколько зубов, а то и один. Прибылые волки обычно не грызут, относясь к своей судьбе с покорностью, и их зубы остаются чаще неповрежденными. В отдельных случаях волк ломает пружину или, сдавив ее зубами, ухитряется освободить ногу.

Обычно волк попадает в капкан передней лапой, и несет его так, что на снегу не бывает видно и малейшего следа от него. Когда охотник настигает зверя, тот опускает капкан в снег, а если капкан тяжел, зверь волочит его по снегу, иногда несет в зубах. При каждой остановке с ожесточением грызет железо.

Не сумев сорвать капкан, волк уходит с ним. Чем сильнее и старше зверь, а снег мельче и капкан легче, тем он уходит дальше. Как-то угодивший в песцовый капкан волк удалился от места попадания в ловушку на 30 км. Молодые звери часто прячутся с капканом в ближайших кустах.

Направление, в котором уходит волк вместе с капканом, является, по-видимому, не случайным, а избираемым. Охотник, много лет ловивший капканами на скотомогильнике волков в Балезинском р-не Удмуртии, сообщил мне, что все звери уходили с капканом одним и тем же путем вдоль ручья, хотя при этом им приходилось переходить две дороги. Некоторые охотники предпочитают ловить волков в капканы без потаска, так как при наличии последнего зверь нередко вытаскивает лапу даже из массивной ловушки. С капканом, который весит 5—6 кг, но без потаска (груза в виде палки, полена и т. д.), волк уходит обычно за два дня не далее чем за 7 км. Уходя, зверь иногда петляет, делает круги, даже возвращается на то место, где попал в капкан, но чаще уходит в определенном направлении. Идет не по прямой, а выбирает места с редколесьем.

В Средней Азии волк с капканом уходит обычно далеко и затаивается в укромном месте, чаще около воды. Имеются сведения, что в Каракумах волк, идущий с капканом, путает свой след. Перевалив через бархан, он возвращается обратно по своему следу и через 30—50 м прыгает в сторону; подобные заячьим приемы зверь повторяет неоднократно [31].

С капканом на лапе волк может жить несколько дней. Однажды с легким капканом он ходил 16 дней и свалился, отощав оконча-

тельно. Были случаи, когда волк с капканом приходил в деревню, к людям, например в Юрьянском р-не Кировской обл. Отмечен факт, когда молодая волчица, попав в капкан, прошла с ним около 500 м и была найдена мертвой; смерть наступила, возможно, в связи с испугом, стрессовым состоянием, возникшим после попадания в стальную ловушку.

Увидев приближающегося человека, волк в капкане может вести себя по-разному. Некоторые особи ложатся, прижав уши, прибылые при этом стараются спрятать голову (за дерево, в снег и т. д.). Известен случай, когда попавший в капкан волк с приближением охотника лег, прижал уши и завилял хвостом, как собака. Другие звери с поджатым хвостом и оскаленной пастью мечутся, пытаясь уйти. Некоторые при этом рычат, иные кричат.

Обнаружив ушедшего волка, капканщик при отсутствии ружья вынужден бывает гнаться за зверем. Пытаясь скакать на трех лапах, тот часто приостанавливается, направляясь то в одну, то в другую сторону и, наконец, в изнеможении останавливается. Язык у него висит, уши прижаты, зверь делает в сторону человека короткие броски и, убирая на миг язык, щелкает зубами. Оскал его в этот миг страшен. В последний момент волк может броситься на человека; 1—2 зверя из 10 отличаются особой агрессивностью и кидаются навстречу охотнику. Обычно волк бросается с 3—4 м, но бывает и с 10 м, причем кидаются и самцы, и самки. При попытке ударить зверя палкой он хватает ее зубами и крепко держит, если не перекусит в первый момент. При ударах безмолвен, лишь иногда огрызается или издает утробное клокочущее рычание, от которого становится жутко. Если пружины капкана слишком сильны и у волка раздроблена кость, он, открутив лапу, остается на свободе. Если капкан не имеет волока и прочно прикреплен к дереву или вбитому колу, сильный зверь так рвется, что отрывает зажатую лапу, а чаще отгрызает ее и уходит до появления охотника. Попав в мелкий капкан, обычно он лапу не отгрызает.

Волков, попавших в капкан или петлю, часто разрывают их собратья, причем если зверь не может уйти с капканом, разрывают его тут же, на месте, а если он может двигаться, собратья часто уходят прочь, не причинив ему вреда. Если же в капкан попадает волчица в течке, волки не только не трогают ее, но и кормят.

Капкан на лапе жертвы не отпугивает волков. Эти звери нередко поедают пойманных песцов. На изучавшемся охотничьем участке в горах Путорана на путях миграций северного оленя в сезон 1977/78 г. из 270 песцов, попавших в капканы, хищниками было съедено 13%. В следующем сезоне около 20 волков остались в районе этого охотничьего участка, следовали за мигрирующими стадами северного оленя и из 316 отловленных песцов съели 44,3% зверьков [39]. Волки в отличие от росомахи поедают в капканах лишь живых песцов.

Обнаружив петлю, что чаще происходит на открытых местах, волк обходит ее.

На биостанции ВНИИОЗ в конце января 1982 г. при отлове волка-переярка в большом круглом вольере на круговой волчьей дорожке вдоль сетки поставили петлю. Дойдя до нее, зверь сворачивал в сторону. Тогда несколько егерей, встав цепью, стали направлять его в петлю. Однако волк, угрожающе щелкая зубами, пытался прорваться сквозь цепь загонщиков и в петлю не шел. Когда люди стали кричать и стучать палками о снег, хищник приблизился к петле, поджав хвост и прижавшись к снегу, остановился возле нее, просунул в петлю голову и прыгнул, даже не задев веревки.

В Кавказском заповеднике волк, дважды побывавший в петле и попавший в нее третий раз, с приближением людей не проявил особого беспокойства и залег под выступом скалы. За перемещениями подошедших следил только глазами, не вращая головой. Старания прижать его рогатиной оказались безуспешными. Зверь не реагировал, когда она была даже в 10 см от шеи, но при попытке прижать успевал увернуться и схватить рогатину зубами. Взять зверя удалось лишь вдвоем: один отвлекал внимание, а другой успел прижать зверя рогатиной к скале. При снятии промеров и ампутации пальца волк не спускал глаз с человека, прижавшего его рогатиной [40]. Волки, попавшие в петлю, большей частью погибали, особенно молодые. Но были два случая на Кавказе, когда взрослые звери оставались живы до прихода охотника. Находясь в петле, волк грызет все вокруг себя, окружающие кусты бывают измочалены его зубами.

Поведение волков, потерявших собрата, зависит от того, кого поймал охотник. Если пойман вожак, можно переловить и всю стаю. Если пойман другой волк, вожак уведет остальных в другое место. Если волки идут цепочкой, в петлю попадает направляющий. Распространено мнение, что первой обычно идет волчица. Однако из 16 волков, пойманных биологом-охотоведом В. Г. Негановым с помощью петель, расставляемых в окладах из флажков, 9 оказались самцами.

Обнаружив мясную приманку на дне ловушки (в виде бревенчатой усеченной пирамиды), волк прыгает в нее, но выбраться не может. Интересно, что этот зверь, попав в живоловушку, будь то яма или овчарня с захлопнувшейся дверью, ведет себя менее агрессивно, чем это можно было бы ожидать, зная размеры его зубов и силу челюстей. В некоторых случаях он остается пассивен и тогда, когда приходит человек. Попав в садок или «кружело», волки начинают выть. Если в ловушку угодит сразу несколько зверей, через некоторое время они начинают пожирать друг друга.

ПЕСЕЦ. Капканы у привады вызывают повышение осторожности у песца, но при многократном посещении привады он привыкает к их присутствию гораздо быстрее, чем волк и лисица. На этом основан лов песца «открытым способом», когда ненастороженные капканы устанавливают у привады, не маскируя задолго до начала лова зверей. Старые звери относятся к капкану более осторожно, чем молодые. Например, в опыте, проведенном сотрудниками Нарьян-Марской сельскохозяйственной станции, при открытой установке капканов было поймано 72% молодых песцов, 26% взрослых и 2% старых. В замаскированные же капканы по-

пало 72% взрослых песцов и только 28% молодых. Реакция песцов на приманки и орудия промысла, а также степень осторожности зверей зависит от фазы численности. Когда зверьков много, они менее осторожны, когда мало, поведение их более спокойное и опасливое (Шиляева, 1976). Известны отдельные случаи попадания в капкан сразу двух песцов. Наблюдаются случаи, когда песцы проявляют удивляющую охотников сообразительность: оттаскивают капканы в сторону от привады, переворачивают их вниз тарелочками и безнаказанно поедают приманку из-под придавливающего ее камня.

При попадании в капкан зверек начинает рваться, прыгает вверх, в стороны, иногда при этом переворачивается через голову, ожесточенно грызет капкан, ломая зубы. В мороз к железу часто примерзают губы и язык и, отрывая их, песец ранит себя: возникающее кровотечение ускоряет гибель.

В пищеварительном тракте пойманных зверьков находят обрывки ниток, веревочек, оленьих жил, используемых охотниками для устройства насторожки самолова. Однако цепь, которой бывает привязан капкан, зверек, по-видимому, не трогает. Капканы на песцов (при отлове их на Командорах) привязывали не только проволокой, но и веревкой. Однако зверек грызет и собственную защемленную лапу, чувствительность которой понижается, об этом свидетельствуют обрывки меха, находимые в желудках пойманных зверьков. Рано или поздно изможденное животное затихает, но некоторые грызут длительно, упорно и погибают скорее. Бывает, что песцы все же отгрызают собственную лапу и освобождаются.

По данным научного сотрудника Н. Н. Соломина, опросившего в 1963 г. охотников Андермы, в среднем из капканов уходит около 15% песцов.

Самки в капкане ведут себя в общем менее беспокойно, чем самцы. Бывает, что песец, попав в капкан, вырывает яму в снегу и прячется в нее. В пургу зверек бьется в капкане меньше, в основном в первые минуты. Потом ложится или зарывается, и его заносит снегом. В теплую погоду, при —10—15°С, песец живет в капкане дольше (до двух суток), в холодную быстро замерзает (обычно на вторые сутки). Последнему обстоятельству способствует более короткая цепь капкана, затрудняющая движение зверька. В отдельных случаях, когда капкан поставлен у привады, пойманный песец начинает кормиться ею и может прожить около трех дней, а при определенных обстоятельствах звери остаются живыми и больший срок. В 1953 г. в Нижне-Колымском р-не Якутии с 20 ноября по 8 декабря отловили капканами 52 песца, из них 49 были взяты живыми, хотя осмотр ловушек производился обычным способом, через 3—7 дней.

При установке капкана на приподнятом трапе песец, попав в него, падает, повисая на цепи в воздухе, и быстро погибает. Чтобы зверек не мог сломать лапу, открутить ее и уйти, иногда капкан не закрепляют. С таким капканом песец передвигается, но в отличие от лисицы уходит недалеко, бывает, что начинает мышковать в капкане. Потеряв лапу в капкане, зверек уходит, но очень часто снова попадает в ловушку у той же самой привады.

Освободившийся от капкана песец большей частью уходит,

как и обычно, против ветра. Если погода теплая и зверь в течение 2—3 дней залижет лапу, он остается жить, в мороз же калеки погибают быстрее. Судьба калек не всегда плачевна: шестерых песцов, имеющих травмы, полученные при отлове капканами, держали в вольере, и ни один из них не погиб, хотя у большинства перебитые капканом и отмороженные участки лап отвалились.

Песец, который попал в ловушку недавно и бьется в ней, при виде человека затихает, ложится, затаиваясь, и наблюдает. Иногда он прикрывает капкан телом, словно маскируя черный, выделяющийся на снегу предмет. С приближением человека зверек, пытаясь бежать, начинает рваться, а когда тот подходит совсем близко, скалится, урчит и бросается, чтобы укусить, а иногда, при попытке придавить его, лает. Если человек подходит к песцу не прямо, а стороной и делает вид, что не замечает его, тот таится до последнего момента. Некоторые особи при виде человека сразу же начинают биться, не пытаясь затаиваться. В общем же, в капкане песец ведет себя в отличие от лисицы менее агрессивно и больше похож своим поведением на корсака.

Каннибализм среди песцов наблюдается значительно чаще, чем среди других представителей семейства волчьих. Особи, попавшие в капканы, поедаются собратьями. Размеры таких потерь колеблются по годам. В Нижне-Колымском р-не Якутии в 1950/51 г. около 30% пойманных песцов было съедено другими зверьками этого вида. При редких осмотрах ловушек поеденными оказываются до 50% попавших в них. Количество съеденных песцов из числа попавших в капканы зависит от кормовой базы. По данным анкетного опроса 44 охотников Таймыра, добывших в 1961—1967 гг. более 3500 песцов, поедание зверьков в ловушках в сезоны с плохим «урожаем» мышевидных грызунов составляет 10—21%, а в годы высокой численности мышевидных — лишь 7% [39]. В период голода пожирают друг друга щенки песцов, пожирают щенков и родители. Охотники считают, что поедание себе подобных в основном свойственно оголодавшим «ходовым» песцам, у тундровых же это явление наблюдается реже. Живых песцов в капканах другие песцы не трогают.

Ловушек типа пасти песцы не боятся, более того, молодых зверей это сооружение привлекает своим видом (старые особи относятся к нему осторожнее). Некоторые животные, не решаясь залезть в пасть, стараются достать приманку сбоку, между колышками или сверху, через щель, образованную гнетом и боковыми стенками. Часто песцы грызут боковые колышки, расширяют отверстие, через которое выгребают наживку передними лапами ближе к входу, где и поедают ее. Таких песцов охотники называют «пакостниками». Если пасть находится вблизи норы, щенки песцов, играя возле нее, часто растаскивают мелкие части настораживающего механизма, грызут боковые колышки. Обычно зверьки попадают в пасть спереди, реже подлезают под гнет сзади, еще реже сбоку, когда боковые колышки редки, и зверек имеет возможность просунуть между ними голову. В материковой тундре

наиболее добычливыми оказываются пасти у мест впадения мелких речек в крупные.

К новым ловушкам со свежими следами обработки все песцы относятся подозрительно; в первые один—два года после изготовления они менее уловисты, чем старые, потемневшие от времени. У стационарных ловушек добычливость возрастает с увеличением срока их эксплуатации в связи с тем, что песцов привлекают запахи, оставленные их сородичами (в две ловушки возле пос. Кара Архангельской обл. зимой 1952/53 г. было поймано 24 песца).

Рот попавшего в пасть зверька иногда бывает набит землей, которую он, очевидно, хватает, пытаясь вырваться из ловушки. Однако в ловушках, давящих тяжелой плахой или бревном, песец обычно погибает сразу. Иногда его застают еще теплым, но живым никогда.

Работы с подкормкой песца в кормушках-ловушках, проводившиеся на Европейском Севере и на Командорах, показали, что зверьки охотно заходят в кормушку, не боясь качающейся дверцы, которую им приходится поднимать головой. Известны даже такие случаи: после пурги, когда входная дверца была занесена снегом, песцы прокапывали норы к ней и все-таки проникали внутрь. Были опасения, что закрывающаяся дверца будет прижимать зверьку хвост. Однако практика показала, что при срабатывании насторожки животное делает рывок вперед, в ловушку, а не назад, как бывает при попадании в пасть.

При отлове голубых песцов на о. Беринга зверьки спокойно относились к звуку опускающейся входной дверцы. Но когда человек заходил во дворик, начинали панически бегать по ловушке, ударяясь о сетку, и грызли проволоку зубами. Некоторые поднимались вверх по сетке почти на два метра и потом срывались с нее. Однако, побывав в ловушке, песец как бы «приручается» и начинает меньше бояться людей.

При использовании круглогодичной подкормки в сочетании с кормушками-ловушками зверьки совсем утратили оборонительную реакцию. Из отловленных песцов звероводы выбирали на племя самых пригодных, взвешивали их на безмене, прицепляя за хвост, обрезали мех на его кончике для опознания, ставили татуировочное клеймо на ухо. Зверьки переносили эту длительную и болезненную процедуру удивительно равнодушно. Они не сопротивлялись, когда их взвешивали на безмене, а потом валялись на снегу рядом с кормушкой и тут же снова заходили в нее. Известны случаи, когда песцы забирались внутрь промысловых избушек через верхнее дымовое отверстие.

ЛИСИЦА. По отношению к капканам и другим самоловам она весьма осторожна. Капканный лов этого зверя требует от охотника высокой квалификации. Попав в капкан, лисица начинает грызть его, ломая зубы, мечется из стороны в сторону, стараясь освободиться. Лезет в кусты, где нередко, зацепившись, стаскивает железную ловушку с ноги. Измотав силы, лисица уходит с места поимки. Если капкан имеет волок, она идет медленно, потом полежит, опять встанет и идет дальше по направлению к норе. Иногда зверю удается дойти до убежища и, если нора не завалена снегом, зале-

зает в нее. Некоторые звери больше не выходят из норы и погибают там, другие же через некоторое время вылезают и идут дальше. Если волок тяжелый и не дает лисице передвигаться, она перегрызает себе ногу и уходит чаще в ту сторону, откуда пришла. Если же капкан легкий, лисица, скитаясь с ним, начинает мышковать.

При подходе человека лисицы, попавшие в капкан, ведут себя по-разному. Большинство лисиц, притаившись, зорко наблюдают за ним и пропускают мимо себя, не двигаясь. Как только зверь почувствует, что его нашли, он вскакивает и стремится убежать. Некоторые встречают человека, как разъяренные собаки. Был случай, когда сильный, упитанный самец при виде охотника упал замертво. Иногда лисица в капкане, увидев приближающегося человека, начинает зубами хватать какой-нибудь рядом торчащий прутик и с ожесточением грызет его. Если протянуть ей палку или лопатку, она закусывает ее, но стоит отпустить, как тут же бросает и следит за другой рукой человека.

Наблюдения, проведенные в большом вольере, показали, что лисица, попавшаяся в капкан, 1—2 мин кричит, привлекая тем самым лисиц с соседних участков. Подошедшие особи относятся к пойманному зверьку агрессивно: сразу пытаются укусить его, но через 5—15 мин уходят. У лисиц каннибализм развит во много раз меньше, чем у песцов. Обычно опытные охотники-лисятники за всю жизнь наблюдали считанные случаи, когда лисица, попавшая в капкан, поедалась своими сородичами. Поедание тушек (без шкур) наблюдается значительно чаще; например, привады из тушек серебристо-черных лисиц охотно посещаются и пожираются красными лисицами. Найдя ондатру, попавшую в капкан, лисица выдирает ее из ловушки. Нередко хищница застает еще живых зверьков. Следы на илистых отмелях свидетельствуют, что лисица действует без промедления. Схватив ондатру, она галопом бросается назад: вероятно, ее пугает звук болтающегося капкана с цепочкой. Иногда хищник выдирает ондатру из капкана на месте [25].

В петле лисица ведет себя беспокойно, много крутится, дергается, грызет. От проволочной удавки, привязанной намертво к дереву или другому предмету, она часто откручивается и уходит. Лисенок, попавший в петлю, начинает вырываться и кувыркаться, но это не пугает других лисят — они начинают играть с ним. В петле лисица в сравнении с волком давится реже и к приходу человека чаще остается живой. Петлю она грызет во многих местах. Известны случаи добычи упитанной лисицы, на горле которой и на одной из лап найдены обрывки металлических петель, вросших в тело, а также лисицы с обрывком старой петли на хвосте.

При установке в нору лисицы продолговатой сетчатой живоловушки лисята иногда целым выводком залезают в нее, поднимая головами свисающую наискось дверцу. Каждый забравшийся щенок служит приманкой для последующих. Таким способом было

отловлено полностью 40% и частично 33% выводков, имевшихся в обследованной местности. Старые лисицы большей частью не идут в ловушку, поставленную в норе. При наличии в норе взрослой особи не идут в ловушку и лисята. Были случаи, когда самка прорывала дополнительный выход из норы и уводила детенышей. Иногда самка, находившаяся вне норы, прорывала извне новый ход, обходя ловушку, и тем самым спасала щенков [120].

Лисица, попав в деревянную ловушку, начинает грызть ее чаще там, где легче всего это сделать, и старается выбраться наружу (ставя себя в положение зверя, видишь, что действовал бы так же). Грызет она и там, где можно зацепиться зубами. В песцовые пасти этот хищник идет плохо. Попадая в яму для отлова оленей, подкапывает стенку и, прорыв ход, уходит. При отлове в Беловежской пуще косуль волчьими тенетами первыми из потревоженных зверей приходили к сеткам лисицы, и ни одна из них не запуталась. Все они издали замечали сеть и осторожно, крадучись и не слишком приближаясь, старались идти параллельно сетке. Когда же люди были близко, лисица решалась приблизиться к тенетам, совала голову под нижнюю веревку и мгновенно оказывалась по ту сторону.

ДРУГИЕ ЖИВОТНЫЕ СЕМЕЙСТВА ВОЛЧЬИХ. Довольно легко попадает в незамаскированные самоловы *енотовидная собака*. В капкане ведет себя спокойнее лисицы (по наблюдениям научного сотрудника В. А. Замахаева, вокруг лисицы, пойманной капканом в угодьях дельты Волги, обычно все бывает истоптано, изрыто, в камышах образуется точок, которого не бывает вокруг енотовидной собаки, сидящей в капкане). Иногда под енотовидной собакой протаивает снег. Лапу она откручивает редко, даже если капкан привязан намертво. Из 200 зверей, пойманных в Кубанских плавнях, это было отмечено только у 4.

С приближением человека зверь пытается бежать. Некоторые особи, особенно старые самцы, ведут себя чрезвычайно агрессивно, с лаем бросаются на человека. Однако, будучи извлеченным из капкана, зверь становится спокойным: лежит, не делая попыток убежать. Если начинает ворочаться, то стоит прикрикнуть на него, и он вновь затихает, лежит смирно. В Кубанских плавнях енотовидная собака, походив с капканом по камышам, выходит на поляну и сидит там, где ее и находит охотник. Возможно, на поляне капкан меньше цепляется и меньше причиняет боли.

Был случай, когда енотовидная собака попала сразу в два мелких капкана, задней и передней ногой. Полтора месяца она ходила с капканами по камышам и регулярно посещала приваду. Потом один капкан отцепился, и зверь еще ходил месяц со вторым капканом, пока не был пойман. Капкан, висевший на ноге, блестел — отшлифовался от постоянного касания о землю и камыш. Зверь был упитанный, поскольку плавни изобиловали животной пищей.

Енотовидная собака, попавшая в живоловушку на глухаря, прогрызла стенку из вбитых в землю колышков и ушла. Интересно, что зверь не пытался грызть мешковину, которой была накрыта ловушка, и, вероятно, потому, что в ней не было видно четких просветов.

Шакал, попав в капкан, испуганно дважды кричит, а иногда крик повторяется еще 1—2 раза за ночь. Полагают, что сигнал адресуется половому партнеру, так как второй шакал прибегает и остается с пойманной особью до прихода охотника [82].

При подходе человека зверь пытается бежать в том направлении, в котором это возможно. Чувствуя, что его не видят, он с капканом затаивается. Как-то зверь затаился на открытом месте, на небольшой скошенной куртине камыша, и ничем не выдал своего присутствия, когда люди ходили в 10 шагах от него.

Примерно треть шакалов бросаются на человека, чаще всего старые самцы. Прыгают они молча, злобно и решительно, с явным намерением схватить человека за лицо. Один из 13 пойманных Б. Д. Злобиным шакалов вместо того, чтобы скрыться в тростниках, ушел в поселок и разгуливал по нему. Этот зверь не был голоден: когда его нашли, рядом валялось отрыгнутое мясо, съеденное зверем ранее у привады.

Иногда шакал в капкане не хватает протянутую ему палку, как это делает, например, лисица, а бросается на человека, протянувшего ее. Зверь грызет капкан в меньшей степени, чем волк и лисица (у лисицы, найденной с капканом, обычно окровавлена морда, у шакала этого не бывает). Наименее осторожны шакалы к капканам и наиболее часто попадают в них с августа по ноябрь, когда ходят выводками. Капканов, установленных в воде, шакалы не боятся. В отличие от лисицы этот зверь грызет петлю в одном месте и обычно уходит из нее.

Корсак в капкане ведет себя смирно, не делает, подобно лисице, отчаянных попыток освободиться от стальной ловушки на лапе и безропотно ждет своей участи. Не проявляет он злобы, возбуждения и при подходе человека. В некоторых случаях его можно взять в руки без особых предосторожностей. Зверь легко идет во всякие ловушки, однако если капкан поставлен в нору, корсак может по нескольку дней не выходить из нее.

СОБОЛЬ. Капкан на этого зверя обычно маскируют. Часты случаи, когда зверек, спокойно идущий по своей тропе, вдруг круто сворачивает в сторону и обходит поставленный самолов, а затем снова выходит на свой след. Попав в капкан, соболь грызет все вокруг себя, разрывает и утаптывает снег, образуя чашу, пытается забираться на дерево. Зная эту повадку, охотники используют прием, позволяющий избежать порчи шкурок пойманных зверьков мышами. Для этого к капкану крепят проволочное кольцо диаметром 20 см, которое надевают на длинный еловый кол с мелкими ветками внизу и крупными наверху. Пойманный соболь начинает ходить вокруг кола, а потом взбирается на него с капканом и кольцом. Направленные вверх мелкие веточки пропускают кольцо, когда оно поднимается, и препятствует его движению вниз. Примерно 80% соболей, попавших в капкан, съедают приманку, выложенную возле него. Но в годы, когда соболь не идет на кормовую приманку, это случается реже. В сильный мороз, если соболю с капканом не удалось зарыться в снег, он замерзает.

По наблюдениям, при температуре до —25°С соболь остается живым в мелком капкане 4—6 ч. Гибель в более ранние сроки связана с тем, что зверьки заматываются цепью, попадают в воду, замерзают при резкой смене погоды. В среднем из 10 пойманных соболей раньше указанного срока погибают 2.

Из 450 соболей за передние лапы было поймано капканом 65,6% зверьков, за задние — 26,8, а остальные 7,6% попали в капканы сразу двумя лапами. Интересно, что по этому признаку существует различие между самками и самцами. Среди самцов из большой партии попали в капкан правыми лапами 42,2% и левыми — 50,2%. У самок иное соотношение: 46,1% попали правыми и 46,6% левыми лапами (без учета попадания сразу двумя лапами). По всей вероятности, это различие обусловлено склонностью зверьков разного пола преимущественно использовать тот или иной аллюр при передвижениях [56].

Соболь в капкане никогда не грызет свою лапу, но в отдельных случаях (если бывает повреждена кость) откручивает ее: при поимке капканами 1170 соболей ушло из них, открутив лапы, 129.

При подходе собаки соболь в капкане ведет себя агрессивно, бросается на нее с капканом, стараясь ухватить поближе к шее. При подходе человека смотрит за ним, а затем замирает, не пытаясь прятаться. Если пойман недавно, то, приняв оборонительную позу, злобно защищается, урчит, часто кидается, насколько это позволяет цепь капкана, норовя укусить. С легким, оторвавшимся от потаска капканом зверек ходит быстро, залезает в убежище и, отлежавшись там, уходит на поиск пищи. Прикормленный соболь, пойманный капканом и выпущенный на свободу, далеко, видимо, не уходит. При отлове капканом с приманкой для кольцевания камчатских соболей в течение 30 дней повторные особи отлавливались до 5, а некоторые — до 8 раз.

Имеется наблюдение, что соболь, попавший в капкан, был съеден двумя живыми собратьями. Подобные факты, в общем, редки, охотники-соболятники их отмечают не более 3—8 за всю охотничью практику. Мясо соболя — плохая приманка для других соболей. Но замерзшего в капкане соболя его собрат не боится и смело берет оставшуюся приманку. Однажды охотник добыл в два капкана, стоявших друг от друга на расстоянии 15 м, 13 «проходных» соболей.

К плашкам и другим самоловным орудиям соболь относится довольно безбоязненно. Как-то зверек, вероятно, из числа мигрирующих, попал поочередно в две беличьи ловушки, но из обеих ушел, сдвинув их. В деревянную ящичную ловушку, поставленную возле прикормочной площадки, дважды попадал соболь-самец и каждый раз, прогрызая отверстие, уходил, но на третий раз был пойман. Некоторые зверьки часто посещают плашки, предназначенные для их отлова, но приманку не берут и относятся к самолову осторожно: подходят мелкими шажками, топчутся вокруг, залезают на плашку и, таким образом идя по путику, посещают до десяти и более самоловов. По всей вероятности, эти зверьки имели опыт и когда-то отскакивали от плашки раньше, чем она захлопывалась.

Реакция соболя на ловушку зависит от кормовой базы и степени насыщения зверька. Если он голоден, то менее осторожен, смелее берет приманку, чаще идет в самоловы. Охотник-рекордсмен Восточной Сибири Ф. А. Малышев ставил кулемки на соболей не в местах жировок, а на их окраинах, там, где звери приходят к месту кормежки (обычно на границе кедровника и гари или кедровника и пади), чтобы они нашли приманку до кормежки.

Если при попадании в капкан соболь закапывается в снег, то замерзает он там не всегда: из пойманных в Западных Саянах с конца октября по январь 37 соболей 14 оказались живыми. В деревянной ящичной ловушке лишенный движения соболь замерзает довольно скоро, редко выживая более суток при температуре —40°С. В металлической живоловушке зверек ожесточенно бьется, ломает зубы. Попавший с вечера в ловушку, в которой нет подстилки, к утру в мороз он обычно погибает. Запертый в клетку соболь нередко норовит неожиданно напасть на человека, неосторожно взявшегося руками за железную сетку. В случае неудачи он тотчас же скрывается в своей подстилке в самом удаленном теневом углу клетки.

Попав в обмет, зверек рвется изо всех сил, катается клубком, грызет сеть, но запутывается в ней все больше и больше. Схваченный, кусает рукавицу. Если соболя, запутавшегося в обмете, вовремя не вынуть, он прогрызет сетку и убежит. Когда попадает в петлю не головой, а лапой, то хоть и повисает, но иногда может дотянуться до волосяной петли и перегрызть ее зубами. При отлове соболей петлей на дереве 1—2% особей из числа сильно возбудимых погибают в руках человека.

КУНИЦЫ. Маленький капкан «нолевка» оказался пригоден как для отлова куниц, так и соболей, но последние почему-то из него реже вырываются, чем первые. Происходит это, возможно, потому, что в местах обитания лесной куницы в среднем теплее, чем в местах обитания соболя (зверек дольше живет в капкане и дольше пытается вырваться из него), а может быть и потому, что куница отличается относительным бесстрашием к капкану и, попав в него, менее поддается воздействию стресса.

Нередко лесная куница, вырвавшись из капкана, снова лезет за приманкой, во второй капкан, и вновь оказывается пойманной. Известен случай, когда куница ушла вместе с капканом, тут же отправилась к другой ловушке и попала в нее. Так охотник и принес эту куницу домой с двумя капканами. Таким образом, зверек попал в капкан и с ним тут же полез в другой. По наблюдениям на Кавказе, если куница не бывает взята из капкана в первые сутки, нередко она отгрызает себе лапу.

Лесная куница, как и каменная, не боится живоловушки, но подходит к ней менее охотно, если около дерева, на котором она насторожена, снег сильно утоптан человеком. Некоторые особи после попадания ведут себя более или менее спокойно, другие грызут сетку и ломают зубы. Из попавших в деревянные живоловушки 5 куниц 3 прогрызли доски толщиной 2,5—3 см и ушли. Более трех дней зверек обычно не выдерживает и погибает, по-

этому рекомендуется проверять ловушки хотя бы раз в сутки. При отлове лесных куниц ящичными ловушками из 24 особей погибло 8, в основном из-за несвоевременной проверки ловушек. В позднеосеннее и зимнее время зверьки не выдерживали в ловушках более двух суток. В бесснежное время звери гибли от жажды. Частая гибель взрослых самок отмечалась даже при ежедневной проверке живоловушек. Они грызли дерево и сетку ловушек и погибали, возможно, от излишних энергозатрат и нервного напряжения при попытках освободиться.

Молодые зверьки, и самцы и самки, более спокойны, и обычно они поедали пищевую приманку, имевшуюся в ловушке. Самки при повторных отловах даже не пытаются выбраться на свободу. В небольших живоловушках куницы чаще гибли от переохлаждения.

Наиболее часто лесные куницы посещают живоловушки с приманкой в августе и осенью, когда молодняк начинает самостоятельную жизнь; в декабре, январе посещаемость снижается, а в конце февраля и в марте снова возрастает [34]. Попав в сетчатую ловушку, в которой есть убежище — деревянный домик, лесная куница обычно перетаскивает приманку в него.

Американская куница (Martes americana) не боится самоловов, о чем можно судить по тому, что некоторые особи по многу раз (до 7) ловятся в сетчатые живоловушки. Харза относится к капкану значительно осторожнее других куниц. Попав в него, она иногда пытается уйти с ним на дерево, если ее преследует человек.

ГОРНОСТАЙ. Чтобы поймать этого зверька, капкан маскируют, но зверек ловится и в незамаскированные ловушки. Некоторые охотники чистят капканы, но большинство этого не делает, считая, что ржавчина не отпугивает горностая, так же как и запах крови его сородичей.

Нередко горностай вместе с капканом уходит под снег. Зверек не перегрызает веревочку, которой привязан капкан к потаску. Отдельные особи (не более 1—3%) грызут собственную лапу. В теплую погоду каждый пятый зверек в капкане откручивает ногу, в мороз такое бывает редко, так как зверьки быстро замерзают. В теплую погоду горностай в капкане живет до двух суток. Это относится к крупным особям, мелкие же самки менее стойки и погибают раньше, особенно если капкан захватил ногу высоко. Быстрая гибель горностаев в капкане объясняется высокой энерготратой. У этих зверьков отношение поверхности длинного змеевидного тела к его массе больше, чем у других зверей семейства куньих, что в сочетании с коротким мехом ведет к значительным теплопотерям. Нередко горностай, попавший в капкан, примерзает к нему.

Горностай и другие мелкие зверьки семейства куньих, ловившиеся в теплое время в капканчики для водяных крыс, обычно оттаскивали их на 10—20 м и запутывались в траве. По наблюдениям, горностай (и солонгой), попав ногой в капкан, сильно бьется, потом затихает, иногда расслабляется и выглядит погиб-

шим, но стоит ослабить дуги капкана, как зверек мгновенно убегает. Кричит горностай обычно в момент, когда его тянут за капкан из чащобы, куда он забился. При взятии рукой он, как и колонок, «чирикает», редко бросается навстречу, чаще пытается спрятаться. Потеряв лапу в капкане, горностай способен выжить. Замечено, что в светлые лунные ночи зверек чаще ловится в капканы, поставленные в глухих местах, а в темные ночи, наоборот, на открытых местах: лугах, полях.

Попав в петлю из конского волоса, горностай в большинстве случаев не может порвать ее, и нередко зверька застают уже мертвым. Попав в такой силок лапой, он перегрызает его и уходит невредимым. В отдельных случаях горностай перегрызал петлю, когда попадал в нее и головой. Но если петля привязана к ветке, зверек начинает грызть ветку, а не волос. Если рядом с попавшим в петлю и сильно бьющимся горностаем положить пучок сухой травы, он забивается под нее и сидит более спокойно. В момент поднятия его петлей в воздух нередко издает несколько коротких верещащих звуков.

Горностай смело идет в ловушки, однако в старые лучше, чем в новые. Поэтому их делают весной и оставляют без крова до осени. Выставляя новые ловушки, охотники натирают их землей. Забираясь за приманкой в проволочную вершу, зверьки выбраться оттуда уже не могут. Иногда в такую ловушку попадает по нескольку горностаев и порок. Если первой попала норка, горностаи в такую ловушку не идут (норка идет в нее независимо от того, есть в ней горностай или нет).

Отмечен случай нападения горностая на своего собрата, попавшего в капкан. У последнего на голове были видны следы клыков, а также обсосанные волосы в местах прокусов. Вероятно, напавший зверек слизывал вытекающую кровь жертвы. В желудках горностаев часто встречаются сгустки крови, которые они слизывают с умерщвленной крупной добычи, в частности с прокусов в затылке попавших в капканы ондатр [74].

У горностая, попавшего в капкан, стремление грызть все вокруг себя менее выражено, чем у колонка. Он не перегрызает веревочку, которой привязан капкан, а колонок это делает часто. Однако в капкане горностай крутится более энергично, чем колонок, и чаще откручивает ногу.

КОЛОНОК. Капкана он не боится, и ловушки на него не надо предварительно обрабатывать, достаточно удалить лишь заводскую смазку. Кровь на капканах, в которые были пойманы колонки, тоже не очищают; иногда в один и тот же капкан попадает до 7 зверьков. Известны случаи, когда, попав в один капкан и потеряв при этом ногу, колонок тут же шел ко второй приманке с незамаскированным капканом и ловился вторично. О безбоязненном отношении колонков к железу свидетельствует тот факт, что некоторые охотники приманку на колонка, чтобы ее не поедали мышевидные грызуны, помещают в пустую консервную банку, сжав потом ее края. Однако отдельные особи более осторожны. Например, если у входа в искусственный дворик из воткнутых в землю

колышков стоит капкан, зверек нередко предпочитает пролезать в щель между колышками, чем идти в широкий проход, где стоит капкан. Имеются региональные особенности реакции колонка на самолов; например, охотники Томской обл. вынуждены маскировать капканы для колонка.

Колонок в капкане отгрызает лапу чаще снизу дуг, сверху редко, лишь когда висит на защемленной лапке. Грызет и капкан, и проволоку, скрепляющую его с потаском, и сам потаск (на мягкой проволоке бывают видны следы зубов). Отгрызенную ногу съедает. У каждого десятого зверька, добытого зимой капканом, в желудке находят остатки его собственной лапы. Освободиться, открутив лапу, удается далеко не всем особям. В теплую погоду колонок в капкане живет до трех дней, а в холод не более полусуток: с вечера попал, к утру мертв. При взятии рукой некоторые особи кричат («чекатят», как сороки), хватают за варежку мертвой хваткой.

Из капканов уходит около 6% колонков. У потерявших лапу зверей культя быстро заживает и зарастает мехом. След у таких колонков по мягкому снегу почти обычный и прыжки не меньше, чем у нормальных зверьков. Каждую зиму охотникам на 100 колонков попадают 3—4 трехпалых. Однако не все из вырвавшихся зверьков остаются жить. По данным научного сотрудника Ю. П. Дорофеева, из 16 колонков и горностаев, вынутых живыми из капканов, через три дня в живых остались только 8. Зверьки гибли, несмотря на то, что им были предоставлены пища, вода и убежища.

НОРКИ. И американская, и европейская норки довольно безбоязненны по отношению к капкану, однако самоловы на них маскируют более тщательно, чем на колонка. По черной тропе маскировка не требуется, но с выпадением снега норка обходит виднеющийся капкан. Посторонние запахи зверька не отпугивают, поэтому капканы на него ставят, даже не удаляя заводскую смазку. Запахи собратьев также не пугают норок.

Американская норка, попав в капкан вблизи воды, стремится уйти в воду. В капкане долго не замерзает и нередко отгрызает замерзшую лапку. Доказательством этому служат находимые в желудке норок когти и шерсть. Отмечен случай, когда норка на глазах людей трижды делала попытки утащить задушенного ею цыпленка. Она повторила попытку и в четвертый раз, уже после того, как попала хвостом в капкан и вырвалась.

На поведение животного в капкане, так же как и на отношение к нему, оказывают влияние сезонные биологические циклы. Зафиксирован случай, когда самка американской норки, попав в капкан, спаривалась с самцом.

В сетчатые ящики норки ловились лучше, чем в ловушки коридорного типа. В первые за сутки попадалось в среднем 0,5 зверька, а во вторые — 0,3. Попавшая в ловушку норка не отпугивает собратьев. При соединении четырех ловушек вместе иногда попадают сразу четыре зверька. Некоторые американские норки

ловились в живоловушки по нескольку раз, а один самец был пойман четырежды.

В Приморье американские норки попадались в живоловушки чаще ночью, но около трети особей — днем. В летнее время наиболее часто ловились взрослые самки. Наиболее успешно зверьки ловятся в пасмурные дни без дождя (Васенева, 1981). Попадая в сетчатые живоловушки, зверьки к приходу охотника обычно съедали оставшуюся кормовую приманку. При подходе человека самцы проявляли агрессивность, кричали и кидались на сетку. При низких температурах некоторые зверьки, попав в живоловушку с вечера, несмотря на хорошее опушение, погибали, видимо, от переохлаждения. Добывая рыбу, норка попадает в вентеря, морды и другие рыбацкие снасти. Она не успевает прогрызть сетку и гибнет.

РОСОМАХА. Несмотря на смелость этого зверя, поймать его в капкан не просто. Но бывают случаи, когда росомаха ловится в не обработанные от посторонних запахов и примитивно поставленные ловушки. Попавшая в капкан росомаха может жить длительное время, до трех недель и более, особенно если с осени накопила жир, а он у нее бывает слоем до 2 см. После десятидневного голодания у росомахи еще сохраняется тонкий слой подкожного жира, в то время как жировая ткань сальника уже израсходована полностью. Если капкан прикован, то важно, имеет ли росомаха возможность укрыться в снежную нору. Лишенная укрытия, она быстро погибает.

Будучи в капкане, росомаха при подходе человека старается спрятаться за дерево, если это возможно. Протянутую палку хватает зубами, иногда лапой и крепко держит, даже за самый конец, т. е. с торца, как это может сделать только обезьяна или человек. При побоях прерывисто рычит, клокочет, как «вода в котелке с картошкой», при этом у нее течет слюна. Если с охотником собака, все внимание росомаха направляет на нее, игнорируя человека. Обороняясь, бросается на спину. Мертвой хватки, как, например, у соболя, у росомахи нет: схватит и отскочит.

Очень часто росомаха вырывается из капкана. На одном из охотничьих участков в пойме верхней части р. Анадырь на 12 пойманных зверей столько же приходилось вырвавшихся из железной ловушки особей. Половина из ушедших с места поимки не смогли сразу освободиться от капкана.

Известен случай, когда росомаху, ушедшую с тяжелым кованым двухпружинным капканом на задней левой ноге, тропили 55 км, но догнать зверя не удалось. Первые 4 ч она шла, ни разу не останавливаясь и не опуская ногу с капканом. При троплении на следующий день была обнаружена лежка с капельками крови. В конце второго дня преследования росомаха отдыхала через каждые 200—300 м. Догнать зверя не удалось и на третий день (Язан, 1974).

В большом жестко прикрепленном капкане росомаха часто перегрызает перебитую лапу и уходит, причем отъедает ногу снизу дуг подчистую. Повисший в капкане зверь не может отгрызть

себе лапу, поэтому ловушки на росомаху иногда устанавливают на помостах. Попав в небольшой капкан и уйдя с ним, росомаха грызет железо, ломая при этом зубы, постепенно ослабевает и в конце концов гибнет. В низовьях левобережья Индигирки росомаха, уйдя с капканом, жила с ним месяц, скитаясь по лесу, пока не пришла снова к месту, где угодила в ловушку. Спасаясь от собак, она залезла с капканом на дерево, где ее и застрелили.

Если капкан привязан к потаску, росомаха может грызть его. Известен случай, когда зверь, попав в капкан, привязанный к полену, уволок его на сопку и там перегрыз. Самец, привезенный на биостанцию ВНИИОЗ, за одну ночь изгрыз бревно диаметром 15 см, входившее в основание вольера. Самка росомахи, потерявшая в капкане одну из передних лап и прожившая после этого около года, была очень истощена, со спавшими, дряблыми легкими, покрытыми плотными беловатыми бугорками.

Благодаря компактной форме тела, крепкому костяку, сильной мускулатуре росомаха выбирается не только из капканов, но и из специальных опадных самоловов. Тяжелое бревно, падая, умерщвляет песца и другого зверя, но росомаха зачастую ухитряется вылезти из-под него живой. Однако если тяжесть падает, когда зверь лежит на спине, он погибает. Поэтому в опадном самолове приманку располагают таким образом, чтобы зверь мог достать ее, только лежа кверху животом. Из 24 росомах, отловленных в Канаде с помощью деревянных сетчатых живоловушек и металлических бочек с одной опадной дверцей, 10 особей отлавливались повторно 74 раза. Следует иметь в виду, что всех зверей перед выпуском на волю временно обездвиживали с помощью химических веществ и метили, что, однако, не влияло на их отношение к ловушкам.

Как никакой другой хищник, росомаха склонна к пожиранию приманки в самоловных орудиях промысла, а также животных, попавших в эти орудия.

Регулярно посещая промысловый путик, этот зверь становится сущим бедствием для охотника. Тропление росомахи в марте 1979 г. показало, что она, пройдя несколько километров, обошла 12 капканов на песца и все их расторожила, но приманку (соленую рыбу) не тронула. В 13-м капкане она обнаружила живого песца, задушила его, перекусила у него лапу возле дуг самолова и унесла зверька в сторону [39]. На промысловом участке по р. Тыкаха в Якутии из 1100 пойманных в петли зайцев росомаха съела 50.

БАРСУК. Это осторожный зверь с хорошо развитым обонянием. Часто он выкапывает замаскированные капканы и спускает их вхолостую, а если капкан поставлен около самого входа в нору, начинает ходить через соседний ход, а капкан зарывает. Попав в капкан, зверь пытается вырваться, но после неудачных попыток начинает закапываться в землю, насколько позволяет цепь капкана. Подойдя, можно увидеть кучу земли и не заметить самого барсука, измазанного грязью, лежащего поверх зарытого капкана. Защемленную ногу он не пытается грызть, независимо от того, раздроблена кость или нет, но сломанную иногда откручивает и

уходит. Если барсук пойман у норы, он залезает с капканом в нору и сидит там мордой наружу. Попав в капкан задними лапами и устремившись в нору, нередко срывает с себя стальную ловушку, пружины которой сдавливаются краями норы. При попытках извлечь его упирается спиной и лапами в стены так, что иногда капкан срывается с лапы. При подходе охотника зверь тантся, свернувшись клубком и немного отвернув голову, до самого последнего момента и притворяется мертвым даже тогда, когда человек стоит рядом, рассматривая его. Если его потрогать палкой, он «рюхает», ворчит, но кидается редко. Правда, это справедливо лишь в отношении барсуков сибирских популяций. В европейской части барсук, пойманный в капкан, довольно часто бросается на человека. Имеются и другие региональные различия в поведении. Например, в Татарии этот зверь, попав в капкан, обычно безмолвствует, а в Казахстане кричит.

ВЫДРА. Разные особи этого вида ведут себя по отношению к капкану по-разному. Обычно маскировать самолов на выдру не требуется, но некоторые охотники считают ее осторожным зверем и маскируют капканы. Очень редко выдра грызет себе лапу. Из 50 пойманных особей только одна освободилась таким образом: перегрызла ногу выше дуг капкана. Известен случай, когда выдра грызла электропровод, которым капкан был привязан к колу. При подходе человека этот зверь шипит, подобно кошке, кидается в снег под берег и делает попытки укусить. В капкане живет недолго.

Попав в мелкий капкан, выставленный на норку, выдра чаще всего рвет поводок или вырывается, повреждая при этом себе лапу. Если выдра попадет в капкан, ее собратья долго не посещают это место.

Случается, что выдра сама попадается в морды и другие рыбацкие снасти и обычно в них задыхается. На Кавказе эти звери иногда вытаскивают на берег переметы, поставленные рыбаками, и поедают пойманных рыб, не трогая головы, словно опасаясь зацепиться за крючок. Поедают рыбу не в воде, а на отмелях, берегу или на выступающих из воды камнях, корягах.

ДРУГИЕ ЗВЕРИ СЕМЕЙСТВА КУНЬИХ. Попадают в незамаскированный капкан *белый*, *черный хорьки*, *перевязка*. Белый хорь в капкане ведет себя беспокойно. Встает на задние лапы, при взятии его «чокает», издает и звуки, напоминающие взлаивание. Хорьки, вселенные в Томскую обл., живут в капканах, не замерзая, до трех суток. *Солонгой* в капкане хватает зубами тростник, грызет его, кричит, кусает свою лапу ниже дуг капкана, причем делает это иногда и при подошедшем вплотную человеке. Особой агрессивности к человеку не проявляет: больше его занимает собственная беда. Найдя ондатру в капкане, солонгой объедает у нее шею и голову, а у сеголетков разгрызает череп и выедает мозг. В дальнейшем съедает всю тушку целиком. К собратьям, попавшим в капканы, он относится зачастую агрессивно. Из 200 солонгоев, пойманных на Балхаше научным сотрудником

В. А. Грачевым, 10 оказались с прокушенными затылками. Все были самцами. Расположение прокусов свидетельствует, что зверьки были умерщвлены особями своего же вида.

Об отношении *ласки* к капкану можно судить по следующему описанию К. А. Сатунина (Млекопитающие Кавказского края. Тифлис, 1915, т. 1, с. 195): «В течение нескольких дней подряд я находил утром капкан захлопнутым и наживку съеденной, а несколько волосков показывали, что ласка капканом была захлопнута. Удар, который убивал крысу ростом не меньше ласки, но гораздо массивнее, ласку даже не пугал, и она спокойно шла в капкан и на другой день». Ласка редко ест мертвых зверьков, попавших в капкан. Пойманная в живоловушку, она активно двигается и при взятии ловушки в руки пищит, а иногда пронзительно кричит.

Попавший в сети *калан* неистово бьется, отгрызает лапу или наносит себе другие увечья.

РЫСЬ. Этого зверя поймать значительно легче, чем волка или лисицу. Запаха железа рысь не боится, однако капкан на нее все-таки маскируют. Ведет себя в капкане этот хищник по сравнению с другими довольно спокойно. Зверя удавалось ловить в заячьи капканы и петли, а в Кападе несколько рысей было поймано и капканами для ласок. Отдельные особи грызут капкан, ломая зубы. Защемленную капканом лапу рысь обычно не трогает, и в практике охотников, помногу ловивших рысей, обычно встречалось лишь два-три случая погрызов зверем лапы. Достоверен случай, когда рысь, сидевшая в капкане 15 сут, отъела себе конец лапы, но добытый зверь был совершенно истощен: кожа да кости.

При подходе человека рысь лишь в отдельных случаях бросается на него. Уйдя с капканом, удовлетворительно приспособиться к добыванию пищи этот зверь не может: ушедшего с мелким капканом зверя нашли через восемь дней мертвым. Зверь, блуждавший двое суток с капканом на ноге, был пойман живым, но через два дня погиб, несмотря на предлагавшуюся пищу.

Случаи, когда рысь поедает другую рысь, попавшую в капкан, бывают, но они не часты. Известен и такой факт. Рысь, попавшая в капкан у привады, ушла вместе с двумя своими собратьями; тропление их на протяжении 1,5 км показало, что зверь с капканом не подвергался нападению своих спутников.

ДРУГИЕ ЗВЕРИ СЕМЕЙСТВА КОШЕК. Пойманный в живоловушку *тигр* всегда ревет. Интересно, что, попав в западню, этот зверь никогда не трогает свинью или собаку, привязанную там для приманки. В широко применявшиеся для ловли зверей в Приморье глубокие ямы (3—4,2 м) с более широким, чем верхушка, основанием иногда попадал тигр, но он всегда одним прыжком выходил на свободу.

Тигры могут нападать на зверей, попавших в капкан. Весной 1981 г. два тигра возле пос. Терней в Приморье задавили волчицу в западне, есть ее не стали, а протухшую мясную приманку унесли [76]. В 1930 г. в районе р. Или тигр, попав в волчий капкан, переплыл с ним реку. В Приморье

тигрица, угодив в петлю из металлического тросика, открутила ее, но избавиться от самой петли не смогла и пришла в ближайшее село. Вошла в жилой дом и улеглась в коридоре, а на другой день без сопротивления позволила связать себя и погрузить в автомашину.

Несмотря на значительную силу и злобность, *снежный барс* (ирбис), попавший в капкан, сравнительно легко отдается в руки человека. Пойманному зверю бросают ватную телогрейку или другую подобную вещь, которую он с яростью отбивает лапой или хватает зубами. Главное — накрыть зверя. Этот момент используют, чтобы связать ирбиса и надеть на него намордник. Иногда его удается связать даже в одиночку. Однако известен случай, когда зверь несколько дней скитавшийся с капканом на передней ноге, бросился на своего преследователя-охотника.

О своем попадании в капкан *леопард* возвещает громким ревом. Зверь, пойманный на Кавказе в ущелье р. Малой Лабы в 1904 г., так ожесточенно грыз капкан, что все 4 клыка и все коренные зубы были сломаны под самые корни, и целыми остались только резцы. При подходе человека леопард ревет, показывает зубы, бросается навстречу, иногда встает на дыбы. В Приморье известен случай, когда этот хищник пролез сквозь худую крышу свинарника, спрыгнул вниз и задушил 7 свиней. Наевшись до отвала, выбраться через крышу не мог и лишь утром убежал, перепрыгнув через голову вошедшей в хлев свинарки. Из стационарной ловушки зверь иногда уходит, подкопав землю.

Камышовый кот менее осторожный зверь, чем шакал, и часто попадает в незамаскированные капканы. В капкане ведет себя агрессивно. При подходе человека взъерошивает шерсть, шипит, издает харкающие звуки, прыгает навстречу противнику. Попав в петлю, ведет себя подобным образом. При вынимании его из ловушки оказывает сильное сопротивление. Был случай, когда взятый за хвост зверь, обернувшись, припал к руке и, разорвав когтями ватную телогрейку, сильно исцарапал плечо ловца.

Пойманную в капкан ондатру *степная кошка* вытаскивает или уносит вместе с ловушкой, съедая жертву чаще всего целиком. *Дикая лесная кошка* попадает в капкан не часто. Если подходит человек, она фыркает, сопит или ворчит, но не выказывает намерений броситься на него. При длительном пребывании в капкане умирает с голоду, но никогда не отгрызает себе лапу, независимо от того, раздроблена кость или нет.

Как-то домашний кот, угодив в капкан, поставленный в камышах Темрюкских плавней, просидел в нем 10 дней. Когда пришел хозяин, кот выглядел диким, орал и кидался на него. Будучи вынутым, убежал, но потом вторично на этом же месте попал в капкан и сидел в нем еще неделю. Любопытно, что вокруг капкана трава со снегом была почти не умята. Следовательно, кот сидел в капкане спокойно.

ЕНОТ-ПОЛОСКУН. Попав в капкан, он обычно отгрызает себе лапу независимо от того, высоко или низко захватили ее дуги капкана. Грызет не выше, а ниже дуг. Отгрызает фаланги пальцев, пястные и запястные кости, а также кости предплечья, если они

раздроблены до уровня дуг капкана, после чего отрывает или откручивает кожу, сухожилия конечности и освобождается. Если полоскун попал в капкан вечером или в первой половине ночи, обычно он успевает освободиться до рассвета. По наблюдениям, вырываются около 60% всех попавших в капканы енотов. В капкане зверь обычно не погибает, так как зима в Азербайджане и других местах его обитания теплая.

Шея енота-полоскуна обладает мощной мускулатурой. Когда при отлове с дерева ему накидывают на шею петлю, прикрепленную к шесту, а потом, затянув ее, сдергивают зверя на землю, никогда не наблюдается удушения. Ловушки для енота-полоскуна лучше ставить у основания посещаемого зверьком дерева, ствол которого обвивает дикий виноград.

ЛОСЬ. Опыт Печоро-Илычского заповедника показывает, что удлиненные стационарные загоны-ловушки протяженностью 1200 и шириной 300 м (типа «котла») с входом шириной 40 м наиболее уловисты и обеспечивают заход в них всех лосей, мигрирующих на данном участке. Овальные загоны диаметром 400 м с двумя входами (типа «верши»), в которых животное грудью раздвигает пружинящие концы жердей, менее эффективны: звери стараются их обойти. Заходят в такие ловушки не более 30% мигрирующих в полосе животных (Шубин, Язан, 1959). Новая партия зверей каждый раз заходит в загон, где до этого умерщвляли и разделывали предыдущих зверей, не реагируют животные на кровь сородичей — не выказывают беспокойства.

Судьба и поведение лося, попавшего в петлю, зависит от того, какой частью тела он угодил в нее. Ощутив удавку на шее, зверь обычно делает скачок вперед и погибает. При попадании рогами зверь может жить много дней. Если трос достаточно длинен, лося можно обнаружить по стуку рогов о соседние деревья. Когда приблизившиеся люди начинают разговаривать и шевелиться, он, наклонив голову, делает выпад в их сторону, глаза его в это время налиты кровью. Вырвавшись, бежит не разбирая дороги.

Нередко роль петли выполняет проволока, брошенная людьми в лесу, в которой звери запутываются ногами. Лосиха в этой ситуации при попытке человека перерубить путы, кидалась на него, выбрасывала передние ноги. В другом случае, когда егерь освобождал запутавшегося в проволоке лосенка, взрослые звери, стоявшие вблизи, не предпринимали агрессивных действий. В Семеновском р-не Полтавской обл. на колхозную ферму пришел, едва переставляя ноги, лось с обрывком петли из шестимиллиметровой проволоки на шее. Зверь позволил егерю с помощью плоскогубцев, привязанных к палке, освободить его из петли. В редких случаях роль проволоки могут играть корни деревьев. Однажды лось-самец, запутавшийся во время гона рогами в ветках ивового куста, вырвал его с корнями и, пройдя с этим грузом 100 м, упал и погиб от разрыва сердца.

В начале текущего столетия при отлове косуль с помощью тенет в Беловежской пуще в оклад попадали и лоси. Появившись перед сеткой, лось очень скоро замечал ее и начинал метаться из стороны в сторону, стараясь уйти, но, натыкаясь на людей, возвращался крупной рысью к тенетам и останавливался примерно

в 50 шагах. Потом бросался вперед, и никакие крики, и забегания людей вперед не помогали. Зверь со всего маха кидался в сеть. При столкновении с сеткой чаще всего он удерживался на ногах и тащил ее за собой метров десять, после чего образовавшийся сетчатый конус прорывался в вершине, и зверь убегал. Бывало, что лось падал на несколько секунд, но тотчас вставал и после незначительных усилий разрывал сеть. Отдельным особям не удавалось встать, и тогда их с большим трудом выпутывали люди. Лежащий зверь сильно бился головой о землю. Если при этом на несколько секунд лосю сжимали ухо у корня, он переставал биться и держал голову спокойно.

Лось, попавший в ловушку-яму, способен, схватив человека за одежду, сдернуть его к себе в яму и затоптать ногами. Этот зверь достает человека, стоящего в двух шагах от переднего края ямы.

БЛАГОРОДНЫЙ ОЛЕНЬ. При отлове крымских оленей живоловушками с использованием приманки лучший эффект достигался в зимнее время: иной раз на второй, третий день настораживания ловушки. Осенью звери попадались не ранее как на 16-е сутки, хотя подходили к ловушке, иногда поедали и приманку, но внутрь зайти не решались. В малоснежные и мягкие зимы олени идут в ловушки плохо, а в декабре и марте совсем не заходят в них. В Беловежской пуще наибольшее число отловленных оленей приходится на январь и февраль, наиболее трудные месяцы их жизни [103].

Олени, попавшие в ловушки (высотой 2,5, длиной 4,5 и шириной 2,5 м), стараясь выбраться, метались, просовывали морды в щели между жердями, пытались перелезть или перепрыгнуть через стенку. Спустя несколько часов земля в ловушке, даже покрытая дерном, превращалась при сухой погоде в пыль, а при мокрой в грязь. У оленя образовывались потертости и ссадины, особенно на морде и ногах. Увидев человека, зверь начинал беспокоиться еще больше.

В ловушках малого размера оленей оставлять надолго нельзя, так как при попытках выбраться животные слабеют и перегреваются; ложась затем отдыхать, они мерзнут, что ведет к простуде. В ловушках большого размера («поляна-ловушка») звери ведут себя спокойнее и сильно беспокоятся лишь в момент водворения их в транспортные клетки. В приставленную к входу просторной ловушки тесную клетку ($2{,}2 \times 0{,}8$ м) с открытыми дверями отловленные крымские олени большей частью переходили сами или при легком понукании их палкой. Молодняк и спокойных взрослых оленей перевозили в такой клетке по нескольку (самка и до пяти сеголетков).

КОСУЛЯ. Бегущая спокойно, косуля замечает поставленную сеть с расстояния от 40 до 3 м и часто не идет в нее, а поворачивает обратно или бежит вдоль. Однако быстро скачущий зверь или внезапно напуганный не успевает среагировать на сеть и, угодив в нее, запутывается. При отлове косуль в Беловежской пуще пер-

выми появлялись перед тенетами старые самцы, а за ними группами самки и молодняк. Самец, заметив сеть, бросался чаще всего назад на загонщиков и прорывался сквозь их цепь. Самки разбегались по кварталу и, прижатые людьми, поодиночке бросались в сети. Когда косули шли группами по 3—5 особей, первая, попадая в сеть, роняла ее на себя и тем открывала проход остальным. Остальные делали огромные прыжки над сетью, намного превышающие ее размеры.

Попадая в сеть, косуля издает обычно резкий, пронзительный крик [17]. Зверь, попавший в сеть с полного хода, обычно падает, начинает барахтаться на земле, стараясь встать, делает прыжки, опять падает, пока окончательно не запутается. Самцы бьются сильнее, чем самки. Если сеть короткая, сильные самцы косуль, зацепившись рогами, иной раз утаскивают ее на несколько сотен метров.

В замаскированные ямы чаще попадают самцы косули. Старый зверь стоит в яме смирно, молодые же бьются и стараются выпрыгнуть. В капкан косуля попадает обычно передней ногой и уходит с ним на несколько километров, а если попадет двумя, то передвигается очень медленно, не далее километра, а иногда всего на несколько десятков метров. В капкане с потаском она часто ломает ногу и уходит. Сильный капкан тоже может сломать ей ногу, особенно летом. С капканом косуля нередко запутывается так, что не может двигаться дальше, но ложится, лишь совсем обессилев. С приближением человека пытается уходить и никогда не делает попыток нападать.

ЗУБР. Оказавшись в просторной ловушке-загоне, зверь начинает обнаруживать признаки беспокойства и бегает из стороны в сторону, ища выход. Самые злые и сильные бьют рогами в ворота. Зубры, попавшие в ящичные ловушки, вели себя по-разному. Два зверя возбужденно гребли ногами землю и к утру стояли в глубокой, до коленного сустава, яме, наполненной грязью. Третий вел себя спокойнее. Но все звери били рогами по впереди стоящей стенке и ногами по задней. Особенно энергично рвались они при подходе к ловушке человека, иногда даже пытались поднимать клетку рогами, поскольку пола в ней не было [36] (в ящичных ловушках для отлова зубров пол не делают, так как он отпугивает их).

Наблюдали, как возле ящичной ловушки, в которую попал зубр, все время держались его собратья. Они не уходили, когда люди пересаживали пойманного зверя в транспортную клетку и когда грузили ее в машину. Не пугались ни голосов людей, ни шума работающего трактора. Оставшийся последним на свободе зубр даже пытался бросаться на людей, но, попав в ловушку, повел себя в ней спокойнее всех.

КАБАН. Звери этого вида сравнительно легко ловятся на приманку в стационарные ловушки, иногда даже помногу особей. Кабан, пойманный в ловушку, перепрыгивает сетчатую стенку высотой более 2 м. Прыгнув, он цепляется передними ногами за верх сетки и, подтянувшись, переваливает через нее. Годовалый поросе-

нок без разбега перепрыгнул как-то стенку высотой 1,3 м. Сетку, закопанную на глубину 30 см, кабаны раскапывают, а крупноячеистую разрывают. Животные, пойманные в большую стационарную ловушку, бьются в сетку, разбивают носы, но серьезных ран не получают. Когда же ловушка сделана из кольев, старые секачи, которые ведут себя особенно беспокойно, кидаясь на подошедшего человека, иногда ломают себе верхнюю челюсть. В приставленную к двери транспортную клетку кабаны, если их гнать, переходят. В Беловежской пуще эти звери идут в ловушки с большей осторожностью, чем зубры, но легче последних пересаживаются в транспортные ящики.

Взрослые кабаны, загнанные в сети-тенета, предназначенные для отлова волков, прорывали их, не задерживаясь. Более прочными сетями со стороной ячеи от 15 до 20 см отлавливать этих зверей можно. При наличии за сетью кормовых полей кабаны сначала идут вдоль нее, а потом пытаются прорваться. Первыми это делают менее осторожные сеголетки и подсвинки. Чаще звери ловятся ночью или рано утром. Оставив в сетке несколько особей, стадо не пугается и не уходит от мест кормежки, располагаясь на дневку не далее 300 м от сетей. Напуганный кабан становится осторожным и, дойдя до сетей, поворачивает обратно или бежит вдоль них. Лишь очень испуганные особи попадают в эту ловушку. При подходе человека пойманный в сеть кабан нередко бросается на него и пытается ударить клыком или схватить зубами.

Попытка ловить кабанов живыми с помощью петель окончилась неудачно: звери, попавшие в петли, гибли от внезапного удушья, даже если их тут же вытаскивали дежурившие возле троп звероловы (Чичикин, 1968). Поймать кабана в массивный капкан можно, но чаще молодого; взрослое животное, искалечив ногу, нередко уходит из стальной ловушки.

ДРУГИЕ КОПЫТНЫЕ ЗВЕРИ. Попавшая в сеть самка *сайгака* чаще просовывает в крупную ячею голову, а самец—рога. При этом сеть натягивается, и ноги зверя оказываются в ячейках нижнего края сетки, лежащего на земле. Верхний край, висящий на гвоздях, вбитых в колья, первые мгновения еще висит, а затем, когда сайгак вошел, падает и закрывает зверя, который оказывается как бы в мешке. Если нижний край сетки короток и сайгак на него не наступает, то часто он проскакивает под сетью [67]. Звери, отпугнутые от места прорыва в сети появившимися из засады загонщиками, поворачивают и идут вдоль нее. Запутавшись в сети, они начинают сильно биться, но если их извлечь и связать, завязав при этом глаза, или поместить в темные клетки, они затихнут. Оставлять бьющихся зверей в сети нельзя, так как в дальнейшем они погибают от «запала». Смерть происходит через 30—40 мин после поимки или через 2—3 дня.

Использование сетевых коралей высотой 180—200 см из капроновой нити толщиной 3 мм и с размером ячеи 30×30 см показало, что мигрирующие *северные олени* не пугались их, шли спокойно по тропе, не реагируя на параллельно стоящие в 30—

50 м сети. Но, дойдя до пересечения сети с тропой, чаще всего они останавливались и не шли дальше. При опасности звери уходили обратно, строго придерживаясь тропы. Загнать их снова группе ловцов не удавалось даже с помощью выстрелов. Шарахаясь от стоящих на пути людей, олени попадали в стенки кораля и запутывались в ней. Когда поставили кораль по кустам за речкой, олени вели себя спокойнее и пытались вернуться, когда некоторые особи попадали в сеть; если по речке курсировала моторная лодка, звери не стремились переплыть обратно [49].

Северный олень, угодив в капкан, бежит в самую чащу и на бегу старается изо всех сил ударить им по толстому дереву, колодине или камню. Иногда зверю удается сбить капкан, но при этом он нередко лишается и конца ноги.

В 1969 г. была предпринята попытка отлавливать с помощью огромной деревянной ловушки выпущенных в Черкасской обл. *пятнистых оленей*. Оказавшись в ней, животные с разбегу бросались на ограду, с силой ударившись о нее, падали и вновь повторяли свои попытки пробить препятствие. Некоторые оставались лежать тут же, под оградой, совершенно обессилев [19]. Оставшиеся на свободе стали бояться заходить в ловушку, хотя и подходили к ней близко. Иногда какой-либо самец отваживался войти в ворота, схватить початок кукурузы и быстро выскочить обратно к стаду. В Приморье пойманные в ловушку самцы пятнистого оленя вели себя агрессивно в отношении собратьев: один из крупных зверей искалечил 10 особей. Поднятый в сетке на воздух для погрузки олень начинает реветь и бросаться, но как только ему завязывают глаза, затихает.

Горал, попав в ловчую сеть, начинает сильно биться, поэтому при отлове его стараются быстро перетянуть с камней на мягкий грунт. Выяснилось, что горалы лучше попадают в сети зеленого цвета. *Изюбр*, попадая в ловчую яму, часто ломает панты. Случалось, что эти звери простаивали в ямах по 12 и более дней и оставались живы.

Попытка ловить *снежных баранов* тенетами кончилась неудачно: направляемые вертолетом животные, приблизившись к сети вплотную, прошли вдоль нее, повторив все изгибы, и ни одно из них не запуталось.

ОНДАТРА. Она не боится запаха железа, и капкан на нее не прикрывают, особенно в начале промысла, а позже для маскировки ставят в воду. Попав в капкан, ондатра обычно ныряет и пытается уйти под водой. Если цепочка прикреплена к колышку на дне водоема, она мешает вынырнуть на поверхность, и зверек тонет. Когда же цепочка закреплена на суше, животное остается живым до прихода охотника. Ондатра подолгу бьется, пытаясь освободиться, и подчас уходит, оставив в капкане лапку. Если она не вырвалась из капкана в первые минуты, то не вырвется из него и в последующие часы, так как ногу зверек ломает чаще при бурном сопротивлении, а оно бывает вначале. Зверек ломает кость чаще, когда дуги капкана сжимают ногу не вдоль, а поперек

туловища. Кость ломается всегда в самом слабом месте — чуть повыше кисти. Обычно железные дуги схватывают конечность зверька выше локтевого сустава. но постепенно ондатра с усилиями вытягивает из них лапу до кисти. Если у капкана сильные пружины, дуги прочно держат зверька, и ниже их нога опухает, что еще более затрудняет побег.

При установке капканов зимой в хатках при трехразовом осмотре за день уход зверьков из них составляет 8—10%, а при одноразовом превышает 50%. В первом случае большинство зверьков остаются живыми. При отлове ондатр на шкурку предпочтительнее использовать самоловы с тугими пружинами (из них уходит только 3% зверьков). Для отлова зверьков живьем капкан малопригоден: несмотря на предосторожности (обматывание дуг тряпками и т. д.), многие из них повреждают конечности.

С приближением охотника ондатра пытается спрятаться. Зимой обычно ведет себя агрессивно — кидается на человека, а также на собаку, кусает ее в нос, лапы.

Часто зверь закапывает капкан в стенку норы или хатки вместе с защемленной задней лапой. Зафиксировано 11 случаев, когда ондатры замуровывали нерассторожениые капканы, всегда тарелочкой к стенке. Непонятно, как они приспосабливались это делать: и держать капкан, и замазывать (Корсаков, 1959).

У ондатры существует агрессивное отношение к особям, своего же вида, попавшим в капканы. На Балхаше ежегодно охотники вынуждены выкидывать около 30 тыс. пойманных зверьков из-за непорченных другими ондатрами шкурок; в среднем повреждается 7% всей добычи. Каннибализм чаще проявляется при высокой численности зверьков и у мигрирующих особей. Если две ондатры, попавшие в капкан, могут дотянуться друг до друга, затевается драка. Интересно, что нападению подвергаются не все особи, и иногда наблюдается обратная картина: рядом с пойманной, прижавшись к ней, мирно сидит другой зверек.

Попав на крючок в «крючковый самолов», который ставится под водой, ондатра, истратив запас воздуха, погибает. Видимо, это происходит очень быстро, так как самолов обладает стопроцентной уловистостью. Лишь отдельные зверьки, выбравшись на лед, имеют шанс вырваться. Вид мертвого сородича не только не отпугивает ондатру, но, видимо, даже привлекает: в один самолов попадает до 9 зверьков.

Ондатра часто идет в деревянную живоловушку и без приманки, особенно если та установлена на хатке. Зверьки подплывают к расставленным западням. осматривают их, забираются внутрь и оказываются пойманными. Возможно, зверька привлекает подобие норы. Для ловушки из проволоки приманка нужна. Ондатра охотнее идет туда, где есть запах ее сородичей (запах мускусных желез). В ненастную погоду до ледостава этот зверь малоактивен и плохо идет в самоловы.

Если зимой в хатку ондатры через проделанное в стенке отверстие внести ловушку, зверьки часто пытаются забить вход, а иногда и всю ловушку строительным материалом. Зимой ондатра

инстинктивно изолирует любой предмет в жилище, от которого идет холод: нередко укрывает и поставленный открыто капкан.

Иногда животные залезают на ловушку и ходят по ней. Если насторожка не срабатывает, ондатра может использовать ловушку в качестве кормушки или даже устраивает в ней гнездо.

Она натаскивает через сетку в живоловушку растений для подстилки. Особенно часто это наблюдается, когда ловушка стоит на мокром месте, однако зверек делает так и на суше, если сверху ловушка прикрыта травой или камышом. Попавшая в живоловушку ондатра, стараясь освободиться, скребет, рвет сетку, а при долгом сидении может прогрызть стенку и уйти.

В темноте пойманная в живоловушку ондатра с приближением к ней лодки на 20 м начинает скрестись, а увидев приближающегося человека, начинает метаться. Отдельные особи при этом погибают, перебивая переносицу о проволоку. Если опустить ловушку в воду, зверек ведет себя спокойнее, перестает биться.

Во время гона ондатра подплывает ко всем встречным собратьям. Зверек, попавший в ловушку на кормовой площадке, служит приманкой для других особей,— это обстоятельство используется охотниками. При отлове ондатры весной и осенью бывали случаи, когда в одну ловушку попадало по 2—3 зверька, летом отлов менее эффективен. Когда в ловушке оказывается несколько ондатр, они сидят спокойно, но с приближением человека затевают драку (встают на задние ноги, наскакивают друг на друга) и хотя внешне это выглядит довольно безобидно, но в действительности наносят друг другу ранения. Когда зверькам приходится сидеть в ловушке продолжительное время, обычно находится среди них один наиболее агрессивный. Он встает на задние лапы и наблюдает за остальными, которые сидят, сжавшись в комочек, и, как только какой-либо из зверьков пошевелится, накидывается на него и кусает.

Чтобы ондатра самостоятельно перешла в транспортную клетку, ловушку надо повернуть боком или вверх дном, а затем прикрыть тряпкой ту часть, что примыкает к клетке: зверек охотно прячется в темноту (ондатра плохо переносит прямые солнечные лучи и, пробыв под ними около часа, погибает). При ветреной погоде животные, особенно молодые, часто гибнут от сквозняков.

Опыт показывает, что, попав в вершу, ондатра редко прогрызает ее (но легко делает это снаружи). Пытаясь найти выход, она часто забивается в углы между основанием детыша и цилиндром. Если делать внутри морды помост, зверек взбирается на него, но через 2—3 ч, главным образом ночью, все равно погибает. При попадании в вершу, конец которой приподнят над водой (что дает возможность зверьку дышать), ондатра зачастую съедает рыбу, попавшую в ловушку. При попадании в рыбацкие сети ондатра может погибнуть. Большинство взрослых особей, запутавшись в сети или попав в фитиль, прогрызают нити и уходят невредимыми, но некоторые задыхаются, иногда в последний момент («на последней нити»). Взрослые особи гибнут обычно только в сетях из толстой суровой нити, молодняк же осенью задыхается в обык-

новенных сетях. Был случай, когда ондатра, пойманная рыбацким сачком, успела прогрызть его и уйти раньше, чем ее втащили в лодку.

БОБР. Этот зверь осторожно относится к капкану на суше и совсем не боится его в воде. Бобры обычно обходят плохо замаскированные капканы, а если попадаются в них, то только после пороши. Попав в капкан, бобр, вырываясь, часто бьется всю ночь, ломает резцы. Гораздо чаще он вырывается из капкана, если тот поставлен не в воде, а на суше или мелководье, где у зверя есть опора. Зверь, попавший в капкан в глубокой воде, погибает в течение 15 мин, а особи, открывающие от испуга рот в момент попадания, гибнут еще быстрее.

В Чувашии при отлове капканами 285 бобров вырвалось 39. Зверь, попавший в капкан передней лапой, гораздо чаще ломает ее, чем угодивший в ловушку задней лапой. При попадании бобров в капканы сразу двумя или тремя лапами уходов зверей не бывает. Нередко бобр, пойманный в капкан живым в воде, переохладившись, заболевает от простуды.

Вырвавшиеся из капканов звери в ряде случаев уходили из поселений или погибали.

К различным живоловушкам бобры относятся очень подозрительно и обходят их или чаще перестают посещать место, где они стоят. Но иногда все же удается поймать бобра ловушкой. Чем она больше (приемлемые размеры: длина 2 м, ширина и высота по 1 м), тем меньше зверь опасается ее и тем охотнее в нее заходит. Тропу или вылаз, где поставлена ловушка, бобры первое время не посещают и только со временем, привыкнув к новому предмету, перестают обращать на него внимание (на это требуется 2—3 мес). Если ловушку даже незначительно передвинуть, бобры снова начинают относиться к ней подозрительно (Лавров, 1948). Некоторые особи после поимки бьются в ловушке и ранят себе носы.

При отлове на норах бобры ведут себя по-разному. Некоторые буйствуют, грызут свои хвосты, лапы и все, что попадается в зубы, в том числе и железо, могут бросаться на человека и даже гоняться за ним. Другие, убедившись, что путь к бегству отрезан, чувствуют себя угнетенно: лежат, не обращая внимания на человека и на все вокруг происходящее. При кольцевании даже прокол уха не вызывает у них почти никакой реакции.

Наткнувшись на сеть, уплывающий из норы бобр пытается ее прорвать или возвращается в нору. Напуганный зверь может сидеть под водой до 15 мин. Бобр, выскочивший из норы и попавший в сачок, сильно бьется и прыгает, а если его оставить там, быстро перегрызает шпагат, пытается убежать. Иногда успевает прогрызть веревочный сачок раньше, чем его донесут до клетки. При попытках использовать для отлова бобров рыбацкий невод было замечено, что звери часто подходили к сети, ударялись в нее, прорывали или прогрызали дель. При использовании двухрядной снасти (крупноячеистой и мелкоячеистой сеток) бобры запутывались в ней — такая сеть применялась для отлова зверей живьем.

Накрытый сверху мешковиной, бобр затихает и ведет себя более спокойно, а посаженный в мешок даже в агрессивном состоянии, быстро успокаивается. Отловленные взрослые бобры при передержке ведут себя менее возбужденно, если вместе с ними посадить и молодых бобрят, отловленных в той же норе.

НУТРИЯ. Зверьки этого вида, особенно молодые, не отличаются осторожностью и спокойно относятся к посторонним предметам, в том числе и к ловушкам, поэтому последние не маскируют. Однако встречаются особи, которые плохо идут в ящичные ловушки. В местах регулярной подкормки нутрий отлавливают очень легко — местом отлова служат сами подкормочные плотики и столики. В живоловушке зверь ведет себя спокойно. Если сидят несколько зверьков, они не ссорятся, даже если это одни самцы. Не возникает драки и при подходе к ловушке человека, что наблюдается у ондатры. Попадаемость нутрий в ловушки зависит от температуры воздуха. При температуре почью выше +4°С один ловец отлавливал за ночь в Англии 4—5 зверьков, при температуре — 3°С добыл лишь 2—3 особи. Наблюдая активность нутрий в клетках, можно прогнозировать их попадаемость в ловушки. Нутрия, заплывая в коту (закавказскую ловушку для рыбы в форме забора, сооруженную из стеблей тростника и легких жердей), прогрызает в ней отверстие, но попав в затопленную коту или вентерь, задыхается прежде чем успеет прогрызть отверстие.

Попавшая в капкан нутрия, громко и продолжительно вскрикнув, бросается в воду. Этот крик несколько отличается от издаваемого во время драк. На суше после бесплодных попыток освободиться из капкана она затихает и лишь изредка издает глухой крик, напоминающий стон. Если проволока, которой прикреплен капкан, слишком длинна, то в попытках освободиться зверек нередко гибнет. При вскрытии у него обнаруживают отек легких. При отлове капканами нутрии часто калечатся. Из пойманных опытным звероловом в январе 1949 г. на оз. Искит (Абхазия) 33 зверьков у 10 из них были поломаны ноги. Иногда охотник, находясь всего в 150—200 м от капкана, не успевал извлечь зверька до того, как он сломает лапу или утопет (Павлов, 1951). Исследования, проведенные в штате Мэриленд (США), показали, что пойманная капканом и выпущенная на волю нутрия с травмированной конечностью во всех случаях росла медленнее, чем зверьки, пойманные живоловушками.

ВОДЯНАЯ КРЫСА. Весной в половодье она легко идет в незамаскированные капканы и кротоловки увеличенного размера. Осенью же нередки случаи, когда зверек обходит капкан, стоящий на тропе, и так же поступают другие крысы, проходящие по этой тропинке. При отлове водяной крысы на тарелочку капкана намазывают размоченный мякиш хлеба, и до появления травы зверьки хорошо идут на эту приманку, обычно попадая в капкан головой. Попавшая в капкан крыса иногда кричит. Собратья, привлеченные криком, прибегают и нередко искусывают ее, особенно если пострадавшая оказывается самцом. Попав в капканчик, по-

ставленный на плотике, зверек, стараясь освободиться, сбрасывает его в воду и тонет вместе с ним. В капкане «пыжкает» на человека, т. е. пытается пугать.

При использовании в качестве направителей плуговых борозд в один ловчий цилиндр за сутки (особенно в дождливую и ветреную погоду) попадает до 8—12 и даже 15 водяных крыс. В периоды вспышек численности между особями, попавшими в ловчие цилиндры, происходят жестокие драки, в результате чего охотник нередко находит в ловушке лишь одного живого зверька, взгромоздившегося на трупы своих сородичей. Полагают, что победителем оказывается обычно водяная крыса, попавшая в ловушку первой. Во время половодья в качестве ловушки на водяную крысу используют специальную яму, на дно которой стелют солому или сено. Голодные, прозябшие зверьки в поисках убежища забираются в яму и прячутся в подстилке, где их находят ловцы. Иногда водяные крысы выгрызают у пойманной в капкан ондатры отдельные участки в области хвоста, ног, на голове.

БЕЛКИ. Попав в опадную живоловушку, белка не пытается из нее выбраться, пока не съест все имеющиеся в ней орехи. Начинает она грызть там, где пробивается свет, обычно прогрызает дырки в местах зазора между доской-основанием и накрывающим корытом, а иногда в том месте, где был слабый сучок. При отсутствии щелей грызет там, где дерево мягче, поражено гнилью. За ночь может прогрызть доску толщиной 3—4 см. Обычно грызет в том месте, где грызла предыдущая белка, побывавшая в ловушке. В новой ловушке из плотного дерева белки вначале не делают погрызов. В годы миграций эти зверьки реже гибнут в живоловушках, чаще прогрызают их и убегают. В периоды стабилизации численности при отсутствии массовых миграций число погрызов было невелико, белки вели себя в ловушках вяло, не грызли стенки и зачастую погибали (Козлов, 1978).

При подходе человека белка в ловушке затаивается. Когда накрывшее ее корыто приподнимают и просовывают сачок, движений зверька не видно. При извлечении белок из ловушек у них может возникнуть обморочное состояние, нередко кончающееся смертью. При отлове 23 белок, живших в просторном вольере, 5 из них погибли в момент извлечения из ловушек. Кроме того, некоторые белки погибают в ловушках через несколько дней после поимки. Это явление называют «ловушечным шоком». Последний наблюдается и у серых белок. При этом состоянии отмечена потеря мышечной координации, гипогликемия, лейкопения, уменьшение глюкокортикоидов. Иногда введение глюкозы способствует выходу из шока. Предполагалось, что ловушечный шок вызывается холодом и голодом. Однако специально поставленные эксперименты не подтвердили этого [128]. Смертность в результате шока при отлове живоловушками у серых белок выше среди особей, занимающих в системе соподчинения наиболее низкие ступени. В сравнении с белкой обыкновенной летяга в ловушке ведет себя значительно спокойнее.

Анализ 937 случаев отлова белок 120 ящичными ловушками в течение четырех лет (1977—1980) на 5-километровом постоянном маршруте в угодьях Сихотэ-Алиня показал, что зверьки ловились значительно хуже в ненастные дни. Максимальные уловы наблюдались после ненастья. Количество белок, пойманных в ясные дни, было меньше (Куликов, 1983). Замечено, что белка лучше ловится в местах, чем-то отличающихся от основного фона древостоя: на мысах и перемычках, на опушках. Живоловушки с приманкой охотно посещает, если они стоят у толстых хвойных деревьев с густой кроной. В свежесрубленные ловушки зверек идет менее охотно, чем в старые. В годы миграций белки лучше ловились вдоль речек, по опушкам, вдоль полей, а в годы, когда не было миграций, в сплошных лесных массивах. Во время беременности и после рождения бельчат самки очень осторожны. Беременные и кормящие самки редко идут в самоловы.

Очень редко в одну плашку попадают сразу две белки. Набросить с помощью палки волосяную петлю на зверька удается не всегда: он ведет себя беспокойно и вертится, отбивается от петли передними лапками, перескакивает с места на место. В петлю лишь тогда белка попадает, когда последнюю удается набросить на шею сзади и быстро дернуть, чтобы опрокинуть зверька навзничь. Петельку, наброшенную спереди, она успевает снять быстрее, чем ловец задернуть ее. Если сбросить белку в петле на землю, то она, воспользовавшись случаем, перекусит петлю зубами.

БУРУНДУК. Этот зверек иногда попадает в живоловушки, предназначенные для белки. Уже по запаху можно различить, какой зверек пойман (бурундук пахнет сильнее). В живоловушке бурундука часто обнаруживают в обморочном состоянии, но, будучи вынутым, он приходит в себя. Сравнение интенсивности отлова 2107 бурундуков ящичными ловушками в течение 4 лет показало, что их реакция на ловушки не подвергалась влиянию погоды. Эти зверьки одинаково хорошо ловились и в ненастье, и в погожие дни.

Бурундука ловят петелькой на палке, подзывая звуком манка или загоняя на дерево с помощью собаки. При поднесении петли зверек иногда несколько отбегает, но недалеко. Быстрые движения временами сменяются полной неподвижностью, бурундук как бы замирает на месте, при этом иногда стоя на задних лапках. Данный момент наиболее благоприятен для надевания петли. Когда зверек слишком суетлив, неподвижному человеку достаточно дрогнуть плечом, как тот припадает на месте. Когда петлю подносят без резких движений и зигзагами, как бы играя концом древка, бурундук смотрит на него и не обращает внимания на человека. В петле кричит, цепляется за ветку, болтаясь в воздухе, молча растопыривает лапы. В руках человека агрессивен, стремится укусить. Когда снимут петлю, зверек снова кричит и сопротивляется.

СУРКИ. Среди сурков, возможно, имеются видовые отличия по отношению к капканам. Считается, что тарбаган их меньше опасается. Был случай, когда он, пойманный за конец лапы, оборвал ее и ушел, но на следующий день снова попал в капкан. Отдельные сурки-байбаки, если капкан поставлен в их нору, мо-

гут отсиживаться в ней, не появляясь наружу до 10 дней, хотя чаще всего в капканы, поставленные на бутаны и в норы, байбак ловится наиболее успешно на второй день (Машкин, 1984).

Реакция разных байбаков на капкан, установленный возле норы, различна. Наряду с особями, быстро попадающими в незамаскированную ловушку, есть и чрезвычайно осторожные зверьки, ухитряющиеся отодвинуть каким-то образом капкан, не расстороживв его, в сторону или убрать с него маскирующую землю. Некоторые промысловики считают, что при этом сурок «сдувает» землю, однако это маловероятно. Зверек чувствует даже тщательно замаскированный капкан. Нередко он его рассторажнвает, а иногда нору, в которой поставлен капкан, забивает землей. Бывает, что сурок, заметив у норы капкан, не идет через этот ход, а проделывает другой, побочный отнорок.

При отлове крупной партии алтайских сурков выяснилось, что звери разного возраста ведут себя в капкане по-разному. Особи прошлого и настоящего года рождения (возраст соответственно 16 и 4 мес) грызут все подряд: полотно капкана, собственную ногу, закрайки норы (нора бывает забита землей); старые более спокойны: забиваются в нору и ничего не грызут.

При наличии солнца сурок, попавший в капкан, быстро погибает. Значительно дольше живет в нем, если укроется от солнечных лучей в нору, куда и стремится при первой возможности. Поэтому к цепочке капкана привязывают за середину палку, которая становится поперек отверстия и задерживает зверька поблизости от входа. При попытке вытащить зверька тот упирается спиной и ногами в стенки норы и так сильно, что нередко попытка кончается тем, что у сурка отрывается нога. Если перестать зверька вытягивать, он тут же устремляется вглубь, теряет при этом опору, и это позволяет рывком вытянуть его наружу. Более 80% попавших в капканы сурков ломают ноги, но не откручивают их.

При извлечении с капканом из норы зверьки ведут себя поразному. Некоторые (менее четверти) кричат, другие пассивны, лишь настороженно смотрят в глаза охотнику, третьи пытаются сопротивляться, особенно старые самки. Был случай, когда пойманный сурок при виде занесенной над ним палки закрыл лапой голову, как это сделал бы человек в подобной ситуации (Машкин, 1982). Визг пойманного зверька хорошо слышат сородичи, находящиеся по соседству, и 1—3 дня не идут в капкан. В отдельных случаях сурка, попавшего в капкан и залезшего с ним в нору, кусают другие сурки, находящиеся там. Некоторые зверьки попадают в капкан не лапой, а головой, когда сгребают ею и уминают мокрую почву, укрепляя вход в нору после дождя.

Ловля тарбаганов петлями в норах, практикуемая в Монголии, малодобычлива, поскольку эти зверьки, заметив удавку, подолгу отсиживаются в норе или сбивают петлю. Выходя из норы, сурок попадает в петлю головой, затем цепляется за нижнюю ее часть ногами, а потом старается уйти в нору и засыпать себя землей. Сильно упираясь ногами в земляные стенки, зверек затягивает

удавку на шее и погибает. Сильная особь нередко обрывает петлю или перекусывает ее. Тарбаганы, зараженные чумой, легче попадают в петлю, чем здоровые.

Живоловушек сурки опасаются. Ловушка, поставленная у норы байбаков, вызвала у них резко усиление осторожности: выходили лишь молодые особи и чаще не вместе, а поодиночке, а взрослые не решались появиться на поверхности земли в течение 5 сут. Некоторые сурки, например тарбаганы, необыкновенно быстро прогрызают ловушки, сделанные из самых толстых досок.

СУСЛИКИ. Всякий новый предмет, в том числе и ловушка, поставленная недалеко от норы, вызывает у сусликов повышенное внимание. Зверек способен длительное время всматриваться в неизвестный объект, но приближаться к нему слишком близко опасается. Незамаскированный капкан возле норы иногда он забрасывает землей. Попав в капкан ногой, суслик уходит с ним в нору и остается живым до прихода ловца.

Вылезая из норы и затянув петлю на шее, суслик быстро поворачивается и спешит скрыться обратно. Чем больше усилий, тем сильнее затягивается петля. Если поводок ее короток и зверек не имеет возможности развернуться, он пятится задом в нору, срывает петлю через голову и благополучно уходит. Рыжеватый суслик в волосяной петле гибнет редко, проволочные удавки он быстро откручивает, от капроновой петельки иногда освобождается, покатавшись по земле. Снимают сусликн петлю и лапками, сев в позу «столбиком», но это свойственно лишь отдельным особям.

На суслика-песчаника капканы маскируют, но не слишком тщательно. Наиболее осторожны зверьки к капкану в начале промысла. Увидев человека, суслик сначала затаивается, а потом начинает усиленно биться и в результате нередко уходит в нору, освободив или оторвав себе лапу. Песчаник легче попадает в петлю при выходе из норы, при возвращении же в нее он более осторожен и часто проходит через нее невредимым. При отлове песчаника у норы, расположенной в сотнях метров от других нор, нередко в капкан попадало до 10 самцов. Во время гона пойманную самку не вынимают из капкана, а ставят вокруг нее дополнительные ловушки, в которые попадают самцы, привлеченные самкой, несмотря на ее бедственное состояние.

Существуют видовые отличия в поведении сусликов, пойманных капканами. Например, малый суслик ведет себя весьма агрессивно, тогда как горный суслик (Citellus musicus) в противоположность ему позволяет человеку взять себя в руки, не пытаясь при этом кусаться и вырываться (Бакеев, 1983). Малые сусликн могут оставаться без пищи 10—18 дней. Молодые особи гибнут раньше.

ХОМЯК. Почти всегда он ухитряется сдернуть петлю через голову. Этому способствуют широкие плечи зверька, короткая, толстая шея и маленькая голова. Попав ногой в капкан, хомяк после неудачных попыток освободиться от него и после неудержимой вспышки злобы, присущей этому животному, забивается в нору, забрасывает себя землей и сидит в норе до прихода ловца.

В самолове ведет себя агрессивно и зачастую бросается на человека или собаку.

При попадании в капкан хомяк взвизгивает. На его крик из нор выбегают другие зверьки, даже если это произошло днем. При легком постегивании прутиком хомяк также кричит. Используя этот прием и расставив предварительно капканы у соседних нор, охотник добывает больше зверьков.

Хомяков, пойманных капканами, часто изгрызают другие хомяки. Первый попавший зверек обычно съедается остальными. На второй и третий день это явление у той же норы может повториться. Хомячат, попавших в капканчики, поставленные около норы, другие молодые и мать всякий раз затаскивают обратно в нору и тоже съедают. Хомяки обычно попадают в капкан только ночью, поскольку у них ярко выражена ночная активность. В один и тот же капкан, установленный в норе, удается ловить поочередно до 3 зверьков.

ДРУГИЕ ГРЫЗУНЫ. Пуглива, любопытна, крайне неосторожна *соня-полчок*. Зверек идет в любые ловушки, поэтому их не маскируют. Попав в живоловушку, он засыпает там, не пытаясь выбраться или прогрызть прутья. Для отлова сони-полчка развешивают дуплянки, куда зверьки забираются по нескольку на дневной отдых. Обходя ловушки, человек дергает за ниточки, закрывает дверки ловушек — и все находящиеся там зверьки пойманы. Чем выше на дереве установлена дуплянка, тем больше шансов, что в нее заберутся на ночлег сони. В условиях неволи даже при наличии нескольких убежищ сони всех видов проявляют стремление к скучиванию, набиваясь в один домик так, что закрыть верхнюю крышку становится невозможным.

При изъятии из ловушки соня-полчок сильно кусается, и чем энергичнее попытки освободить руку, тем сильнее зверек сдавливает челюсти. При этом он ворчит, зажмурив глаза, и нервно подергивает хвостом. *Лесная соня* тоже пытается укусить, но это ей удается реже. При отлове она верещит и пищит, шерсть на хвосте становится торчком, зверек принимает угрожающую позу: прижимает передние лапки с разведенными кистями к щекам. *Садовая соня* (Eliomys quercinus) менее агрессивна, но попытки укусить тоже делает. *Орешниковые сони* (Muscardinus avellanarius) не кусаются. При вынимании из ловушки ловкая лесная соня мгновенно выскакивает через образовавшееся отверстие, иногда по руке ловца [3].

На *серых крыс* капканы не маскируют, однако при отлове пасюков у нор маскировка их необходима. Практика дератизационных работ показывает, что ловушки, испачканные кровью серых крыс, их собратьев не отпугивают. Попытки отлавливать пасюка капканами в Кубанских плавнях, где он изобилует, всегда кончались неудачей, так как 80% пойманных зверьков бывали изуродованы сородичами. Серая крыса в этом регионе, попав в капкан, часто и подолгу кричит. Когда приближающийся человек шевелит камыш, грызун начинает кричать еще сильнее. Выявлено, что при

ловле серых крыс в первую очередь отлавливаются особи, занимающие подчиненное положение на иерархической лестнице, отличающиеся высокой эмоциональностью. Крысы-пасюки, ловившиеся по нескольку в крупные ловушки для нутрий, вели себя мирно.

Большой тушканчик, попав в капкан, почти всегда ломает себе ноги (нередко в ловушке остается лишь оторванная лапка). Часто тушканчики попадают в капканы без приманки, расставленные в ямах. Попадают в них преимущественно головой, возможно, в ямках скапливаются задуваемые ветром семена растений. Большой тушканчик, залезая в нору и чувствуя раковинами ушей петлю, нередко поворачивает обратно. Если же петля начинает затягиваться, зверек сильным толчком назад легко срывает ее с головы. В том случае, если она все же затянулась, зверек, стараясь освободиться, прыгает и бьется, при этом часто ломает позвоночник.

Отношение разных видов тушканчиков к давилкам Геро неодинаково. Лучше всего в них ловятся прыгун и мохноногий тушканчик. Тушканчики малый, тарбаган, толстохвостый и Лихтенштейна этих ловушек избегают. Большой тушканчик и емуранчик в давилки попадают сравнительно редко. Мохноногий тушканчик в живоловушке недовольно урчит, резко бьет длинными ступнями, так что иногда ломает лапки [97].

Гигантский слепыш (Spalax giganteus) — молчаливый зверек, но, попав в капкан, он издает характерные звуки, что-то среднее между фырканьем и хрюканьем. В течение ночи зверек прогрызает в неструганном ящике дощатую стенку любой толщины.

Дикобраз, будучи пойманным, грызет ловушку изнутри, мощными резцами отдирая жесть, которой обычно забивают образовавшиеся дырки, и расширяет отверстие.

Капкан для ловли *песчанок* маскируют песком или сухим конским навозом. Ловушки на мышевидных грызунов не маскируют. Частота попаданий этих животных в ловушки в разные периоды суток отражает циркадные пики и спады их двигательной активности. Существуют видовые особенности реагирования этих грызунов на ловушку. При одинаковой численности *красные полевки* (Clethrionomys rutilus) ловятся интенсивнее *красносерых* (C. rufocanus) и *рыжих*. Взрослые, половозрелые особи ловятся интенсивнее неполовозрелых. Как ни странно, при высокой плотности полевок вероятность их отлова снижается по сравнению с таковой при низкой плотности. Эту особенность можно объяснить снижением активности зверьков при их обилии (Лукьянов, 1983).

Попадая в сетчатые живоловушки и ловчие цилиндры, мышевидные грызуны часто погибают даже в теплое время. Смертность в живоловушках выше у зверьков, пойманных в первый раз, чем у особей, попадавших в живоловушку неоднократно. Среди первых много мигрантов, а они, возможно, менее устойчивы к воздействию неблагоприятных условий. Существуют сезонные особенности гибели зверьков в живоловушках. Обычно наиболее высокая смертность наблюдается зимой, а самая низкая весной. Имеется

связь и с динамикой численности: в период ее нарастания смертность ниже, а в период снижения выше. В этом можно видеть подтверждение гипотезы о психофизиологическом стрессе, наступающем при пике и спаде численности мелких млекопитающих.

Не все виды обладают одинаковой жизненной стойкостью, пребывая в ловушке. Значительный отход наблюдается среди *лесных* и *желтогорлых мышей*, а также рыжих полевок. При равных условиях желтогорлая мышь гибнет в меньшей степени, чем лесная, что, вероятно, связано с ее большими размерами. Рыжая лесная полевка более живуча, чем *кустарниковая*. Последняя погибает раньше других.

Мышовки серая (Sisista pseudonapaea), *рыжая* (S. napaea), *тянь-шаньская* (S. tianschanica) и *лесная* (S. betulina), попав в живоловушку, впадают в оцепенение при резком падении температуры воздуха почью и отсутствии пищи. В цилиндре зверек лежит клубочком, прижав голову и лапки к брюшку, тело его холодно и неподвижно. Но стоит зверька согреть, как он начинает расправляться, издавая слабое попискивание, а при внесении в тепло быстро оживает, становится активным. Попав в металлический цилиндр, тянь-шаньская мышовка может жить в нем сутки и более.

Реакции мелких лесных грызунов на извлечение их из ловушки можно подразделить на 4 типа: пассивную (зверек быстро перебирает лапками, стучит зубами, затем обвисает и впадает в шок); спокойную; активную (зверек вертится, громко кричит, пытается вырваться); агрессивную (зверек нападает, старается укусить).

Среди азиатских лесных мышей (Apodemus peninsulae) и рыжих полевок агрессивных особей не отмечено. По наблюдениям, у мышей преобладала активная реакция, а у рыжих полевок пассивная; среди красных полевок было отмечено 18% пассивных зверьков, 46 спокойных, 19 активных и 17% агрессивных особей; среди красно-серых полевок спокойных встречается 42%, активных 30 и агрессивных 26%, пассивных почти нет. У полевок-экономок (Microtus oeconomus) половина особей при извлечении из ловушек вели себя спокойно или активно, остальные агрессивно, пассивных не было. Особенно агрессивны среди всех видов были самки и особи-мигранты [60].

При одновременном попадании в живоловушку нескольких мелких грызунов между ними иногда возникают стычки, причем наиболее вероятны они среди самцов. Возможен каннибализм. Из *домовых мышей* в живоловушки часто попадают особи низкого иерархического ранга, спасаясь от преследования особей, занимающих доминантное положение. Красная полевка, передвигающаяся большей частью укромными местами, тянется к наживке в давилке обязательно со стороны, обеспечивающей наибольшую маскировку.

ЗАЯЦ-РУСАК. Нередко выгнанные русаки не идут прямо в тенета, а бегут вдоль них или бегают взад и вперед, пока, наконец, напуганные приближающимися загонщиками, не бросятся в ловушку. Попадая головой и лапами, они запутываются в сетях. Реакция зверька на сеть зависит от ее местоположения. Зайцы легче идут в тенета, стоящие вдоль леса или зарослей кустарников, и хуже в поставленные на открытом месте. В сеть, поставленную на дне оврага, зверек идет быстро и легко в ней запутывается. При подъеме в гору, увидев впереди стоящие тенета, он обычно по-

ворачивает под уклон и, почти не реагируя на людей, прорывается сквозь сеть загонщиков.

Сеть высотой 80 см русак перепрыгивает редко. При отлове зайцев в Кагарлыкском р-не Киевской обл. из 995 поднятых зверьков поймано было 47,6%, ушло через тенета 5,6% и прорвалось через загон 46,8% (Львов, 1963). При отлове зайцев с помощью сетки нижнюю ее сторону загибают внутрь оклада (достаточно небольшой щели между сетью и поверхностью земли, чтобы русак воспользовался ею и выскочил). Заяц пугается тенет больше, когда они колышутся от ветра, поэтому лов сетями стараются вести в безветренную погоду. При освобождении из сети зверек часто поднимает крик, услышав который, другие зайцы поворачивают от тенет и прорываются сквозь линию загонщиков (обычно ловец старается сжать заячью морду рукой или сунуть ему в рот какой-нибудь прут). Попавший в сеть русак, если его тут же не извлечь, быстро перегрызает нитки. Держать долго зайца в мешке тоже нельзя, так как он быстро прогрызает ткань и уходит.

Встретив на тропе ящичную проходную ловушку, русак обходит ее сбоку. Попав в капкан, он может передвигаться с ним. Зафиксирован случай, когда в деревенском сарае был обнаружен заяц с капканом на ноге, капкан был поставлен в 2 км от деревни и, чтобы забраться в сарай, зверю пришлось с железной ловушкой на ноге пройти половину деревни. По стечению обстоятельств сарай принадлежал охотнику, поставившему капкан.

Лучшим местом для установки самолова считается то место тропы, где заяц входит с открытого места в лес, так как внутри леса зверек ведет себя намного осторожнее, чем при входе в него.

ЗАЯЦ-БЕЛЯК. При ловле зайцев капкан маскируют, но запаха железа эти зверьки мало опасаются. Известен случай, когда беляк сел на капкан — и он захлопнулся, прихватив зверька только за шерсть. Тот пробежал с ловушкой несколько метров, освободился от нее и как ни в чем не бывало отправился кормиться к стогу за 6 м от этого места.

Беляк, угодив ногой в капкан, если тот привязан накрепко, сильно бьется и кричит. Этим пользуются для привлечения соболей к прикормке, ставя капкан на зайца возле привады на соболя. Попав в капкан, беляк стремится уйти с ним в кусты, а с приближением человека пытается убежать, а если скрыться нельзя, на глазах человека хватает зубами снег, травинки и жует. Когда к зверьку прикасаются, он снова начинает кричать. Если его держать, не шевеля руками, кричать перестает, но стоит зашевелить — и снова кричит.

В петли зайцы попадают чаще в темные ночи. В лунную же ночь зверек нередко замечает удавку и обходит ее — это подтверждают следы. Подойдя к петле, беляк иногда посидит, а затем большим прыжком перепрыгнет ее. В ряде случаев попадает не головой, а туловищем или даже задними ногами, когда удавка слишком велика. Попав в петлю, прикрепленную намертво, беляк сильно бьется, вырывает в снегу яму до земли и часто при этом за-

путывается в проволоке ногами. В петле с потаском уходит от опасного места и застревает в кустах, где затихает и не причиняет себе травм. При освобождении от петли нередко яростно вырывается.

Пытались ловить зайцев стационарной живоловушкой, дном которой служила земля. Это удавалось, но если имелась хоть малейшая щель между опавшей дверцей и землей, заяц рыл землю и уходил. Наиболее пригодной оказалась довольно тесная живоловушка из проволоки (26×26×52 см). Зимой беляки охотно идут в такие живоловушки за приманкой; устанавливают их в специальных шалашиках, предохраняющих от заноса снегом. Особенно хорошо шли зайцы в ловушки весной после оттаивания снега. При мечении беляков в Северной Америке большинство их попадалось в ловушки из металлической сетки многократно. Иногда зайцы попадают в песцовые пасти, видимо, интересуясь мясной приманкой.

Беляк, поднятый загонщиками, очень редко запутывается в тенетах. Вскочив с лежки, он быстро проходит первую сотню шагов, а затем бег его замедляется, зверек начинает садиться, прислушиваться и к линии тенет подходит тихо. Заметив их, он или поворачивает обратно, или идет вдоль сети, обходя ее. Попав в сеть, иногда кричит и при подходе человека, и при извлечении из тенет (чаще кричат молодые особи).

КРОТ. Он часто обходит кротоловку и даже выбрасывает ее на поверхность земли. Алтайский крот более осторожен, чем европейский, и кротоловки для него тщательно дезодорируют. Нередки случаи, когда зверек, попав в ловушку, уносит ее на 3—5 м по поверхности земли. Обычно же крот в ней бывает мертвым. Крот никогда не попадает в волосяные петли, так как освобождается от нее лапами в процессе отгребания земли.

При отлове кротов цилиндрами, вкопанными в кротовые ходы, некоторые особи не идут в них и зачастую роют возле ловушки другой ход, заваливая ее землей (за месяц в 3 цилиндра попало более 10 полевок и мышей, но ни одного крота, а их было много). Как-то зверек, пойманный в ловушку живым за лапу и выпущенный в кротовый ход, в середине которого был вкопан цилиндр, быстро побежал, достигнув кромки сосуда, мгновенно остановился, подвернул голову вбок и под себя, ловко повернулся и бросился обратно (Герасимов, 1981).

Чаще кроты попадают в ловушки в ночное время (в это время отлавливается 75% особей). В период размножения ночью ловилось больше самок, а днем самцов. Наибольшая попадаемость в ловушки отмечена в теплую погоду — при температуре до 25°С, при более высокой температуре попадаемость снижается (Лисенков, 1982). Лучше крот ловится в дождливую погоду, хуже в засуху.

Крот при первой встрече со своим собратом, попавшим в капкан, обходит его, однако при проверке капканов раз в месяц все попавшие в них кроты оказывались съеденными. Попавшие в жи-

воловушку зверьки могут жестоко драться, но положенное в нее мясо предотвращает антагонизм. Если в ловушку попадают два крота, нередко в течение ночи один съедает другого целиком или частично (оставляя хвост, лапки и клочки шкурки с хребта). Освобожденный из капкана, с травмированной лапой крот набрасывается на предложенных ему червей в первые же секунды, не обращая внимания на стоящих рядом людей. Погибает он через 9—13 ч, после переваривания пищи.

ВЫХУХОЛЬ. Попавший в вентерь зверек тщательно прощупывает ячейки снасти, ищет выход и, не найдя его, пытается разорвать или разгрызть сетку и при последней попытке часто захлебывается. Погибает он чаще всего в одном и том же месте вентеря: в верхней части, там, где сходятся стенки бочки у входного жерла. Здесь выхухоль и остается, судорожно схватившись зубами и лапками за ячейки сетки. Иногда зверек гибнет, не сумев освободиться от нитки, попавшей между верхними резцами, при попытках прогрызть сеть.

Ставились опыты, при которых рыбацкие вентери оборудовали сетчатыми трубами для выхода зверьков на поверхность воды. Труба, прилаженная за входным отверстием, оказалась бесполезной: зверьки погибали, не найдя выхода, однако вскоре стали успешно выбираться через рукав, подсоединенный к концу вентеря. Если последнее кольцо сетчатой трубы было расположено над уровнем воды не выше 10 см, выхухоль благополучно перелезала через него. Если же это кольцо оказывалось на большей высоте, зверек прогрызал сетку рукава, обретая свободу. В редких случаях животное погибало (в тех, когда выходной рукав оказывался закупоренным крупной рыбой). Если размер ячеи был достаточным для пролезания в него, выхухоль также оставалась живой. Известен случай, когда в один вентерь попало сразу 12 выхухолей.

Часто выхухоль гибнет в рыболовецких сетях. Попав в медленно идущий невод или бредень, зверек успевает выйти из снасти раньше, чем задохнется, и, зайдя в следующую пору, часто отсиживается там до прохода невода. В ставные сети выхухоль попадается чаще в ту часть, что находится ближе к берегу, на расстоянии от 1,5 до 5 м от края сети. Весной же зверьки, странствующие по разливам, попадают в сети, стоящие в самых различных местах.

Выхухоль может пробыть под водой не более 6 мин, после чего захлебывается и умирает. Однако движения ее прекращаются раньше: через 180—190 с зверек уже не двигается и, замерев, сидит под водой на одном месте.

ЛАСТОНОГИЕ И КИТООБРАЗНЫЕ. Байкальская нерпа, лакомясь рыбой, попавшей в рыболовецкие сети, нередко сама попадает в них и погибает. Нерпы поедают до 2,4% рыбного улова сетями. Погибают в рыбацких неводах и такие сильные, крупные животные, как котики (нередко на лежбищах этих животных наблюдают особей, опутанных обрывками сетей). У берегов Камчатки тральщики, поднимая улов и вытряхивая рыбу, иногда обнаруживают в сетях сивуча, не успевшего выбраться; иногда в не-

вод забираются 5—6 зверей. Пойманные животные прямо с палубы прыгают в море.

Попадают в рыбацкие сети и китообразные. Установлено, что ежегодно в теплых водах Мирового океана в сети для лова тунцов попадает более 200 тыс. пелагических видов дельфинов, а в рыболовных сетях японских рыбаков погибают более 10 тыс. белокрылых морских свиней. Попадают в расставленные сети и черноморские дельфины, чаще всего морские свиньи [88]. Наблюдения за дельфинами Коммерсона (Cephalorhynchus commersoni) у берегов Патагонии показали, что они, попав в сеть, не пытаются ее перепрыгнуть; вокруг пойманной особи собираются другие дельфины и долго держатся возле.

Рыбаки Ньюфаундленда считают, что киты-горбачи повреждают до 90% рыбацких сетей, прикрепляемых на якорях и буях. В исландских водах был встречен малый полосатик длиной 7,5 м, морда которого была опутана рыбацкой сетью. Двигаясь по спирали, животное сблизилось с моторной лодкой, несколько раз подныривало под нее, пока не удалось потереться о киль и стянуть с себя сеть.

По наблюдениям поморов, в стаде белух, запертых неводом, часто находятся отдельные особи, бросающиеся с разгона в сеть и тем самым опускающие невод, благодаря чему собратья получают возможность выбраться на свободу. При отлове косаток кошельковым неводом используется акустический прибор, который, издавая звуки, отпугивает окруженных сетью животных от ее стенок и тем самым предотвращает их запутывание в ячеях снасти, а также не позволяет им сбивать сеть и уходить в море.

* * *

Реакция на капкан и живоловушку, поставленную с кормовой или пахучей приманкой, имитирующей запах корма, зависит от физиологического состояния животного. При скудной кормовой базе голодный зверь бесстрашно идет в самолов, а при обилии пищи он игнорирует наживку и не идет в западни. Доля пойманных от общего количества зверей больных, ослабленных, истощенных и мигрирующих особей значительно колеблется по годам. Не меньшее значение имеет сезонная цикличка биоритмов. В период гона все звери менее осторожно относятся к самоловам, и следы пребывания в капкане самки действуют как сильнейшая приманка. Отмечены случаи спаривания самцов с самкой, попавшей в капкан (например, у норок). Самец в капкане также привлекает, поскольку в период гона активный антагонизм особей мужского пола у большинства видов возрастает. Характер реакции зверя на ловушку в значительной степени зависит от присущего ей запаха: при наличии собственного запаха, присущего данному зверю, осторожность его резко снижается. Изменения попадаемости зверьков в разные периоды суток отражают суточную периодику двигательной активности, присущей данному виду.

В новые ловушки звери идут хуже, чем в старые, потемневшие от времени. Отчасти это может быть связано с привыканием животных к стационарному самолову. В бесснежный период звери меньше опасаются капканов, чем при выпадении снега, когда самолов контрастно выделяется на белой поверхности. Чем крупнее живоловушка, тем смелее в нее идет зверь — это относится к большинству видов. Почти все наземные животные охотнее идут в ловушку, когда она имеет вид трубы, т. е. при входе виден выход. Осторожность норных зверей к ловушке (в том числе и замаскированной), поставленной в нору, пропорциональна глубине, на которую внесена эта ловушка. Чем ближе к выходу она находится, тем скорее решаются зверьки преодолеть ее. Попадаемость некоторых видов зверьков (например, белок) в ловушки тесно связана с погодой, у других животных (бурундуков) эта зависимость не прослеживается.

Осторожность зверей различных видов к капкану неодинакова. Каждый охотник может сказать, звери какого вида из числа добываемых более или менее осмотрительны. Обобщив мнения охотников о степени осторожности различных зверей к самоловам, литературные сведения и собственный опыт, мы составили график сравнительной оценки отношения промысловых зверей к капкану (см. форзац в конце книги). Сравнивая приведенные материалы, можно видеть, что на первом месте по осторожности внутри семейства или иной систематической единицы обычно стоят самые крупные по размерам виды. Например, у хищников в семействе волчьих список возглавляют волк, лисица и шакал, а в семействе куньих — барсук. Менее осторожны наиболее мелкие зверьки. Так, у волчьих список завершает корсак, а у куньих — ласка. Возможно, это объясняется тем, что у крупных животных более сильное обоняние, чем у мелких, и они чаще обнаруживают подозрительные запахи. Могло сказаться и другое: в старину люди добывали в первую очередь крупных зверей с целью получить больше мяса и большего размера шкуры (красота меха стала цениться в более позднее время), поэтому наиболее интенсивный отбор на осторожность шел среди крупных животных. Медведи служат исключением из этого правила. Это можно объяснить тем, что медведь благодаря своим размерам и силе, как никакой другой зверь, оказывал древнему человеку сопротивление на охоте. Поэтому отбор здесь, возможно, шел в обратном направлении — выживали самые смелые особи, более трусливых убивали, к тому же медведей мало добывали самоловами.

Степень осторожности к капкану варьирует не только среди далеких в систематическом отношении видов, но и среди близких, например у тушканчиков, сусликов и, по-видимому, у сурков. Среди копытных, натыкающихся на ловчие сети, самцы чаще предпринимают попытки прорваться сквозь цепь загонщиков, чем самки, поэтому первые нередко спасаются. В капканы и петли чаще попадают молодые животные, менее осторожные.

Попадание в живоловушку не влечет за собой выработку отри-

цательного отношения к самолову, если не сопровождалось болевыми ощущениями, испугом и другими неприятными последствиями. Безнаказанное посещение ловушки способствует выработке у зверя бесстрашия к ней. При длительном пребывании в западне звери некоторых видов, например песцы, как бы приручаются. Повторное попадание в живоловушки отмечено для всех зверей семейства куньих и для всех животных семейства псовых, за исключением лисиц и волков. Трехлапые горностаи, потерявшие ноги в капканах, ловятся реже, чем трехлапые колонки.

Многие животные при попадании в капкан кричат. Встает вопрос: имеет ли этот сигнал какой-либо биологический смысл? Обычно крик привлекает особей того же вида, которые относятся к пострадавшему безразлично, а зачастую и агрессивно. Подоспевший же на крик хищник получает поживу. Таким образом, поданный сигнал обращается зачастую во вред пострадавшему. Очевидно, попадание в самолов у зверя ассоциируется с попаданием в когти хищника. В последнем случае крик бедствия может принести успех. Подоспевшие собратья или другой, более сильный хищник могут привести в замешательство или устрашить агрессора, и он выпустит жертву. Подобное явление нередко наблюдается среди птиц. Крик маленькой птахи в когтях ястреба собирает пернатых обитателей округи, что в отдельных случаях приносит ей избавление. Капкан же — объект неодушевленный, и «челюсти» его не разомкнутся даже с приближением тигра. Таким образом, можно утверждать, что данная целесообразная поведенческая реакция дикого животного в антропогенной среде теряет свой смысл и становится вредной для вида.

Поведение зверя в самолове определяется рядом факторов, например соотношением массы капкана и массы самого животного. Чем легче капкан, мельче снег и сильнее зверь, тем дальше он уходит. В годы миграций зверьки (белки, песцы, соболи и некоторые другие) при попадании в живоловушки ведут себя более энергично: активнее ищут способ выхода на свободу, больше грызут западню изнутри. На поведение зверя, попавшего в капкан, влияют особенности его экологии. Все водные животные стремятся в воду, древолазы пытаются забраться с капканом на дерево, землерои спешат в нору и т. д. Крупные грызуны быстрее хищников прогрызают деревянные стенки живоловушки. Имеются и видовые отличия, причем не только среди далеких, но и среди близких видов. Так, белый хорь ведет себя беспокойнее черного хоря, а малый суслик агрессивнее горного.

Возможны региональные и популяционные особенности поведения, например у барсуков, пойманных в ловушки. Проявляется индивидуальная изменчивость: одни особи отличаются покорностью, другие агрессивностью, которая чаще присуща взрослым, матерым зверям. Молодые зверьки меньше грызут капканы и ломают зубы. Однако среди сурков взрослые особи ведут себя в капкане спокойнее молодых. Активно вырывающиеся звери скорее погибают, чем ведущие себя уравновешенно, однако имеются ис-

ключения. Все животные, внезапно попадая в темноту, снижают двигательную активность, перестают биться и ведут себя спокойнее. Поэтому пойманному зверю на голову надевают мешок, а мелкому зверьку рукавицу или что-то подобное. Играет роль плотность материи: чем меньше через нее проникает света, тем спокойнее ведет себя животное. Сачком из брезента в зоопарках ловят даже львов. Существуют и другие приемы, снижающие буйное поведение: сдавливание корня уха у лося, опускание ловушки с ондатрой в воду и др.

Стремление к свободе является инстинктивным, оно присуще всем диким зверям и птицам. Еще И. П. Павлов отмечал, что «рефлекс свободы» есть общее свойство, общая реакция животных, один из важнейших прирожденных рефлексов. Поведение зверя, направленное на то, чтобы вырваться из ловушки, служит частным случаем проявления данного инстинкта.

Избавляются звери от капкана, срывая или разрушая его, иногда ценой потери собственной ноги и, наконец, с помощью человека. Сорвать капкан удается в том случае, если он закреплен намертво или когда зверь продирается сквозь чащобу, залезает в узкую нору и т. д. Сломать капкан могут лишь сильные звери. Крепкие зубы и мощные челюсти позволяют вырвать плохо закрепленную дугу, сломать перекаленную пружину, ставшую более хрупкой на морозе; иногда зверь получает свободу, случайно наступив на пружину свободной лапой, сдавливание пружины может произойти и в момент пролезания между деревьев. Нередко избавляются от капкана, отгрызая собственную конечность, ломая кость, повреждая кожу и сухожилия, отрывая защемленные пальцы или когти. Соболь, лисица, заяц, ондатра и другие звери чаще уходят из капкана, откручивая лапы, если попадают в него передними конечностями. У некоторых животных, например у ондатры, сурков, проявляется стремление закопать капкан, висящий на ноге, в землю или стенку норы, что не приносит им свободы.

Многие хищники, пытаясь избавиться от капкана, отгрызают собственную лапу, другие, например соболь, делают это в редких случаях, есть и такие, скажем, барсук, которые никогда не грызут свою ногу. Склонность к самопогрызам более свойственна северным животным, нежели южным. Это можно объяснить тем, что при отрицательной температуре воздуха теряется чувствительность в схваченной капканом лапе. Но ясно, что самопогрызание зависит и от видовых особенностей зверя. Например, енот-полоскун, акклиматизированный в Азербайджане (регионе с теплым климатом), безжалостно грызет свою защемленную конечность, что, возможно, связано с пониженным чувством боли у животных данного вида.

Поведение домашней собаки в капкане резко отличается от поведения ее диких сородичей: волков, шакалов, лисиц и песцов. Собака действует, рассчитывая на выручку человека: постоянно дает голосовые сигналы о своем бедственном положении, сильно не рвется, т. е. ведет себя в соответ-

ствии с положением доместицированного животного, судьба которого зависит от людей и которое рассчитывает на помощь хозяина. Длительное пребывание в капкане ведет к психическим сдвигам у домашних животных, например у собаки, кошки, к изменению их отношения с человеком.

При попадании лапой в петлю звери чаще перегрызают ее, чем когда попадают в нее головой. Остаться живым, попав в петлю головой, может лишь зверь, ведущий себя в удавке спокойно (например, рысь, ирбис), или животное с короткой и мускулистой шеей (медведь, сурок, хомяк). Умение снимать с себя петлю с помощью лап при первом попадании в нее наблюдается в отдельных случаях у антропоидов, а также у других зверей с развитыми хватательными способностями конечностей (у енота-полоскуна, росомахи, сусликов, сурков, серой крысы и др.). Избавление происходит обычно на основе беспорядочных панических движений, а не последовательных действий. Удивительная способность кротов освобождаться от петли, вероятно, выработалась в связи с необходимостью избавляться от корней растений, в которых эти зверьки могут запутываться, постоянно роя в земле тоннели.

Среди водных животных есть звери, более или менее успешно прогрызающие рыбацкие сети (ондатра, бобр), и виды, для которых сеть почти всегда губительна (например, выхухоль). Попытки активного избавления от обрывков сетей, намотанных на тело, отмечены только для китообразных.

Поведение зверя в живоловушке обычно складывается из обследования ее, определения методом проб и ошибок наиболее уязвимого места в стенках западни и постепенного сужения своих действий в пределах небольшого участка. По-видимому, у более высокоорганизованных зверей приемы освобождения из плена ловушки разнообразнее и эффективнее. Известен случай, когда орангутан, попав в западню, стал грызть одну из досок, в которой была щель, чуть позже у него появилась возможность пальцами передних лап отрывать щепки, и он проделал отверстие, ухватившись за края которого и выломав доску, выбрался на свободу. Из отечественных животных уловки медведя, стремящегося избавиться от капкана, пожалуй, наиболее многочисленны. Этот зверь не только грызет капкан, но и бьет им о предметы, пролезает между близко стоящими деревьями, бросает потаск и т. д. Однако видна и ограниченность его действий: попав в петлю, он грызет все, но не веревку. Чтобы выбраться из ловчей ямы, нужно обладать способностью высоко прыгать или умением копать выходы. Некоторые животные, например жираф (Giraffa camelopardalis), не способны ни к тому, ни к другому, лишь медведь способен опускать предварительно в яму ствол поваленного дерева.

Выживание и смертность, продолжительность жизни зверей в капканах зависят от окружающей среды. Если животное попадает в западню, поставленную в воде, или, угодив в капкан, само прыгает в воду, или увлекается в нее грузом, оно быстро погибает от недостатка воздуха. Выше смертность в плохую погоду; наиболее губителен холод в сочетании с ветром и сыростью. Мокрая под-

стилка, неподвижность и отсутствие корма тоже усугубляют бедственное положение зверька. Продолжительность жизни в ловушке и капкане зависит от теплоизоляционных свойств шкурки, от соотношения ее площади с массой тела, т. е. от интенсивности энергозатрат и способности организма поддерживать нормальную температуру тела. Более длительному существованию содействует возможность двигаться, укрыться от непогоды и врагов, добывать корм. Срок жизни в капкане, петле колеблется в зависимости от сложившихся обстоятельств и составляет от нескольких минут до нескольких месяцев.

Жизнестойкость копытных также зависит от размеров ловушки: чем она меньше, тем больше опасность, что зверь погибнет в холодную погоду. Однако для видов животных, подверженных панике (зайцев, оленей), большой размер стационарной ловушки опасен тем, что испуганная особь расшибется или покалечится о стенки (часто звери ранят себе носы).

Процент зверей, погибших при отлове в живоловушки, зависит от вида зверьков. Жизнестойкость в западне видоспецифична: существуют стойкие и слабые виды. Особенно четко это разделение наблюдается среди мышевидных грызунов. В одних и тех же условиях зверьки одного вида быстро погибают в живоловушках, другие стойко переносят пребывание в них. Наиболее контрастно эти различия прослеживаются при неблагоприятных погодных условиях. Гибель диких зверей при вынимании их из ловушки или состояние через какое-то время после этого («ловушечный шок») могут иметь место среди зверей большинства видов, но в разной степени. Для некоторых животных это явление нехарактерно и может рассматриваться как исключение, для других же, например белок, оно обычно. Установлено, что смертность в живоловушках выше в период снижения численности популяции.

Попавший в капкан зверь удовлетворяет свою потребность во влаге в зимнее время за счет снега; в живоловушке гибель может наступить от жажды. При наличии в западне домика многие животные перетаскивают кормовую приманку в него. Так поступают горностаи, лесные куницы и другие животные. Некоторые зверьки (например, белки), попав в живоловушку, не ищут путей выбраться, пока не съедят привлекающий их лакомый корм. Крупные же хищники (например, тигр, волк) в этой ситуации зачастую не трогают и живой приманки, приготовленной для них. Можно полагать, что понимание опасности пребывания в ловушке более свойственно последним, что, очевидно, связано с их более высокой организацией.

Стрессовое состояние, возникающее у зверей при попадании в капкан, не полностью затормаживает их потребности. После начального периода бурных попыток освободиться зверь бывает вынужден искать пути для сохранения тепла тела, получения пищи и при возможности передвигаться вместе с капканом некоторое, а иногда и довольно длительное время, сохраняя свою жизнь. То же можно сказать о зверях, лишившихся в капкане лапы или

получивших травму. Многие животные, потеряв одну, две и даже три конечности, в благоприятных условиях безбедно существуют, о чем говорит упитанность и жировые запасы, обнаруживаемые при отлове этих калек. Ясно, что, несмотря на суровые условия существования, естественный отбор, дикие животные зачастую имеют возможность продолжать свою жизнь и при наличии некоторых физических недостатков.

Однако пребывание в капкане не проходит бесследно для многих животных, даже в том случае, когда зверек был извлечен из стальной ловушки невредимым. При содержании в неволе животных, пойманных капканами, нередко половина их и более погибает, несмотря на нормальные условия содержания. Очевидно, сказывается первое возбуждение, пережитое зверьком. Как известно, масса надпочечников характеризует уровень эмоционального напряжения животных. Наши исследования показали, что у лисиц, добытых с помощью капкана, масса этих органов выше, чем таковая у добытых с помощью ружья. Зверьки, отловленные капканами и выпущенные на волю, растут хуже, чем пойманные в живоловушки.

У некоторых копытных, например у лося, косули и др., свидетельства гибели своих сородичей не вызывают страха. Многих хищных зверьков семейства куньих, грызунов и иных животных следы пребывания в капкане своего собрата (утоптанный снег, кровь, моча, слюна, погрызы окружающих кустов и другие приметы) не отпугивают, а, наоборот, действуют на них привлекающе. Агрессивное отношение к собратьям, попавшим в капкан, наблюдается главным образом у хищников и грызунов, причем у последних в большей степени, чем у первых. Среди этих грызунов — ондатра, крыса-пасюк, обитающая в водных угодьях, водяная крыса, хомяк. Зверь, попавший в капкан, чаще подвергается нападению своих сородичей в том случае, если не имеет возможности передвигаться. Многие хищники, находя зверька другого вида в капкане, давят его и при недостатке другого корма поедают. Ясно, что их действия определяются охотничьим или пищевым инстинктами. Труднее объяснить агрессивные отношения зверей к попавшим в капкан особям своего вида. Охотничье поведение не может в норме проявляться в отношении себе подобных, внутривидовая борьба среди млекопитающих редко принимает крайние формы. Пищевые стимулы здесь могут иметь место, однако часто они исключаются, поскольку в ряде случаев собрат остается несъеденным.

Интересно, что жестокое отношение к особи своего вида проявляется не только при попадании ее в капкан или другой самолов, но и при ином бедственном для нее положении. Например, подчас подвергаются нападению собратьев особи, находящиеся под действием снотворного вещества. В одном из наших опытов, проводившихся с лисицами, одна особь, проснувшаяся раньше другой, выела у той часть шеи. Аналогичное явление характерно и для птиц. Обнаружив родственную особь с признаками опьянения под

действием наркотика, сороки и вороны поднимают сильный крик и начинают добивать ее.

Наблюдения показывают, что зачастую нападкам подвергаются не только особи в бедственном положении, но и как-либо отличающиеся поведением или внешним видом от собратьев. Например, среди птиц к гонимым причисляются особи, жившие ранее с человеком. Можно полагать, что биологический смысл агрессивного отношения к отличающимся чем-то сородичам заключается в поддержании здоровья и чистоты вида, поскольку всякие отклонения от нормы нередко являются признаком ущербности или результатом межвидовой гибридизации — это форма «стабилизирующего отбора». В период гона агрессивное отношение к особи противоположного пола, попавшей в капкан, не проявляется. Наоборот, самец может подкармливать самку. Не покидают родителя, попавшего в капкан, и его дети. Половые и родственные эмоции смягчают жестокие нравы.

При попадании в живоловушку нескольких зверьков начинают действовать закономерности скученных группировок и популяций. Устанавливаются иерархические отношения, возникают стычки, жестокие драки, нередко кончающиеся гибелью слабейшего, имеет место каннибализм. Приближение человека может стимулировать агрессивность зверьков в живоловушке, в первую очередь особей, занявших доминантное положение.

Поведение попавших в капкан зверей по отношению к человеку различно. Есть особи, ведущие себя агрессивно, или, наоборот, пассивно, и есть занимающие промежуточную позицию. К агрессивным можно отнести, например, медведя и волка, а к пассивным — ирбиса, корсака, отчасти песца. При подходе человека зверек, попавший в капкан, как правило, затаивается, особенно если человек делает вид, что не видит свою жертву, или если окружающая обстановка способствует маскировке. Крупные животные затаиваются реже, чем мелкие. Зверь, попавший в капкан, при подходе человека с собакой большее внимание уделяет последней.

Бывают случаи, когда зверь, попав в петлю или капкан, приходит к людям, как бы ожидая от них помощи. Подобные случаи отмечены для кулана, тигра, лося и других зверей. «Мертвая хватка» чаще наблюдается у мелких представителей семейства куньих (соболя, горностая и др.).

В некоторых случаях зверек, попавший в капкан, при подходе человека ведет себя странным образом: совершает действия, казалось бы, несовместимые с его бедственным положением. Например, заяц начинает на глазах охотника хватать зубами снег, скусывать и жевать травинки. Подобным образом может вести себя и птица. Известен случай, когда извлеченный из ловушки глухарь (Tetrao urogallus) принялся выполнять ритуальные движения, производимые обычно самцами во время тока. Очевидно, в этом и других подобных случаях мы имеем дело со смещенной активностью, переадресованной реакцией. Эти явления, как известно,

возникают при эмоциональных конфликтах, когда животным владеет несколько чувств, например страх и желание драться [85].

Характеризуя повадки зверей при их добывании, особенно с использованием самоловных орудий промысла, мы убеждаемся в жестокости некоторых применяемых методов, например, когда пойманный в капкан или петлю зверь может некоторое время оставаться живым. В ряде случаев жестокость неизбежна, как неизбежна она при умерщвлении сельскохозяйственных животных или при проведении опытов с научными целями. Однако в силах человека смягчить страдания животных. Для этого необходимо шире использовать самоловные орудия, мгновенно умерщвляющие пойманное животное. Для некоторых видов пушных зверей таковые имеются, для других видов их еще предстоит разработать. Насущной задачей охотоведения является изучение воздействия ряда способов на здоровье тех животных, что остаются живыми, не попав в руки человека. В этом отношении особенно перспективно использование биотелеметрии, позволяющей проследить на расстоянии динамику ряда физиологических параметров животного, его перемещения и конечную судьбу. Необходимо еще решительнее бороться с браконьерами, применяющими запрещенные методы добывания зверей и птиц.

Следует учитывать, что перечисленные меры будут наиболее эффективны при соответствующей воспитательной работе, формировании общественного мнения, всяческом распространении среди населения бережного отношения к природе, гуманного отношения к животным вообще. Создание правильных взглядов на природу имеет прямое касательство к формированию нравственных основ и мировоззрения человека — созидателя нового общества.

Изучая сложные формы поведения животных, профессор Л. В. Крушинский пришел к выводу, что они способны воспринимать не только предметы и явления природы, но и простейшие причинно-следственные отношения, те законы, которые связывают элементы окружающей среды. Эти связи, эмпирические законы относительны и часто бывают справедливы только при определенных условиях. Улавливая данные связи, животные используют их в новых ситуациях и строят программы своего поведения. Чем больше эмпирических законов воспринимает животное, тем выше уровень его рассудочной деятельности. Л. В. Крушинский [38] выявил 5 простейших эмпирических законов, которые могут постигать животные: закон неисчезаемости предметов, закон непроницаемости непрозрачных предметов, закон вмещаемости объемных приманок в полые предметы и два других, являющихся следствием перечисленных, а именно: приманка, вмещенная в объемную фигуру, при передвижении последней перемещается вместе с ней и, наконец, приманка может быть вмещена в объемную фигуру, но не в плоскую.

По-видимому, существуют и другие эмпирические законы, доступные разумению животных. Остановимся на тех, что могут быть сформулированы на основе анализа приведенных выше мате-

риалов. Поскольку со словом «закон» ассоциируется абсолютная незыблемость и всеприменимость, мы заменяем его словом «правило».

1. Правило иерархии степеней опасности. Спасаясь от врагов, горные копытные животные уходят от них, не ускоряя темп передвижения и не нарушая естественных правил безопасности передвижения по горам. Падение с кручи обеспечивает стопроцентную гибель, тогда как агрессивные попытки врага могут и не увенчаться успехом. Первое зло больше, чем второе. В глубокий снег копытные уходят от преследования по тропам, предпочитая подвергать свою жизнь риску, но не сходить с проложенной тропы. Ясно, что сход с тропы повлечет неминуемую гибель: хищник быстро завладеет жертвой, попавшей в беспомощное положение.

2. Правило соответствия размера объекта его значению. Животные соотносят размер и объем предметов, объектов с их опасностью и кормовой ценностью. Из двух одинаковых приманок зверь предпочитает более крупную. Двух собак соболь боится больше, чем одной. Цепь людей пугает зверей больше, чем одиночный охотник.

3. Правило информативности движения. Опасно, если враг направляется в твою сторону. Известно, что к зверю легче подойти или подъехать, если двигаться не прямо к нему, а по касательной. Животное зачастую остается на месте, если противник стал удаляться. Быстро передвигающийся видимый враг более опасен, чем двигающийся медленно.

4. Правило соответствия безопасности расстоянию от врага. Чем ближе враг, тем больше опасность, чем дальше он, тем безопаснее.

5. Правило связи безопасности с надежностью убежища. В эфемерном убежище изгоняемый зверь не упорствует. Выгнать куницу из дупла значительно проще, чем из каменистых россыпей или расщелины скал.

6. Правило связи защитности угодий с безопасностью. Уходя от преследования, звери стремятся уйти с открытого места в чащобы. При переходах преодолевают луг с мысом перелеска. Попав в жилище человека, зверек прячется в темном месте, под мебелью, избегая открытого места. В мохнатом кедре белка таится упорнее, чем на лиственнице.

7. Правило опасности направленного взгляда. Зверь, птица остаются в неподвижности, пока глаза мимо идущего человека не встретились с их глазами. Обычно при встрече взглядов затаившаяся птица срывается с места. Известно, что в пугающей окраске некоторых насекомых имеется имитация глаза. Если собака лает на белку, то заяц может сидеть поблизости, не убегая.

8. Правило проходимости тоннеля с видящимся выходом. Почти все наземные животные смелее идут в ловушку, имеющую вид трубы, т. е. когда при входе виден выход. Попав в западню, зверь начинает в первую очередь грызть там, где в щель пробивается свет.

9. Правило постоянства видовых физических возможностей. Животные правильно оценивают свои физические возможности при преодолении новых, антропогенного характера преград, в отношении которых они не могли приобрести предварительный опыт. Соболь, попав в жилище человека, не пытается залезть в щели и отверстия, в которые он не сможет пролезть, не прыгает на мебель, на которую не в силах запрыгнуть.

Наблюдения показывают и убеждают, что животные способны улавливать перечисленные простейшие связи, правила и учитывать их в своих действиях при попадании в новые условия и ситуации. Могут быть сравнительно легко разработаны конкретные методики исследования данных вопросов в эксперименте. В основу их должны лечь атрибуты наблюдаемых в природе коллизий.

Оборонительное поведение зверей, спасающихся от преследования, вырывающихся из осажденного убежища или западни, в целом имеет большое сходство у разных видов, иногда далеких в систематическом отношении, у обитателей разных сред, у наземных и водных животных. Нередко видовые особенности охранительных адаптаций выражаются лишь частотой использования тех или иных поведенческих реакций. Сходство поведения определяется общностью положения и однозначностью возможного выхода из экстремальной ситуации. В то же время встречаются значительные различия у близких видов. Имеет место межпопуляционный полиморфизм оборонительного поведения, отмечена внутрипопуляционная гетерогенность спасительных повадок. В ряде случаев индивидуальные реакции могут выходить за рамки видового стереотипа. Этологическая разнородность популяции обеспечивает выживание части особей, несмотря на постоянное совершенствование и пополнение приемов элиминации антропогенного характера. Перечень спасительных уловок, поведенческих адаптаций к воздействию антропического фактора постепенно возрастает к более высоким систематическим единицам: от вида к роду, семейству и далее.

Репертуар первичных реакций дикого зверя на объекты и ситуации антропогенного происхождения большей частью состоит из элементов, детерминированных генетически, обусловленных филогенезом. При выборе конкретной программы происходит, видимо, подбор аналога из привычного мира. Велико значение адаптации на основе жизненного опыта, научения. Они первоначально выражаются в генерализованной реакции охранительного характера с последующим переходом ее к дифференцированной оценке в соответствии с реальной опасностью. Своевременное распознавание опасных объектов особенно характерно для видов, склонных к синантропизации и урбанизации.

Целесообразность избранного поведения в совершенно новых ситуациях указывает на присутствие рассудочного начала. В экстремальных ситуациях, в том числе и антропогенного происхождения, при возникновении жизненных задач, требующих неотложного решения, у млекопитающих раскрываются скрытые возможности, резервы биологической пластичности и рассудочных действий.

Анализ многочисленных фактов показывает, что звери способны улавливать эмпирические закономерности, причинно-следственные связи: правильно оценивать степень прочности и надежности занятого убежища, личные возможности тех или иных действий, а также физические способности и намерения врага (за исключением умственных

способностей человека), правильно выбирать направление бегства, сообразуясь с реальными условиями даже незнакомой местности, дифференцировать степень опасности и действовать в соответствии с конкретной ситуацией. Антропогенное поведение с проявлением рассудочных способностей более свойственно эврифагам и животным со значительно развитыми функциями передних конечностей.

Повадки зверей, преследуемых человеком на транспортных средствах, осажденных в убежище, в большинстве случаев сходны с поведением животных, спасающихся от хищника. Реакция дикого зверя на человека, охотника формируется на основе комплекса поведенческих адаптаций, противопоставляемых жертвой хищнику, являющемуся нормальным компонентом любой экосистемы. Поведение зверя, реагирующего на собаку, служит моделью агрессивной и оборонительной активности в отношении хищного животного.

Существуют значительные различия в степени осторожности разных видов млекопитающих к объектам антропогенного происхождения. В большинстве случаев осторожность зверей пропорциональна их размерам. Эмоции, обусловленные биоритмами, доминанты инстинктивного характера тормозят осторожность. Активное преследование диких животных рождает у них отрицательное отношение к человеку и объектам антропогенной среды. Терпимое или нейтральное отношение вызывает безбоязненную реакцию зверей. Взаимоотношения строятся по принципу: что посеешь, то и пожнешь. Не существует непреодолимых преград для контактов и общения между человеком и дикими животными.

Биотехнические мероприятия, в частности подкормка, облегчая существование зверей, не должны насаждать среди них иждивенчество. Попав «на хлеба» к человеку, дикое животное теряет ряд присущих ему качеств, выходит из-под пресса естественного отбора со всеми вытекающими отсюда последствиями, при этом нарушается естественный ход эволюционного процесса.

Многие способы добывания диких животных основаны на использовании различных стереотипов их поведения. Промысел способствует отбору зверей, наиболее пластичных в своих действиях. В тех случаях, когда охота осуществляется постоянно и достаточно интенсивно, она дает селективный эффект: появляются особи, уклоняющиеся в своих повадках от поведения, характерного для вида. Такое явление наблюдается в последние годы в отношении волка. Все больше становится зверей, успешно избегающих капкана, заряда картечи, пилюли с ядом, колес вездехода. Эффект искусственного отбора промыслом у волков усиливается значительными для животных рассудочными способностями этих зверей, семейно-групповым образом жизни, благодаря чему опыт родителей успешно передается детям. Таким образом, охотничий промысел, истребительные работы могут служить фактором искусственного отбора, влиять на эволюцию видов.

Проведенная систематизация, анализ и обобщение повадок животных в избранных аспектах (при беспокойстве зверей в убе-

жищах, их преследовании, встрече с самоловными орудиями и подкормкой) охватывает поведение промысловых млекопитающих при большинстве способов охоты, истребительных и учетных работ, проведении биотехнических и охранных мероприятий. Именно эти знания составляют основу охотоведения в прямом смысле этого слова.

Объекты антропогенного характера, в частности средства транспорта, постепенно «врастают» в экологию млекопитающих, животные адаптируются к ним, иногда извлекают даже пользу, но вред, наносимый автомобилем и косилкой, превалирует. Нейтральные отношения остаются пока недостижимой мечтой.

Изучение повадок диких зверей показывает, что экологически адекватные стимулы, пусковые раздражители имеют неизмеримо большее воздействие на поведение животных, чем всякие другие. Изучение релизерных систем, овладение секретами ключевых раздражителей — верный путь к способам повелевания животными.

Знание повадок зверей обеспечивает этологически грамотное применение биотехнических и охранных мероприятий, приемов добывания животных, содействует управлению их поведением и численностью, повышает производительность и облегчает труд охотника на промысле.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Агафонов В. А.** Солонцы для зайцев-беляков (Lepus timidus).— В кн.: Поведение охотничьих животных. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, 1981, с. 135—142.
2. **Адамсон Д.** Рожденная свободной. М.: Мысль, 1966. 391 с.
3. **Айрапетьянц А. Э.** Сони. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 189 с.
4. **Баскин Л. М.** Поведение копытных животных. М.: Наука, 1976. 295 с.
5. **Баскин Л. М.** Северный олень.— В кн.: Крупные хищники и копытные звери. М.: Лесная пром-сть, 1978, с. 160—190.
6. **Беликов С. Е., Куприянов А. Г.** К опыту отлова и иммобилизации белого медведя.— В кн.: Охота, пушнина и дичь (Сб. научн.-техн. инф.)/ВНИИОЗ им. проф. Б. М. Житкова, 1976, вып. 54—55, с. 72—79.
7. **Бибиков Д. И.** Поведение преследуемого волка (Canis lupus).— В кн.: Поведение охотничьих животных. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, 1981, с. 80—83.
8. **Бологов В. П.** Поведение волков при нападении на домашних животных и профилактика ущерба животноводству.— В кн.: Поведение волка. М., 1980, с. 147—156.
9. **Вишневский Ю. Н.** Изменение численности кабана на подкормочных точках в Беловежской пуще.— В кн.: Влияние хозяйственной деятельности человека на популяции охотничьих животных и среду их обитания. Киров, 1980, т. II, с. 72—73.
10. **Войлочников А. Т.** Из наблюдений за поведением белки (Sciurus vulgaris) в период промысла.— В кн.: Поведение охотничьих животных. Киров: Волго-Вятск. кн. изд-во, 1981, с. 98—104.
11. **Герасимов Ю. А., Пономов В. А.** Результаты опытов обездвиживания сернилапом белых медведиц в берлогах с помощью охотничьего оружия и летающих шприцев отечественного производства.— В кн.: Экология и морфология белого медведя. М.: Наука, 1973, с. 149—157.
12. **Гинеев А. М.** Поведение хищников во время ночной их добычи.— В кн.: Экологические основы охраны и рационального использования хищных млекопитающих. М.: Наука, 1979, с. 29—30.
13. **Глушков В. М.** Некоторые особенности поведения лосей (Alces Alces L.), определяющие успех охотника.— В кн.: Поведение охотничьих животных. Киров: Волго-Вятск. кн. изд-во, 1976, с. 51—58.
14. **Гржимек Б.** Слоны живут рядом.— Природа, 1967, № 3, с. 102—112.
15. **Гржимек Б.** Австралийские этюды. М.: Мысль, 1978. 167 с.
16. **Данилкин А. А.** Поведение европейских косуль при троплении.— В кн.: Прикладная этология. М.: Наука, 1983, т. 3, с. 41—42.
17. **Данилкин А.** Отлов косуль и кабанов сетями.— Охота и охотн. хоз-во, 1981, № 5, с. 12—14; 1984, № 3, с. 14—15.
18. **Данилов П. И., Русаков О. С., Туманов И. Л.** Хищные звери Северо-Запада СССР. Л.: Наука, 1979. 161 с.
19. **Евтушевский П. П.** Некоторые черты поведения оленя пятнистого (Cervus nippon hortulorum Sw.).— Вестник зоологии, 1975, № 1, с. 9—13.
20. **Емельянова И. А., Дерягина М. А.** Наблюдения за использованием территории мелкими грызунами на участке смешанного леса.— Вестник МГУ, 1976, № 4, с. 48—51.
21. **Животченко В. И.** О величине годовой добычи копытных тиграми одной семейной группы.— В кн.: Экологические основы охраны и рационального использования хищных млекопитающих. Наука, 1979, с. 246—247.

22. **Завацкий Б.** Волк в Саяно-Шушенском заповеднике.— Охота и охотн. хоз-во, 1981, № 7, с. 16—18.
23. **Зайцев В. А., Зайцева В. К.** Методы изучения экологии и поведения кабарги в Сихотэ-Алине.— Бюлл. МОИП. Отд. биол., 1980, т. 85, вып. 4, с. 3—10.
24. **Зархидзе В. А.** Влияние деятельности человека на особенности экологии и поведения копытных в Туркмении.— В кн.: Копытные фауны СССР. М.: Наука, 1980, с. 291—293.
25. **Злобин Б. Д.** Черты поведения лисицы (Vulpes vulpes L.) в ондатровых угодьях.— В кн.: Поведение охотничьих животных. Киров: Волго-Вятск. кн. изд-во, 1976, с. 36—44 (ВНИИОЗ им. проф. Б. М. Житкова. Вып. 51—52).
26. **Злобин Б. Д., Ширяев В. В.** Некоторые вопросы экологии солонгоя.— В кн.: Охота, пушнина и дичь. 1975, вып. 47—48, с. 80—85.
27. **Зыков К. Д.** Авиаучет лесных копытных.— В кн.: Методы учета охотничьих животных в лесной зоне/Тр. Окск. гос. зап-ка, 1973, вып. 9, с. 87—101.
28. **Зырянов А. Н.** К экологии рыси и росомахи в Красноярском крае.— В кн.: Вопросы экологии / Тр. гос. зап-ка «Столбы», 1980, вып. 12, с. 3—28.
29. **Зырянов А. Н.** Материалы по размещению и экологии бурого медведя на юге Средней Сибири.— Вопросы экологии / Тр. гос. зап-ка «Столбы», 1980, вып. 12, с. 29—52.
30. **Иди М., Бейес Л., Карас Р. и др.** Дикие кошки. М.: Мир, 1981. 128 с.
31. **Ишадов Н.** Поведение волка в Каракумах.— В кн.: Групповое поведение животных. М.: Наука, 1977, с. 152—154.
32. **Капитонов В. И.** Влияние летней засухи 1974 и 1975 гг. на копытных Казахского нагорья.— В кн.: Копытные фауны СССР. М.: Наука, 1980, с. 163—165.
33. **Козлов В.** Волки лесостепей Сибири и их истребление.— Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1966, 129 с.
34. **Козлов Е. П., Граков Н. Н., Давыдов Н. П.** Опыт живоотлова лесной куницы стационарными ловушками.— В кн.: Акклиматизация охотничьих животных в СССР. Минск.: Ураджай, 1978, с. 148—149.
35. **Колычев В. Б.** К вопросу о добывании соболя капканами.— В кн.: Охота, пушнина и дичь. 1975, вып. 49—50, с. 26—50.
36. **Корочкина Л. Н., Вакула В. А.** Отлов зубров в естественных условиях.— В кн.: Беловежская Пуща. Минск: Ураджай, 1971, вып. 5, с. 226—229.
37. **Костоглод В. Е.** Опыт длительного тропления бурого медведя-шатуна в Сихотэ-Алине.— Бюлл. МОИП. Отд. биол., 1981, 86, № 1, с. 3—12.
38. **Крушинский Л. В.** Биологич. основы рассудочной деятельности: Эволюционный и физиолого-генетический аспект поведения. М.: Изд-во МГУ, 1977, 268 с.
39. **Крылов М.** Потери песцов на промысле.— Охота и охотн. хоз-во, 1980, № 3, с. 24—25.
40. **Кудактин А. Н.** О поведении волков в условиях заповедной экосистемы.— В кн.: Поведение волка. М., 1980, с. 90—102.
41. **Кудинов К. А., Калецкая М. Л., Дидковская Т. М., Середнева Т. А.** О подкормке лосей при выборочных рубках.— В кн.: Природные ресурсы Молого-Шекснинской низины / Тр. Дарвинского гос. зап-ка, 1973, вып. XI, с. 59—69.
42. **Кузьмин И. Ф., Хахин Г. В.** Поведение охотничьих животных при авиаучетах.— В кн.: Управление поведением животных. М.: Наука, 1977, с. 168—170.
43. **Кукарцев В. А.** Полевые наблюдения за поведением горностая (Mustela erminea).— В кн.: Поведение охотничьих животных. Киров: Волго-Вятск. кн. изд-во, 1981, с. 69—72.
44. **Куприянов А. Г.** О применении вертолета при промысловом отстреле дикого северного оленя.— В кн.: Сельское хозяйство Крайнего Севера. Магадан, 1980, ч. 7, с. 214—215.

45. **Кучеренко С. И.** В снегах Сихотэ-Алиня. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1975. 156 с.
46. **Ван Лавик-Гудол, Д. и Г.** Невинные убийцы. М.: Мир, 1977. 176 с.
47. **Лозан А. М.** Агрессивно-оборонительное поведение дикого кабана и его адаптивное значение.— В кн.: Экология птиц и млекопитающих Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1981, с. 106—124.
48. **Макридин В. И.** К биологии тундрового волка.— В кн.: Вопросы звероводства и промыслового хозяйства / Тр. НИИ с.-х. Крайнего Севера, 1959, т. 9, с. 3—51.
49. **Макушкин А., Размахнин В., Максимук А.** Промысел оленей на Таймыре.— Охота и охотн. хоз-во, 1982, № 8, с. 8—9.
50. **Мантейфель Б. П.** Экология поведения животных. М.: Наука, 1980. 220 с.
51. **Мануш С. Г.** Сельскохозяйственная техника и дичь.— Тр. Завидовского науч.-опытн. хоз-ва, 1974, вып. III, с. 40—78.
52. **Мараков С. В.** Природа и животный мир Командор. М.: Наука, 1972. 180 с.
53. **Матюшкин Е. П.** Крупные хищники и падальщики Среднего Сихотэ-Алиня.— Бюлл. МОИП. Отд. биол., 1974, т. 79, вып. I, с. 5—21.
54. **Матюшкин Е. Н., Астафьев А. А., Зайцев В. А. и др.** История, современное состояние и перспективы охраны тигра в Сихотэ-Алинском заповеднике.— В кн.: Хищные млекопитающие. М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР, 1981, с. 76—118.
55. **Махмутов С. М., Капитанов В. И.** Опыт отлова и расселения байбака и суслика песчаника.— В кн.: Акклиматизация охотничьих животных в СССР. Минск: Ураджай, 1978, с. 153—154.
56. **Монахов Г. И.** О случаях необычного поведения соболей (Martes zibellina) в Прибайкалье.— В кн.: Поведение охотничьих животных. Киров: Волго-Вятск. кн. изд-во, 1981, с. 56—61.
57. **Никаноров А. П.** Поведение бурого медведя в зоне массового туризма (на Камчатке).— В кн.: Экология, морфология и охрана медведей в СССР. М., 1981, с. 16—18.
58. **Никулин В. С.** Опыт зимней подкормки кабанов в Иркутской области.— В кн.: Биология, охрана и хозяйственное использование зверей и птиц в Восточной Сибири. Иркутск, 1981, с. 21—25.
59. **Носков Н. М.** Эволюция поведения домашних животных (отношение к транспорту).— В кн.: Поведение животных: Экологические и эволюционные аспекты. М.: Наука, 1972, с. 39—41.
60. **Окулова Н. М., Аристова В. А.** Особенности поведения лесных грызунов при изъятии их из живоловок.— В кн.: Прикладная этология. М.: Наука, 1983, т. 3, с. 227—228.
61. **Орлов В. К.** Острова, затерянные во льдах. М.: Мысль. 1979, 191 с.
62. **Пажетнов В. С.** Бурый медведь Нечерноземья.— Автореф. дис. на соиск. степени канд. биол. наук. М., 1979. 6 с.
63. **Песков В.** Лесные глаза. М.: Сов. Россия, 1979. 255 с.
64. **Песков В., Стрельников Б.** Земля за океаном. М.: Молодая гвардия, 1975. 292 с.
65. **Погодин В.** Встречи с шатуном.— Охота и охотн. хоз-во, 1981, № 11, с. 10—11.
66. **Размахнин В. Е.** Сибирский горный козел.— В кн.: Копытные звери. М.: Лесная пром-сть, 1977, с. 165—175.
67. **Рашек В. А.** Некоторые особенности поведения кулана.— В кн.: Поведение животных и проблема одомашнивания. М.: Наука, 1969, с. 21—38.
68. **Романовский В. П., Кочановский С. Б.** Биотехнические мероприятия и динамика численности копытных в Беловежской Пуще.— Тр. IX Междунар. конгресса биологов-охотоведов. М., 1970, с. 190—195.
69. **Румянцев В., Хураськин Л.** Каспийский тюлень и волки.— Охота и охотн. хоз-во, 1978, № 2, с. 22—24.
70. **Рыковский А. С.** Наблюдения за особенностями поведения волков в Белоруссии.— В кн.: Поведение волка. М., 1980, с. 103—110.
71. **Сингх К.** Тигр Раджастхана. М.: Наука, 1972. 158 с.

72. **Слудский А. А., Бекенов А., Борисенко В. А. и др.** Млекопитающие Казахстана. Алма-Ата, Наука, 1977, т. I, ч. 2. 536 с.
73. **Слудский А. А., Бернштейн А. Д., Шубин И. Г. и др.** Млекопитающие Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1980, т. II. 236 с.
74. **Слудский А. А., Афанасьев Ю. И., Бекенов А. и др.** Млекопитающие Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1982, т. III. ч. 2. 263 с.
75. **Смирин В. М., Гольцман М. Е.** Поведение песцов на лежбище морских котиков.— В кн.: Экологические основы охраны и рационального использования хищных млекопитающих. М.: Наука, 1979, с. 164—165.
76. **Смирнов Е. И.** Новые черты поведения амурских тигров в Среднем Сихотэ-Алине.— В кн.: Охрана хищных млекопитающих Дальнего Востока. Владивосток, 1982, с. 86—96.
77. **Собанский Г. Г.** Лоси и маралы на горном озере Северо-Восточного Алтая.— В кн.: Копытные фауны СССР. М.: Наука, 1980, с. 309—311.
78. **Соколов В. Е., Данилкин А. А.** Сибирская косуля: Экологические аспекты поведения. М.: Наука, 1981. 144 с.
79. **Сокольский С.** Нашествие соболей.— Охота и охотн. хоз-во, 1979, № 4, с. 12—13.
80. **Соломин Н. И.** Опыт концентрации лисиц путем подкормки.— В кн.: Материалы к научной конференции, посвященной 50-летию ВНИИОЗ. Киров, 1972, ч. I, с. 137—140.
81. **Сухов В. П., Сухова Г. С.** Оценка активности ондатры по изменению сердечного ритма (радиотелеметрическое исследование в природе и в эксперименте).— В кн.: Млекопитающие СССР. М., 1982, т. II, с. 87—88.
82. **Тарянников В. И.** Шакал.— В кн.: Крупные хищники и копытные звери. М.: Лесная пром-сть, 1978, с. 69—87.
83. **Терновский Д. В.** Биология куницеобразных. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1977. 278 с.
84. **Терновский Д. В., Терновская Ю. Г.** Опыт изучения биологии бурого медведя в условиях полувольного содержания.— В кн.: Экология, морфология, охрана и использование медведей. М.: Наука, 1972, с. 82—84.
85. **Тинберген Н.** Поведение животных. М.: Мир, 1978. 192 с.
86. **Томилин А. Г.** О реакции следования у морских млекопитающих.— Тр. ВСХИЗО, 1979, № 159, с. 48—51.
87. **Томилин А. Г.** В мире китов и дельфинов. М.: Знание, 1980. 223 с.
88. **Томилин А. Г.** Влияние человека на изменения биологии и поведения морских млекопитающих.— В кн.: Повышение продуктивности звероводства и охотничье-промысловой фауны / Тр. ВСХИЗО, 1981, с. 84—90.
89. **Тэннер О.** Медведи и другие хищные звери. М.: Мир. 1980. 127 с.
90. **Успенский С. М.** Белый медведь. М.: Наука, 1977. 77 с.
91. **Устинов С. К.** О поведении и охране нзюбря на морянах.— В кн.: Сельское хозяйство Сибири и Дальнего Востока и охрана природы. Иркутск, 1974, с. 47—48.
92. **Устинов С. К.** Кабарга.— В кн.: Крупные хищники и копытные звери. М.: Лесная пром-сть, 1978, с. 246—247.
93. **Фабри К. Э.** Основы зоопсихологии. М.: Изд-во МГУ, 1976. 287 с.
94. **Фадеев Е.** Кабаны Центральной России.— Охота и охотн. хоз-во, 1968, № 7, с. 12—13.
95. **Федосенко А. К.** Марал. Экология, поведение, хозяйственное значение. Алма-Ата: Наука, 1980. 200 с.
96. **Филь В. И., Демьянюк В. П.** Распространение и численность лося в Камчатской области.— В кн.: Охота, пушнина и дичь. 1971, вып. 34, с. 32—36.
97. **Фокин И. М.** Тушканчики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978, вып. 2. 181 с.
98. **Формозов А. Н.** Из наблюдений над поведением некоторых млекопитающих и птиц в естественных условиях.— В кн.: Поведение животных. М.: Наука, 1972, с. 66—69.
99. **Худолеев Ф. И.** Влияние подкормки и передержки песцов на повышение продуктивности охотничьих угодий.— В кн.: Производительность и про-

дуктивность охотничьих угодий СССР. Киров: Волго-Вятск. кн. изд-во, 1969, ч. 2, с. 123—124.
100. **Червонный В. В.** Учет охотничьих зверей прогоном.— В кн.: Методы учета охотничьих животных в лесной зоне.— Тр. Окского. гос. зап-ка, 1973, вып. IX, с. 29—35.
101. **Шиян Р.** Пагонка гончих.— Охота и охотн. хоз-во, 1980, № 8, с. 18—19.
102. **Шмит Э.** Мои встречи с волками.— Охота и охотн. хоз-во, 1981, № 12, с. 6—7.
103. **Шостак С. В., Вакула В. А., Василюк И. Ф.** Отлов и расселение оленей Беловежской Пущи.— В кн.: Беловежская Пуща. Минск: Ураджай, 1974, вып. 8, с. 133—141.
104. **Шубникова О. П.** Белый медведь на крайнем востоке Советской Арктики.— Бюлл. МОИП. Отд. биол., 1978, т. 83 (4), с. 31—35.
105. **Шурин-Юхкум А. А.** Анализ опыта зимней подкормки марала, зайца-русака и серой куропатки.— Тр. Завидовского запов.-охотн. хоз-ва, 1969, вып. I, с. 337—379.
106. **Шурин-Юхкум А. А.** Пятнистый олень в угодьях Завидовского заповедн.-охотн. хоз-ва, 1971, вып. II, с. 36—60.
107. **Шутова М. И., Иванцкая Е. Г.** Некоторые особенности борьбы с черной крысой на промысловом флоте.— Тез. докл. III съезда Всесоюзн. териологического об-ва. М., 1982, т. I, с. 339—340.
108. **Щадилов Ю. М.** Воздействие наземного транспорта на животных густонаселенных территорий.— Сб. научн. трудов Центр. лаб. охраны природы МСХ СССР, 1975, вып. 3, с. 88—100.
109. **Эверт В. К.** Опыт учета кабана с вертолета.— В кн.: Охота, пушнина и дичь. 1967, вып. 19, с. 83—86.
110. **Юргенсон П. Б.** Экологическая радиотелеметрия в США.— В кн.: Охотоведение. М.: Лесная пром-сть, 1972, с. 271—280.
111. **Ярмоленко Б. П., Козлова А. З., Самарский С. Л.** Минеральная подкормка копытных в среднем Приднепровье.—В кн.: Копытные фауны СССР. М.: Наука, 1980, с. 223—224.

112. **Allen R. E., McCullogh D. R.** Deer-car accidents in Southern Michigan. J. Wildlife Manag., 1976, V. 40, No 2, pp. 317—325.
113. **Andrzejewski R.** Supplementary food and the winter dynamics of bank vole populations.— Acta theriol., 1975, V. 20, No 1—14, pp. 23—40.
114. **Caldwell M. C., Caldwell D. K.** Epimeletic (care-giving) behavior in Cetacea.— Whales, Dolphins and Porpoises, Berkeley-Los Angeles, Univ. Calif. Press, 1966, pp. 755—788. Discuss., pp. 788—789.
115. **Carbyn L. N.** Factors influencing activity patterns of ungulates at mineral licks.— Can. J. Zool., 1975, V. 53, No 4, pp. 378—384.
116. **Calef G. W., DeBock E. A., Lortie G. M.** The reaction of barrenground caribou to aircraft.— Arctic, 1976, V. 29, No 4, pp. 201—212.
117. **Craighead J. J., Craighead F. C. Jr.** Grizzly bear-man relationships in Yellowstone National Park.— Bioscience, 1971, V. 21, No 16, pp. 845—857.
118. **Espmark Y.** Social behaviour of roe deer at winter feeding stations.— Appl. Anim. Ethol., 1974, V. 1, No 1, pp. 36—47.
119. **Garson P. J.** Social interactions of woodmice (Apodemus sylvaticus) studied by direct observation in the wild.— J. Zool., 1975, V. 177, No 4, pp. 496—500.
120. **Goretzki J., Paustian K.** Untersuchungen zum Lebendfang von Jungfüchsen.— Unsere Jagd, 1982, No 10. S. 292—294.
121. **Harris S.** Injuries to foxes (Vulpes vulpes) living in suburban London.— J. Zool., 1978, V. 186, No 4, pp. 567—572.
122. **Kawamura A.** Influence of chasing time to stomach contents of baleen and sperm whales.— Sci. Repts. Whales Res. Inst., 1971, No 23, pp. 27—36.
123. **Knight R. R., Mudge M. R.** Chracteristics of some natural licks in the Sun River Area, Montana.— J. Wildlife Manag., 1967, V. 31, No 2, pp. 293—299.

124. **Laundre J.** The daytime behaviour of domestic cats in a free-roaming population.— Anim. Behav., 1977, V. 25, No 4, pp. 990—998.
125. **Lindlöf Bengt.** Aggressive dominance rank in relation to feeding by European hare.— Viltrevy, 1978, V. 10, No 6, pp. 145—158.
126. **Lord W. G.** Black bear depredation of honey bees.— Amer. Bee J., 1979, V. 119, No 12, pp. 818—821.
127. **Mares M. A., Watson M. D., Lacher T. E., Jr.** Home range perturbations in Tamias striatus. Food supply as a determinant of home range and density.— Oecologia, 1976, V. 25, No 1, pp. 1—12.
128. **Merson M. H., Cowles C. J., Kirkpatrick R. L.** Characteristics of captive gray squirrels exposed to cold and food deprivation.— J. Wildlife Manag., 1978, V. 42, No 1, pp. 202—205.
129. **Miller F. L., Gunn A.** Play by Peary caribou calves before, during and after helicopter harassment.— Canad. J. Zool., 1981, V. 59, No 5, pp. 823—827.
130. **Mori A.** Analysis of population changes by measurement of body weight in the Koshima troop of Japanese monkeys.— Primates, 1979, V. 20, No 3, pp. 371—391.
131. **Myers K.** Utilization of appetite for sodium salts to control rabbit populations by poisoning.— Austral. Wildlife Res., 1975, V. 2, No 2, pp. 135—146.
132. **Rogers Lynn L., Kuehn D. W., Erickson A. W., Jr.** Characteristics and management of black bears that feed in garbage dumps, campgrounds or residential areas.— IUGN Publs New ser., 1976, No 40, pp. 169—175.
133. **Smith N. E., Woodruff R. A.** Fear bradycardia in free-ranging woodchucks.— J. Mammal., 1980, V. 61, No 4, pp. 747—750.
134. **Southwick Ch. H., Siddiqi M., Farooqui M. Y., Pal B.** Ch. Effects of artificial feeding on aggressive behaviour of rhesus monkeys in India.— Anim. Behav., 1976, V. 24, No 1, pp. 11—15.
135. **Stonorov D.** Protocol at the annual brown bear first feast.— Natur. Hist., 1972, V. 81, No 9, pp. 90—91.
136. **Sweeney J. R., Marchigton R. L., Larr Sweeney J. M.** Responses of radiomonitored white-tailed deer chased by hunting dogs.— J. Wildlife Manag., 1971, V. 35, No 4, pp. 707—716.
137. **Teleki G.** The omnivorous chimpanzee.— Sci. Amer., 1973, V. 228, No 1, pp. 33—42.
138. **Thompson D. C., Thompson P. S.,** Food habits and catching behavior of urban grey squirrels.— Can. J. Zool, 1980, V. 58, No 5, pp. 701—710.
139. **Vaughan T. A.** Feeding behavior of the slender mongoose.— J. Mammalogy, 1976, V. 57, No 2, pp. 390—391.
140. **Vincent J.** The management of large mammals in Natal with special reference to utilization for stocking or restocking purposes.— IUGN Publs New ser., 1974, No 24/2, pp. 900—908.
141. **Wessels T. C., Blumethal G. L.** Enkele bloedfisiologiese waardes van gemsbokke (Oryx gazella) wat lewend met honde gevangis.— S. Afr. Wildlife Res., 1978, V. 8, No 3, pp. 113—115.
142. **Zimen E.** Social factors regulating pack size and natality rate in wolves. (Abstract).— XIth Int. Congr. Game Biol., Stockholm, 1973, Stockholm, 1974, p. 165.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
ВВЕДЕНИЕ 5
ПОВЕДЕНИЕ ЗВЕРЕЙ У ПРИВАДЫ 7
ПОВЕДЕНИЕ ЗВЕРЕЙ ПРИ БЕСПОКОЙСТВЕ ИХ В УБЕЖИЩЕ 103
ПОВЕДЕНИЕ ПРЕСЛЕДУЕМОГО ЗВЕРЯ 143
РЕАКЦИЯ ЗВЕРЕЙ НА СРЕДСТВА СУХОПУТНОГО ТРАНСПОРТА 144
РЕАКЦИЯ ЗВЕРЕЙ НА СРЕДСТВА ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА 168
РЕАКЦИЯ ЗВЕРЕЙ НА ПРЕСЛЕДОВАНИЕ СОБАКОЙ 184
РЕАКЦИЯ ЗВЕРЕЙ НА ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКОМ 219
РЕАКЦИЯ ЗВЕРЕЙ НА СРЕДСТВА ВОДНОГО ТРАНСПОРТА 247
ПОВЕДЕНИЕ ЗВЕРЕЙ И САМОЛОВНЫЕ ОРУДИЯ . . . 257
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 310
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 313

Сергей Александрович Корытин
ПОВАДКИ ДИКИХ ЗВЕРЕЙ

Зав. редакцией *В. И. Кичин*
Редактор *Т. А. Руденко*
Художник *В. М. Лукьянов*
Художественный редактор *С. В. Соколов*
Технический редактор *В. А. Боброва*
Корректор *Н. Я. Туманова*

ИБ № 4420

Сдано в набор 03.01.86. Подписано к печати 22.04.86. Т-11311. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип. №1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 20+2 печ. л. вкл. Усл. кр.-отт. 22,75. Уч.-изд. л. 24,56. Изд. № 75. Тираж 50 000 экз. Заказ № 2036. Цена в суперобложке 1 р. 90 к., без суперобложки 1 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени ВО «Агропромиздат», 107807, ГСП, Москва, Б-53, ул. Садовая-Спасская, 18

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28




ОСТОРОЖНОСТЬ К КАПКАНУ, В БАЛЛАХ
0
1
2
3
4
5
ВОЛК
ЛИСИЦА
ШАКАЛ
ПЕСЕЦ
ЕНОТОВИДНАЯ СОБАКА
КОРСАК
БАРСУК
РОСОМАХА
ХАРЗА
ВЫДРА
СОБОЛЬ
ГОРНОСТАЙ

ГРЫЗУНЫ –

НАСЕКОМОЯДНЫЕ –




КАМЕННАЯ КУНИЦА
КОЛОНОК
НОРКИ
ЧЕРНЫЙ ХОРЬ
СВЕТЛЫЙ ХОРЬ
ЛАСКА
РЫСЬ
КАМЫШОВЫЙ КОТ
БУРЫЙ МЕДВЕДЬ
БОБР
ЗАЯЦ-БЕЛЯК
СУРОК-БАЙБАК
СЕРАЯ КРЫСА
СУСЛИК-ПЕСЧАНИК
НУТРИЯ
ОНДАТРА
ВОДЯНАЯ КРЫСА
ДОМОВАЯ МЫШЬ
КРОТ
ЗЕМЛЕРОЙКИ
– ИЖИТНИКИ

1 р. 90 к.



ВВЕДЕНИЕ

ПОВЕДЕНИЕ
ЗВЕРЕЙ У ПРИВАДЫ

ПОВЕДЕНИЕ ЗВЕРЕЙ ПРИ БЕСПОКОЙСТВЕ
ИХ В УБЕЖИЩЕ

ПОВЕДЕНИЕ ПРЕСЛЕДУЕМОГО ЗВЕРЯ

ПОВЕДЕНИЕ ЗВЕРЕЙ И САМОЛОВНЫЕ ОРУДИЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ